

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

М. А. Чешков — Мирочелостность и ее история 27
Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин — Легенда
о «призвании варягов» и становление древне-
русской историографии 44

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Н. А. Рабкина — Константин Петрович Победоно-
сцев 58

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 76

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Ла-
тинской Америки. Главы III—VII. (Автор —
В. И. Пучков) 89

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 106

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- Г. П. Драгунов** — Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии 123
- Р. Барнз** — Общественная психология в США и СССР 20—30-х годов в свете теории потребления 133

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В. Е. Юровский** — Архитектор денежной реформы 1922—1924 годов 138
- И. П. Медведев** — Русская княжна на византийском троне 144

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. И. Буганов** — А. И. Клибанов — историк русской общественной мысли 148
- З. П. Яхимович** — История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945—1990 гг. 155
- И. И. Варьяш** — Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени 159
- Ю. И. Игрицкий** — Р. Саква Российская политика и общество 160
- Я. И. Манеев** — А. Ю. Саломатин, А. Н. Андреев. Очерки истории и теории предпринимательской деятельности (экономическая история в цифрах и лицах) 162
- Т. М. Симонова** — М. Вальденберг. Национальные вопросы в Центральной и Восточной Европе 163
- Т. Д. Сергеева** — Новая история средневековой Франции Т. 1. С. Лебек Происхождение франков: V—IX века; Т. 2. Л. Тейс. Наследие Каролингов: IX—X века. 166
- По страницам зарубежных журналов 167

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. А. Дунаевский** — Стоит ли вновь возвращаться к М. Н. Покровскому 173

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

3 марта 1937 года. Утреннее заседание ¹

А н д р е е в (председательствующий). Слово имеет т. Евдокимов, следующий Литвинов.

Е в д о к и м о в. Товарищи, когда я слушал доклад т. Ежова, должен перед членами пленума ЦК прямо сказать, горел от стыда и от обиды, что в таком положении оказались наши органы НКВД, в которых я проработал 14 лет, вплоть до 1933 г.— в годы самой острой борьбы. (Г о л о с с м е с т а. Говори громче!) Я редко волнуюсь, но сейчас волнуюсь. Здесь выступил Ягода. Как воспринимается его речь? Как гнилая, непартийная речь. Он говорит: «Я, видите-ли, виноват, опоздал раскрыть эти дела — и вот жертвы». О каких жертвах говоришь? Эти люди, о которых говорили здесь по первому вопросу,— они жертвы, о них сожалеешь? Душа с них вон... Об одном надо жалеть, что поздно раскрыли их контрреволюционные дела и что потеряли С. М. Кирова. Вот о чем нам нужно жалеть. Не так нужно было выступать, т. Ягода. Нужно было сказать нам о том, как ты руководил органами НКВД, как и почему получились провалы в работе органов НКВД, а не изображать из себя ягненка. Знаем мы, что ты не ягненок. При чем тут разговоры об органах НКВД как о какой-то замкнутой организации и что они-де варились в собственном соку и прочее? Зачем клеветать на эти органы? Они были тесно связаны с партией. Этой нашей связи с партией нас учил Дзержинский. Именно на связи наших органов ВЧК-ОГПУ с партией, с трудящимися массами основаны все наши успехи в борьбе с контрреволюцией. Вы помните, как Дзержинский нам говорил: «Нет случайных раскрытий; красноармеец, рабочий, кухарка, дворник — все это наша опора». А в 1934 г., по словам Ягоды, чекисты якобы оторвались от масс, приходят к нему и спрашивают, где контрреволюция? Ему задают здесь на пленуме вопрос, кто же спрашивал из чекистов? Скажи фамилии. Он не ответил. Зачем клеветать на чекистов? Замкнутость! — Кто ее прививал? Я Ягоду, слава богу, хорошо знаю. Именно он, Ягода, культивировал ведомственную замкнутость в аппарате. Именно он, Ягода, производил специфический подбор людей. (Я г о д а. Кого я подбирал?) Да вот взять хотя бы того же Молчанова — откуда он взялся? (Я г о д а. Еще кто?) Сосновский. (Я г о д а. Это не мой.) А чей же? Сосновский в аппарате работал с 1920 года. Ты же всегда выставлял себя основоположником органов. В 1930 г. при моем участии Сосновского с границы убрали по

Продолжение. См. Вопросы истории, 1992, №№ 2—12; 1993, №№ 2, 5—10; 1994, №№ 1—2, 6, 8, 10, 12; 1995, № 1.

известным тебе причинам недоверия к нему, зачем ты его взял в заместителя начальника особого отдела центра? Вверил ему охрану Красной армии? А теперь нам тут голову крутишь. Вот вам, товарищи, пример небольшевистского подбора т. Ягодой своих людей.

Политическое воспитание работников НКВД было в загоне, а сколько копий ломали мы в свое время по этому вопросу, добиваясь организации широкого политического обучения чекистских кадров! Сила чекиста всегда заключалась в том, что наши аппараты постоянно пополнялись крепкими большевистскими кадрами. Все негодное и слабое отсеивалось. Нельзя изображать дело так, что вот-де сидел Молчанов — отсюда и безобразия, которые мы имеем. Дело не только в этом. Канцелярско-бюрократический стиль работы, защиту чести мундира, чванливость — мое-де превыше всего, подхалимство, благодушие, настроения — все в порядке и т. д. насаждал т. Ягода, подбор таких жучков, как Сосновский, он производил. Надо только посмотреть на морду этого Сосновского — чужая морда! (Смех. Ежов.) Четыре жены были — все иностранки и все шпионки. Об этом все знали.) Вызывало недоумение, что Сосновский работает в органах, у вас ходит к тому же на больших ролях.

О работе с агентурой. Все мы знаем, какое огромное значение имеет правильная постановка агентурной работы. В самый острый период борьбы с контрреволюцией в годы гражданской войны все крупные дела раскрывались через агентуру, и иначе быть не могло. Я знаю это по опыту своей работы в Москве, на Украине, на Северном Кавказе, в Средней Азии. Так работали и в других местах. Правильно говорит т. Берия, и в Закавказье. Мы это все знаем. Я даже сегодня могу на память перечислить всех ликвидированных петлюровских атаманов на Украине. Так, в результате агентурной комбинации были взяты: Тютюнник, холоднорские атаманы — Завгородный, Гупало, Железняк и другие. Об этом украинские товарищи хорошо знают. А на Северном Кавказе! Т. Микоян и т. Ворошилов помнят, как мы разделали плеяду улагаевских бандитов, войсковых старшин: Ковалева, Козлихина, Орлова и других — и разделали в короткие сроки. Причем эти же товарищи могут подтвердить, что я им загодя рассказывал о делах в зачаточном состоянии и дальнейшем развертывании дел вплоть до ликвидации. Все это нам удавалось благодаря работе с агентурой и через агентуру. А теперь здесь нам рассказываете, что агентуры не было, клевете на чекистов. Она была, но вы ее раздраконили. Какую теорию вы вместе с Прокофьевым разводили насчет агентуры? Вы помните, т. Ягода, об этом. Не вы ли говорили, что нужно отказаться от прежних методов работы потому якобы, что агентура себя не оправдывает. И дела можно следственным путем открывать. А ваша теория так называемого верхнего чутья...

Спор у нас с ним был. Я доказывал, что разведчика можно сделать, надо учить народ, а он утверждал, что разведчиком надо родиться, как поэтом. (Смех.) Чепуху пороли, не понимая сути дела, не понимали основ построения и работы наших органов безопасности.

О двойниках. А почему забыли дело оперпуга? Почему выводов из него не делали? А мало ли было других подобных дел и по эсерам и по попам! Почему не учили на этих делах народ и не воспитывали кадры работе с агентурой? А теперь, выходит, с разговорчиками вообще мощи открывает. (Смех. Голос с места. Кто мощи открывает?) Ягода. Не годится так выступать.

Теперь он говорит, что они в 1934 г. оторвались от масс. И привел Шахтинское дело как пример раскрытого дела на основе связи органов ОГПУ с массами. Я хочу рассказать сжато, как было раскрыто Шахтинское дело и кому мы обязаны открытием этого Шахтинского дела. Обязаны мы т. Сталину (Микоян. Расскажи подробнее.) История поучительная со всех сторон — и с точки зрения того, как агентурная мысль у нас тогда билась, и с точки зрения нашей связи с массами, и с точки зрения текущих вопросов: как нащупывать и раскрывать врагов.

Вы помните 1926—27 годы. В нашей стране на ряде крупных предпри-

ятий прошла полоса пожаров и аварий. Естественно, что мы, чекисты, задумались, как, каким способом повести борьбу, как нащупать врага. И мы на Северном Кавказе над этим думали. В Москве в 1926 или в 1927 г., точнее не помню, в ОГПУ было совещание полномочных представителей ОГПУ, на котором был поставлен доклад на тему «Борьба с диверсиями». Вопрос очень важный, однако руководители ОГПУ почему-то на себя не взяли этот доклад, а выпустили докладчиком помощника начальника особого отдела Стырно. В докладе был выдвинут такой тезис — говорю по памяти, — что для борьбы с диверсией — пожарами, авариями — надо применить метод так называемого легендирования чисто диверсионной группы. Что это означало? Создается группа из наших людей, выдающих себя за диверсантов. Эта группа посылается за рубеж с тем, чтобы там установить связи с действующими против нас диверсионными центрами эмиграции и таким путем раскрыть организаторов диверсии и их агентов в нашей стране, на наших предприятиях. Вообще метод так называемой легенды в деле раскрытия контрреволюционных организаций нами применялся. По этому методу были взяты: первым — Тютюнник, вторым — Савинков. Однако я и ряд товарищей с мест выступили против этого метода «чисто диверсионного легендирования» по следующим соображениям (по крайней мере, я их выдвигал).

Во-первых, в легендах, которые у нас применялись для поимки Тютюнника и Савинкова, мы вкраплялись в соответствующие на наших территориях диверсионные организации и таким образом проникали в зарубежные центры. А тут предлагалось создавать чисто диверсионные группы из наших людей, не имея связи на нашей территории с действующими диверсионными организациями. Какой напрашивается поэтому вопрос? Ладно, группу сколотили из самых крепких большевиков, пошлем ее за границу. А там ей скажут: «Хорошо, вы — диверсанты. Ну так взорвите что-нибудь в Советской стране, и мы вас тогда узаконим».

Второе соображение, которое я выдвинул в то время, что в качестве действующих на нашей территории диверсантов являются не только посланные из-за рубежа специальные агенты (как бы слабо тогда не охранялась граница, но мы много брали шпионов, и не так-то свободно было гулять через границу), очевидно, полагал я, основные кадры диверсантов имеются внутри страны и сидят у нас непосредственно на предприятиях. (Г о л о с с м е с т а. Кадры.) Тогда я даже образно так выразился — товарищи чекисты могут подтвердить, они действуют, говорил я, не торпедами, не плавающими минами, а и фугасами. Так что диверсантов нужно искать среди людей, работающих на наших предприятиях. Так, т. Ягода, или нет? (Ягода. Когда это было?) Ах, ты уже забыл! К этому периоду мы в основном с бандитизмом покончили. (Ягода. Какой год?) 1926—27 гг., дорогой товарищ, перед Шахтинским делом. К этому времени, как известно, мы произвели разоружение на Северном Кавказе, Чечне и Дагестане и добивали остатки бандитских шаек. В этот период в стране восстанавливалось хозяйство, промышленность. Враг вначале не верил, что мы с этим делом справимся, но потом видит, что дела у нас идут успешно, он все свое понимание в борьбе с Советами сейчас же переключает на хозяйство. Борьба с бандитизмом отвлекала наше внимание от охраны промышленности.

Когда я вернулся на Северный Кавказ с совещания из Москвы, я собрал чекистов и поставил задачу как вывод из всех наших разговоров в Москве — говорил о том, что нам нужно покрепче заняться изучением всех наших промышленных предприятий, особенно тех, где аварии происходят. Поставил и вторую задачу — выяснить, кому эти предприятия принадлежали в прошлом, каким фирмам, каким акционерным обществам, кто на этих предприятиях из старых служащих работает, и пустил в ход маленькую догадку — кто из этих старых служащих через АРА получал помощь. Здесь находятся товарищи, работавшие тогда на Северном Кавказе, могут подтвердить. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Когда мы занялись предприятиями, натолкнулись первым делом на срыв работы на предприятиях цветной

промышленности — Кавцинке, на Садонских рудниках. Т. Миронов, работавший тогда во Владикавказе, здесь и может подтвердить. (Г о л о с с м е с т а. Здесь.) Наблюдая работу на Кавцинке, мы обнаружили, что до 1926 г. это предприятие работало и развивалось неплохо, кривая шла вверх. В 1927 г. — это совпало как раз с нотой Керзона — начались неполадки. Кривая повернула вниз. Одновременно по Осетии пошел хабар, что скоро Советская власть падет, придут англичане и прочие. (Г о л о с а с м е с т. Что такое «хабар»?) Слово «хабар» у горских народов Северного Кавказа означает то же, что и в Средней Азии «узун кулак» — слухи. Факты, имевшие место на предприятиях Кавцинка, в связи с осетинским хабаром говорили нам о наличии контрреволюционной организации. Среди работников этих предприятий обнаруживаем чуждых и враждебных людей, связанных с эмигрантскими кругами за границей, в том числе и в Польше. Провели аресты. Среди арестованных оказались бывшие офицеры, жены расстрелянных и прочие.

В 1927 г. я встретился в Сочи с т. Сталиным. Он, как обычно, спрашивает, как дела. Я ему рассказал, и, в частности, рассказал об этом деле. Он внимательно выслушал, расспрашивал о подробностях дела. Я в конце беседы сказал о следующем: «Для меня ясно, что мы имеем дело с людьми, сознательно срывающими производство, но для меня не ясно, кто ими руководит. Или это идет по линии штабов, в частности, Польского штаба, или в срыве производства заинтересованы фирмы, которым в прошлом принадлежали эти предприятия, то есть по линии Бельгийского акционерного общества». Помню точно, т. Сталин мне сказал: «Когда окончишь дело, пришли его в ЦК». Вы сами понимаете, это меня вздыбило, как боевого коня. Вернулся я, собрал братву, извиняюсь за выражение, товарищей (С м е х.), говорю — так и так, беритесь. Взялись мы за это дело, крутили, крутили, однако не сумели доказать в то время вредительство, арестованные не «раскололись» (С м е х.) и путали нас. Одновременно, товарищи, мы накопили материалы о всякого рода неполадках на шахтах Донецко-Грушевского рудоуправления, а этих неполадок-аварий и прочего было огромное множество. Мы все материалы привели в известный порядок, систематизировали, причем связали происшествия с людьми, от которых зависел ход производства, которые руководили шахтами. Прояснили их прошлое и настоящее, их политическую физиономию. В результате выяснилось, что неполадки неслучайного характера и зависят от чужих людей, сидящих у руководства, занимавшихся, кстати, контрреволюционными разговорами в быту. Произвели аресты первой группы, и вот тут, товарищи, начинаются, как говорится, перипетии. Вот я смотрю, кто там был. Да, вот т. Рухимович знает это дело. Ломова нет? (Л о м о в. Здесь, как же.) Билик тоже знает это дело. В общем достаточно разговоров было у нас с вами. Должен здесь в порядке самокритики сказать, что обвиняли нас в головопятистве, в том, что мы действуем методами 1918—1919 годов. Я спрашиваю, вот вы, Ягода, были тогда моим начальником, какая помощь с вашей стороны была в этом деле оказана? (Я г о д а. В Шахтинском деле? Вы сами в него не верили.)

Брось ты мне петрушку тут крутить. Брось трепаться, ты никакой помощи в работе не оказал. Тут люди живые и могут подтвердить. (Г о л о с с м е с т а. Верно, т. Евдокимов.) Я с Семеном Шварцем разговаривал на пленуме. Он меня спрашивал, зачем я посадил шахтинцев. Я сказал, что эти люди связаны с контрразведкой, и он сразу успокоился. Возились мы с арестованными месяца 2 или 3. Раза 2 или 3 я докладывал о деле на бюро крайкома (тогда секретарем крайкома был т. Чудов). Что было неясно на первых порах? Неясны были особенности контрреволюционной деятельности вредителей. Тогда еще не было и таких слов, как вредительство. Мы в то время работали ошупью, нюхом, и в этом деле в начале центральный аппарат ОГПУ — говорю прямо — никакой помощи не оказал. К моменту приезда т. Андреева в край в качестве секретаря крайкома мы получили показания арестованных о вредительстве и приоткрыли завесу над происходившими на шахтах неполадками. Когда я доложил т. Андрееву об этих

показаниях, он тут же написал телеграмму в ЦК, а я послал ЦК обзор Шахтинского дела. Когда я поехал в Москву, то с собой захватил кипу документов, информационных донесений в ОГПУ, потому что я знал, что Менжинский будет мне говорить, почему мы послали материал в ЦК помимо ОГПУ, почему это сделали не они. Факт это или не факт? (Г о л о с а с м е с т. Факт.) Так оно и случилось. С Менжинским я объяснение имел. Вы, т. Ягода, сидели в центральном аппарате сложа ручки и ничего не делали в этом отношении. Если бы мы понадеялись только на вас, если бы не послали в ЦК материал, то я не знаю, как бы выглядело Шахтинское дело и увидело ли бы оно вообще белый свет. Что вообще вредительство независимо от Шахтинского дела было бы открыто — в этом нет сомнений, к этому шли наши органы. Но было бы ли оно первым делом, открывшим вредительство, в этом я сомневаюсь. Это вполне понятно, потому что нам всем известно, как т. Ягода относился к Рыкову, и знаем отношение Рыкова к этому вопросу и политическую оценку Рыковым Шахтинского дела. А вы, т. Ягода, с Рыковым тогда, что называется, в одной постели спали, и его влияние на вас сказывалось. Вот, в чем дело, и вот, к чему речь моя клонится. (Я г о д а. Да что вы думаете, что я в этом деле участвовал?)

Товарищи, из того, что мы слышали здесь, на пленуме, о делах НКВД, из доклада т. Ежова и из выступлений товарищей совершенно ясно, что обстановка, создавшаяся за последние годы в органах НКВД, никуда не годится, и главным виновником этого является Ягода. Я думаю, что дело не кончится одним Молчановым. (Я г о д а. Что вы, с ума сошли?) Я в этом особенно убежден. Я думаю, что за это дело экс-руководитель НКВД должен отвечать по всем строгостям закона, как привыкли мы, работая в ЧК, отвечать за все то, что нам было поручено. Надо привлечь Ягоду к ответственности. И надо крепко подумать о возможности его пребывания в составе ЦК. Снять с него звание генерального комиссара Государственной безопасности, хотя бы в отставке. Он его не оправдал.

А н д р е е в. Слово имеет т. Литвинов.

Л и т в и н о в. Я слышал, некоторые товарищи выражали удивление моему появлению здесь. (Б е р и я. Тем более, до Наркомвнудел.) Я имею дело и к НКВД. Прежде всего я член партии, я член ЦК и имею дело до всего. Мне кажется, что мы самокритику понимаем слишком узко, ограничивая ее пределами лишь собственного учреждения, наркомата. Между тем мы должны самокритику рассматривать шире, применяя ее ко всему государственному аппарату.

Правда, особенно трудно было критиковать Наркомвнудел. Мы все люди более или менее ведомственные, но в Наркомвнуделе этот принцип ведомственности доведен до геркулесовых размеров. Наркомвнудел почему-то считал себя неприкосновенным, недотрогой. Я хочу остановиться на одной стороне деятельности Наркомвнудела, которая мне известна, тем более, что об этой стороне говорил т. Ежов, — об агентуре. Я мало знаком с агентурой в СССР, но я имею понятие об агентуре за границей, т. е. не о ее составе, а о ее продукции. Должен сказать, что Наркомвнудел своей заграничной информацией оказывает нам ценнейшие услуги. Я не говорю о работе НКВД по выявлению контрреволюции. Я имею в виду информацию о наших врагах капиталистического мира, которую дают органы НКВД. В смысле этой информации надо сказать, что она поставлена на должную высоту, она лучше, чем в каком-либо другом государстве. (К а л и н и н. В Англии не хуже.) Нет, по-моему, ни у кого нет такой обширной достоверной информации, как у нас. Но наряду с этой ценной информацией попадают документы, которые ничего не стоят. Правда, за последнее время я их меньше стал получать, но одно время я получал довольно много таких документов. Я человек грамотный, умею читать эти документы, я могу различить, что соответствует фактам и что есть выдумка. И очень часто приходилось иметь дело с липовыми документами. Видно было, что есть такие сотрудники секретные, которые просто имеют задание давать информацию, но, не имея возможности доставать ее, они либо копируют передовицы буржуазных газет, компилируют их, либо в этом направлении строят

свои выдумки. Такие липовые документы наводили на мысль, что НКВД был не особенно разборчив, но назначал агентом, кого угодно, и в результате получалось много ненужной макулатуры, а то и дезинформации.

То же по части охраны. Мне приходилось часто ездить за границу. Лет десять подряд я ездил без всякой охраны, я сам принимал меры, и довольно эффективные. Но за последнее время, в связи с развитием фашизма, НКВД стал давать мне охрану. Но стоит мне выехать за границу, как НКВД начинает получать сведения то ли из Парижа, то ли из Праги, то ли из Вены, что готовится покушение на Литвинова. Иногда указывают организации, готовящие покушение, называют людей, национальность их паспортов, место, где они останутся, где будет покушение. Приходится об этом извещать местную полицию для принятия нужных мер. Но я должен сказать, что ни разу эти сведения не получили подтверждения. (Смех. Голос с места. Какое же нужно подтверждение? Постышев. И хорошо, что не было подтверждений.) Смеем вас уверить, товарищи, что я нисколько не в обиде на Наркомвнудел, что меня не убили... (Смех.) Но когда что-нибудь готовится, никогда не бывает, чтобы это было совершенно незаметно, а тут не только я не замечал, охрана не замечала, больше того, местная полиция, которая тоже охраняла, она тоже ничего не замечала. (Берия. Что вы полагаетесь на местную полицию?) Давали же указания, что должны были приехать люди с такими-то паспортами, но никто не приезжал, никто их не видел. Например, до последнего года местное женеvское правительство было социал-демократическое, и глава правительства — Николь, человек, очень нам близкий, не доверяя местной полиции, брал дело охраны меня в собственные руки и сам следил, и никогда ничего не подтверждалось. Становилось иногда даже неловко за наши осведомительные органы, как будто мы излишне нервничали. (Постышев. Ну и хорошо, что не подтверждалось (Смех). Я все это говорю к тому, что имеется масса никчемных агентов, которые, зная и видя по газетам, что «Литвинов выехал за границу», чтобы подработать, рапортуют, что готовится покушение на Литвинова. (Ворошилов. Это философия неправильная.)

Литвинов. Совершенно правильная. Это указывает на то, что эти агенты подбираются с недостаточной разборчивостью. Много есть таких, которые ничего не могут давать. Надо более осторожно к ним подходить, и я думаю, что если так дело обстоит за границей, то, может быть, что-нибудь подобное имеется по части агентуры и в Советском Союзе. И об этой неразборчивости т. Ежов говорил. Агенты нужны, агентура необходима, без нее нельзя работать, но это не значит, что каждый человек может быть агентом, что каждый человек может что-то давать, что каждому человеку надо доверять. И здесь вообще применим принцип Ленина: «Лучше меньше, да лучше», здесь надо гнаться не за количеством, а за качеством. Вот все, что я хотел сказать.

Андреев. Слово имеет т. Миронов.

Миронов. Товарищи, тот позорный провал, в котором очутились органы Наркомвнудела, произошел по многим причинам, на которых я останавливаться не буду, потому что они достаточно освещены и в докладе т. Ежова и в прениях. Но все же я хочу здесь сказать о нескольких наиболее важных причинах. Первая причина заключается в том, что несмотря на систематические указания, какие мы получали от ЦК партии, о том, что осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов оживают, о том, что это является главной опасностью на нашем пути и что все силы органов государственной безопасности должны быть сосредоточены, удар должен быть направлен сюда, несмотря на это эти указания ЦК партии никакого отражения не получали в директивах, которые давались по Наркомвнуделу. Мы не имеем ни одного оперативного приказа, где бы чекистские массы поднимались, мобилизовывались на борьбу против троцкистско-зиновьевских элементов в нашей стране. Поэтому нашу чекистскую массу убийство т. Кирова застигло врасплох. Вот почему после убийства Кирова обнаружилось, что наш

чекистский аппарат не вооружен в борьбе против троцкистско-зиновьевских организаций. Это произошло по вине бывшего нашего руководителя т. Ягоды, который не вооружил ЧК теми партийными указаниями, которые он получал из ЦК партии. Даже и после убийства т. Кирова настоящей мобилизации чекистских сил на то, чтобы направить удар против троцкистов, зиновьевцев и правых, против террористических групп, создаваемых на нашей территории, против всех их преступной и подлой деятельности, этой мобилизации не было произведено.

Эта мобилизация была заменена суетой, крикливыми приказами и массовыми операциями по вышедшим наружу мелким проявлениям контрреволюционного троцкизма. Мы брали то, что плавает сверху, а так как плавало очень много, то естественно, что аппарат был загружен мелочными делами, но серьезных ударов по организованному контрреволюционному троцкизму мы не наносили. Мало того. Когда в 1936 г. при прямой помощи ЦК, когда был выделен секретарь ЦК т. Ежов для того, чтобы непосредственно руководить начинающимся раскрытием и разгромом троцкистско-зиновьевских организаций, были неоднократные попытки, и в этом направлении особенно старался Молчанов, свернуть дело в тот именно момент, когда оно начинало, что называется, набирать пары, когда дело подходило к раскрытию и разгрому троцкистско-зиновьевского центра.

Т. Ежов в своем докладе и другие выступающие здесь говорили о том, что на ольбергско-шемелевском эпизоде видно, как Молчанов и Ягода хотели это дело свернуть. По крайней мере мы получали указания о том, что дело нужно сворачивать, что потом, когда мы это дело свернем, тогда можно будет снова развернуть работу. А это был момент, когда Зиновьев и Каменев даже не были привлечены к ответственности и находились в изоляторе. Тогда еще в распоряжении следствия таких прямых показаний относительно того, что Зиновьев и Каменев являются организаторами убийства т. Кирова, не было, хотя это вытекало из тех многочисленных агентурных сигналов, которые были в распоряжении секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР.

Я в это время был как раз в Ленинграде. Я не стану останавливаться здесь на том, что рассказывал т. Заковский о моей работе в Ленинграде, не это сейчас важно. Во всяком случае могу сказать, что силами ленинградских работников и силами тех работников, с которыми я приехал туда из Москвы, были получены показания Бусыгина, Седых, Яковлева, Маторина и других. В этих показаниях были прямые доказательства того, что Зиновьев и Каменев и троцкистско-зиновьевский центр в известном всем составе не только идейно-политически руководил той организацией, которая убила т. Кирова, но непосредственно практически осуществлял все мероприятия, вплоть до малейших деталей вел подготовку убийства т. Кирова.

Тогда в Ленинграде следствием было установлено, что Каменев приезжал на свидание с Яковлевым, ныне расстрелянным террористом, и инструктировал Яковлева. Было установлено, что Бакаев приезжал на свидание с Моториным и инструктировал его. Словом, были получены прямые доказательства непосредственного участия Зиновьева и Каменева в убийстве т. Кирова. (Б е р и я. Куда же дели эти материалы?) Это было в 1936 году. Этому предшествовала попытка свернуть дело. Даже на пленуме ЦК в июне 1936 г. в своем докладе т. Ягода упустил этот важнейший момент. К тому времени протоколы были в Москве, протоколы были в ЦК, именно протоколы о том, что Зиновьев и Каменев причастны к убийству. И вот т. Ягода, выступая на пленуме ЦК и докладывая о ходе всех дел, забывает рассказать об этом главнейшем моменте, который, собственно говоря, открывает новую страницу в истории этого дела.

Все, вероятно, помнят, что после Ягоды выступил т. Сталин, который ознакомил пленум с содержанием протоколов и со всеми вытекающими отсюда последствиями. (М о л о т о в. К сожалению, некоторые чекисты, например, Молчанов, находили доклады Ягоды очень хорошими.) Я об этом сейчас скажу. Выводы. Не поставлена была борьба с троцкистско-зиновьевскими организациями в центре, не поставлена. И это доказано последующим ходом событий.

Когда пришел к нам Н. И. Ежов и непосредственно взялся за дело, мы видим, что тот же аппарат, те же чекистские силы с успехом раскрыли и провели дело троцкистского центра, а сейчас громят правых. Партийного руководства работой Наркомвнудела при Ягоде не было, и это одна из самых основных и главных причин того колоссального провала, который мы сейчас переживаем.

Относительно Молчанова. О Молчанове у нас в аппарате были всегда невысокого мнения. В первую очередь после т. Ягоды за убийство С. М. Кирова должен отвечать начальник секретно-политического отдела — Молчанов. Но как-то странно получается. Именно после убийства С. М. Кирова Молчанов начинает выдвигаться в первые ряды, превращается в центральную фигуру Наркомвнудела по оперативной работе.

М о л о т о в. Неужели не видно и вам, что не в оперативности Ягоды дело, а в партийности, партийном кругозоре? Оперативник Ягода неплохой, а вы — «оперативность, оперативность». Главное не в оперативности, а в партийности.

М и р о н о в. Я это и сказал и повторяю, что центр тяжести вопроса — в правильном партийном руководстве, которого при Ягоде не было. Но сейчас я хочу ответить на вопрос — почему Молчанов имел возможность заниматься предательством, прятать целый ряд материалов, не реализовать их и тем самым покрывать и содействовать деятельности троцкистов, зиновьевцев и правых. (М о л о т о в. Если бы ваши работники были политически грамотны, то они бы увидели. Куда они смотрели? «Молчанов, Молчанов». Б е р и я. Самокритики побольше. М о л о т о в. Надо призадуматься над этим.) Товарищ Молотов, не то что думаем, а буквально голова трещит от дум. (М о л о т о в. Это полезно.) Все мы понимаем, что это полезно. Конечно, у кого здоровая большевистская голова, тот выдержит, а у кого нет, у того она разлетится, и поделом. (М о л о т о в. Учесть надо на будущее.) Политическое руководство при Ягоде было непартийное.

Я перейду теперь к вопросам другого порядка — по организационной линии. В вопросах организационных была такая неразбериха в органах Наркомвнудела, в особенности в органах Управления государственной Безопасности, такая неразбериха, что трудно себе представить. Я приведу пару примеров. Стоит ли повторять, что мы идем к войне, и то, что раз мы подходим к войне, то эта подготовка изменяет и формы классовой борьбы, это изменяет и формы борьбы иностранных разведывательных служб и германского рейхсвера, японских разведывательных органов и второго отдела польского генерального штаба, которые, готовясь к войне, очень усиленно насыщают нашу территорию многочисленным количеством резидентуры. Между прочим в наших организациях совершенно не было организовано контрразведывательного отдела. (Г о л о с с м е с т а. Кто его ликвидировал?) С 1929 г. контрразведывательного аппарата нет, и мы его только сейчас создаем. А что значит отсутствие контрразведывательного аппарата? Это значит, что мы фактически в нашей работе подготовкой войны пренебрегли. Практически в борьбе это значило, что все разведывательные организации, которые действуют на нашей территории, они с нашей стороны не встречают должного противодействия. Возьмем хотя бы один пример Хирасимо-Князев. Если бы у нас был настоящий контрразведывательный аппарат, если бы он вел свою работу по-большевистски, мы бы им по-настоящему руководили, то одно это дало бы огромное основание для раскрытия троцкистско-зиновьевских контрреволюционных организаций, потому что каждая из таких организаций имеет связь с закордоном, имеет связь с разведками иностранных государств. И если бы мы вели противоразведывательную работу, то, несомненно, троцкистско-зиновьевские организации были бы раскрыты гораздо раньше.

Я считаю, что при правильной большевистской постановке всей работы органов государственной безопасности мы не допустили бы тех непростительных ошибок и провалов, которые были допущены в результате по меньшей мере политической близорукости и слепоты бывшего руководителя НКВД т. Ягоды, мы бы, несомненно, могли бы этих крупнейших ошибок избежать.

А н д р е е в. Есть предложение дать слово еще одному оратору и после этого прекратить прения. Потом будет заключительное слово т. Ежова.

А ку л о в. Я прошу дать мне слово. (Голоса с мест. Дать Акулову слово!)

А н д р е е в. Сейчас слово имеет т. Вышинский.

В ы ш и н с к и й. Товарищи! Среди ряда в высокой степени важных вопросов, которые т. Ежов осветил в своем докладе, он, мне кажется, совершенно справедливо остановился на том громадном значении, которое играет в работе чекистских органов, а я должен к этому добавить — и в работе прокуратуры и судебных органов, потому что судебная работа является в ряде случаев продолжением и завершением чекистской работы, агентура. Подобно тому, как судебное следствие опирается на предварительное следствие, качество которого решает судьбу судебного процесса, так качество предварительного следствия в значительной степени зависит от качества агентурного материала. Соприкасаясь с работой НКВД в течение ряда лет сначала в качестве заместителя прокурора Союза, а затем прокурора Союза ССР и в качестве работника, не только обвинителя, но человека, которому пришлось председательствовать в суде по таким делам, как Шахтинское дело, дело промпартии, дело электровредителей (Метро — Виккерс), я должен сказать, что в основе всех этих процессов лежал всегда материал вполне объективный, убедительный и добросовестный. Это же нужно сказать и о двух последних процессах. Но, однако, сплошь и рядом чувствуется, что в следственном производстве имеется целый ряд недостатков. А если подойти к делам ординарным, не привлекающим к себе столь большого нашего внимания, то окажется, что эти недостатки имеются сплошь и рядом. Это, на мой взгляд, объясняется основным недостатком, который имеется в работе следственных органов НКВД и органов нашей прокуратуры и который заключается раньше всего в тенденции построить следствие на собственном признании обвиняемого.

Наши следователи очень мало заботятся об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе. Между тем центр тяжести расследования должен лежать именно в этих объективных доказательствах. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину. В подготовке процессов НКВД и прокуратура широко использовали экспертизу, и во всех этих случаях экспертиза давала самые положительные результаты. Так, экспертиза, проведенная по Кемеровскому делу, дважды выдержала испытание — и на Кемеровском процессе, и на процессе по делу антисоветского троцкистского центра. Но, повторяю, в большинстве случаев следствие на практике ограничивается тем, что главной своей задачей ставит получение собственного признания обвиняемого. Это представляет значительную опасность, если все дело строится лишь на собственном признании обвиняемого. Если такое дело рассматривается судом и если обвиняемый на самом процессе откажется от ранее принесенного признания, то дело может провалиться. Мы здесь тогда оказываемся обезоруженными полностью, так как, ничем не подкрепив голое признание, не можем ничего противопоставить отказу от ранее данного признания. Это, Николай Иванович, и до последнего времени продолжается. Такая методика ведения расследования, опирающаяся только на собственное признание, — недооценка вещественных доказательств, недооценка экспертизы и т. д. — и до сих пор имеет большое распространение.

Я получил на днях копию одного протокола. Тут говорили о прошлом, я потом к этому перейду. Но вот несколько слов о настоящем. Я должен сказать, что в аппарате НКВД, конечно, имеются прекрасные — и это в подавляющем большинстве — работники, понимающие и умеющие правильно решать задачи, поставленные перед нами нашей партией, но рядом с этим имеются люди, которые до сих пор так и не поняли, чего требует от них партия, как нужно работать. Вот несколько примеров. У меня в руках выписка из протокола от 19 декабря 1936 года. Я получил эту выписку от бригадвоенюриса прокурора Черноморского флота т. Войтека.

Эта выписка показывает, как ведется допрос некоторыми работниками НКВД. Допрашивается Дубс. Вопрос: «Ничем не прикрытая подлая ложь. Вы об этом знали так же, как знали об отравлении лошади». Ответ: «Я слышал, что хотели украсть, а что украли, не слышал». Вопрос: «Вы своими ответами сечете сами себя. Кажется, вы настолько обнаглели, что не чувствуете этого». Ответ: «Нет, не чувствую»... (С м е х.) Вот как ведется допрос. Какое же это следствие? Какое это расследование? К чему клонится все дело? Чтобы получить от обвиняемого признание: «Да, я почувствовал». А на суде, что будет делать прокурор, если подсудимый скажет: нет, я не чувствую? (С м е х.)

Вот позвольте процитировать второй протокол. Том 2-й, дело №2547. В Крыму есть такой младший лейтенант государственной безопасности Тараканов. Допрашивается тот же Дубс. Вопрос: «Не молчите и не крутите, отвечайте ясно и прямо. Докажите, что это не так...» То есть обвиняемый должен доказать, что это не так, а не обвинитель должен доказать, что «это так», должен подвести под обвинение такую материальную базу, чтобы обвиняемому некуда было деваться.

Далее в протоколе записывается: «Обвиняемый в течение 15 минут положительного ответа не дал». И опять. Вопрос: «Ну и нахал, а где же вы были?» Ответ: «Дома был». Вопрос: «Лжете нахально, лжете» (С м е х.) Вопрос обвиняемому Пеличеву: «Ответ наш хитрый и неубедительный, другого объяснения этому нет». Допрашиваемый, так отмечено в протоколе, молчал 45 минут, потом соглашается с выводом следователя (С м е х.) Читаю протокол дальше. Вопросы обвиняемому Дубсу Адольфу Андриасовичу: «Что, сегодня так же намерены лгать, как лгали 11 декабря 1936 года? Вы еще ничего не говорили, а уже лжете» (С м е х.) (Г о л о с с м е с т а. Это прямо какой-то шутник.)

Что с таким расследованием делать? Вот прокурор мне пишет, что он потребовал изъять эти протоколы из производства. И таких примеров немало. Очевидно, не так легко избавиться от этих недостатков, перестроить эту работу. (Б е р и я. Похоже на то, что и у вас есть в Прокуратуре.) Это верно. Вы, может быть, думаете, т. Берия, что я скажу что-нибудь о прокуратуре в связи с агентурной работой НКВД? Ничего не могу сказать. Вам хорошо известно, что агентура — столь секретное дело, что Прокуратура туда доступа не имеет. (Е ж о в. И не будет иметь. Г о л о с с м е с т а. И не нужно иметь.) Совершенно правильно. Задача прокуратуры заключается в том, чтобы, когда заканчивается агентурная разработка и дело уже переходит в стадию следствия, проверить следственное производство и обеспечить направление в суд доброкачественных и полноценных следственных материалов. Качество следственного производства у нас недостаточно, и не только в органах НКВД, но и в органах Прокуратуры. Наши следственные материалы страдают тем, что мы называем в своем кругу «обвинительным уклоном». Это тоже своего рода «честь мундира», если уж попал, зацепили, потащил обвиняемого, нужно доказать во что бы то ни стало, что он виноват.

Если следствие приходит к иным результатам, чем обвинение, то это считается просто неудобным. Считается неловко прекратить дело за неопределенностью, как будто это компрометирует работу. По крайней мере среди прокуроров такой взгляд существует, это я утверждаю. Если прокурор приходит к убеждению, что дело надо прекратить, он чувствует себя как будто бы оскандаленным, и ему неудобно перед другими товарищами. Засмеют или во всяком случае поставят ему прекращение дела в минус. «Ах,— скажут,— у тебя дело прекращено, а у меня нет прекращенных дел». В органах прокуратуры эта болезнь свила себе крупное гнездо, да и в органах НКВД она тоже существует (М о л о т о в. Опасная болезнь.) Да, опасная болезнь. Благодаря таким нравам вместо действительного виновника на скамью подсудимых иногда попадают люди, которые впоследствии оказываются или виновными не в том, в чем их обвиняют, или вовсе невиновными. Ведь известно, что у нас около 40% дел, а по некоторым категориям дел — около 50% дел, кончаются прекращением, отменой или

изменением приговоров. Против этой болезни и была еще в 1933 г. направлена инструкция 8 мая, о которой говорил т. Ежов. В чем заключается основная мысль этой инструкции? Она заключается в том, чтобы предостеречь против огульного, неосновательного привлечения людей к ответственности. Я должен добавить, что, к сожалению, до сих пор инструкция 8 мая выполняется плохо, что недоброкачественные действия отдельных должностных лиц не встречали должного отпора со стороны старого руководства НКВД и тогда, когда прокуратура об этом сигнализировала т. Ягоде. Вот здесь т. Реденс сообщил, что т. Ягода упрекал его за то, что он по какому-то делу пошел в ЦК партии. У меня тоже был такой случай. Может быть, вы припомните, т. Ягода, такой неприятный случай, когда вы мне заявили претензию за то, что я сообщил об одном факте в ЦК партии. В мои руки попал документ, прислали его в Москву не в прокуратуру, а в НКВД. Это было письмо одного уполномоченного, я точно не помню, кого, о том, как он организовал следствие по одному делу — по делу харьковского депо «Октябрь». В этом документе были безобразнейшие вещи. Один уполномоченный хвалился перед другим о некоторых совершенно незаконных своих действиях. Хотя дело само по себе было правильное и вина обвиняемых установлена, этот уполномоченный своими действиями поставил судебный процесс под угрозу провала и проявил отвратительно карьеристские свои наклонности. Там в конце письма была приписка: «Прошу учесть проведенное мною дело при представлении к награде». Я это письмо направил в ЦК партии, потому что такие письма нередко попадают в руки прокуратуры (Г о л о с а с м е с т. Нечасто!) Да, виноват, нечасто. Т. Ягода мне позвонил и сказал: «Что это такое: во-первых, ваши прокуроры воруют наши документы, а во-вторых, зачем вы об этом написали в ЦК? (Я г о д а. Я не так сказал, я спросил, почему вы мне не сообщили, мы бы проверили этот факт.) Нет, именно так, как я передаю. А я вам ответил, что я в ЦК писал и впредь буду писать, потому что от ЦК не может быть никаких секретов. Случайностью было это письмо? Нет, такова у вас, т. Ягода, была школа. Я недавно послал т. Ежову один документ, подтверждающий, что это была школа. Этот документ, очевидно, исходил из какого-либо соответствующего циркуляра НКВД. Надо будет поискать, Николай Иванович, этот циркуляр; вероятно, можно будет найти в НКВД документы о том, как вести следствие. В Азово-Черноморском крае один из уполномоченных или помощников уполномоченных НКВД дал инструкцию, как вести следствие. Он говорит буквально следующее: «Если допрашиваешь обвиняемого и он говорит то, что тебе выгодно для обвинения, и добавляет то, что невыгодно для обвинения, ставь точку на том, что выгодно, а то, что невыгодно, не записывай. А если обвиняемый будет настойчиво требовать, чтобы ты внес в протокол все, что он показывал, то ты занеси то, что невыгодно для обвинения, на отдельный лист и объясни обвиняемому, что это будет приложено к протоколу». Это совершенно незаконно. Я послал Николаю Ивановичу этот документ. Булах в этом документе ссылается на указания, которые даны ему в центральном порядке центральным аппаратом. Это тоже свидетельствует о том, что при т. Ягоде не было настоящего руководства, что руководство было гнилое, непартийное (Г о л о с с м е с т а. Надзор есть ваш?) Наш надзор ограничивается следствием. Мы не можем осуществлять надзор за агентурой и не осуществляем. Должен в порядке самокритики сказать, что наш надзор очень слабый благодаря тому, что наш аппарат тоже засорен. Вячеслав Михайлович здесь сказал, что арестованных за связь с троцкистами и как троцкистов имеется 17 работников суда и прокуратуры. Я должен сказать, что их, к сожалению, больше (М о л о т о в. Это уже осужденных.) Если осужденных, то это правильно. В действительности арестованных гораздо больше. Одних прокуроров арестовано 20 человек (М о л о т о в. Я цифры приводил только об осужденных.) Тогда это совершенно точно. За последнее время благодаря материалам, которые мы получили от НКВД, мы увидели, что в рядах прокуратуры имеются троцкисты, предатели,

и в значительном количестве. Таковы, например, бывший генеральный прокурор Украины, бывший наркомюст Михайлин, его помощник Бенедиктов, бывший киевский прокурор Старовойтов, бывший прокурор Днепропетровской области Ахматов, зам. прокурора АЗК Петренко и другие. Это все троцкистская агентура, сидевшая в нашем аппарате. И естественно, с такими людьми не было никакой возможности правильно осуществлять надзор, правильно бороться за социалистическую законность.

Кроме того, есть у нас люди и другого рода — это люди благодушные, люди, которые привыкли жить в мире и дружбе с работниками НКВД, которые не хотят с ними ссориться, драться за дело, и таких немало. Я кончаю. Необходимо сказать, что те требования, которые предъявляются органам прокуратуры, а партия требует от нас очень много, мы умеем требования выполнить и справиться с возложенной на нас задачей, решительно очистив наши ряды от негодных, подлых людей, от предателей и изменников. Я должен сказать, что нам надо крепким вальком пройти по нашей периферии, очистить ее от всех негодных и предательских элементов. Я уверен, что ЦК поможет нам в этом деле, а мы постараемся отблагодарить ЦК своей честной, своей преданной, энергичной работой.

А н д р е е в. Товарищи, прения прекращаются. Есть предложение в виде исключения дать слово т. Акулову. Слово имеет т. Акулов.

А к у л о в. Товарищи, уже из тех материалов, которые были розданы пленуму ЦК, было видно, как много ошибок было в работе НКВД — Главного управления государственной безопасности в деле троцкистско-зиновьевских бандитов. Из прений на пленуме ЦК по первому пункту дня о правых контрреволюционерах точно так же выяснилось, как много промахов было в работе органов НКВД в деле правых контрреволюционеров. Я бы, товарищи, не хотел касаться вопросов оперативной работы, о которой говорили здесь многие из работников НКВД. Я хотел бы сказать несколько слов о партийной, политической работе, имевшей место в органах НКВД, потому что я одно время — с лета 1931 г. до лета 1932 г. — работал в этих органах.

Но прежде чем перейти к этому, я должен отметить следующее. Если сигналы, о которых ряд товарищей говорил здесь по докладу т. Ежова, действительно имели место, если Заковский и Балицкий и целый ряд других работников сигнализировали центральному аппарату о троцкистах, зиновьевцах и если эти сигналы не находили в центральном аппарате НКВД никакого отклика, это свидетельствует, что политическое руководство НКВД стояло на очень низком уровне, политическое руководство было равно нулю (Ягода. Сигналы-то первые были при вас!) Генрих Григорьевич, если мне дадут время, я расскажу начистоту (Голоса с мест. Расскажи начистоту. Багиров. Время дано для того, чтобы говорил начистоту. Молотов. Разве до этого ты говорил не начистоту?) Вячеслав Михайлович, я и до этого говорил начистоту, я бросил эту реплику т. Ягоде.

Все эти сигналы ни в какой мере не реализовались несмотря на то, что партия в течение этого времени много раз ставила вопрос о том, что зиновьевцы, троцкисты активизировались, что остатки враждебных классов активизировались. Сталин неоднократно напоминал, в каждом выступлении Сталина говорилось об этом. Одновременно концентрировались антипартийные враждебные силы на Украине, в Ленинграде, и несмотря на это центральный аппарат спал. Те предложения, которые сейчас вносятся ЦК и которые конкретно развиты в докладе т. Ежова, дадут возможность ликвидировать недостатки, которые были в органах НКВД.

Несколько слов относительно аппарата НКВД. Я считаю, что в аппарате НКВД, как нигде у нас, — масса преданнейших партии людей, людей исключительной работоспособности, людей, прекрасно знающих свое дело, прекрасных оперативных работников. Но я должен сказать, что, к сожалению, очень часто не эти прекрасные работники задавали тон. Если бы эти люди, которые несмотря на все провалы в работе органов НКВД вывозили на себе работу, если бы они задавали тон, тогда не могло бы быть места

Молчановым, Сосновским, они не могли бы в течение ряда лет сидеть в аппарате и руководить очень ответственными участками работы. Играли роль Молчановы, Сосновские, Шанины, Островские. Мне т. Ягода скажет, что Островский никакого внимания на оперативную работу не имел, но Островский был своим человеком (Г о л о с с м е с т а. Он подмазывал кого надо.) Он подмазывал кого надо, был информатором о настроениях, которые существуют у того или иного работника. Ведь все эти люди неслучайно в этом аппарате пользовались очень большим значением и занимали очень крупные места. Почему? Потому что руководство аппаратом, руководство со стороны т. Ягоды было неправильное.

Т. Ягода совершенно не интересовался партийной и политической жизнью, которой жил аппарат Центрального Управления. За год, который мне пришлось проработать в органах НКВД, выяснилось, что партийная работа, политическая работа, которая проводилась в органах НКВД, Ягodu почти совершенно не интересовала. Я ни в одном учреждении, ни у одного руководящего работника не встречал такой ведомственности и исключительности, какая была присуща Ягоде. Ягода воспитывал этот дух ведомственности, исключительности и корпоративности, и многие работники, занимавшие немалые места в аппарате, следили за ним. Сознание того, что чекисты — прежде всего большевики, что это вооруженный отряд партии, отряд, поставленный на один из ответственных участков нашей работы, сознание, что чекисты — прежде всего члены партии, это сознание аппарату не прививалось (А н д р е е в. Т. Акулов, кончайте.) Сейчас, сейчас (К о с и о р. Мы думали, что ты начистоту будешь говорить, а ты к этому все никак не подойдешь. С м е х, ш у м в з а л е.) Этот отрыв работников аппарата НКВД (ОГПУ) от общепартийной работы, этот отрыв сказался на всей работе.

Должен сказать, что за то время, которое я пробыл в органах НКВД, тогда еще ОГПУ, мне не удалось преодолеть этого ведомственного сопротивления, которое шло со стороны определенной части аппарата. Недостатком моей работы в органах ОГПУ было, что я ни в какой мере не сумел преодолеть этой ведомственности и этой исключительности аппарата, насаждавшейся Ягодой, и я за это несу ответственность. Несколько слов, товарищи. Так как мое имя было названо Ягодой в связи с Молчановым, я хотел бы рассказать, как произошло назначение Молчанова. Как вам известно... (В о р о ш и л о в. Ты должен рассказать, как ты все-таки улучшал работу НКВД. Тебя туда послали все-таки с партийной целью оздоровить аппарат. Б е р и я. Именно, было даже специально записано в протоколе Политбюро.) Климент Ефремович, я сказал, что я очень мало или почти ничего не сделал. Я в органах НКВД проработал один год (Б е р и я. Это немало.) Нет, это очень мало для работы в органах, которые складывались 15 лет (В о р о ш и л о в. Ежов через три месяца, которые он там проработал, сделал сообщение о том, что он там нашел, а ты через год ничего не мог сказать. К о с и о р. Ты начистоту все расскажи.) Я не собираюсь здесь считаться с Ежовым, было бы глупо это делать, но не забывайте, что я совершенно свежим был посажен в эти органы. В то самое время, как Николай Иванович Ежов в делах следствия уже давно участвует (В о р о ш и л о в. Об этом и говорят.) Николай Иванович участвует в следственной работе органов НКВД во всяком случае не меньше двух лет. Это надо учитывать.

Несколько слов относительно Молчанова. Как было дело? В 1931 г. Бельский ушел с работы в ОГПУ. Стал вопрос о том, кого посадить Московским полномочным представителем. С работы в органах НКВД (тогда ОГПУ) был снят т. Арганов и назначен вместо т. Бельского Московским полномочным представителем. Он до этого руководил секретно-политическим отделом. Тогда встал вопрос, кого назначить начальником секретно-политического отдела. Кто первый сказал «э», трудно вспомнить. Во всяком случае кандидатура Молчанова, который в это время был полномочным представителем по Ивановской области, была совершенно единогласно всеми, в том числе и мной, принята на оперативном совещании

в составе: Менжинского, меня, Ягоды и Балицкого. Таким образом, Молчанов был взят из Ивановской области и назначен в секретно-политический отдел. Вот как было дело. Нужно сказать, что я Молчанова в то время совершенно не знал.

А н д р е е в. Кончайте. Слово для справки имеет т. Каминский ².

К а м и н с к и й. Я хочу дать следующую справку, чтобы не получилось неясности в связи с моим ответом на отдельные реплики (К о с и о р. А ты прямо начистоту говори.) Я уже рассказал о том, что в январе 1933 г. ко мне приехал Лурье, которого я заставил изложить его сообщение в письменном виде. Я об этом доложил т. Кагановичу. Т. Каганович сказал, что это дело очень серьезное, и предложил мне немедленно передать его т. Ягоде, что я и сделал (Ш к и р я т о в. Это яснее!) А что вы думаете, что я сам не передал бы это дело Ягоде? (К а г а н о в и ч. Мне сказали, что получилось такое впечатление, будто он передал мне об этом уже после Ягоды. Ш к и р я т о в. Правильно, так и получилось. К а г а н о в и ч. А он по моему прямому поручению передал это Ягоде.)

А н д р е е в. Слово для заключения имеет т. Ежов ³.

Е ж о в. Прежде всего несколько частных справок. Дело Дерябина, о котором говорил Каминский,— вопиющее дело. Заявление действительно было передано Ягоде. Но так как в НКВД существовали такие порядки, в которых Ягода был вынужден здесь расписаться и сказать, что он не владел аппаратом, он спустил это заявление в аппарат, а там оно пошло по канцелярскому пути. Только с приездом Дмитриева на Урал это дело разрыли. (М о л о т о в. В каком году?) Он туда выехал в конце 1936 г. и в начале 1937 г. это дело разрыл. По этим дерябинским показаниям, с одной стороны, а с другой стороны, по всяким иным делам была вскрыта вся сеть троцкистских организаций, в том числе и председатель исполкома Головин, о котором и тогда были сведения, записанные в дневнике Дерябина, о том, что он является членом организации.

Вторая справка относительно протоколов. По этому вопросу была перепалка между Ягодой и Реденсом. Я должен прямо сказать, что существовала такая практика: прежде чем протокол давать на подпись обвиняемому, его вначале просматривал следователь, потом передавал начальству повыше, а важные протоколы доходили даже до наркома. Нарком вносил указания, говорил, что надо записывать так, а не эдак, а потом протокол давали подписывать обвиняемому (М о л о т о в. Практика довольно плохая.) Практика не плохая, а просто преступная практика (М о л о т о в. Правильно.) Вообще я не исключаю такого положения, когда следователь, записав показание со слов, приходит к начальнику и спрашивает: так ли я записал, так ли я уловил мысль, конечно, дают арестованному, тот корректирует. Но чтобы заранее решать, что надо записать то-то и то-то, а то-то и то-то надо выбросить,— это никуда не годится.

Насчет следствия. То, что говорил здесь т. Вышинский, все это правильно, я могу привести и более разительные факты. К сожалению, у нас в низовых аппаратах очень скверно дело обстоит. Люди сидят замечательные, но люди малограмотные. В этом не только мы грешим, но не меньше грешат и следственные органы. Поправлять надо, и мы поправим, но надо не так только поправлять, чтобы мы давали указания, но нужно поправить кое-что и организационно, изменить кое-что организационно, о чем речь уже шла и о чем есть предварительное решение ЦК партии.

Теперь, товарищи, разрешите мне по существу сделать несколько замечаний. Можно ли было предупредить убийство т. Кирова, судя по тем материалам и по данным, которые мы имеем? Я утверждаю, что можно было, утверждаю. Вина в этом целиком лежит на нас. Можно ли было после убийства т. Кирова во время следствия вскрыть уже тогда троцкистско-зиновьевский центр? Можно было. Не вскрыли, проморгали. Вина в этом и моя персонально, обошли меня немножечко, обманули меня, опыта у меня не было, нюху у меня не было еще.

Первое — начал т. Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийц среди зиновьевцев». Я должен сказать, что в это

не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по линии иностранной, возможно, там что-нибудь выскочит.

Второе — я не исключаю, что по этой именно линии все материалы, которыми располагал секретно-полицейский отдел, все агентурные материалы, когда поехали на следствие, надо было забрать, потому что они давали направление, в них много было фактов, благодаря которым вскрыть можно было тогда же и доказать непосредственное участие в убийстве т. Кирова Зиновьева и Каменева. Эти материалы не были взяты, а шли напролом. Неслучайно мне кажется, что первое время довольно туго налаживались наши взаимоотношения с чекистами, взаимоотношения чекистов с нашим контролем. Следствие не очень хотели нам показывать, не хотели показывать, как это делается и вообще. Пришлось вмешаться в это дело т. Сталину. Тов. Сталин позвонил Ягоде и сказал: «Смотрите, морду набьем». Результат какой? Результат — по Кировскому делу мы тогда благодаря ведомственным соображениям, а кое-где и кое у кого благодаря политическим соображениям, например, у Молчанова, были такие настроения, чтобы подальше запрятать агентурные сведения. Ведомственные соображения говорили — впервые в органы ЧК вдруг ЦК назначает контроль. Люди не могли никак переварить этого. И немалая доля вины за то, что тогда не смогли вскрыть центра, немалая доля вины и за убийство т. Кирова лежит на тех узколобых ведомственных антипартийных рабочих, хотя и убежденных чекистах.

Второе, товарищи, о чем я хочу здесь сказать, — это вопрос о развороте троцкистских дел сейчас. Я уже в докладе говорил, что виновником раскрытия дела был по существу т. Сталин, который, получив предварительные материалы об Ольберге и некоторые другие материалы, в резолюции написал: «Чрезвычайно важное дело, предлагаю троцкистский архив передать Ежову, во-вторых, назначить Ежова наблюдать за следствием, чтобы следствие вела ЧК вместе с Ежовым». Я эту директиву понимал так, что надо ее реализовывать во что бы то ни стало, и сколько было у меня сил, я нажимал. Должен здесь сказать, что я встречал не только лояльные, сопротивления, но иногда и прямое противодействие. Приведу факты. Секретаря Центрального Комитета партии, назначенного Политбюро наблюдать за следствием, прямо обманывают. Я сейчас только это дело обнаружил. Ольберг был известен с 1931 года. Когда дело со следствием подходило к концу, я говорил на узком совещании в ЧК, где присутствовали тт. Вышинский, Ягода, я и некоторые другие. Я говорю товарищам: «Так как процесс на носу, процесс будет иметь огромное международное политическое значение, надо все до мелочей документировать, собрать исчерпывающие справки — есть ли такая гостиница или нет, есть ли такая вывеска или нет, есть ли такая улица и т. д. Справки были собраны. На одном совещании представили документ, который является письмами Троцкого к Ольбергу. На этом совещании присутствовали Вышинский, Молчанов и я. «Вот, — говорит, — письма есть Троцкого к Ольбергу, хорошо было бы пустить в процесс». Я схватился за это дело — замечательно. Троцкий — Ольберг, это будет очень хорошо. Молчанов тогда говорит: «Нельзя никак этого делать». — «Почему?» — «Агент, который добыл этот материал, он сидит в гестапо, это наш единственный агент, и мы его неизбежно провалим, мы идем на большой риск, он один-единственный сидит в гестапо». Оказывается, что эти письма, вернее, фотографии этих писем, они еще в 1931 г. были пересланы Коминтерном, Мануильский переслал как характеристику связи Ольберга с Троцким. Таким образом, меня прямо обманывали. Молчанов говорил, что добыл эти письма его агент, сидящий в гестапо, что мы его провалим и т. д. А такого агента вообще не существует в природе (Вышинский. И на этом основании письма не могли фигурировать на процессе.) На этом основании письма не могли фигурировать на процессе. Что это значит, товарищи? Если люди идут на такие вещи, сознательно обманывают... А я еще сдуру, сейчас-то я понимаю, что меня обманывали, а я еще сдуру т. Сталину говорил, что вот, мол, письма есть, но использовать, жалко,

нельзя, агента провалим. Ну и порешили не пользоваться письмами (Эйхе. А как же такие письма Ягода не читал?) Ягода знал об этих письмах. Ягода знал о том, что Мануильский после того, как процесс начался, увидел фамилии и написал мне письмо. Написал письмо.

Товарищи, мы еще в 1931 г. вас предупреждали о том, что Берман-Юрин, Лурье, Ольберг, затем этот самый Фриц Давид и четвертый, который на процессе не участвовал, — целый ряд других, что они такие-то и такие-то. Т. Ягода учинил следствие, собрал эти материалы, но ходу им никуда не дал (Ягода. Они же все арестованы, Фриц Давид и другие.) Я говорю не о Фрице Давиде, а почему вы скрыли, почему вы этих сволочей не арестовали, почему вы скрыли? Почему в аппарате у Гая говорили следователю: «Ты ничего об этом деле не знаешь и молчи» (Шум.) Своих людей надо было арестовать, а они эти дела скрывали — вот о чем речь идет. А Фриц Давид — это мы знаем — он не по вашей вине был арестован, а против вас (Ягода. Неверно.) Вы бы могли давным-давно арестовать Ольберга, три года тому назад могли бы арестовать и не давать ему возможности три года безнаказанно организовывать террористические группы, ездить и в Германию и обратно (Голос с места. Это уже не отсутствие бдительности!) Еще какой тормоз политический есть, который заставил меня пойти на некоторые своеобразные «подпольные» совещания.

Вам всем памятно выступление т. Ягоды на Пленуме ЦК, когда он докладывал об этом, — такую чепуху порол о том, что Троцкий не при чем и к Троцкому подойти никак нельзя. Это же было, товарищи, что? Это была ориентировка для аппарата. При той дисциплине, которая существует в органах Наркомвнудела, при той чуткости аппарата, которая у работников есть, это уже был сигнал, что значит сюда нельзя лезть, не лезьте в этом направлении к Троцкому. Так маленькие люди и поняли. Вы, Генрих Григорьевич, не удивляйтесь — это инерция аппарата, когда вы сказали полслова, они в полный голос говорят (Ягода. Я все время, всю жизнь старался пролезть к Троцкому.) Если вы старались всю жизнь и не пролезли — это очень плохо. Мы стараемся очень недавно и очень легко пролезли, никакой трудности это не составляет, надо иметь желание, пролезть не так трудно. Я чувствую, что в аппарате что-то пружинит с Троцким, а т. Сталину яснее ясного было. Из выступления т. Сталина прямо был поставлен вопрос, что тут рука Троцкого, надо его ловить за руку.

Я вначале думал провести это дело на оперативных совещаниях, которые собирались у Молчанова. К сожалению, это дело у меня не вышло. Я тогда вызвал Агранова к себе на дачу в выходной день под видом того, чтобы погулять, и дал ему директиву: «Вот что, Яков Сеулович, либо я сам пойду на драку, тогда тебе придется выбирать, либо ты должен пойти на драку, т. е. изволь — в Московской области сидят Дрейцер, Лурье, Фриц Давид и еще много других — это прямые кадровики Троцкого, если у кого есть связь с Троцким, то у Дрейцера, это его охранитель, его близкий человек, иди туда, сиди в этом аппарате и разворачивай работу там вовсю, черт с ним». После долгого разговора, довольно конкретного, так и порешили — он пошел в Московскую область и вместе с москвичами они взяли Дрейцера и сразу же прорвалось. Должен сказать, что без скандалов не обошлось, внутренних скандалов. Несмотря на то, что от меня это тщательно скрывали, никто не должен был знать о том, что происходит, а ведь у вас с Аграновым были объяснения (Ягода. Я вам говорил по телефону.) Нет, кроме этого. А по телефону вы мне говорили относительно показаний Фрица Давида о том, что он обманул нас. И ничего в этом страшного нет. Это другой вопрос. Это дело следствия. Но из этого нельзя сказать, что Фриц Давид не видался с Троцким. Это разные вещи. Ну, словом, у вас было довольно крупное объяснение с Аграновым. Я это знал и без Агранова и без вас. Знал, какие у вас объяснения, и знал, что вы считали и показания Дрейцера, и показания Фрица Давида, и Лурье и всех других — чепухой (Ягода. Неправда.) Нет, это так, есть люди, которые говорят, все чекисты, которые участвовали в этом деле, они все говорят. А кроме того, достаточно прочесть протокол с вашей резолюцией, где прямо сказано:

«Чепуха, ерунда, не может быть». Что это показывает? Вредительство или нет? Чепуха. Конечно, я ни в какой мере не могу поставить такой вины т. Ягоде. Но это политическая слепота, узковедомственное самолюбие. Почему без нас? Вдруг какой-то ЦК находится и начинает вмешиваться во все дела. Вот эта узколобая ведомственность, отсутствие политического чутья и большевистской партийности, это явилось следствием того, что мы, мол, сами с усами, без ЦК справимся. А тут ЦК пристал. Ну, что с ним, как-нибудь надо терпеть.

Следующий вопрос, на котором я хочу остановиться, это вопрос о кадрах. Этот вопрос особенно почему-то беспокоит т. Ягоду, и он мне сказал, что в резолюции нет этого. С резолюцией, он говорит, согласен, но не согласен с тем, что люди часто подбираются на работу по принципу подхалимства и угодничества (Ягода. Потому что они сидят у вас начальниками.) Я скажу следующее. Подбор кадров — это одна из крупнейших ваших ошибок, и вам это надо учесть в новом ведомстве, потому что вы там также можете с треском провалиться при той системе подбора кадров, которая у вас существовала. Я назову вам многих, от которых вы, конечно, отрецировались, а на самом деле эти люди ваши. У вас даже существовал такой термин: «Это мои люди». А такие люди, как Сосновский, разве можно говорить: «Это мой человек, я его покровитель» (Ягода. Я его никогда не принимал.) Позвольте вам рассказать историю Сосновского, это чрезвычайно колоритная фигура. Сосновский одно время работал в центральном аппарате на побегушках. Затем его направили в Белоруссию. Из Белоруссии снимают и направляют в Воронеж по тем соображениям, что он подозрителен по шпионажу и надо его послать во внутреннюю область. Только он туда приехал, начальнику ПП говорят: «Ты гляди за ним в оба». А когда началась драчка между Балицким, Ягодой и Аграновым, нелады, вдруг Сосновский появляется и назначается Ягодой, по просьбе Гая, заместителем начальника особого отдела ОГПУ (Голос с места. Шесть месяцев продержали всего только.)

Данные ярко говорят, что хотели Сосновского вытащить сюда, чтобы через него состряпать какую-нибудь пакость, провалить в работе для того, чтобы свалить на негодных людей. Говорят так, я этому еще не верю. В частности, кое-кто говорил о Заложнове и что вы так построили дело о Заложнове, что и Сосновский не пострадал. Заложный — агент Сосновского и его персонально направляют в гараж ЦИК, правительственный гараж, и Сосновский за это дело никак не пострадал. Вы стыдливо об этом говорили, но вывода из этого никакого не сделали. Как же можно назначать Сосновского, этому человеку покровительствовать? Вы же сами говорили, что он нечист, даже с женами: что ни жена, то иностранка, что ни жена, то шпионка. Почему же этот самый заместитель начальника особого отдела ГПУ только в 1935 г. принимает русское подданство? (Голос с места. Неужели?) Да. (Балицкий. Первый раз слышу. Ягода. Я не знал.) Как же вы первый раз слышите, когда та выписка из президиума лежит, рапорт имеется, где вы написали: «Согласен. Г. Ягода, такого-то числа 1935 г.» Затем второй — Венецкий, известный вам специалист, который сидел на всей правительственной связи. Вам говорили, что его подозревали в шпионаже. Кто его держал? Вы (Жуков. Ко мне его несколько раз присылали инструктировать, как поставить правительственную связь, хотя я несколько раз материалы давал, давал материалы персонально Ягоде. Косиор. Уймите Жукова.)

Кто его поддерживал персонально? Ягода. Ягода считал его крупным большим специалистом, а разве нельзя было найти другого, более подходящего человека? При одной мысли, если бы вы, политический руководитель, по-настоящему, по-большевистски подошли бы к этому человеку, то было бы ясно. Уже одна та мысль, что сидит беспартийный человек, которого подозревают в шпионаже, и вы не могли убрать его, не могли найти для такого участка работы инженера-коммуниста! (Голос с места. Дело было в 1933 году.) Правильно. Дело было в 1933 году. Молчанова я не знаю, но товарищи говорят, что Молчанова на оперативных совещаниях

Ягода всегда ставил в пример и говорил, что вот — человек вырос. И мне говорил о Молчанове. Мазепус — польский шпион. После того, когда уже ячейка подняла бузу, Ягода поручил проверить, и вынесли резолюцию — арестовать (Ягода. Нет, я дал предложение дело расследовать, поручил Беленькому.) Нет, вы на себя вину не берите. Вы дали поручение расследовать это дело и затем написали — арестовать. Ваши распоряжения — арестовать — никто не счел нужным выполнять, и в течение года этот человек продолжал работать. Этот польский шпион сидел в особом отделе, потому что это были люди Домбаля.

С Ильиничем — знаменитым — это же более чем позорное дело. Человек попался на воровстве. Фриновский его задержал, вызвал к себе и сказал: «Что ты, мол, брось воровством заниматься, если будешь заниматься, так я тебя...» (Ягода. Для того, чтобы арестовать.) Ничего подобного. Никто его не арестовал. А на Ильиничева были все документальные данные для того, чтобы его не только вышибить из аппарата, но и арестовать как польского шпиона. Как он вас обманывал, это просто поразительно!

И, наконец, последний вопрос, на котором я хочу остановиться, это — ведомственность. Эта ведомственность выражалась не только в отрыве от ЦК, но и внутри у вас была чрезвычайно интересная постановка, существовала такая система руководства. Я не знаю, можно ли это назвать ведомством. Это тоже ведь была централизованность сверху донизу, а такого законченного ведомства у нас не существовало. Это не было связано по-настоящему и главным образом не пронизано большевистским руководством снизу доверху, так что данный коллектив снизу доверху трудно себе представить. Как у вас все делалось? Если где-нибудь возникает жареное дело, где-нибудь запахло, моментально центральный аппарат берет это себе, разворачивает это дело и преподносит — вот вам (Голос с места. Правильно! Багиров. Надо же время от времени что-нибудь показать.) Да, надо же что-нибудь показать, а обезличенный аппарат остается как он есть. Вообще была ревность, где хорошо работает ПП, казалось бы, надо радоваться, а как только начинает аппарат хорошо работать, то ревнуют. Первый ревнитель был — это Молчанов, который как только где-нибудь в ПП возникло дело, он опорочивал его (Голос с места. Он вредитель был.) Вредитель настоящий. И должен сказать, что в результате этого создалось такое положение, что вот такие феодальные князьки сидят, которые живут, как хотят, а сюда приезжают как-нибудь отчитаться. И часто такой феодальный князек работал лучше, чем в центральном аппарате. Он сам развертывал работу по-своему, и получалось лучше. Немножко был такой феодализм на Украине (Балицкий. Но это хорошо, а не плохо.) А вместе работали на Украине неплохо.

Или возьмем Ленинград — другой поразительный пример. Медведь сидел там, тоже феодальный князек, который не ахти как признавал центральный аппарат, но работал плохо. Правда, Ягода ставил вопрос, что надо снять его, но разобраться в этом деле, вывернуть кишки, как он плохо работал, придти в ЦК и сказать, что здесь речь идет не о взаимоотношениях ненормальных, а речь идет о работе, тут не хватило у него пороку и умения. В результате Медведь был оставлен. Т. Сталин согласился снять его с работы, но Киров сказал: «Ну его к черту, там плохие взаимоотношения, давайте подождем». А если бы сказали С. М. Кирову: «Смотрите, какая у вас там яма», — он не стал бы защищать его. У вас не было такого большевистского подхода ко всем делам.

Я забыл вам, товарищи, сообщить о Сосновском одну вещь, которая неизвестна и т. Ягоде, а именно о том, что на Сосновского еще в 1933 г., когда разворачивалось дело ПОВ на Украине, один из крупнейших руководителей ПОВ Михайлов-Лапинский, он дал прямые показания о том, что Сосновский является шпионом и представителем второго отдела польского генерального штаба. Что же делается? Вместо того, чтобы, казалось бы, взять и расследовать это дело, самого же Сосновского направляют на Украину для того, чтобы расследовать показания, данные Михайловым-

Лапинским на него же (К о с а р е в. Кто послал? Ж у к о в. Все понятно, все ясно.) Сосновский приезжает на Украину, поговорил с Михайловым-Лапинским, забрал его, и тут же Михайлова-Лапинского расстреляли (Г о л о с с м е с т а. Можно было бы так не спешить.) Конечно, можно было бы не спешить, тогда бы имелась возможность разоблачить Сосновского.

Словом, товарищи, какие выводы надо сделать из всего этого дела? По-моему, из всего этого дела напрашивается один вывод, который надо прежде всего сделать. Центральный Комитет партии и все мы должны учесть один политический вывод. Здесь дело не во всяких организационных провалах и не в других мелочах. Налицо политический крупнейший провал в этом важнейшем органе нашего государства. И так как у нас сроков очень ограниченное количество, воняет войной, товарищи, нам времени не дано для того, чтобы почесываться и потихонечку создавать агентуру, налаживать следствие, кадры подбирать и воспитывать, т. е. нам надо в относительно более короткий срок наверстать это дело во что бы то ни стало. Конечно, мы этого не сможем сделать без того, чтобы не опереться всеми силами на партию, на помощь наших партийных организаций и на помощь ЦК партии. Со стороны ЦК партии, повторяю, что в этом смысле мы имеем такую помощь, какую вряд ли кто-нибудь из наших ведомств имеет, нет буквально ни одного мельчайшего вопроса, с которым я не мог бы обратиться к т. Сталину и получить от него совершенно исчерпывающие указания. Весь вопрос в том, чтобы мы выполняли эти указания т. Сталина и ЦК партии. И вот, опираясь на партийные организации, на помощь партийных организаций, я думаю, что мы все-таки сумеем в кратчайший срок сделать нашу разведку лучшей в мире. Для этого мы имеем все возможности, и величие нашего государства, по крайней мере, обязывает нас к этому.

А н д р е е в. Переходим к принятию решения по этому вопросу. Есть предложение комиссии не создавать и вопрос окончательно решить на пленуме (Г о л о с а с м е с т. Правильно.) Проект все товарищи, видимо, прочитали. Вот его предлагается принять. Поправки есть к этому проекту? (Ж у к о в. Тов. Евдокимов поправку сделал.) Т. Евдокимов сам скажет. Вы, что ли, хотите какие-нибудь добавления внести?

Ж у к о в. Я считаю, что дело настолько серьезно, дело настолько ответственно, сколько мы понесли все тяжелых уроков, не только в работе и хозяйственных организациях и во всей экономике нашей страны, но мы потеряли одного из лучших наших большевиков — т. Кирова. Из тех материалов, которые розданы нам, из тех показаний арестованных, которые мы все читали, из докладов и прений на пленуме вытекает ясно, что дело здесь не обошлось без прямого предательства целого ряда, группы лиц. Поэтому это дело надо расследовать, а для того, чтобы его расследовать, надо дать такое поручение НКВД, т. Ежову. Он это дело прекрасно проведет. Я думаю, что вряд ли дело обошлось без руководства НКВД (Ш у м в з а л е. Г о л о с а с м е с т. Непонятно. Какое предложение?) Я знаю, что все эти Сосновские и прочие арестованы (Е ж о в. Все арестованы.) Почему не арестован Ягода? (Ш у м в з а л е.) Да, да. Я уверен, что к этому делу придет (К о с и о р. Какое же у тебя предложение?) Выяснить все это.

А н д р е е в. Я голосую, кто за то, чтобы принять это предложение? (Д в и ж е н и е и ш у м в з а л е. Г о л о с а с м е с т. Какое же это предложение? Не надо ничего принимать.)

А н д р е е в. Есть ли еще поправки? Нет больше поправок? Голосую окончательно. Кто за то, чтобы утвердить внесенный проект постановления, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздерживается? Принято единогласно.

Товарищи, есть предложение вечернее заседание начать не в 6 часов, а в 7 часов. Нет возражений? (Г о л о с а с м е с т. Нет.) Заседание закрывается.

Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов

Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова,
принятая 3 марта 1937 г.

Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года.

Изменникам родины — троцкистам и иным двурушникам, в союзе с германской и японской контрразведкой, удалось сравнительно безнаказанно развернуть вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность, нанести ущерб делу социалистического строительства в ряде отраслей промышленности и на транспорте, не только благодаря недостаткам работы партийных и хозяйственных организаций, но и благодаря слабой работе органов Государственной Безопасности Наркомвнудела СССР.

Несмотря на неоднократные предупреждения ЦК ВКП(б) о перестройке всей чекистской работы в направлении более организованной и острой борьбы с контрреволюцией (инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г., закрытое письмо ЦК ВКП(б) об уроках событий, связанных с злодейским убийством т. Кирова и др.) Наркомвнудел СССР этих указаний партии и правительства не выполнил и оказался неспособным во-время разоблачить антисоветскую троцкистскую банду.

Основными недостатками в работе органов Государственной Безопасности, оказавшими решающее влияние на запоздание разоблачения троцкистской антисоветской организации, продолжают оставаться следующие:

а) Наркомвнудел СССР не поставил на должную высоту агентурную работу, которая является одним из главных рычагов в борьбе с контрреволюцией. Агентура вербовалась случайно и самотеком. Как правило, основным и решающим участком, где должна была быть хорошо налажена агентурная сеть, внимания не уделялось. В особенности слаба была агентура среди троцкистов, зиновьевцев и правых, даже в местах их наибольшего скопления. Не было также агентуры почти ни в одной из заграничных антисоветских организаций, в том числе и у троцкистов. Руководящие оперативные работники Наркомвнудела, как правило, лично агентурой не занимались. Встречи с агентами и получение от них материалов проводились малоквалифицированными рядовыми сотрудниками.

В результате такого плохого руководства агентурой среди последней оказалось много предателей. В процессе следствия по антисоветскому троцкистскому центру только по одной Москве было выявлено 65 агентов предателей, которые систематически дезинформировали органы Государственной Безопасности, запутывали все дело, активно способствуя безнаказанной деятельности троцкистов.

б) Отсутствие квалифицированной агентуры и неумелое руководство имевшейся агентурой определило плохую постановку следственной работы. Следствие, не имея от агентуры достаточных уликочных материалов, часто находилось в зависимости от преступника и его доброй воли дать исчерпывающие показания или нет, т. е. все следствие строилось в расчете на добровольное признание обвиняемого.

Этим в известной мере объясняется также и то обстоятельство, что арестованным троцкистам удавалось скрыть от следствия самые мрачные стороны своей антисоветской деятельности и, что важнее всего, организационно связанных с ними людей.

в) Во всей своей практике Наркомвнудел СССР проводил неправильную карательную политику, в особенности в отношении троцкистов и других врагов Советского строя.

Анализ арестов, произведенных в 1935—36 гг., показывает, что главный удар органов Государственной безопасности был направлен не против организованных контрреволюционных формирований, а преимущественно на отдельные случаи антисоветской агитации, на всякого рода должностные преступления, хулиганство, бытовые преступления и т. д. Из общего количества репрессированных в 1935—36 гг. около 80% падает на всякого рода мелкие преступления, которые являются по существу объектами работы милиции, а не органов Государственной Безопасности.

г) Еще более нетерпимым является установленный Наркомвнуделом СССР тюремный режим в отношении осужденных, наиболее злостных врагов Советской власти — троцкистов, зиновьевцев, правых, эсеров и других.

Все эти враги народа, как правило, направлялись в так называемые политизоляторы, которые были подчинены Наркомвнуделу СССР. Политизоляторы находились в особо благоприятных условиях и больше походили на принудительные дома отдыха, чем на тюрьмы.

В политизоляторах осужденные имели возможность тесно общаться друг с другом, обсуждать все политические события в стране, разрабатывать планы антисоветской работы своих организаций и сноситься с волей. Арестованным предоставлялось право пользоваться литературой, бумагой и письменными принадлежностями в неограниченном количестве, получать неограниченное количество писем и телеграмм, обзаводиться собственным инвентарем в камерах и получать наряду с казенным питанием посылки с воли в любом количестве и ассортименте.

д) Серьезнейшим недостатком в работе органов Государственной Безопасности является практика подбора, выдвижения и воспитания чекистских кадров.

В массе своей работники Наркомвнудела являются безусловно испытанными, беззаветно преданными делу нашей партии квалифицированными чекистами. Несмотря на это часто в практике выдвижения и назначения людей руководствовались неделовыми мотивами. Во многих случаях люди выдвигались не по признакам их преданности партии, способностям и знанию дела, а по признакам угодничества и подхалимства.

В результате этого в отдельные звенья органов Государственной Безопасности проникли чуждые и преступные элементы. Обнаружен ряд случаев, когда в органы Государственной Безопасности удалось проникнуть даже шпионам иностранной разведки (польские шпионы — Сосновский, Мазепус, польско-немецкий шпион Ильинич и др.).

Эта же практика неделового отношения к выдвижению людей, а также отсутствие политической воспитательной работы создали условия, при которых на руководящей чекистской работе оказались прямые предатели-троцкисты.

Некоторые из них систематически информировали участников троцкистской организации об имевшихся в НКВД материалах об антисоветской деятельности последних (начальник Таганрогского горотдела НКВД — Баланюк, начальник Новочеркасского горотдела НКВД — Шаповалов, бывш. начальник СПО НКВД Украины — Козельский и др.).

Кроме того, следует отметить, что среди чекистских кадров была крайне слабо поставлена партийно-политическая воспитательная работа. Люди воспитывались в однобоком ведомственном патриотизме, вне увязки с общей работой партии. В результате этого некоторые чекисты отрывались от партийной жизни и замыкались в кругу только своих ведомственных интересов.

Так обстоит дело с общими недостатками в работе НКВД СССР.

Однако запоздание с разоблачением антисоветской деятельности троцкистских бандитов объясняется не только этими общими недостатками работы органов Государственной Безопасности, но и конкретной преступной деятельностью отдельных ответственных работников ЧК и, в особенности, бывшего начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР Молчанова.

Эта преступная деятельность выразилась прежде всего в том, что Секретно-Политический отдел уже в 1932—33 г. имел в своих руках все нити для того, чтобы полностью вскрыть чудовищный заговор троцкистов против Советской власти. В 1932 г. Секретно-Политический отдел ГУГБ НКВД располагал достаточными агентурными материалами, в которых имелись прямые указания на существование возглавляемого Смирновым И. Н. троцкистского центра, о связях Смирнова с Троцким и его сыном Седовым и о террористических намерениях ряда крупных троцкистов. По материалам видно было, что троцкистский центр налаживает организационные связи с группами троцкистов на местах и осуществляет директиву Троцкого о блоке с зиновьевцами и правыми.

На основе этих агентурных материалов в начале 1933 г. возглавлявшаяся Смирновым группа троцкистов была арестована. Располагая такими агентурными материалами, следствие имело полную возможность вскрыть до конца все организационные связи и всю преступную террористическую деятельность троцкистов и зиновьевцев. Между тем следствие было проведено настолько халатно и преступно, что основные имевшиеся в деле агентурные материалы не были использованы. Глава троцкистского центра И. Н. Смирнов был допрошен только по вопросу о его отношении к коллективизации; у активнейшего члена троцкистского центра Сафоновой спросили только о том, читала ли она книгу Троцкого «Моя жизнь»; у Тер-Ваганяна интересовались — в чем заключаются его разногласия с линией партии; эмиссара Троцкого террориста Переверзева не допрашивали вовсе. В результате такого преступного ведения следствия обвиняемые отделались незначительным наказанием и были направлены в политизоляторы и ссылку, где им были предоставлены самые широкие возможности для продолжения их антисоветской преступной деятельности.

Совершенно беспримерным является дело секретного агента УНКВД по Московской области З-на. Начиная с ноября месяца 1933 г. агент З-н в целом ряде своих донесений сигнализирует о развернутой троцкистами антисоветской работе, о наличии руководящего троцкистского центра и об участии в активной работе центра Дрейцера, Муралова, Пятакова, Радека и других. В материалах агента З-на прямо говорится о террористических установках троцкистов, указывается на наличие тесной связи троцкистов в заграничье и на связь заключенных троцкистов с волей. По материалам агента З-на были арестованы активные троцкисты-террористы Хрусталев и Зильберман. Однако бывший начальник Секретно-Политического отдела Молчанов повернул следствие таким образом, что в итоге активные троцкисты Хрусталев и Зильберман были освобождены, а агент З-н осужден по обвинению в провокации и сослан на 5 лет. Между тем в лице Хрусталева был освобожден один из самых ярых врагов Советской власти, хозяин явочной квартиры Московского троцкистского террористического центра, из которой велось наблюдение за маршрутами товарища Сталина.

Расстрелянный по августовскому процессу 1936 г. эмиссар Троцкого террорист Ольберг В., как оказывается, был известен органам НКВД уже в 1931 году. Некоторое время за ним велось наблюдение, затем это дело бросили и дали возможность Ольбергу в течение трех лет безнаказанно создавать террористические группы, пытавшиеся осуществить убийство руководителей партии и правительства.

Наряду с сигналами, исходящими от агентуры, бывший начальник Секретно-Политического отдела ГУГБ Молчанов получал много материалов и от работников НКВД, настойчиво ставивших вопрос о необходимости принятия мер против антисоветской террористической деятельности троцкистов, зиновьевцев и правых. Вместо того, чтобы добросовестно и по-большевистски относиться к донесениям некоторых агентов и сигналам многих оперативных работников органов НКВД, Молчанов подозрительно слепо доверял своим агентам-двойникам, которые опутали аппарат Секретно-Политического отдела и отводили его работников от возможности своевременного вскрытия всей подлой антисоветской работы троцкистов.

Больше того, Молчанов, будучи лично связан с троцкистом Фурером, систематически рассказывал ему об имевшихся в Секретно-Политическом отделе секретных данных об антисоветской деятельности троцкистов. Как сейчас устанавливается следствием, Фурер осведомлялся об этом у Молчанова, действуя по прямому заданию руководителей всей троцкистской диверсионно-шпионской террористической организации на транспорте Лившица.

Таковы примеры преступной деятельности некоторых работников НКВД и особенно бывшего начальника Секретно-Политического отдела ГУГБ Молчанова.

Таковы основные причины того, что НКВД не смог своевременно разоблачить чудовишный антисоветский заговор агентов немецко-японской разведки — троцкистов.

Пленум ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников.

Обязать Наркомвнудел СССР довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма до конца с тем, чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности.

2. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б), направленные к улучшению постановки работы в органах Наркомвнудела, и, в частности, мероприятия по организационной перестройке аппарата ГУГБ и укреплению его новыми партийными кадрами.

3. Одобрить мероприятия ЦК ВКП(б), направленные к оздоровлению аппарата органов Государственной безопасности за счет выдвижения на руководящую работу новых большевистски проверенных чекистов и удалению из аппарата разложившихся бюрократов, потерявших всякую большевистскую остроту и бдительность в борьбе с классовым врагом и позорящих славное имя чекистов.

Одобрить, в частности, арест и предание суду одного из главных виновников позорного провала органов Государственной Безопасности в борьбе с зиновьевцами и троцкистами бывшего начальника Секретно-Политического отдела ГУГБ Молчанова.

4. Продолжить и завершить реорганизацию аппарата Наркомвнудела, в особенности аппарата ГУГБ, сделав его подлинно боевым органом, способным обеспечить возложенные на него партией и советским правительством задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности в нашей стране.

5. Учитывая важнейшее народнохозяйственное и оборонное значение железнодорожного транспорта и необходимость ограждения его от антисоветской разрушительной деятельности врагов Советского Союза, реорганизовать 6-й отдел Главного Управления Государственной Безопасности НКВД СССР (отдел транспорта и связи), выделив для обслуживания железнодорожного транспорта специальный отдел.

Возложить на этот отдел борьбу со всеми видами контрреволюции на транспорте, в первую очередь, с вредительской, диверсионной и шпионской деятельностью врагов Советской власти.

Освободить Транспортный отдел ГУГБ от функций охраны общественного порядка на железнодорожном транспорте, несения дежурств на вокзалах, борьбы с хищением социалистической собственности, хулиганством и детской беспризорностью.

Для охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью на железнодорожном транспорте создать специальную железнодорожную милицию, которую подчинить Главному Управлению Рабоче-Крестьянской Милиции НКВД СССР.

Транспортный отдел ГУГБ НКВД СССР организовать по линейному принципу, подчинив дорожнотранспортные отделы непосредственно Транспортному отделу ГУГБ НКВД СССР.

Организовать в составе ГУГБ НКВД СССР XI отдел по обслуживанию водного транспорта, шоссейных дорог и системы Наркомата связи.

6. Предложить Наркомвнуделу СССР добиться организации как внутри страны, так и за рубежом квалифицированной надежной агентуры, тщательно подобранной и целесообразно расставленной на тех участках, где проявляется наиболее активно деятельность врагов Советского строя.

7. Наркомвнуделу СССР принять строжайшие меры к тому, чтобы были совершенно изжиты позорные случаи, когда отдельные чекисты вследствие своей болтливости сами являлись источником снабжения врагов Советского строя секретнейшими сведениями.

8. Обязать все Обкомы, Крайкомы и ЦК нацкомпартий уделять больше внимания работе органов Наркомвнудела, оказывая им всемерную помощь в их работе, для чего:

а) систематически укреплять органы Наркомвнудела лучшими проверенными кадрами партийных работников;

б) всячески помогать делу политического воспитания и выращивания большевистских чекистских кадров;

в) не загружать органы Государственной Безопасности и работников этих органов поручениями и заданиями, не имеющими прямого отношения к делу борьбы с контрреволюцией.

9. Предложить Наркомвнуделу СССР на основании настоящего постановления Пленума ЦК ВКП(б) составить письмо ко всем работникам органов Государственной Безопасности НКВД СССР об уроках и задачах чекистов, вытекающих из настоящего постановления.

Пленум Центрального Комитета ВКП(б) выражает твердую уверенность в том, что все чекисты усвоят уроки ошибок, связанных с разоблачением антисоветского зиновьевского и троцкистского заговора, побольшевистски исправят эти ошибки в кратчайший срок и оправдают на деле высокое звание передового вооруженного отряда партии Ленина—Сталина.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Стенограмма данного заседания пленума в стенографическом отчете не печаталась.
2. Текст выступления Каминского был им проверен, внесена поправка, но затем исключена из стенограммы по следственному заявлению автора: «С согласия т. Шкирятова и т. Кагановича я это исключаю, внося существо сказанного в речь. 20/IV 37 г. Г. Каминский».
3. Заключительное слово по докладу об уроках вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по НКВД публикуется по направленной стенограмме.

СТАТЬИ

Мироцелостность и ее история

М. А. Чешков

В 70—80-ые годы с интенсивным развитием всесторонних связей и обострением глобальных проблем, выходом человека в космос складывается представление о целостности мира и человечества. Оно было подтверждено и негативно — ослаблением связей Север — Юг и конфронтацией Восток — Запад. В такой ситуации идея единого взаимосвязанного мира приобретает характер стереотипа общественного сознания и одновременно входит в процесс научного познания, которое разворачивается по всем «азимутам» — и внутрь человека, и в окружающий его мир, и во Вселенную. В данной статье мир рассматривается как совокупность отношений и связей между различными обществами, культурами, государствами, экономиками, социальными общностями и индивидами, так и отношений этой совокупности со средой обитания.

Это описательное изображение мироцелостности и подлежит теоретическому осмыслению в его историческом измерении. Разработка этого аспекта мироцелостности необходимо предполагает союз исторических и социальных наук. А этот союз складывается лишь в последнее десятилетие и его развитие определяется состоянием общественного сознания и социально-гуманитарного знания в целом.

Состояние мира к концу XX в. выглядит ныне далеко не столь благополучным, как это представлялось всего каких-нибудь лет пять тому назад, когда с крахом социал-тоталитарных порядков казалось была устранена угроза ядерной катастрофы и проложен путь к процветанию и прогрессивному развитию всего человечества. После кратковременной эйфории стало, однако, ясно, что развал прежнего мирового порядка скорее оборачивается хаосом, нежели структурированием нового порядка. В этой ситуации неравновесности мироцелого вновь угрожающе близкими предстают «нисходящие ветви» истории человечества; активизируются — вместо прежних идеологических конфронтаций — экономические войны, этно-религиозные конфликты и культурно-цивилизационные противостояния; доминирование и гегемония Запада в мировом развитии, хотя и остается в силе, но вырисовывается новая эпоха — гегемонии Востока или Азии. Несовершенство мира вновь ориентирует сознание на поиски трансцендентальных и особо — сакральных ценностей, замену Логоса — Теосом...

Эти умонастроения охватывают сферу предпосылочного, мировоззрен-

---

Чешков Марат Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

ческого знания, буквально все его течения, что приводит к отказу от скомпрометированных сциентистских и прогрессистских представлений, порождая общую ситуацию постструктурализма, -марксизма, -позитивизма, -индустриализма, -модернизма, -фундаментализма. В этом климате доминантой выступают идеи постмодернизма, который предстает не только как определенная культурологическая позиция, но и как социальный субстрат эпохи позднего или организованного капитализма. Комплекс постмодернистских представлений включает признание фрагментированности и гетерогенности мира, отрицание как его целостности, так и однородных идентичностей, доводимое до идеи «смерти субъекта», принципиального индетерминизма. Воздействие этого типа общественного сознания — философского знания — на сферу научного познания оказывается, однако, весьма противоречивым и многозначимым.

Становление нового типа социально-гуманитарного знания. Постмодернизм разрушил в первую очередь глобально-исторические схемы с присущим им стремлением охватить целостность истории и ее «сущностные социальные силы»¹ и таким образом подорвал философскую разновидность исторического знания. Не менее значительным оказался удар и по собственно научному мышлению, поскольку постмодернизм отрицает объективное содержание научного знания, отказывается от системных, тотализирующих и синтезирующих построений, видя в них или симптом или же путь, ведущий к тоталитарному сознанию. Критика рационализма сопровождалась и критикой позитивистского идеала научного знания, и таким образом постмодернизм, с одной стороны, разрушал научное знание вообще, а с другой, подрывал его позитивистскую разновидность, а если же говорить шире, то и сам тип науки Нового времени.

Эта разрушительная работа имела тем не менее и позитивно-научный результат, поскольку стимулировала такое научное мышление, которое опиралось на признание принципиальной гетерогенности и плюралистичности мира, решающей роли субъекта познания и ориентировалась на необходимость множества парадигм и программ исследования. Подобные черты научного познания, видимо, и позволяют констатировать рождение новой «исторической формации науки»², или, говоря иначе, — нового стиля научного мышления. Этот новый тип научного (социально-гуманитарного, в первую очередь) знания кристаллизуется в процессе осмысливания некоторых фундаментальных идей, к которым относятся представления о целостности мира, его историчности и разнообразии, вкупе с акцентировкой деятельности субъекта и поиском интегрального подхода к миру через проблематику человека и человечества. Вокруг этих идей сложились и различные отрасли научного знания, организованные как отдельные дисциплины, либо области исследования, или междисциплинарные и многодисциплинарные комплексы.

Идея целостности мира опирается на реальность процессов интернационализации и глобализации, развитие разного рода коммуникаций, выработку общих ценностей. Эта идея получает не только позитивные реальные основания, но и негативные основания в тех ситуациях, когда разрыв связей и противоположение обществ и культур демонстрируют — парадоксально — их взаимосвязанность и взаимнеобходимость. Исследование проблем мироцелостности и привело к формированию особой области так наз. мировых исследований (World studies) и близкой к ней глобалистики³.

Идея историчности целостности мира возникла как бы в порядке компенсации двух процессов: освоения планетарного пространства и распространения универалистских западоцентристских идей, которые или вульгаризировали историческое измерение (предлагая линейно-стадиальные схемы) или устраняли историзм из сферы социальных наук. Угроза катастрофы и исчерпание пространства стимулировали обращение общественного сознания в поисках времени — к своему прошлому, к поиску прошлого не только в настоящем, но и в будущем.

Именно на этой волне происходит «возвращение истории» в социальные науки, причем возвращение триумфальное, поскольку крушение ис-

ториософии поставило историческое знание перед необходимостью освоить проблематику смысла и целостности истории (что ранее было компетенцией философского знания) своими и общенаучными средствами. На стыке исторических и мировых исследований возникает узел социально-исторических исследований, на наддисциплинарном единстве которых настаивает и уже давно И. Валлерстайн ⁴.

Идея разнообразия (гетерогенности) получила широкую разработку в культурологических и особенно в так наз. цивилизационных исследованиях (Civilizational studies). Они, в свою очередь, неразрывно связаны с проблематикой субъекта — культурного, исторического, социального и, естественно, межкультурных и междисциплинарных отношений, что позволяет соединять дисциплины культурологические, исторические, социальные с философской герменевтикой. Наконец, как целостность, так и разнообразие мира, его современное бытие и историческое измерение «переводятся» на интегральный язык комплекса антропологических знаний, включая социо- и культур-антропологию и «науки о человеке».

Таким образом, новый тип социально-гуманитарного знания получил широкое дисциплинарное основание. Устранение глобальных философских концепций не означало, как отмечено выше, отказа от проблематики такого рода, но последняя осваивалась не только средствами отмеченных выше отдельных дисциплин и их совместными усилиями, но и с помощью различных отраслей общенаучного знания. Идеи систематики глубоко проникли в «мировые исследования», а принцип разнообразия (как источника эволюции) ⁵ находит все новое применение далеко за пределами биологии и генетики, вторгаясь в сферы культурологии и социологии. Синергетика (как теория самоорганизации) оказывается незаменимой при анализе процессов мондиализации и глобализации. Как видим, отстранение историософского знания в значительной мере компенсировалось резко усилившейся активностью общенаучных дисциплин.

Становление нового типа социально-гуманитарного знания и рождение некоторых фундаментальных идей относительно мироцелостности, сами по себе необходимые, оказались, однако, далеко недостаточными для коренного изменения в структуре мирознания, и особенно его «теоретического сектора». В нем все еще доминирует мышление через оппозиции: такие, как представление о единстве мира и его множественности; прерывности и непрерывности истории. Противопологаются и видения исторического процесса с позиций, условно говоря, макроистории с ее универсальными законами и коллективными субъектами и микроистории с индивидом как центральной фигурой ⁶. Если два последних противоположения (макро-микро; коллектив-индивид) имеют характер дихотомии, то первое принимает вид антиномии, в рамках которой мир полагается и единым и не единым, и множественным и не множественным. Видимо, эту антиномию можно считать основополагающей, а ее решение позволит существенно углубить теоретическое знание о мироцелостности.

Основные подходы и изображения мироцелостности. Предпосылки для поиска решений выделенной выше антиномии и теоретического анализа основных параметров мироцелостности сложились в 70—80-ые годы в русле ряда дисциплин. К ним относятся так наз. мировая политическая экономия, сторонники которой концентрировали внимание на взаимосвязи экономических и политических аспектов мировых экономических отношений в ходе изучения международных отношений на стыке с историей (А. Нисбет) и социологией (проблемы межсоциетарных отношений — Д. Неттл, Т. Скокпол) ⁷. Важную роль сыграли исторические исследования, в том числе сравнительно-исторические (Б. Мур) ⁸ и, конечно, направление, представленное работами Ф. Броделя ⁹. В них история предстает как глобализующийся процесс, охватывающий широкие пространства, большие интервалы времени, глубокие структурные изменения; как процесс, разворачивающийся через разнопорядковое социально-историческое время (триада времен), при активной роли синхронных связей и через отдаленные соотношения. Исторические исследования этого направления, хотя и эволюци-

ониrowали от экономизма к акценту на культурные и антропологические аспекты, тем не менее не выработали более или менее целостного представления о социальных изменениях в целом ¹⁰.

Опираясь на эти предпосылки, теоретическое осмысление мироцелостности в 80-ые годы выработало несколько основных подходов к своему предмету — цивилизационный, миросистемный и глобалистский, в каждом из которых наметилось несколько изображений мироцелостности. И исторически, и логически эти подходы вырабатывались последовательно, так что глобалистский подход предстает как обобщающий две другие позиции.

Цивилизационный подход опирается на значительные традиции (А. Тойнби, К. Ясперс). Он существенно обновился за последние два десятилетия (работы Ш. Айзенштадта, Л. Дюмона, А. Абдель Малека). В его рамках мироцелостность предстает как взаимодействие различных цивилизаций (социо-культурных или символических систем), восходящих к I тыс. до нашей эры («осевое время» К. Ясперса). Это взаимодействие и есть источник динамики мироцелостности, которая обретает облик или некоей неизменной центральной цивилизации (Д. Уилкинсон) или совокупности господствующей цивилизации (Л. Дюмон) и иных цивилизаций, или общемировой экуменической цивилизации (А. Тойнби). Пространственные рамки бытия мироцелостности в этих изображениях выглядят как весьма различные, ибо, с одной стороны, они включают в «осевую эпоху» цивилизации Эллады, Ирана, Китая и др., а с другой, изображаются как движение от исходного египетско-мессопотамского очага к локализации цивилизации в северо-западной Европе и оттуда ее нового развития вширь (по Д. Уилкинсону) ¹¹.

В современной мироцелостности, как правило, размещаются уже известные цивилизации, которые однако не тождественны своим классическим образцам, но искажены и деформированы в результате взаимных контактов и воздействия «господствующей цивилизации». Признается, что эти цивилизационные компоненты все еще обладают жизненной силой и формулируют глобальные ценности и нормы через призму своего культурного и исторического опыта. Таким образом, в этих схемах современная мироцелостность выглядит не столько как нечто отдельное от этих цивилизаций-компонентов, сколько как структура их взаимодействия, определяемая способностью каждой из культур к взаимопониманию и коммуникациям, что собственно и делает данные культуры цивилизациями (по В. Каволису) ¹². Что же касается набора цивилизаций — компонентов современной мироцелостности, то он определяется эмпирически и поэтому достаточно спорен, когда в одних версиях, скажем, Иран предстает в виде отдельной цивилизации (по А. Абдель-Малеку), а в других в этот набор включается Юго-Восточная Азия.

Миросистемный подход зародился в 70-е годы и представлен двумя основными версиями: концепцией современной мировой системы Валлерстейна и так наз. историей миросистемы А. Г. Франка ¹³; к ним надо добавить и концепцию «больших волн» в трактовке Г. Моделски ¹⁴. «Современная мировая система (The Modern World System), — адекватная форма мироцелостности, приходящая на смену мировым империям, зарождается по Валлерстайну с XVI в., когда история становится мировой (что отмечал в свое время и К. Маркс). По Франку же, мироцелостность дана изначально и датируется — по крайней мере V тыс. до н. э., будучи впоследствии неизменно системным образованием ¹⁵.

Однако, это различие в понимании структурного и системного аспектов мироцелостного бытия по существу снимается, когда речь идет о содержательной стороне структуры, ибо это содержание в обоих случаях задается или капиталом непосредственно (по Валлерстайну), или извлечением прибавочной стоимости и ее накоплением вообще (по Франку). Если в первом случае динамика детерминирована мировым разделением труда, то во втором она определяется законами накопления прибавочной стоимости. Формы динамики выглядят достаточно разнообразными в обоих случаях, включая и различные по длительности циклы с фазами подъема и упадка,

и устойчивые и длительные тенденции, и, конечно, кризисы — экономические и политические, приводящие к «сдвигу гегемонии».

Пространственно мироцелостность или локализуется в Европе, откуда мировая экономическая система распространяется на весь мир (по Валлерстайну), или же возникает первоначально в Афроевразийской ойкумене, приобретая затем мировые масштабы. Характеристика «частей» мироцелостности по первой версии включает триаду центр — периферия — полупериферия; во второй, которая вслед за Броделем отмечает подвижность центра, а, значит, и периферии, специально акцентируется роль Востока. Здесь подчеркивается, что «возвышение Запада» в качестве центра мироцелостности, последовало за «упадком Востока» (по Ж. Абу-Лагход), причем Запад не просто включал периферию, но на первых порах сам паразитировал на этой периферии и ее связях. В этой версии очевидно смазано онтологическое различие «Востока» и Третьего мира (как периферии Запада), так что второе выступает скорее как продолжение первого. У Валлерстайна же, напротив, всякая преемственность Третьего мира, как периферии мирового капитализма, с Востоком разорвана.

В плане дисциплинарном обе версии базируются на экономических науках, а точнее — на марксистской политэкономии, которую Франк стремится «дополнить» культурологией и политологией и заодно избавиться от понятия «способ производства» и его исторических членений, заменив их концепцией переходности. В отличие от них концепция «больших волн», хотя и разделяет схему Валлерстайна, но делает упор на политические и международные дисциплины, стремясь избавиться от присущего миросистемному видению экономцентризма.

В теоретическом и исследовательском плане глобалистский подход разработан значительно слабее, что заставляет ограничиться разбором лишь одной его версии, в которой акцентируется соединение теоретического и конкретно-эмпирического подходов с историческим измерением (концепция Р. Робертсона)¹⁶. Он определяет мироцелостность через понятие «глобализация» и таким образом мыслит мироцелостность как становление одного (single) пространства, что охватывает и социальные процессы и сферу сознания. С другой стороны, мироцелостность или глобальность определяется как «важнейшая структура современности», обладающая «базовой формой», в движении которой мир становится единым. Подобное структурное бытие предстает у Робертсона как общее условие существования человечества (global human condition) или как «глобальное обстоятельство», задающее нормы сознания субъектов, действующих на «глобальной сцене». О такой глобальности — как идее, представлении — он считает возможным говорить уже применительно ко II тыс. до н. э. (времена Полибия), а о ее реальном зарождении с середины XV в. и становлении во второй половине — конце XIX века.

Мироцелостность складывается как системное образование, причем акцентируется не системное состояние, а сам процесс выработки системных свойств. Признается принципиальная разнородность элементов, входящих в глобальную мироцелостность, а в набор ее компонентов включаются не только общества и культуры, но и отдельные цивилизации и (sic! — М. Ч.) индивиды, вступающие в непосредственную связь с мироцелостностью. Подчеркивается взаимосвязь сознания глобального уровня и локальных компонентов, так же как и активная роль различных социальных агентов, которые вырабатывают различные исторические траектории движения глобальной общности. В плане дисциплинарном концепция Робертсона не имеет четкого и жесткого адресата, но, стремясь выйти за пределы социологии и культурологии, она тяготеет или к антропологическим дисциплинам, или к знанию о средствах коммуникаций, или к знанию общенаучному.

Как основные позиции (глобалистская, цивилизационная), так и тем более «их» изображения не только близки друг к другу, но и в значительной мере конвергентны. Пункты конвергенции видны там, где глобалистская позиция «признает» принципиальную гетерогенность мироцелостности, что сближает ее с концепциями, лежащими в рамках цивилизационного

подхода, там, где последний открывает проблему взаимного перевода универсальных норм и локального опыта; наконец, там, где оба этих подхода смыкаются с миросистемной позицией в их общем анализе мироцелостности как системного объекта, в общем стремлении выявить основные параметры системности и ее логику.

Отмечая эту близость (или конвергенцию), последователь мироцелостности тем самым вовсе не идет по пути поиска возможного, а тем более, необходимого общего изображения мироцелостности, ибо столь высоко-сложный объект, видимо, не может быть в принципе отражен в теоретически однозначной схеме. В то же время для исследования мироцелостности вряд ли приемлемо простое суммирование подходов и изображений. На нынешнем этапе миропознания и при нынешнем состоянии мирознаний задача теоретического исследования требует скорее уяснения тех принципов, по которым намеченные подходы могут быть соотнесены (или соподчинены) друг с другом в общей рамке — в зависимости от способности к обобщению, присущей тому или иному подходу, и степени генерализации, присущей тому или иному изображению.

Решение этой задачи может опираться на следующие позитивные моменты всех трех подходов: постановка вопроса о структуре мироцелостности; исторический подход к данному объекту вообще и его системной организации; разделение логик — системной и исторической; признание принципиальной гетерогенности состава; акцент на значимость взаимосвязей, коммуникаций и понимания между частями (субъектами); признание активной роли культурных субъектов и социальных агентов в определении различных исторических траекторий в ходе эволюции мироцелостности.

Столь же очевидно, что во всех трех позициях имеются существенные пробелы или своего рода узлы проблем, без уяснения которых трудно рассчитывать на дальнейшее продвижение вперед в изучении мироцелостности. Один из этих узлов — само понятие структуры или базовой формы структурирования мироцелостности. Если не вызывает сомнения несводимость этого понятия к его частичным (социальным, политическим, культурным) измерениям и к конкретно-предметному содержанию (капитал вообще, капиталистический способ производства), то остается достаточно неопределенным соотношение структуры и того, что называется «глобальным условием человеческого существования» или — по-иному — соотношение структуры и «родовой сущности» человека. Поскольку исходное понятие структуры (инварианта) не раскрыто в плане позитивном, то и пространственный параметр мироцелостности не может быть адекватно определен: целостность мира, с одной стороны, и его же бытие, как части Вселенной, с другой.

Развязка двух других узлов кажется более легкой задачей: так, способ организации мироцелостности может быть понят не только как становление системности, но и — в силу историчности данного свойства — как выработка других, несистемных способов организации. Третий узел — проблема «части» — развязывается в зависимости от того, как характеризуются способы организации. В решении этих узловых вопросов важно и понимание адекватного данной теме исходного уровня абстракции и отказ от эмпирического уровня как исходного в понимании мироцелостности.

Концепция мироцелостности. Эта концепция включает несколько компонентов — основное понятие, конкретизирующие его понятия и исследовательская матрица.

Наиболее общим понятием выступает то, что К. Маркс называл сущностью или «родовой сущностью человека»¹⁷. По отношению к этому понятию мироцелостность может быть определена через конкретизацию этого исходного понятия. Однако конкретизация предполагает решение определенной проблемы: как выразить эту родовую сущность человека? Вряд ли это можно сделать с позиций того или иного «центризма» (антропо-, социо-, био-), то есть путем редукции родовой сущности к одному из ее аспектов или компонентов. Точно так же вряд ли приемлем способ определения по известной формуле «человек — общество — природа», поскольку при этом родовое понятие (человек) лишается интегральности

и выглядит равноположенным частичным аспектом этой родовой сущности. Ограничены также распространенные ныне экологические трактовки, в которых отношения человека и природы неизменно представляются как отношения антропосистемы и ее среды, что придает понятию «природа» внеисторический смысл и абсолютизирует системный взгляд на мир.

Коренная методологическая проблема выражения родовой сущности человека заключается в том, что она не может быть выражена как некая однозначная сущность и в то же время не может быть расщеплена на отдельные рядоположенные частичные аспекты. Будучи интегральной, родовая сущность человека требует и интегрального способа выражения, достигаемого средствами и способами общенаучного знания. Скорее всего такая интегральность выражается понятием «структура взаимодействий», предполагающим отдельные компоненты, создающие интегральную целостность путем взаимодействия или, по-другому, такую сущность, которая не существует как нечто отдельное от данного взаимодействия.

Исходя из этого системного принципа, можно искомую интегральность родовой сущности человека представить как взаимодействие неких основных начал или принципов, определяющих жизнедеятельность человека. Такое взаимодействие строится на принципе троичности и может быть определено как взаимодействие природного, социального и духовного начал. Если первое выражает естественное бытие человека, то второе характеризует его социальную природу или человека как совокупность общественных отношений. Эти два начала выражают жизнедеятельность человека в рамках определенных им же созданных условий, а третье призвано выразить присущую человеку тенденцию выйти за пределы наличных условий его бытия. Духовное начало реализуется и через индивида, и через надиндивидуальные формы деятельности и сознания; оно лишь конкретизируется, но не сводится к таким видам сознания как религиозное и культурное; оно лишь подразумевает сакральность, но не тождественно ей. Представляется, что такая триада «более» интегральна по своему значению, нежели бинарные определения типа «материальное — идеальное» или некоторые троичные формулы типа «социальное — культурное — духовное».

Определив родовую сущность человека как взаимодействие трех базовых начал, мы сделали лишь первый, но необходимый шаг к формулировке понятия мироцелостности. Оно получает смысл, если принять, что родовая сущность человека имеет различные пространственные конкретизации. Одна из них соотносит человека со Вселенной, а другая — с его планетарным бытием, причем как в совокупном виде, так и в виде отдельных локусов (страны, регионы, нации, государства и пр.). Понятие мироцелостности относится к совокупной разновидности планетарной конкретизации родовой сущности человека. Поэтому, если оставить в стороне антропогенез, мироцелостность выглядит абсолютной формой бытия человека и в этом смысле — внеисторической. Иначе говоря, наше основное понятие — «мироцелостность» — призвано характеризовать совокупное планетарное бытие человечества, конкретизирующее его родовую сущность как взаимодействие трех базовых начал жизнедеятельности. Как видим, содержание этого понятия далеко не совпадает с описательным изображением мироцелостности, как эмпирической данности...

Итак, если характеристика сущности человека (или человеческого рода) через три базовых аспекта его жизнедеятельности образует первый уровень анализа мироцелостности или, точнее, содержит подход к ней, то формулировка понятия «мироцелостность» относится к следующему, второму уровню. Это — переход от анализа «сущности» к анализу «существования», одной из форм которого и предстает мироцелостность. В своем начальном виде, как конкретизация сущности человека, мироцелостность неисторична, но обретает историческое измерение на следующем, третьем уровне анализа, где рассматриваются как структурные, так и процессиальные аспекты ее исторического бытия.

К структурным параметрам относятся субстратность (взаимодействие трех начал), тип организации и хронотоп (единство времени/пространства),

что в совокупности образует ядро этих структурных параметров. Процессиальный параметр отражен в категориях исторических типов мироцелостности, каждый из которых обладает специфическими признаками по структурным параметрам. Число их может быть расширено в ходе исследования за счет таких характеристик, как механизмы детерминации (синхронные и диахронные; дивергенция и конвергенция); субъект-объектное отношение; единицы членения (в ходе функциональной дифференциации) и процессы трансформации. Соединение параметров процессиальных и структурных позволяет рассматривать мироцелостность через целостную исследовательскую матрицу.

В самом общем виде эта матрица выглядит следующим образом:

Структурные и процессиальные параметры истории мироцелостности

Параметры (ядро)	Исторические типы		
	I	II	III
	локальный	универсальный	планетарный
1. Субстратность (по доминирующему началу)	Природное	Социальное	Духовное
2. Организация	Конгломерат	Полисистема	Неопределенное множество
3. Хронотоп	Локально-циклический	Время-стрела	Пульсар

Полезность этой матрицы видится в том, что в ее рамках соединены обычно разорванные аспекты истории — структуры и процессы, понятия истории всеобщей (человека) и мировой; теоретический анализ расчленен на уровни, отличные по предмету, степени абстракции и категориям. Ее понятия выражены средствами общенаучного знания, что позволяет соединить мироведческие и исторические науки.

Исторические типы мироцелостности. Данная категория разворачивается средствами идеал-типизирования, то есть формулируется как конструкция, в состав которой включаются признаки, реально не существующие (идеализация), и признаки, реально наличные, но отобранные (типизация). Идеал-типическая конструкция, представляя наш предмет — мироцелостность в ее историческом измерении — как идеальный объект, хотя и есть теоретико-гносеологическое построение, но она же включает и онтологические аспекты. Идеал-типизирование не противопоставляется логике исторической и в частности, эволюционной. Поэтому вряд ли верно противопоставлять модели типологические и эволюционные, как это присуще ортодоксам и от веберизма, и от марксизма.

По основным параметрам можно выделить три исторических типа мироцелостности, обозначая их условно как локальный, универсальный и планетарный. Вкратце, суммарные характеристики каждого из них таковы. В первом типе субстратность определяется доминированием природного начала, организация построена по принципу конгломеративности (или совокупности), а хронотоп имеет циклический и локальный характер. Второй тип отличается доминантой социального начала в его субстратности, полисистемной (или комплексной) организацией, хронотопом, где время-стрела реализуется в универсально конструируемом пространстве. Третьему типу свойственно доминирование духовного начала, организация в виде неопределенного множества, хронотоп-пульсар.

Тип первый — локальный, определяется доминантой природного начала, подчиняющего и социальное, и духовное начала (последнее здесь наличествует с его центральной проблемой мирского и трансцендентального). Духовное начало не сводимо ни к культуре, ни к религии, но последние

выступают лишь как конкретизация этого начала. Этот тип вырабатывает конгломеративную организацию, представляя скорее совокупность, нежели целостность или совокупность совокупностей. Связи между ними существуют и, как продемонстрировал Бродель, они достаточно всесторонни и активны, хотя вряд ли определяют ход воспроизводства и отдельных совокупностей, и «ансамблей» совокупностей в целом. Основной единицей таких совокупностей являются мировые империи, которые скорее приближаются к т. наз. перераспределительным (редистрибутивным) системам (по К. Поланьи)¹⁸, нежели к отдельным экономическим единицам (как это полагал Бродель).

Пространство этого типа достаточно разнообразно и включает не только локальные (общинные, племенные), но и региональные, панрегиональные и мировые единицы — как империи, так и цивилизации. Тип времени здесь циклический (преимущественно), что предполагает такой хронотоп, где пространство как бы поглощает время. Синхронные и диахронные детерминации здесь еще не выражены четко и поэтому взаимобратимы, точно так же как и различие Запад — Восток формируется из их первоначально-исходного нерасчлененного (Средиземноморье, Ближний Восток) единства.

Если первый тип охватывает гигантскую эпоху от рождения «осевых» цивилизаций до XV в., то внутри него переход ко второму типу — универсальному — разворачивался крайне неравномерно, начавшись в античном мире, затем — локализованный в Европе и универсализованный в XVI—XVIII веках. В этом типе доминирует социальное начало, которое подчиняет начало природное и определяет духовное начало. Опираясь на рост связей всех видов второй тип складывается к середине XIX в. и формируется далее как полисистемный или комплексный объект или такая разновидность системы, где конституирующую роль выполняют связи, в первую очередь «универсального общения» (Маркс).

Данный тип воспроизводится в определенном — западном — ареале, но масштабы его воздействия и его пространство действительно универсальны. Поскольку этот тип воспроизводится локально, то его мировое пространство членится на центр и периферию, хотя центр-периферические отношения существовали и в первом типе. Время здесь предстает как время-стрела с диахронными детерминациями, что питает различные концепции прогресса в том числе технократически-сциентистского толка. Универсальность воздействия данного типа приводит к нивелировке различий и вместо прежних культурно-цивилизационных здесь складываются дифференциации иного рода (социализм, третий мир). Хронотоп второго типа характеризуется тем, что здесь время как бы поглощает пространство, стремясь к беспредельности и бесконечности. В эволюции этого типа довольно четко выделяются периоды до середины XX в. и его второй половины (особенно конец века), в каждом из которых все более значительной становится роль связей-конституант и синхронных детерминаций.

Третий — планетарный — тип качественно отличен от предшествующих в первую голову тем, что он формируется при доминанте начала, выражающего стремление индивида, различных групп, общностей и человечества в целом выйти за пределы, поставленные наличными объективными и субъективными условиями бытия. Этот «сдвиг к трансцендентности» проявляется и конкретизируется в различных формах — от становления индивида как личности до возрастания роли т. наз. человеческого фактора в общественном производстве (особенно в связи с его информатизацией), от становления новых форм сознания (религиозного — в виде экуменизма, экологического, научного — в виде новой, постпозитивистской науки) до общественных движений (альтернативных, федеративных, общинных, феминистских).

Организация этого типа характеризуется принципиальной, то есть воспроизводимой, гетерогенностью компонентов (что во втором типе было скорее отклонением, нежели нормой). Компонентами третьего типа поэтому выступают не только разнородные, но и разнотипные образования — от

экономики до культуры, от государства до транснациональных корпораций, от конфессий до индивида. Эти разнородные компоненты обладают общим статусом, т. е. равноположены, что делает не применимыми к ним такие привычные категории как первичность-вторичность или — в этом же смысле — «базис-надстройка»: в роли компонента планетарного типа мироцелостности индивид так же первичен, как и экономические отношения.

Индивид становится непосредственно зависимым от мироцелостности, ибо между судьбой индивида и бытием человечества устанавливается прямая, непосредственная связь, что проявляется в зависимости индивида как от мировых катастроф, так и от генофонда человечества, которому угрожают (как и индивиду) наркомания, СПИД и пр. Эта непосредственная связь «индивид — человечество» предполагает, что в рамках планетарного типа мироцелостности принадлежность индивида к различным коллективным общностям — нациям, классами, религиям, этносам — лишь обусловливает и опосредует прямое вхождение индивида в «организацию» мироцелостности.

В силу того, что в данном типе организация конституирована связями (как и во втором типе), то компоненты его состава не только принципиально разнородны или различны, но в то же время равноразличны (термин М. Гефтера) по отношению друг к другу. Этот принцип равноразличий выражается в своего рода взрыве локализмов и партикуляризмов (политических, культурных, языковых, этнических), что делает разнообразие состава взрывоопасным для существования данного типа мироцелостности. Принципы гетерогенности и равноразличий означают также, что состав третьего типа отличается высокой степенью сложности, а потому его понимание и объяснение посредством метода «клеточки», базового элемента (или «кирпичика») вряд ли возможны. Хотя принцип конституирующей роли связи сближает данный тип с полисистемным образованием, он не может быть отнесен к той же комплексной, да и вообще системной организации. Разнородность состава настолько велика и значима, что даже при наличии у связей конституирующей роли логично характеризовать организацию третьего типа как неопределенное множество, то есть рассматривать его как объект или класс объектов, которые имеют нечеткий, размытый характер, обладают гибкими объемами и границами. Такой объект может быть понят адекватно средствами не классической логики, но особой т. наз. логики нежестких объектов.

Подобной организации соответствует хронотоп, построенный на принципе пульсара так, что пульсирующими являются здесь и пространство, и время, и их связка. Пространство стремится выйти за пределы планеты — в космос, во Вселенную и в то же время сжимается до локальных организмов типа базовых общностей (род, этнос, язык) и групп непосредственного, прямого общения в самых крупных городских центрах (так наз. неотрайбализм). Аналогично пульсирует и время, которое, с одной стороны, как бы исчерпывает себя (нисходящая ветвь истории, унификация образа жизни, нивелировка исторического полиформизма), а с другой — расширяется в прошлое, тем самым как бы компенсируя и пустоту настоящего и проблематичность будущего, что в целом лишает время его стадияльно-хронологической последовательности; наконец, как время поглощает пространство, так и пространство — время, без жестких разделяющих их границ.

Возвышение или доминирование духовного начала особенно в коллективных формах сознания, так же как и углубление принципа связей-конституант, создает основание и предпосылки для превращения всего человечества в субъект мироцелостности вместо такого бытия субъекта, когда оно конкретизировалось в отдельных частях или «сегментах» человечества (типы I и II). Структура этого субъекта мироцелостности определяется связями между образующими его отдельными агентами и акторами, которые здесь не только взаимосоотнесены, но и взаимонеобходимы и друг для друга, и для целостного субъекта — человечества.

Такая взаимонеобходимая соотнесенность означает, что самосознание и идентичность каждого агента (актора) необходимо реализуется через

общение, путем соотнесения «себя» — с «другим» или даже через идентификацию «себя» с «другим». Подобный способ выработки самосознания делает таковое — и тем более идентичность — не только гетерогенными, но и проблематичными, что и дает основание для тезиса «смерть субъекта». В действительности, «смерть» означает распад идентичности, этого одного из параметров субъекта, или означает смерть субъекта, моделируемого по нормам холизма в качестве эманации субъекта-человечества.

Равноразличность и равноположенность агентов исключает членение — «субъект-объект» по крайней мере на уровне сознания. Однако для такого отношения может сохраняться ниша в структуре организации данного типа, поскольку неопределенная множественность есть совокупность объектов разных «классов» — как системных, так и несистемных. Поскольку системные объекты строятся иерархически, постольку в них остается место и для членения «субъект-объект», хотя такое отношение в рамках неопределенного множества уже выглядит не всеобщим, но частичным.

Как сознание, так и бытие данного типа дифференцируется в процессе его воспроизводства на отдельные равноположенные и равнозначные единицы, обладающие тем же доминирующим началом, что и данный тип в целом. Поскольку доминирование духовного начала проявляется особо заметно в сфере культуры и шире — по культурно-историческим параметрам, а также в рекомпозиции связей с началом природным (экологическая проблематика), то единицы членения имеют вид культурно-исторических и экологических образований. Такая субстрактность выражается наиболее полно в виде океаническо-континентальных связей: Атлантика — Евразия — Тихий океан; Тихий океан — Америка — Атлантика; Индийский океан — Юго-Восточная Азия — Тихий океан.

Понятие связей отлично от категорий цивилизованного подхода (цивилизации речные, океанические, кочевые), поскольку последние есть «культурные» (и культурологические) единицы, а наши связи — интегральные единицы, построенные к тому же по принципу не атомарному, но по принципу соотнесенности, связанности, а сами связи строятся не по типу монад, но по числу участников — как диадические, триадические и т. п. образования. Данное понятие позволяет различать цивилизации классические (самодостаточные) и современные, где они необходимо полагают друг друга, что в свою очередь выявляет их жизненность или способность переводить свои ценности на язык универсалий и, наоборот, универсальные идеомы на язык своего опыта и ценностей.

Введение таких единиц подводит к представлению о мироцелостности в связи с Мировым океаном, открывая путь к аналогиям с самыми ранними эпохами истории человечества, аналогиям, создающим сквозную историю мироцелостности. Возникает возможность представить, скажем, историю России в ее стремлении стать океанической державой и ее возможную нынешнюю роль как звена или посредника в связке Атлантика — Евразия — Тихий океан.

Океаническо-континентальные единицы обладают и собственным социальным телом. Исходя из таких параметров как субъект, связи, общность, тип организации, можно развертывать сравнительные исследования социальной структуры мирообразований, опирающихся на данные связи. Например, сравнение Европейского сообщества и Азиатско-Тихоокеанского региона демонстрирует такие их различия: первое образование имеет общего не только культурно-исторического, но и политического субъекта, базируется на связях и культурно-исторической общности, вырабатывает синтезированный тип социальной организации; второе образование не имеет единого субъекта, строится на связях без культурно-исторической общности и организуется по принципу симбиоза. Связав анализ этих структур с их способностью к самовоспроизводству, можно представить, в какой мере эти и иные подобные мирообразования достигнув равновесия могут стать даже замкнутыми системами¹⁹, то есть структурами, обеспечивающими устойчивость мироцелостности.

Эволюция мирового «неопределенного множества» с его принципами

гетерогенности и неравнозначия компонентов, с пульсирующим хроно-
пом не может представлять ничего иного, как совокупность ряда разнотип-
ных процессов и движений, имея в целом вид процесса не только вероят-
ностного, но и стохастического (случайного). Основным источником этих
движений выступает принцип разнообразия, а его движущей силой предста-
ет разрешение противоречия между связями и компонентами мироцелост-
ности, поскольку первым свойствен универсальный и всеобщий характер,
а вторые выражают особенное и локальное. Взятые в целом, как проти-
воречие глобального-локального, оно не тождественно и не сводимо к про-
тиворечию экономика-культура, ибо экономика столь же локальна, как
и культура глобальна. В ходе такой эволюции мироцелостность находит
адекватное выражение в картине мира как «концерта культур» или в образе
«мир-сад».

Коротко говоря, третий тип мироцелостности образован возвышением
духовного или трансцендентного начала, принципом гетерогенности, на
основе которого индивид выступает как необходимый компонент состава (и
в этом смысле равноположенный другим компонентам). В этом описании
соблюдены правила и идеализации (введен признак равенства различий,
отсутствующий в реальности) и типизации (не включено отношение «субъ-
ект-объект» и выражающее его членение центр-периферия). Эти операции не
нарушают правил идеал-типизирования в отличие от тех моментов, когда
некоторые признаки идеал-типа или принимались за аксиомы или аргумен-
тировались не теоретически, а от реальности.

Идеал-типические конструкции, как отмечалось выше, не исключают
принципа историзма, в том числе применительно и к своим собственным
построениям. Поэтому и внутри каждого из выделенных типов мироцелост-
ности, работают две логики — и воспроизводства типов, и их исторического
изменения. Внутри первого типа историческая логика проявляется в рас-
членении начал природного и социального, что особенно заметно в эпоху т.
наз. осевого времени. Дальнейшая эволюция этого типа разворачивалась как
дифференциация социального начала, особенно с выделением автономных
(рыночных) экономических связей («Великая трансформация», по К. Пола-
ньи)²⁰ и функционированием природы уже в качестве «среды» социума.

До тех пор, пока сохранились природно-социальные отношения, ис-
торическая логика не нарушала принципов первого типа, хотя расширение
и интенсификация связей, особенно с эпохи Великих географических от-
крытий XV—XVII вв. вело к распаду данного типа и его трансформации во
второй тип. Историческая логика его выражается в развитии системы, где
связи выступают в роли конститuant, складывающиеся в этой роли во
второй половине XIX — начале XX вв., формирующиеся к середине XX в.
в виде связей отталкивания (т. наз. две мировые системы) и достигающие
универсальности к 90-м годам нашего века с распадом тоталитарного
социализма как мирообразования.

Внутренняя историческая логика третьего типа выражена в том, что на
первых этапах его генезиса мы имеем дело преимущественно или с пред-
посылками этого типа, или с бытием самого типа преимущественно как
сознания (в виде религиозно-экуменических и научных представлений). Пе-
реломным моментом в исторической логике этого типа выступает кон-
ституирование его различных компонентов как неравнозначных и — осо-
бенно — конституирование индивида (личности в ее равноположенности
всем другим компонентам мироцелостности).

Историческая логика прослеживается и на стыках между типами, хотя
с существенными различиями. Стыковка первого и второго типов предстает
как процесс в целом естественный, хотя и локально ограниченный рамками
Запада при универсальном воздействии этого региона на остальные части
мироцелостности. Здесь видна переменчивость трансформации (разновид-
ности становящегося капитализма), но нет альтернативности и в этом
смысле не возникает точка бифуркации. Напротив, трансформация второго
типа в третий есть процесс не только переменчивый, но и альтернативный,
поскольку становится реальной нисходящая ветвь истории с ее катаст-

рофами, что делает проблематичным само выживание человечества. Поэтому в такой стыковке можно говорить о наличии точки бифуркации, да и о необходимости изменения естественного хода истории, заданного доминированием социального начала.

Третий мир на стыке исторических типов мироцелостности. На стыках типов особо важная роль принадлежит тем образованиям, которые называются Востоком, Третьим миром, Югом. В этих стыкующих звеньях выражена логика отдельных типов (в том числе, их историческая логика) и закономерности эволюции мироцелостности, так сказать, в сквозном виде. Анализ этих звеньев разворачивается в порядке конкретизации понятия исторических типов, т. е. на следующем — втором — уровне исследования мироцелостности. Наконец, основное внимание уделяется такому звену как Третий мир, поскольку именно через него происходит стыковка как первого типа со вторым, так и второго с третьим.

На этом втором уровне исследования мироцелостности возникает необходимость ввести специальное понятие, которое включало бы и «наши» стыкующие звенья. Назовем их «мирообразование», имея в виду такие единицы мирцелостности, которые необходимы для ее воспроизводства, т. е. и для сохранения типа, и для его изменения. В роли мирообразования могут выступать различные социальные единицы и субъекты, скажем, от католической церкви до транснациональной корпорации, от Международного валютного фонда до ООН, а также еще более крупные образования типа регионально-интеграционных объединений (европейские сообщества, АТР) и культурно-исторических ареалов (мир Ислама, Тюркский мир). Среди них «нашим» звеньям принадлежит особая роль, ибо они связаны с членением мироцелостности по линии «субъект-объект». Связь с таким отношением предполагает, что «наши» стыкующие единицы должны рассматриваться не только в плане онтологическом (на что здесь делается упор), но и когнитивном, и гносеологическом. Сочетание этих аспектов анализа особенно важно, когда речь идет о понятиях Третий мир и Восток.

Анализируя стыковку типов, мы характеризуем сами стыкующие звенья по нескольким параметрам, включая в первую очередь механизмы стыковки («как?») и те отношения, на основе которых они работают («что?»), добавляя, естественно, характеристику стыкующего субъекта («кто?»). Здесь же возникают проблемы и более общего порядка, связанные с применением к таким ситуациям понятия «переходность», которое оспаривается в силу его ассоциации с представлением об истории как линейно-стадиальном процессе. Со своей стороны, выскажем сомнение в полезности данного понятия при описании стыковки первого и второго типов применительно к доколониальному западному миру: ведь его включение в рамки второго типа не было ни естественным, ни органичным и вряд ли поэтому стадиально-последовательным переходом. Напротив, здесь имелось нарушение стадиальности, резкий скачок, что и ограничивает понятие «переходность» и, тем более, применительно к такой ситуации перерыва, которая складывается при стыковке второго и третьего типов. Взамен этого понятия стало широко использоваться понятие «трансформация», которое не может заменить переходность, ибо характеризует в строгом смысле лишь один аспект переходности — преобразовательные процессы. Отсюда наше предпочтение более нейтральному термину «стыковка» понятию «переходность» — при условии конкретизации нашей категории характеристиками различных механизмов стыковки, в том числе таких, как преобразование (трансформация), адаптация, комбинация.

Роль Третьего мира как специфического мирообразования заключается, во-первых, в том, что формирование этой единицы обеспечило стыковку первого и второго типов, точно так же, как и распад Третьего мира обеспечивает стыковку второго и третьего типов. В первой ситуации Третий мир предстает как объект истории мироцелостности, а во втором как составная субъекта (человечество). Иначе говоря, стыкующая роль этого мирообразования основана в одном случае на становлении субъект-объектного отношения, а в другом — на отрицании этого же отношения

в структуре третьего типа мироцелостности. Задачи исследования этого звена состоит в том, чтобы не только выявить необходимость корреляции, связующей это мирообразование с историческими типами, но и попытаться установить, в какой мере данное мирообразование изменяет, модифицирует и сами типы и взаимосвязи между ними.

Итак, первый стык — между первым и вторым типами мироцелостности. Здесь проблематичными видятся характеристики как онтологических признаков рождающегося третьего мира (чему посвящена обширная литература), так и когнитивно-гносеологическая соотнесенность этого понятия и понятия «Восток».

Третий мир как специфическое мирообразование зарождается в ходе экспансии капитализма (Запада) на незападные ареалы. Основанием его рождения выступает центрo-периферическое членение, зародившееся уже в рамках первого типа и формирующееся как мировое отношение в рамках второго типа. В структуре этого отношения Третий мир играет роль объекта или — по-иному: то, что образует объект в данном типе мироцелостности и есть Третий мир. Такое положение определяет другие признаки этого мирообразования — фрагментированность и производность, а иными словами, отсутствие как целостности, так и самодостаточности, в том числе способности к саморазвитию. В отличие от объектов системного класса — целостных и самовоспроизводящихся, будь это община или национально-государственное образование (общество), Третий мир относится нами к классу общностей, а точнее — мозаичной общности²¹.

По происхождению, генезису это мирообразование не связано с доколониальными незападными ареалами, поскольку Третий мир возник не из разложения этих ареалов. Его связь с ними может быть выражена не такими категориями как экспансия, встреча, вызов-ответ и пр., но через понятия объективации этих незападных миров. В смысле онтологической Третий мир и есть объективированный Восток, но в плане когнитивном эта связь двух понятий более сложна. По существу возникший, родившийся внове Третий мир был «покрыт» понятием «Восток» и лишь с середины нашего века обретает собственное наименование, которое в определенной мере и было самоназванием. Что же касается понятия и образа «Восток», получивших самые различные идеолого-мировоззренческие интерпретации и вошедших в классическую оппозицию Запад-Восток, то эти понятия потеряли в середине XX в. свой прежний смысл и значение с тем, чтобы вновь их обрести в наше время.

Объективация Востока и становление Третьего мира реализовалась через различные механизмы и различные типы общественных отношений. Среди последних — равноположенных — по нормам мозаичной общности, надо выделить те, в которых наиболее заметна преемственность нового мирообразования и доколониальных социумов. Этот вид общественных отношений можно назвать превращенной формой так наз. азиатского способа производства, имея в виду, что в них сохранен структурообразующий принцип «азиатчины» (доминирование центрального или государственного начала), сочетающийся с иными, условно говоря, неотрадиционалистскими общественными отношениями, где традиционные связи и отношения выступают в «современных» ролях. Решающим критерием превращенности является его отличие от оригинала в плане стадильном, ибо превращенная форма или принадлежит иной стадии эволюции мироцелостности или вообще детерминирована синхронно, а не диахронно.

Превращенная «азиатчина» стоит в одном ряду не только со «вторым изданием» крепостничества, плантационным и промышленным рабством, но и есть аналог тоталитарного социализма. Такой аналог представлен особой разновидностью превращенной «азиатчины» — ее вторым изданием (постколониальная общность с государственной доминантой), отличной от ее первого издания, которое складывалось в порядке адаптации к экспансии капитала и Запада (например, реформы М. Али в Египте, реформаторские течение в индуизме и исламе, политика «самоусиления» в Китае, «порфиризм» в Мексике). Если первое издание послужило основанием для станов-

ления второго типа мироцелостности, стыкуя его с первым, то новая, послевоенная «азиатчина» стимулировала развитие второго типа и вширь и вглубь.

Можно ли считать, что рождение Третьего мира (или объективация Востока) были необходимы для модернизации и индустриализации Запада, для становления капитализма в этом регионе и были ли эти процессы неизбежными для доколониальных незападных миров? Что касается первой проблемы, то, как известно, предлагаются самые различные ее решения — от полного отрицания до утверждения подобной необходимости. Причем, в марксистской литературе ныне распространено представление о том, что такая «необходимость» объясняется не столько в рамках чисто логической модели капитализма, сколько в концепциях, анализирующих историческую логику капитализма (Валлерстайн). Если не необходимость, то по крайней мере «потребность» во внешней экспансии капитала заложена и в его логической модели, как она представлена в работах Маркса. Во всяком случае решение данной проблемы в значительной мере зависит от соотношения логического и исторического подходов в теории капитализма, что требует разработки специальной теории капитала как мирового отношения, теории, отличной от «безразмерной» марксовской модели капитализма.

Относительно второй проблемы надо отметить наличие мнений о том, что упадок доколониального Востока не был столь значительным, как это ранее представлялось, хотя этот упадок и предшествовал необходимо возвышению Запада. Поиск решения проблемы в данном случае заключается не только в конкретном исследовании «упадка» Востока, но и в разработке теории развития как мирового процесса, вырабатывающего различные механизмы, не сводимые к одной модели — прогресса (стадиально-последовательного, восходящего и необратимого развития). В этом русле предстоит заново оценить значимость механизма эволюции, присущего т. наз. азиатскому способу производства. Поскольку эти теоретико-исследовательские проблемы далеки от решения, нам остается согласиться с тезисами как о неизбежности тьермондизации (его превращение в объект мировой истории) Востока, так и необходимости этих процессов для возвышения Запада или — в наших терминах — для стыковки первого и второго исторических типов мироцелостности.

Сама же стыковка обретает вид процесса однозначного, однонаправленного и при наличии (безусловно) вариантов, не имеет видимой точки бифуркации и альтернативного характера. И бифуркация и альтернативность возникают лишь во втором издании превращенной «азиатчины» (некапиталистическое развитие, социалистическая ориентация), но сравнительно быстро (50—60-е годы) как бы рассасываются, что свидетельствует о ложности этой альтернативы. Но на подобное проявление было затрачено более 70 лет в реально-социалистическом аналоге этого издания превращенной «азиатчины».

Если для становления второго типа мироцелостности был необходим процесс объективации (Востока), то для становления третьего типа столь же необходим процесс субъективации (Третьего мира). Эта необходимость обусловлена основными параметрами самого третьего типа с его возвышением духовного начала, гетерогенностью состава, равноположенностью различий его компонент. Субъективация Третьего мира не только «отвечает» этим признакам, но и составляет необходимый фактор их выработки. С точки зрения принципов гетерогенности и различий значимость преобразования Третьего мира особо очевидна: он предстает — в обновленном виде — как агент разнообразия «по преимуществу», агент, без которого невозможно преодолеть тенденции к универсальной нивелировке, присущие предшествующему, второму типу мироцелостности.

Субъективация Третьего мира имеет свои предпосылки в виде интенсивных и разнообразных связей, в стремлении сознания выйти за рамки социоцентризма. Основаниями этого процесса служат структурные преобразования 80-х годов, модифицирующие, если не разрушающие второе издание превращенной «азиатчины» (либерализация, приватизация,

демократизация, идеология прав человека). Эти процессы и генерируемые ими структуры, однако, находятся в противоречии с прежним, центро-периферическим членением, которое все же усложняется настолько, что прежняя поляризация так или иначе размывается, как и ее основание — субъект-объектное отношение.

Субъективация и — шире — рост и утверждение равнозначимости различий — имеет весьма противоречивые последствия как для Третьего мира, так и для мироцелостности. В самом Третьем мире разворачивается дифференциация между отдельными социумами, опирающимися на разные традиции и разные позиции в мировых связях. Внутри них происходит подлинный взрыв локализмов и партикуляризмов, обостряется противоречие между становящимся индивидом и коллективными, надличностными формами сознания и институтов. Третий мир в порядке процесса субъективации неизбежно использует такой механизм как ретрадиционализацию, возрождая культурную традицию и историческую преемственность. Одним из таких механизмов и является идентификация Третьего мира (или вернее — его части) с Востоком, что, однако, нельзя отнести целиком за счет самоидентификации. Короче говоря, переставая быть объектом, Третий мир не становится единым субъектом, но выступает как совокупность различных историко-культурных агентов.

Это разнообразие субъектов (хотя и необходимое для мироцелостности) может стать и становится разнообразием избыточным, в котором сочетаются элементы противостояния, отката и выпада из мироцелостности. Взрыв разнообразий, который приносит субъективация Третьего мира, освобождает столько энергии, что последствия можно сравнить с энергией расщепляемого атома. Поэтому само становление третьего типа становится альтернативным (выживание — развитие) и проблематичным: здесь-то и возникает точка бифуркации. Именно поэтому решающее значение приобретает проблема выбора, осуществляемого Третьим миром. Его сознание ныне стоит перед дилеммой — стать сознанием «для себя», или сознанием «для мира». Эта дилемма имеет немало решений, среди которых адекватным кажется то, когда Третий мир вырабатывает сознание «для себя», как обусловленное и опосредуемое сознанием «для мира».

Очевидно, что и рождение, и умирание Третьего мира играют важную роль не только в стыковках типов мироцелостности, но и в том, что эти типы обретают мировой масштаб: без Третьего мира и его модификаций и второй и третий типы оставались бы региональными образованиями. Анализ Третьего мира показывает и различия в характере и механизмах обоих стыковок. Если в первом случае процесс стыковки имеет естественно-неизбежный характер, вариабелен, но не альтернативен, генерирует «однозначные» образования, то во втором случае процесс вероятностен и стохастичен, альтернативен (вплоть до «взрыва») и, проходя через точку бифуркации, генерирует «многозначные» образования. В обоих случаях прослеживается, тем не менее, сквозная преемственность первого и третьего типов, как это демонстрируют отношения превращенной «азиатчины», которая в рамках третьего типа, хотя и «умирает» как социальное отношение, но возрождается как культурно-духовное явление. Эта преемственность и заставляет и более внимательно сопоставить крайние типы мироцелостности.

Оба этих типа сходны по организации как конгломерат и множество. Однако здесь же видны и различия, ибо в конгломерате его разнородные компоненты не соотнесены друг с другом и среди них отсутствует индивид/личность, компонент, критически важный для третьего типа. Последний отличается и принципом равноразличий, чего нет в конгломерате и, конечно, субстратностью. Подобные сходства и различия реализовались в триадичном (теза — антитеза — синтез) по ритму процессе, когда начальная разнородность первого типа сменяется однородностью второго типа и вновь выходит к разнородности в третьем типе. Нерасчлененность начал разворачивается в их членении и выходит в поиске гармонически дифференцированного целого и т. д. Эта ритмика свидетельствует о симметричности крайних типов, что позволяет видеть в нынешнем возвышении духовного

начала феномен, аналогичный эпохе осевого времени, его, так сказать, второе издание.

Не означают ли эти параллели, впрочем как и анализ смены типов мироцелостности не что иное как возвращение к стадиальному видению истории, построенному на законе отрицания отрицания? Точнее говорить о том, что изложенная выше концепция есть попытка соединить разные видения истории, состыковать их на принципе историзма, равноприменимого и онтологически (процесс, структура истории) и гносеологически (представления об истории). Более конкретно такое применение принципа историзма можно видеть на примере характеристики двух типов детерминации — синхронной и диахронной. Они неразделимы в рамках первого типа и расчлняются с переходом ко второму, где диахронность становится универсально действующим механизмом, который совмещается заново с синхронным механизмом при переходе к третьему типу мироцелостности. Если движение от первого типа ко второму есть движение становящееся стадиальное, то движение от второго к третьему типу есть процесс не стадиальный, но совмещающий. Аналогичным образом можно представить как создаются и исчерпываются основания для макроисторических представлений. Поскольку эти представления неотрывны от исторического сознания субъекта, то центральной проблемой становится исследование этого сознания, как и социальных воплощений исторического субъекта в ситуациях разрыва (или стадиального сдвига) и в ситуации преемственности (или совмещения) типов мироцелостности современной эпохи.

Примечания

1. См. ГУБМАН Б. Л. Смысл истории. М. 1991, с. 66.
2. ШВЫРЕВ В. С. Научное познание как деятельность. М. 1984, с. 7.
3. О них см. Восприятие и анализ мировых проблем. Париж. 1986.
4. WALLERSTEIN I. The Modern World System. N. Y. Vol. 1, 1974; vol. 2. 1980.
5. Об этом принципе см. ЧАЙКОВСКИЙ Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. М. 1990.
6. Об этих подходах см. СОЛОВЬЕВ Э. С. Попытка обоснования новой философии истории в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера.— В сб. Новые тенденции в западной социологии науки. М. 1988.
7. NETTL J. P. and ROBERTSON R. International System and Modernization of Societies. Lnd. 1968; SKOCPOL T. States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge. 1979.
8. MOORE B. The Social Origins of Dictatorship and Democracy. 1978.
9. BRAUDEL F. Civilisation matérielle. Economie et capitalisme, XV--XVIII siècles. P. 1979.
10. Review. 1978, Vol. I, N 3/4, p. 257.
11. WILKINSON D. Centre Civilization.— Comparative Civilizations Review. 1991, N 25.
12. KAVOLIS V. History of Consciousness and Civilizational Analysis.— Comparative Civilization Review, 1987, N 17.
13. FRANK A. G. A Theoretical Introduction to 5000 Years of World System History.— Review, 1990, XIII, 2, p. 155—248.
14. Exploring Long Cycles. Boulder. 1987.
15. См. Review, 1992, Vol. XV, N 4.
16. ROBERTSON R. Mapping the Global Condition. Globalization as the Central Conception.— Theory, Culture and Society. 1990, vol. 7, N 2—3, p. 15—30.
17. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 1, с. 263—264; т. 3, с. 4; т. 27, с. 380—381. О соотношении понятий «сущность», «существование», и «социальные формы существования человека.» в работах Маркса см. ТЕКЕИ Ф. К теории общественных формаций. М. 1975, с. 188—190.
18. Это понятие, выдвинутое К. Поланьи, применяется и в отечественной литературе, в том числе и к обществам так наз. азиатского способа производства, см., напр., Л. С. ВАСИЛЬЕВ. Проблемы генезиса китайского государства. М. 1983, с. 17.
19. См. о них. ПРИГОЖИН И. Перспективы исследования сложности.— Системные исследования. 1986. М. 1986, с. 55.
20. POLANYI K. The Great Transformation. N. Y. 1957.
21. Восток в теориях и гипотезах. М. 1992, с. 114—130.

Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии

Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин

Согласно средневековой традиции, призвание варяжских князей положило начало Русскому государству и его истории. Еще Н. М. Карамзин, разделяя прямолинейную историзирующую трактовку летописного повествования, видел в нем «удивительный и едва ли не беспримерный... случай: Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных и хитрость честолюбивых вводили Самовластие... в России оно утвердилось с общего согласия граждан»¹.

Сравнительное изучение письменных источников и развитие историко-офской мысли поколебали это представление уже в середине XIX в.: мотив призвания правителей оказался свойственным многим историографическим традициям древности и средневековья, а гиперкритицизм в противопоставлении «истории» и «саги», факта и вымысла вытеснил «призвание варягов» в сферу легендарного.

Со времени А. А. Шахматова легенда считается «книжной конструкцией», плодом «тенденциозного сочинительства» одного из составителей или редакторов Повести временных лет (ПВЛ)². Это мнение в принципе верно: любая письменная фиксация текста есть книжная конструкция, результат осмысления автором исходного материала в соответствии с некоторыми принципами (тенденциями). Поэтому дошедший до нас текст легенды подлежит рассмотрению с учетом книжного, «ученого» характера ПВЛ как цельного произведения начала XII века. Вопрос, однако, в другом — что представляет собой сама легенда и что лежит в ее основе.

Общепризнано, что одним из важнейших источников раннего русского летописания были так называемые устные предания. К ним возводится и легенда о призвании. Но — в отличие от других повествований ПВЛ — целостный анализ фольклорных основ легенды отсутствует. Шахматов писал о «местных преданиях» (ладожских, изборских и др.), облеченных в форму исторических песен. Е. А. Рыдзевская, согласившись с Шахматовым в том, что существовало предание об изгнании варягов, взимавших дань, высказала убеждение в «искусственном происхождении» легенды о призвании как единого целого. Не основано на конкретном анализе

Мельникова Елена Александровна — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН); *Петрухин Владимир Яковлевич* — доктор исторических наук (Институт славяноведения и балканистики РАН).

и определение Д. С. Лихачевым ее источников как «местных легенд, связанных с урочищами, могильниками, селами и городами всей русской равнины»³. Единственная аргументированная попытка определить тип исходного сказания принадлежит К. Ф. Тиандеру, который отнес его к так называемым германским переселенческим сказаниям⁴.

Между тем легенда отвечала на начальный вопрос ПВЛ — «Откуда есть пошла русская земля» — и тем самым претендовала на историческую достоверность (разумеется, как понимал ее летописец). Это одно уже не позволяет рассматривать летописный текст как «досужий домысел»⁵: по меньшей мере он — плод ученых разысканий составителя ПВЛ или предшествовавшего ему свода. Способность к таким разысканиям летописец демонстрирует не раз — достаточно вспомнить его рассуждения о князе Кие, отвечающие на второй вопрос ПВЛ — «кто в Киеве нача первее княжити»⁶.

Отказ от признания историчности варяжской легенды был, видимо, обусловлен двумя причинами. С одной стороны, конъюнктурой — борьбой с норманизмом, направленной и против средневековых книжников — первых «норманистов». С другой — господством в изучении легенды конкретно-текстологического анализа, а точнее, заключений и оценок Шахматова⁷, исследование которого определялось его взглядами на варяжскую проблему в целом и его убежденностью в принципиальном расхождении интересов киевских и новгородских летописцев, отразившихся в тексте ПВЛ. Исходя из своих представлений об этих интересах, Шахматов восстанавливал первоначальный текст легенды (и летописи в целом). Обоснованно усматривая в приглашении князей новгородский вечевого обычай, он полагал, что сведения об этом событии могли содержаться только в Новгородском своде: «Невероятно, чтобы киевский летописец мог с такой определенностью воссоздать хотя бы и фантастический рассказ о событиях, представляющих для него лишь попутный интерес»⁸. Между тем этот рассказ был призван дать ответ на основной, а вовсе не «попутный» вопрос начальной летописи и имел принципиальное значение для летописца.

На концепцию Шахматова сильно повлияла также его теория двух волн скандинавской колонизации Поднепровья: «В VIII—IX веках среди Поднепровских славян появляются полчища Скандинавов, садятся на укрепленных местах и начинают покорять себе славянские племена: их называют Русью»⁹. Второй поток явился результатом призвания, причем новые мигранты получили название варягов (в отличие от более ранней руси) и осели на новгородском севере. Лишь когда Игорь (или Олег) захватывает Киев, его варяги принимают название «русь», укоренившееся в Поднепровье с первой волной скандинавов¹⁰.

Вместе с тем исследование процессов формирования в IX—X вв. так называемой северной конфедерации племен и русско-скандинавских отношений позволило ряду историков (В. Т. Пашуто, В. Л. Янин и др.) предположить существование исторического ядра легенды и признать достоверным приглашение князей и скандинавское происхождение династии Рюриковичей. На основе археологических материалов А. Н. Кирпичников пришел к убеждению об истинности ладожского варианта легенды (Ипатьевская летопись)¹¹.

Таким образом, текстологический анализ легенды и историко-археологическое изучение эпохи, к которой она отнесена, привели исследователей к противоположным результатам. Но остаются неиспользованными те возможности, которые связаны с изучением структуры легенды, ее содержания, типа и т. п., а также ее места в контексте ПВЛ.

Древнейшие сохранившиеся тексты легенды состоят из нескольких содержательных отрезков, за которыми просматривается структура повествования. Приведем эти тексты по трем летописям, выделив важнейшие структурные элементы (курсивом даны вероятные правовые термины):

Лаврентьевская

- I. 1. В лето 6367. Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех, кривичех. А козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичех, имаху по беле веверице от дыма.

В лето 6368.
В лето 6369.

- II. 2. В лето 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша им дани,

3. и почаша сами в себе володети, и не бе в них *правды*.

4. и вьста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся.

- III. 5. И реша сами в себе: «Поищем себе князя, иже бы *володел* нами и *судил по праву*».

6. И идоша за море к варягом, к руси...

7. Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси:

8. «Земля наша велика и обилна, а *наряда* в ней нет. Да поидите *княжит* и *володети* нами».

9. И избрашася 3 брата с роды своими, пояша по себе всю русь, и придоша;

10. старейший, Рюрик, [седе Новегороде] *, а другой, Синеус, на Белезере, а третий Изборь-

Ипатьевская

1. В лето 6367. Имаху дань Варязи, приходяще из заморья, на Чюди, и на Словенех, и на Мерях, и на всех Кривичах. А Козаре имахуть на Полянех, и на Северех и на Вятчих, имаху по беле и веверици, тако от дыма.

2. В лето 6370. И изгнаша Варягы за море, и не даша им дани.

3. И почаша сами в себе володети, и не бе у них *правды*.

4. И вьста род на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша.

5. И ркоша: «Поищем сами в себе князя, иже бы *володел* нами и *рядил*, по *ряду по праву*».

6. Идоша за море к Варягом, к Руси...

7. Ркоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи, и вся:

8. «Земля наша велика, и обилна, а *наряда* в ней нет. Да поидите *княжит* и *володеть* нами».

9. И избрашася три брата с роды своими, и пояша по себе всю Русь,

10. и придоша к Словенном перее, и срубиша город Ладогу. И седе старейшии в Ладозе

Новгородская I

1. В времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словене, и Кривици и Меря; Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; каждо своим родом владыше, а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по белеи веверици; и иже бяху у них, то ти насилье даяху Словеном, Кривичем и Мерям и Чюди.

2. И вьсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море;

3. и начаша владети сами себе и города ставити.

4. И вьсташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вьсташа град на град, и не беше в них *правды*.

5. И реша к себе: «Князя поищем, иже бы *владел* нами и *рядил ны по праву*».

6. Идоша за море к Варягом

7. и ркоша:

8. «Земля наша велика и обилна, а *наряда* у нас нету, да поидете к нам *княжить* и *владеть* нами».

9. Избрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и придоша к Новугороду.

10. И седе старейшии в Новегороде, бе имя ему Рюрик; а другой седе на Белезере, Синеус,

сте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля, новгородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени.

11. По двою же лету Синеус умре и брат его Трувор. И прия власть Рюрик,

IV. 12. и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро.

13. И по тем городом суть находници варязи, а перьвыи насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Белеозере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик» ***.

Рюрик, а други Синеус на Белеозере, а третей Трувор в Изборьске, и от тех Варяг прозвася Руская земля.

11. По двою же лету умре Синеус, и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю, и сруби город над Волховом, и прозваша и Новгород.

12. И седе ту княжа, и раздая мужем своим волости, и города рубити; овому Полтеск, овому Ростов, другому Белоозеро.

13. И по тем городом суть находнице Варязи; первии населници в Новегороде Словене, и в Полотьске Кривичи, Ростове Меряне, Белеозере Весь, Муроме Мурома. И теми всеми обладаше Рюрик» ****.

а третей в Изборьске, имя ему Трувор **.

11. По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владеги един.

* Чтение в Троицком списке.

** Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л. 1950, с. 106—107.

*** Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 13—15.

**** Повесть временных лет. Ч. 1. М.—Л. 1950, с. 18.

Далее начинается рассказ об Аскольде и Дире.

Композиционно текст легенды членится на четыре эпизода, внутреннее единство каждого из которых — в противопоставлении другим — подчеркивается вариативностью их в разных списках. Первый эпизод (п. 1) дает описание ситуации, введение к сюжету в целом, наиболее развернутое в НПЛ. Во втором эпизоде (пп. 2—4) обрисован конфликт, который требует разрешения, т. е. восстановления нормы. Разрешение конфликта — путем приглашения варягов из-за моря и их вокняжения — описано в третьем эпизоде (пп. 5—11). Заключительный эпизод (пп. 12—13) возвращает изложение к описанию общей ситуации, но уже в новых условиях, и создает кольцевую структуру текста. Эпизоды II и III по способу изложения и по объему материала одинаковы во всех редакциях, что указывает на их конституирующее текст значение. Эпизоды же I и IV факультативны: в НПЛ эпизод IV отсутствует, а эпизод I много пространнее, нежели в других летописях. Таким образом, в основе легенды лежит типичная повествовательная структура: конфликт — его разрешение.

По своему содержанию эта легенда, в отличие от других преданий ПВЛ, близка к этиологическому сказанию¹², т. е. мифу о возникновении некоей культурной ценности: она объясняла происхождение существовавшей во времена хрониста (в конце XI — начала XII в.) государственной власти, которая, как это свойственно средневековой историософии, отожд-

дествлялась с правящей династией, и тем самым отвечала на вопрос «откуда есть пошла Русская земля».

Вопрос о происхождении государства/династии стоит во главе угла любой раннесредневековой «истории народа», т. е. историографического сочинения, представляющего судьбу какого-либо народа от его «возникновения» до времени хрониста. Все они в той или иной форме содержат этиологическую династическую легенду¹³. Получив в наследство вместе с христианскими воззрениями всемирную (т. е. библейскую) историю, каждое приобщавшееся к европейской цивилизации общество стремилось определить свое и своего государства место в мировом пространстве и во всемирно-историческом ряду.

Первое достигалось прежде всего путем переработки библейской легенды о заселении трех частей ойкумены потомками Сима (Азия), Хама (Африка) и Иафета (Европа), которая пополнялась наименованиями «новых» народов¹⁴. ПВЛ, как и многие другие европейские историографические сочинения, открывается перечислением земель, заселенных потомками Ноя. Этногенетическую легенду содержали источники ПВЛ: греческие хронографы¹⁵ и еврейский текст второй половины X в., составленный в Италии, Иосиппон¹⁶. Но она была существенно расширена перечнем финно-угорских и балтских народов, живущих в «Афетовой» части, и списком северо- и западноевропейских народов, принадлежащих к «Афетову колену»; и тот и другой отсутствовали в источниках ПВЛ и принадлежали перу летописца. И в обоих упоминалась русь: сначала среди финно-угорских, затем среди североевропейских народов¹⁷, что определяло ее место в пространстве, занимаемом христианским сообществом, и относило ее вместе с ними к потомкам Иафета.

Вторая, собственно историографическая задача решалась несравненно сложнее. Закладывая основы национальной историографической традиции, составитель ПВЛ, подобно Григорию Турскому, Бэде Достопочтенному, Снорри Стурлусону, имел перед собой два принципиально различных типа источников: с одной стороны, Библию и всемирные истории, основанные на ней (Павла Орозия, например, для Запада, Григория Амартола — для Руси), с другой — местные исторические предания. Народная историческая память воплощалась в мифе и эпосе. Объединяя оба источника, русский летописец, как и западноевропейский хронист, совершал переход от фольклора к истории, или, точнее, от эпической истории (квазиистории) к историографии.

Этот переход — закономерный этап в развитии исторического сознания и самосознания народов, отразившийся в большом числе текстов, условно именуемых раннеисторическими описаниями¹⁸, и составляющий суть начального русского летописания. Характерное для них космологическое (по существу, мифозпическое) введение заменено в ПВЛ пересказом ветхозаветной этногенетической легенды, за ним следует изложение мифозпической истории как событийного ряда, который должен дать ответ на сформулированный (как в ПВЛ, у Снорри и Гальфрида) или подразумеваемый (как у Бэды, Григория Турского) вопрос о происхождении государства, т. е. правящей династии. Мифоритуальные вопросно-ответные формулы сохраняются в раннесредневековых памятниках по преимуществу как названия сочинений: «О происхождении и деяниях гетов» (Иордан), «О происхождении датчан» (Саксон Грамматик), реже — в авторском тексте как постановка задачи сочинения: «Откуда есть пошла»... (ПВЛ, Гальфрид).

Последнее событие (или серия взаимосвязанных эпизодов) мифозпического ряда, как правило, становится первым в ряду собственно исторических событий, а культурный или генеалогический герой создает не мифологическую или ритуальную, а историческую традицию. При этом собственно мифологические персонажи (например, бог Один у Снорри) «историзируются», превращаясь в «реальных» правителей, а исторические лица, напротив, приобретают функции культурных героев. Так, полубог Рюрик (он не упоминается в ранних источниках среди предков киевских князей) становится основателем действительной

династии, а «фольклорная» триада братьев садится в реально существовавших (во всяком случае для времени летописца) древнерусских городах. Включение варяжской легенды в собственно историческое время подчеркивается и тем, что она помещена в датированной части летописи (под 862 г.), в отличие от легенды о Кие, не датированной и примыкающей к космографическому введению. Таким образом порубежным событием, соединяющим миф и историю, — в соответствии с задачами раннеисторического описания — становится происхождение действительно правившей во времена хрониста династии, а герой мифопоэтической традиции предстает как ее основатель. Обстоятельства же основания династии оказываются звеном, связующим мифопоэтическую и историческую традиции.

В европейских раннеисторических описаниях сюжет возникновения династии обычно отражает структуру этиологического мифа: описание ситуации, связанной с отсутствием культурной ценности; перипетии ее добывания (нахождения, завоевания, изготовления) культурным героем; обретенное в итоге благоденствие (порядок и т. п.). Сказание об обретении государственности/династии представлено в европейских памятниках двумя подчас сочетающимися в одном тексте основными вариантами, которые можно условно назвать призыванием и переселением. Второй вариант (исследованный Тиандером) получает яркое воплощение, например, у Снорри, подробно рассказывающего о переселении из Азии в Скандинавию асов под предводительством Одина, ставшего основателем династии шведских и норвежских конунгов, и о мифопоэтических деяниях первых правителей — Инглингов. Представлен он также у Гальфрида и его предшественника Ненния, выводивших правителей кельтской Британии от потомков Брута, и в других произведениях.

Мотив призывания властителя прослеживается во многих традициях: римской (передача власти Ромулу и Рему), западнославянской (приглашение на престол Пшемисла у Козьмы Пражского), англо-саксонской (приглашение вождем бриттов Вортигерном двух¹⁹ братьев-саксов Хенгиста и Хорсы)²⁰. На фабульном уровне этот мотив образован следующими элементами:

1. Преамбула. Обоснование необходимости приглашения чужеземцев — описание неустойчивости, неупорядоченности или просто отсутствия власти (в легенде о призывании это эпизод II).

2. Обращение к иноплеменникам или поиски кандидата в правители представителями местной власти или «народом». И в том и в другом случае личность будущего правителя неизвестна (эпизод III, пп. 5—8).

3. Прибытие приглашенных правителей или нахождение будущего правителя (как правило, ребенком), по знамениям или другим приметам. Первый вариант представлен в древнерусском (эпизод III, п. 9) и англо-саксонском текстах, где на приглашение откликается не один человек, а родственная группа: два или три брата, первоначально правящие вместе. Второй — в римском тексте, а также, например, у Козьмы Пражского или в «Саге о Скъольдунгах», где основатель династии датских конунгов — Скъольд в период междуцарствия и раздоров ребенком приплывает в ладье к сакральному центру датчан (ср. «явление» Олегом младенца Игоря как законного правителя в Киеве).

4. Заключение договора местной знатью с приглашенными правителями, содержащего условия передачи власти (эпизод III, п. 8, 10).

5. Реализация условий договора или события правления, своего рода «геста» нового правителя. Эта часть сюжета наиболее подвержена видоизменениям и дополнениям. Так, в англо-саксонской традиции развернута широкая картина сражений Хенгиста и Хорсы, а Гальфрид вводит в нее авантюрный любовный сюжет. Снорри изображает Одина как основателя по преимуществу ритуальной традиции. Рюрик, Синеус и Трувор «салятся» в славянских городах (эпизод III, п. 10).

6. Сосредоточение власти в руках одного из призванных правителей (в результате смерти другого или других) и установление преемственности правления, т. е. собственно основание династии (эпизод III, п. 11).

Сюжет обнаруживает — что естественно для его переходного положения в раннеисторическом описании — сочетание мифопоэтических, квазиисторических и исторических элементов, соотношение которых варьирует. Вместе с тем ни в одном случае историческая основа сюжета (т. е. сам факт призвания) не поддается верификации, хотя и сохраняет, как это характерно вообще для «эпической истории», историческое правдоподобие в целом и достоверность отдельных реалий.

Описание условий, создавших необходимость приглашения иноземцев, и в ПВЛ, и в англо-саксонской традиции, в целом согласуется с данными других письменных источников и археологии. В Британии в первой половине V в. римско-кельтское население после ухода римских легионов, теснимое пиктами и скоттами, оказалось в сложном положении, усугубленном межплеменными распрями; в это же время начинается инфильтрация германцев. Так что привлечение германских дружин тем или иным кельтским правителем вполне вероятно, так же, как и оседание германцев на юго-востоке Англии, подтверждаемое археологически и эпиграфически. Вместе с тем, к бесспорно мифологическим элементам англо-саксонской легенды — наследию германского мифа о близнецах — следует отнести имена приглашенных братьев: Хенгист — «жеребец» и Хорса — «конь».

Столь же исторически правдоподобна и ситуация середины IX в. представленная в ПВЛ: межплеменные конфликты в ходе славянской колонизации заселенных финнами территорий, проникновение скандинавских отрядов через Неву и Ладожское озеро на Волгу. Распространение скандинавских древностей в Новгородской округе совпадает с летописной датой «призвания» Рюрика, что провоцирует исследователей к буквальному толкованию легенды и поискам прямых соответствий тексту (в духе исторической школы). Так, скандинавский могильник в урочище Плакун напротив Старой Ладogi отождествляется с захоронениями дружинников Рюрика; следы пожара в культурном слое Старой Ладogi, первоначально датированные временем около 860 г., были соотнесены с летописным известием об изгнании варягов (под 862 г.)²¹; ныне датировка слоя изменилась, и, применяя иной способ летосчисления, «изгнание» отнесли к 867 году²².

Разумеется, при условности первых летописных дат подобные прямолинейные соотнесения летописных сообщений с археологическими материалами не могут быть надежными. Да и выбор этих «соответствий» произволен. Сторонники «историчности» Ипатьевского варианта легенды, согласно которому Рюрик садится сначала в Ладoge²³, едва ли признают, что Рюрик основал («срубил») Ладogu, как сказано в Ипатьевской летописи. Однако уже то обстоятельство, что исторический контекст в целом не противоречит возможности призвания скандинавских правителей, заставляет пристальнее и систематичнее изучить соотношение легенды с реальностью.

В. Т. Пашуто указывал на вероятную достоверность по крайней мере ядра повествования — самого факта призвания и обратил внимание на то, что варяжские князья были призваны «володеть», «судить» («рядить») по праву, по «ряду»: «Я специально изучал термин «ряд», «наряд» в наших летописях, — писал он, — и убедился, что он всегда определял условия, на которых правящая знать отдельных центров приглашала князя занять престол. Значит, варяжские князья, если вообще верить летописному преданию, были подчинены славянской знати»²⁴. Если и согласиться с Лихачевым, который предполагает, что на оформление легенды повлияло завещание, которым «нарядил» («урядил») своих сыновей Ярослав Мудрый, раздав им города и заповедав не нарушать «предела братня»²⁵, и считать термин «ряд» принадлежащим относительно позднему княжому праву, то и тогда наличие его в тексте легенды указывает на то, что по крайней мере в восприятии летописца начала XII в. приглашение варяжских князей состоялось в соответствии с некими нормами.

Текст легенды, как кажется, содержит следующие моменты «ряда»:

1. «Ряд» заключается представителями «северной конфедерации племен» (п. 7). В. Л. Янин полагает, что призвание варяжских князей связано

с вечевой новгородской традицией, восходящей к нормам родового права²⁶.

2. Другая сторона, заключающая «ряд», — предводитель (предводители) военного отряда «варягов», т. е. скандинавов (п. 6). Определение прибывших именно как военного отряда вытекает из самой ситуации: мигрировавшие в IX — X вв. группы скандинавов являлись дружинами, возглавлявшимися либо представителями местной знати, либо особенно удачливыми викингами. При этом военизированный характер отрядов отнюдь не исключал участия в походах групп родственников, а также присутствия женщин, тем более если целью похода было поселение на новом месте.

3. «Ряд» предусматривает передачу верховной власти приглашенному князю, что определяется терминами «княжить», «володеть» и «судить» (п. 5, 8). Очевидно, что обязанности, которые вменялись приглашаемому князю, непосредственно вытекали из причин его приглашения, т. е. тех задач, которые надеялась решить с его помощью местная племенная верхушка. Норманны были реальной силой на севере Восточной Европы, а не случайными находниками, давние связи объединяли их с прибалтийско-финскими племенами. И знать славянских и финских племен, образовавших новгородскую конфедерацию, должна была регулировать отношения с этой силой и иметь защиту от внешней опасности, упорядочив отношения с варягами. Такова одна из задач «ряда»-компромисса — военная.

Другой его целью, вероятно, было установление «сильной власти для господства над народами» князя, «который бы защищал не интересы знати одной из земель, а их общие интересы»²⁷. И варяги, и местная племенная верхушка стремились к эксплуатации природных богатств и населения Новгородской земли. Сбор дани варягами-находниками ущемлял права местной власти; совместить интересы тех и других можно было только при условии перераспределения дани и ее фиксации.

Наконец, термин «судить» («рядить»), возможно, указывает и на судебные функции правителя: новгородские князья традиционно пользовались судебной властью и в позднейшее время.

4. «Владение» приглашаемого князя ограничивается в «ряде» условием «судить» («рядить») «по праву» (п. 5), т. е. исходя из существовавших правовых норм. Это ограничение ставило приглашаемых князей в зависимость от местных условий, стимулировало их быструю интеграцию в восточнославянском обществе и создавало предпосылки для смещения князей, нарушивших условия «ряда», — традиция, характерная и позднее для Новгорода.

5. Еще два положения «ряда», возможно, нашли отражение в перечнях городов, где сели приглашенные князья (п. 10) и куда посадил своих мужей Рюрик по смерти братьев (п. 12). Как принято считать, «сидение» князя или «посаждение» им своих мужей в городе непосредственно связано с институтом кормления. Пашуто рассматривает «раздачу городов» Рюриком как раздачу ленов, т. е. права на сбор даней («уроков») ²⁸. Можно предположить, что за краткой констатацией того, где именно «володеют» варяжские князья и их мужи, стоит статья «ряда» об условиях содержания князя, его мужей и дружины.

Перечни городов в то же время, возможно, определяют также и территорию, на которую распространяется власть приглашенного князя. По легенде, Рюрик и его братья сели в Новгороде или Ладоге (главный центр), Белоозере и Изборске.

Новгородская округа обнаруживает явные следы пребывания норманнов. Однако скандинавские находки второй половины IX—X в. концентрируются не на месте будущего города (наиболее ранние известные ныне напластования относятся к середине X в.), а на Городище, которое и в XI—XII вв. было экстерриториальной резиденцией новгородского князя.

Рассматривая вопрос об исторической основе варяжской легенды, Е. Н. Носов считает, что «территория расселения словен, кричивей и мери удивительно совпадает с районами, через которые со второй половины VIII в.

проходил балтийско-волжский путь, по которому поступало восточное серебро на Русь и в страны Балтики»²⁹. У словен клады сосредоточены близ Ладоги и в верховьях Волхова, на поселениях в округе Городища — Новгорода; у мери — на Сарском городище, в Угодичах и Тимереве; к кривичским землям могут относиться памятники верховьев Волги, среди них — Торопец; во всех указанных местах, помимо кладов, найдены и скандинавские вещи. Конечно, совпадение с летописью здесь неполное — к кривичским центрам в летописи относится не Торопец, а Изборск, затем — Полоцк, к мери — Ростов, а клады IX в. есть не только на перечисленных территориях, но и в землях чуди (которую Носов «исключает» из северной конфедерации, считая, вслед за Шахматовым, что ее упоминание — позднейшая вставка). Тем не менее исторический фон «варяжской дани» вполне ощутим.

Носов полагает, что «исторической сутью сказания о призвании варягов явились реальные события вдоль балтийско-волжского пути — участие словен, кривичей и мери в международной торговле, их взаимоотношения и столкновения между собой и [со] скандинавами». Здесь, как и в случае с гипотезой А. Н. Кирпичникова (отвергнутой Носовым), есть определенные трудности текстологического характера. Носов опирается на известия Начального свода, реконструированного Шахматовым на основе НПЛ, но там словене, кривичи и меря названы «людьми новгородскими». Действительно, трудно себе представить их совместную политическую деятельность на огромных пространствах от Поволжья до Поволховья без единого центра: таким центром летописец считает Новгород. Носов полагает, что, поскольку Новгород как Новый город с детинцем возник лишь во второй половине X в., дружина Рюрика осела в IX в. на Городище и предполагает, что оно носило название Словенск позднейших книжных легенд, или ас-Славийя (центр одной из трех не менее легендарных групп руси IX в.).

Как бы то ни было, в X в. Городище сосуществует с Новгородом. Само оно, судя по сложному этническому характеру культуры, действительно могло быть резиденцией призванного князя с IX в., но отношения Городища со славянской округой и Новгородом нуждаются в дальнейшем исследовании. Уже высказывалось предположение (вслед за М. Н. Тихомировым и Б. А. Рыбаковым), что Городище было опорным пунктом — погостом — княжеской дружины, противостоявшим славянскому племенному центру. Но и это предположение, и то обстоятельство, что скандинавы жили в Ладоге с середины VIII в., не дает оснований искать прямые соответствия данным летописей, составленных столетиями позже. Дело в том, что в Изборске и Белоозере отсутствуют сколько-нибудь показательные материалы, свидетельствующие о пребывании там варяжских дружин в IX в. (в Белоозере слой IX в. вообще не открыты).

Вместе с тем ныне невозможно следовать и точке зрения Шахматова, который считал Изборск и Белоозеро слишком незначительными пунктами для того, чтобы играть роль стольных городов. Он думал, что эти города попали в текст легенды лишь потому, что летописец знал местные предания о варяжских князьях и искусственно соединил их, превратив князей в братьев. При этом сам Шахматов признавал, что книжная версия местных преданий поздняя, появившаяся в источнике XVI века³⁰ (но и название «Рюриково» применительно к Городищу под Новгородом появилось лишь в XIX веке). Ныне археологические исследования продемонстрировали роль Изборска и Белоозера как форпостов славянской колонизации на севере. Вероятно, эти города попали в текст легенды как центры племен, причисляемых в летописи к северной конфедерации: Изборск — кривичей, Белоозеро — веси.

Во втором перечне, перечне градов, которые Рюрик раздал своим мужам, Изборск не упомянут, зато назван Полоцк — центр кривичей, видимо, заменивший Изборск. Вообще этот перечень соответствует списку племен, «иже дань дают Руси» в космографическом введении к ПВЛ: за чудью перечислены меря, весь, мурома; в перечне городов: Ростов, Белоозеро, Муром; в Афетовой части помещены «русь, чудь и вси языци: меря,

мурома, весь...» Очевидно, что в «реконструкции» летописца призванные варяги управляли («владели») территориями племен из соответствующих племенных центров.

Неясно, однако, насколько эта реконструкция соответствует реально-сти IX и последующих веков. Во всяком случае нет оснований, подобно И. Я. Фроянову, усматривать в летописном мотиве раздачи рюриковым мужам городов — Белоозера, Ростова и даже Полоцка — стремления новгородцев («новгородской общины») второй половины XI—XII в. шире распространить свое влияние³¹. Именно Новгородская летопись донесла до нас завещание Ярослава, согласно которому Белоозеро и Ростов отходят переяславскому князю Всеволоду. Их наследует и Мономах, а его сына и наследника Мстислава, летописцу которого приписывают «ладожскую» версию легенды о призвании, едва ли можно заподозрить в следовании новгородским местническим интересам.

Так или иначе, раздача городов — прерогатива великокняжеской власти. Мотив раздачи городов Рюриком (как и мотив основания им городов, в том числе Новгорода) связан не с идеей «новгородского приоритета» над Киевом, а с идеей утверждения единой княжеской власти. Распространение ее на племенные территории севера Восточной Европы отражает не процесс формирования Новгородской земли и не претензии новгородцев, а, в соответствии с летописным рассказом, ту традицию, согласно которой на севере дань брали варяги, а на юге — хазары. А. П. Новосельцев считает даже, что как раз «угроза подчинения» северославянских и финских земель Хазарией «побуждала общины Восточной Европы пригласить на условиях договора... предводителей варяжских дружин типа Рюрика, Аскольда, Дира и др.»³².

Если обратиться к лексике легенды, то обращает на себя внимание наличие в ней значительного пласта архаичной славянской правовой терминологии³³: «правда», «володеть и судить по праву», «наряд», «княжить и володеть». Имеются и лексические параллели с договорами руси и греков. Согласно варианту легенды, призванные князья берут с собой дружину (НПЛ), которая в ПВЛ именуется «вся русь». Шахматов считал это выражение домислом летописца, знавшего, что в современной ему Скандинавии племени русь нет, и изобразившего дело в соответствии со своей концепцией о скандинавском происхождении руси — так, будто всю русь вывел из Скандинавии Рюрик³⁴. Однако то же выражение известно по договорам с греками. Договор Олега (911 г.) заключается от имени «всех иже суть под рукою его сущих руси», договор Святослава (971 г.) — от имени «боляр и руси всей». Подобная формула сохранялась в русском летописании и позднее: в 1147 г. Изяслав созвал на вече «бояры и дружину всю и Кияне»³⁵. Но наиболее показательное использование этой же формулы в русских договорных текстах. Договор руси с греками 944 г. заключается «от всех людей Руския земля» (ср.: «людые вси рустии» в том же договоре), с одной стороны, «с самими цари, со всемь болярством и со всеми людьми Гречьскими» — с другой³⁶. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом (1189—1199 гг.) гласит: «Се язъ, князь Ярослав Володимеричъ, сгадавъ с посадникомъ... и съ всеми новгородьци, потвердихомъ мира старого... съ всеми немьцкыми сыны, и с гты, и съ всемь латиньскимъ языкомъ»³⁷. При этом формула «подтвердити мира» соответствует формуле «построити мира» в договорах с греками 911 и 944 гг.; эта формула в свою очередь имеет болгаро-византийское происхождение: в собственно русской традиции ей соответствует формула «положити ряд»³⁸.

Таким образом, употребление терминов «ряд», «наряд» в легенде неслучайно и свидетельствует о наличии в ее основе договорного текста, опирающегося на те же формулы: «русь, чюдь, словени, кривичи и вси», которые призывают для «наряда» «всю русь». Соответственно и в преамбуле к легенде (эпизод I) формула «все кривичи» может отражать договорную лексику.

Историческая реальность, стоявшая — по крайней мере в X в. — за подобными формулами, выявляется в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». Описывая образ жизни росов, он сообща-

ет, что ежегодно в ноябре архонты выходят «со всеми росами» из Киева для сбора полюдья со славянских народов, являющихся их пактиотами³⁹. «Все росы» информатора Константина соответствуют «всей руси» ПВЛ и обозначают дружину киевского князя, собирающего полюдье и кормящуюся у своих данников-славян: ситуация, соответствующая той, которую описывает для севера Восточной Европы легенда.

Наконец, обилие в тексте легенды именно правовой лексики и договорных формул свидетельствуют о том, что лежащий в ее основе «ряд» не только дошел до летописца в изложении на древнерусском языке, но и составлен был скорее всего на древнерусском языке в письменной (что мало вероятно) или устной форме. Необоснованны и не соответствуют морфологии и синтаксису древнешведского языка попытки истолковать имена Синеус и Трувор как осмысленные летописцем в качестве личных имен древнешведские фразы «со своим домом и верной дружиной»⁴⁰, подразумевающие восхождение легенды к прототипу на древнешведском языке: Прямо противореча всему тому, что известно о языковых связях Древней Руси и Скандинавии, это предположение не учитывает и того, что скандинавские имена, рефлексам которых являются Синеус и Трувор, хорошо известны, в частности по руническим надписям X—XI веков. Убедительна аргументация Г. Шрамма, что заимствования *SizineōtR > Синеус и *foḡvaḡt > Трувор должны были произойти не позднее начала X в., а скорее всего во второй половине IX века⁴¹.

Итак, анализ легенды позволяет говорить о том, что в ее основе лежит договор — «ряд» между верхушкой северной конфедерации племен и предводителем одного из скандинавских отрядов. «Ряд» предусматривал передачу этому предводителю верховной власти — на условиях соблюдения местных норм обычного права с целью защиты от внешней угрозы и обеспечения интересов местной знати. В «ряде», возможно, содержались условия кормления князя и его дружины, а также определение территории, на которую распространялась его власть. Реальным же историческим событием, породившим легенду, является установление власти в северной конфедерации по соглашению с местной знатью скандинавского происхождения правителя.

Однако наличие «исторического ядра» отнюдь не означает, что легенда адекватно передает реальные события, является своего рода документальной записью происшедшего. В дошедших до нас текстах (ПВЛ, НПЛ) летописец кратко пересказывает предание, воспроизводя структуру этиологического сказания и соблюдая сугубо эпический принцип слитности событийного и временного рядов. Не случайно, что, хотя легенда помещена в датированной части ПВЛ (в соответствии с ее переходным от эпоса к истории характером) и, более того, летописец делает попытку точно обозначить время описываемых событий, вынося сообщение о взимании дани варягами в самостоятельную годовую запись и отделив ее от основного текста двумя «пустыми» годами, все остальные события легенды излагаются нерасчлененно, под одним годом. Сохраняется в легенде и обычная для дружинного эпоса метонимия — замещение частью целого: дружина, племенная знать отождествляются со всем племенем или народом (как «все даны», например, в «Беовульфе» относятся лишь к королевской дружине, так и выражению «вся русь» соответствует «дружина многа»).

Возможно, от эпоса унаследован и такой элемент сюжета, как быстрая смерть бездетных братьев Рюрика и установление его единовластия. В англо-саксонской легенде Хорса также умирает бездетным, и основателем династии становится Хенгист. Для создания этиологической династической легенды требовалось одно лицо; концентрацию действия в образе одного героя диктовали также и законы эпического творчества.

Таким образом, легенда о приглашении варягов в ПВЛ представляет собой этиологическое сказание о происхождении государства / правящей династии, включенное в раннеисторическое описание и подчиняющееся его задачам. Сочетание мифоэпического и исторического начал, свойственное раннеисторическим описаниям, свидетельствует о лежащем в основе лето-

писного текста устном предании. О времени его возникновения (но не летописного текста) говорит сохранение в летописном тексте реалий, которые могут быть отнесены ко второй половине IX в., в том числе личных имен.

Исходной точкой, вокруг которой сложилось предание, был «ряд» — соглашение между приглашенным князем и местным нобилитетом, составляющее основную часть летописного текста. Основопологающее для предания значение «ряда», видимо, объясняется не литературными законами, а историческими обстоятельствами. Дружины первых русских князей, как и их ближайшее окружение, в значительной степени состояли из скандинавских по происхождению воинов, но включали и представителей местной знати. И та и другая сторона были заинтересованы в максимально точном соблюдении условий «ряда», который определял их взаимные права и обязанности и регламентировал их отношения.

Примечания

1. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. 1. М. 1989, с. 93.
2. ШАХМАТОВ А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908, с. 477. О политической тенденциозности составителя легенды см.: LIČNAČEV D. S. The Legend of the Calling-in of the Varangians and Political Purposes in Russian Chronicle-Writing from the Second Half of the 11th to the Beginning of the 12th Century.— Scando-Slavica. Supplementum. 1970. Vol. 1. Varangian Problems. Обзор историографии см.: ФРОЯНОВ И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов.— Вопросы истории, 1991, № 6, с. 3—8.
3. ШАХМАТОВ А. А. Ук. соч., с. 295; ег о же. Сказание о призвании варягов. СПб. 1904, с. 50—53, 65—69; РЫДЗЕВСКАЯ Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. М. 1978, с. 162—172; ЛИХАЧЕВ Д. С. Великое наследие. М. 1975, с. 27—28, 83—84.
4. ТИАНДЕР К. Ф. Датско-русские исследования. Вып. 3. Пг. 1915. Ср.: STENDER-PETERSEN A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus. 1934.
5. ШАХМАТОВ А. А. Разыскания, с. 290.
6. Эти разыскания, несмотря на то, что Шахматов настаивал на книжном (и позднем) происхождении и киевской легенды (там же, с. 477), послужили основой для празднования 1500-летия Киева в 1982 году.
7. Построениям Шахматова в целом следуют авторы современных текстологических исследований легенды. См.: КУЗЬМИН А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды. В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М. 1967; ГРИНЕВ Н. Н. Легенда о призвании варяжских князей. В кн.: История и культура древнерусского города. М. 1989, с. 37—38.
8. ШАХМАТОВ А. А. Разыскания, с. 296.
9. Там же, с. 326. Полагая, что слово «русь» могло проникнуть к славянам из Скандинавии лишь при финском посредстве, т. е. на севере Восточной Европы, Шахматов сразу же переносит название на юг.
10. Сторонники южнорусского (от гидронима *Рьсь*) происхождения слова *русь* ссылаются на мнение Шахматова о «южных» истоках этого наименования (см. РЫБАКОВ Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М. 1982, с. 298—299 и др.), игнорируя то, что, согласно Шахматову, на юге было заимствовано скандинавское название, принесенное ранее.
11. ПАШУТО В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства. В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965, с. 86; ег о же. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос. В кн.: Летописи и хроники. 1973 г. М. 1974, с. 103—110; КОЛЧИН Б. А., ЯНИН В. Л. Археологии Новгорода 50 лет. В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М. 1982, с. 112; КИРПИЧНИКОВ А. Н. Раннесредневековая Ладога. В кн.: Средневековая Ладога. М. 1985, с. 23.
12. STENDER-PETERSEN A. Op. cit., S. 5.
13. Таковы «История франков» Григория Турского (конец VI в.), «Церковная история англов» Бэды Достопочтенного (начало VIII в.), «История бриттов» Ненния (IX в.) и Гальфрида Монмутского (1130-е годы), «История датчан» Саксона Грамматика (начало XIII в.), «Круг земной» Снорри Стурлусона (начало XIII в.), хроники Галла Анонима, Козьмы Пражского и многие другие.
14. SIMONS J. The «Table of Nations» (Gen. 10): Its General Structure and Meaning.— Oudtestamentische Studien, 1954, Bd. 10.

15. ШАХМАТОВ А. А. «Повесть временных лет» и ее источники.— Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Вып. 4. 1940.
16. ГАРКАВИ А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве.— Труды Восточного отдела Русского археологического общества. Ч. 9. СПб. 1874, с. 292—293. «Иосиппон» был важен для составителя не только как источник ветхозаветных апокрифических легенд, но и потому, что упоминал Русь во вводной части: первый раз в Европе, наряду с англами и саксами, второй — на какой-то реке Кира, которую А. Я. Гаркави толковал как испорченное упоминание Киева. См.: МЕЩЕРСКИЙ Н. А. К вопросу об источниках «Повести временных лет». В кн.: ТОДРЛ. Вып. 13. 1957, с. 57—65.
17. *Uralo-Indogermanica*. Ч. 1. М. 1990, с. 29—34.
18. ТОПОРОВ В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний. В кн.: Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту. 1971. Ср. характеристику Лихачева: ПВЛ. Ч. 2. С. 136—137.
19. Упоминание трех братьев-саксов, прибывших по приглашению Вортигерна,— ошибка. См.: РЫБАКОВ Б. А. Ук. соч., с. 298; ПВЛ. Ч. 2, с. 114.
20. Англо-саксонская легенда нередко рассматривается как прямой источник варяжской легенды в ПВЛ — через ее переложение у хрониста X в. Видукинда Корвейского (ВИДУКИНД КОРВЕЙСКИЙ. Деяния саксов. М. 1975, с. 68, 128) — на основании общего сходства мотива и совпадения формулы в речах посланцев: «Земля наша велика и обильна» — «terra lata et spatiosa». Однако мотив призвания настолько широко распространен, что никак не может служить доказательством прямого заимствования. Скептически относилась к этому предположению и Рыздзевская (РЫДЗЕВСКАЯ Е. А. Ук. соч., с. 166). Стендер-Петерсен считал, что легенда о призвании занесена на Русь беженцами из Англии после норманнского завоевания 1066 г. (STENDER-PETERSEN A. *Varangica*. Aarhus. 1953, p. 254); в Киеве она контаминировалась с рассказом о трех братьях. Рыбаков относит заимствование к еще более позднему времени — княжению Мстислава Владимировича (РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М. 1963, с. 290—291).
Ближайшая параллель варяжской легенде содержится в той же ПВЛ: это рассказ (под 898 г.) о призвании Кирилла и Мефодия. В нем действительно исторические лица получают функции культурных героев. Сказание посвящено включению «руси» в число славянских народов, обретших просвещение, то есть вошедших в христианскую семью народов. Согласно летописи, три славянских князя, Ростислав, Святополк и Коцел «послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена, и несть у нас учитель, иже бы наказал, и поучал нас... и послете ны учителя...» Се слыша царь Михаил, и созва философы вся, и сказа им речи вся славянских князь». Те указали — избрали — Кирилла и Мефодия, которых и послали в славянскую землю (ПВЛ. Ч. 1, с. 21—22. Ср.: Житие Константина, гл. 14. В кн.: Сказания о начале славянской письменности. М. 1981, с. 86—87. Сопоставление формул см.: МАРИНКОВИЧ Р. Модель введения к миссии в Паннонских легендах. В кн.: Исследования по древней и новой литературе. Л. 1987, с. 131—139; Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М. 1990. с. 111—112). Ставить легенду о призвании варягов в прямую зависимость от этого текста было бы столь же опрометчиво, как и возводить ее к англо-саксонскому преданию: налицо прежде всего единая формула, свойственная древнерусской (а может быть и общеславянской) традиции.
21. КИРПИЧНИКОВ А. Н. Ук. соч., с. 23.
22. РЯБИНИН Е. А., ЧЕРНЫХ Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя старолadoжского Земляного городища в свете новых исследований.— Советская археология, 1988, № 1, с. 91.
23. Еще Шахматов указал на тот факт, что лаврентьевский текст легенды испорчен — Новгород, где сел Рюрик, не упомянут. Вероятно, первоначальным летописным вариантом легенды действительно следует считать Ипатьевский («ладожский») (см.: КУЗЬМИН А. Г. Ук. соч.).
24. ПАШУТО В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы. В кн.: Скандинавский сборник. Вып. 15. Таллин. 1970, с. 53. Ср.: КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 1. М. 1987, с. 152—153; ЗИМИН А. А. Феодалная государственность и Русская правда. В кн.: Исторические записки. Вып. 76, 1965, с. 234.
25. LIŠNAČEV D. S. Op. cit.
26. ПАШУТО В. Т. Летописная традиция, с. 103—114; КОЛЧИН Б. А., ЯНИН В. Л. Ук. соч. Подробнее анализ «ряда» и его соотношение с древнерусскими и древнескандинавскими традициями см.: Древнейшие государства на территории СССР. 1990 год. М. 1991.
27. ПАШУТО В. Т. Черты политического строя Древней Руси. В кн.: Древнерусское го-

- сударство и его международное значение, с. 86; его же. Русско-скандинавские отношения, с. 55.
28. ПАШУТО В. Т. Черты политического строя, с. 38 сл.
  29. НОСОВ Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л. 1990, с. 185 сл.
  30. ШАХМАТОВ А. А. Разыскания, с. 290—292, 312—314.
  31. См. ФРОЯНОВ И. Я. Ук. соч., с. 7—8.
  32. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель.— Вопросы истории, 1991, № 2—3, с. 6—7.
  33. ИВАНОВ В. В., ТОПОРОВ В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов). В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М. 1978, с. 230—231.
  34. ШАХМАТОВ А. А. Разыскания, с. 340.
  35. ПВЛ. Ч. 1, с. 26, 52; Полное собрание русских летописей. Т. 25. М. 1949, с. 40.
  36. Памятники русского права. Т. 1. М. 1952, с. 31.
  37. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л. 1949, с. 55. Ср. те же формулы в грамотах 1262—1263 гг. (там же, с. 56) и 1316 г. (там же, с. 23).
  38. КОЛЕСОВ В. В. Древнерусский литературный язык. Л. 1989, с. 124; ЛАРИН Б. А. Лекции по истории русского языка. М. 1975, с. 43.
  39. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении империей. М. 1989, с. 44—45, 329.
  40. РЫБАКОВ Б. А. Киевская Русь, с. 286; ГРИНЕВ Н. Н. Ук. соч., с. 37—38.
  41. SCHRAMM G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1980, Bd. 28, S. 321—333.

Константин Петрович Победоносцев

Н. А. Рабкина

В начале 1895 г. Константин Петрович Победоносцев — обер-прокурор Святейшего Синода, правая рука и главный советник Александра III, писал только что вступившему на престол, новому императору Николаю II: «Самодержавная власть государя не только необходима России, она не только есть залог внутреннего спокойствия, но она есть существенное условие национального единства и политического могущества нашего государства. Как только наше правительство сделалось бы правительством партий, каким оно является во всей Западной Европе (даже в славянских государствах, к их несчастью), оно стало бы основой и началом угнетения, раздора и гибели, элементом, разлагающим все принципы, на которых держатся нравственные убеждения нашего народа. Все эгоистические интересы частных лиц, сословий и классов, народов и народностей воспрянули бы с их раскольническими домогательствами, с их интригами. Вспыхнула бы междоусобица и привела бы мало-помалу к всеобщему разложению и распаду государства на его составные части»¹.

За 14 лет до этого в марте 1881 г. тот же Победоносцев после убийства народовольцами Александра II — «освободителя» убеждал наследника Александра Александровича: «Час страшный, и время не терпит. Или теперь спасти Россию и себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению — о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте, это будет гибель, гибель России и Ваша... Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирипеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними не на живот, а на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить... Народ возбужден, озлоблен: и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы»².

В рукописи доклада о судебных реформах 1885 г., хранящейся в личном фонде Победоносцева, известного законоведа, автора многотомного «Курса гражданского права», в преамбуле к требованию контрреформ суда говорилось: «В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной»³. Победоносцев в концентрированной форме изложил цельную и стройную теорию русского самодержавия, которая в силу политических возможностей автора, проводилась им во всех сферах бытия бдительно, неусыпно и неуклонно.

Рабкина Нина Абрамовна (1930—1993).

Ф. М. Достоевский говорил о «направлении Победоносцева», имея в виду его концепцию, в основе которой лежали самодержавие, православие и народность. Однако в отличие от уваровского простодушного триединства второй четверти XIX столетия оно в конце этого века возведено было К. Н. Леонтьевым, К. П. Победоносцевым, М. Н. Катковым в ранг философской и политической теории.

Константин Петрович Победоносцев родился 21 марта 1827 года. Он был одиннадцатым ребенком в семье Петра Васильевича Победоносцева, профессора российской словесности в Московском университете, «человека старого века», по словам И. А. Гончарова. Профессор происходил из духовного звания и сам закончил Духовную академию. Дед Победоносцева был сначала священником в Звенигородском уезде, потом настоятелем церкви св. Георгия на Варварке в Москве. В семье свято соблюдался церковный обряд. Мать Константина Петровича — из рода костромских дворян Левашовых. Собственный дом Победоносцевых находился в Хлебном переулке (снесен при советской власти).

В 1846 г. Победоносцев закончил Петербургское училище правоведения. Он отличался большими успехами в науках, прилежанием, какой-то странной для его возраста, прямо-таки стариковской любовью к порядку. Он никогда не был замечен ни в одной шалости. Тихий и чинный, аккуратный, начитанный, в черепаховых очках, внешне похожий на немца, юноша возмущался своими однокашниками — бездельниками, кутилами, курильщиками трубок. Единственно чем он вызывал недовольство училищного начальства — неумеренным чтением. У него отнимали сочинения Лермонтова, Гоголя, «Отечественные записки».

Еще на школьной скамье он подружился с И. С. Аксаковым, князьями Оболенскими, А. А. Энгельгардтом (последнему суждено было потом стать его тестем). 13 марта 1843 г. училище посетил Николай I и 16-летний подросток записал в своем дневнике, который он вел очень тщательно и подробно: «Все стихло, но вдруг пробежал глухой ропот, и вслед за ним потряс воздух громкий крик привета. Царь шел мимо рядов, оглядывая их орлиным оком... Я его впервые увидел. Он хорош, царственно хорош!.. Он был всем доволен, хвалил выпускных, чистоту и порядок»⁴. Кстати, в стиле дневниковых записей Победоносцева ощущается явное влияние пушкинской прозы. Вообще к отечественной словесности Победоносцев всю жизнь питал тайную слабость.

Службу Победоносцев начал в родной патриархальной Москве, в 8-ом департаменте московского Сената, размещавшемся на территории Кремля. Его начальником оказался известный московский либерал Василий Петрович Зубков, слышавший среди склонного к чудачествам московского барства личностью полуполюгендарной. На закате своей жизни Победоносцев вспоминал о нем в своих мемуарах. Трудно сказать, хотел ли тот, кого в обществе считали олицетворением мракобесия и реакции, показать, что в молодости не чужд был вольномыслию и пользовался покровительством либералов, было ли это проявление старческого пустословия или же уступка просьбе собирателя исторических сведений редактора «Русского Архива» — хромого, лукавого и настойчивого П. И. Бартенева, но так или иначе, психологические характеристики Победоносцева оказались довольно вялыми, оценки уклончивыми, хотя его заметки и не лишены любопытных подробностей.

Победоносцев с живыми эмоциями вспоминал о так и не забытых им московских красавицах, посещавших зубковский салон. «В 40-х гг. он (Зубков.— Н. Р.) считался в Москве одним из самых просвещенных людей... Общение с таким человеком по службе не могло не быть благотельно для развития молодых людей, начинавших в Сенате свою служебную деятельность... Зубков следил постоянно за литературой, много читал, и беседа его была всегда приятна и поучительна для молодежи. Дом его в одном из переулков Смоленского рынка близко был знаком тогдашнему обществу: здесь на танцевальных вечерах можно было тогда видеть всех московских красавиц того времени (две дочери самого Зубкова, А. Бегичева, Юлия Давыдова, Лидия и Александра Ховрины, Лужина, Акинфиева, две Поливановы)».

По воспоминаниям Победоносцева, в огромной библиотеке Зубкова имелись запрещенные книги Луи Блана, Прудона, Фурье, Ламартина, история жирондистов. Впрочем мемуарист умолчал о причастии Василия Петровича к делу 14 декабря 1825 года. Между тем, согласно мемуарам, Зубков был доброжелательно откровенен с юным другом: «Пишущий эти строки проводил немало приятных вечеров в его кабинете, где он рассказывал нам много о делах и людях прежнего и нового времени, показывал новые полученные им книги, объяснял чудеса микроскопа, стоявшего всегда на рабочем столе его»⁵.

В «Былом и думах» А. И. Герцена тоже есть воспоминания о Зубкове. «Познакомились мы с В. Это был своего рода лев в Москве. Он воспитывался в Париже, был богат, умен, образован, остер, вольнодум, сидел в Петропавловской крепости по делу 14 декабря и был в числе выпущенных; ссылки он не испытал, но слава осталась при нем. Он служил и имел большую силу у генерал-губернатора... В. был на десять лет старше нас и удивлял нас своими практическими замечками, своим знанием политических дел, своим французским красноречием и горячностью своего либерализма. Он знал так много и так подробно, рассказывал так легко и плавно, мнения его были так твердо очерчены, на все был ответ, совет, разрешение. Читал он все новые романы, трактаты, журналы, стихи и, сверх того сильно занимался зоологией, писал проекты для князя (Д. В. Голицына, в то время генерал-губернатора Москвы — Н. Р.) и составлял планы для детских книг»⁶. Таков был первый реальный наставник и начальник того, чьим именем впоследствии назвали целую эпоху российской государственной жизни.

По свидетельству современницы событий 1825 года В. П. Шереметевой, Зубков «был в крепости две недели. Он оказался совершенно невинным и даже показал мне свой аттестат, который в подобных случаях выдают в секретной комиссии»⁷. Следователю Верховной уголовной комиссии по делу декабристов Зубков из каземата писал: «На всех ссылаюсь в том, что я никогда не желал освобождения крестьян... Я полагаю, что ежели какие перемены могут быть полезны в государстве, то их должно ожидать от Верховной власти»⁸.

Все это было, конечно, известно Победоносцеву.

Живя в Москве, он работал над обширным курсом гражданского права, читал лекции в Московском университете, печатался у Каткова в «Русском вестнике», в то время, по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «блудившего в либеральном лагере». Да и сам Победоносцев в ту пору всеобщего упоения «свободами» был умеренным либералом, пребывавшим (используя опять-таки слова Салтыкова-Щедрина) «в среде умеренности и аккуратности».

В конце 1861 г. главный воспитатель великих князей граф С. Г. Строганов пригласил московского законоведа преподавать наследнику престола великому князю Николаю Александровичу юридическое науки. Как некогда В. А. Жуковский путешествовал с отцом великого князя Александром П-«освободителем» по России, так и Победоносцев объехал страну в 1863 г. с юным и еще неженатым цесаревичем. Однако обаятельный, умный и образованный наследник неожиданно тяжело заболел и скончался в 1865 году. Победоносцева пригласили для преподавания новому наследнику младшему брату покойного Александру Александровичу и другим великим князьям. Перед этим он успел принять участие в подготовке судебной реформы, сотрудничая в комиссии по преобразованию судебных уставов.

В 1864 г. в общественных настроениях Победоносцева начинается перелом, который с годами все более углубляется. Он все крепче утверждает в идеях консерватизма, а затем и на крайне реакционных позициях. Причины тому были и объективные и субъективные. Они причудливо сочетались.

После 1861 г., когда в России происходила поляризация политической мысли и формировалось крыло идеологов консервативного толка, Победоносцев одним из первых оказался именно в этом лагере, к чему он подготовлен был изначально: и происхождением, и воспитанием, и духом, и устоями.

родительского очага. К консерватизму склонял и весь психологический строй его личности. Умеренная дань, отданная политическому либерализму на рубеже 50—60-х гг. XIX в., была связана с общей модой на вольномыслие и негативной реакцией общества на мрачный финал внешней и внутренней политики Николая I. И юный Победоносцев, тяжело переживавший поражение России и ее внутренний кризис, не мог избежать влияния этого поветрия.

Однако, стоило ему приобрести научный авторитет, прослыть знатоком английского парламентаризма, истории Англии и ее литературы, которую он читал в подлинниках, а отечественным реформам слегка захлебнуться в непросчитанных издержках, крайностях и волнениях — от крестьянских до студенческих, как Победоносцев изменил свои взгляды на судьбы России. Врожденный и воспитываемый в нем с младых ногтей русский «византизм» взял верх и в его лице приобрел постепенно своего выдающегося идеолога и практика.

В те дни, когда произошла трагедия в царском семействе, 38-летнего холостого правоведа, коего прочили в монахи и митрополиты, напротив посетило личное счастье. 25 июля 1865 г. Победоносцев пишет архиепископу Харьковскому Амвросию (в миру — Ключарев Алексей Осипович): «Недавно еще вы прочили меня в митрополиты литовские, но вот — я жених с 14 июля и спешу Вас об этом известить, помня любовь Вашу... Милую невесту свою — вот уже 10-й год я ношу в своем сердце и с трепетом и с молитвою... Любя детей, я и ее отыскал когда-то между детьми — она была семилетней девочкой, когда я встретил ее в семействе товарища своего Энгельгардта и привязался к ней как к ребенку, играл с нею сначала, потом учил ее, читал с нею, молился с нею, — и вот пришло время, когда она выросла, и Бог указал ее мне в невесты. Я любил ее, а как она меня полюбила, не знаю... Знаю только, что она один человек на свете, с кем я счастлив разделить судьбу свою... Такая новая жизнь открывается, точно я Пасху праздную»⁹. А 15 июля 1865 г. Победоносцев писал А. Ф. Тютчевой (в замужестве Аксаковой) — дочери поэта, воспитательнице великих княгинь: «Я без боязни спешу сказать Вам радость великую, которую послал мне Господь. О, порадитесь вместе со мною и благословите мою радость. Со вчерашнего дня я жених, и невеста моя та, о ком десять лет не переставал я думать с трепетом, одному Богу сказывая глубокую мысль свою»¹⁰.

Итак, Победоносцев женился на семнадцатилетней Екатерине Александровне Энгельгардт, дочери однокашника по училищу правоведения, которая была на 22 года моложе своего мужа. Но и среди жениховских радостей Победоносцев помнил об умершем юном царевиче; он писал А. Ф. Тютчевой, что молится за него «горячо, горячо с милою Катей, потому что и она по мне знала и любила его... На него была надежда тем более, чем темнее становился горизонт».

Победоносцев был убежденный поклонник православных догм и норм. Его крайне раздражала связь императора Александра II с юной княжной Е. М. Долгоруковой. Связь эта вскоре перестала быть секретом. Победоносцев осуждал в Александре II его недостаточное благочестие. Победоносцева злили общая дряблость государственной власти, провалы и недоработки бесконечных реформ, политические компромиссы. Он с тоской вспоминал о «незабвенном» Николае I — величественном, уверенном в себе, сильном человеке — истинном самодержце. 14 декабря 1864 г. Константин Петрович писал Тютчевой: «Нам здесь, не поверите как, надоели преобразования, как мы в них изуверились, как хотелось бы на чем-нибудь твердом остановиться».

Выступления радикальной демократической печати, тайные общественные организации, выстрел Д. В. Каракозова (1866 г.), появление в реальной жизни Базаровых, Волоховых и Верховенских — все это содействовало быстрому и резкому поправению Победоносцева. Прекратились даже чисто внешние его реверансы в сторону либерализма. Активное в начале 1870-х гг. литературное сотрудничество в газете кн. В. П. Мещерского «Гражданин»,

доверительные чтения Победоносцеву Ф. М. Достоевским глав «Бесов», ненависть к поднимающим голову капиталистам-наторишам — также способствовали формированию воспитателя наследника престола как идейного консерватора. Не последнюю роль сыграли в этом и квази-патриотические настроения, вызванные и подхлестываемые возникновением на европейском политическом горизонте проблемы освобождения братьев-славян, обострением отношений с Англией и Францией, ходом русско-турецкой войны. Повлияли на него и вышедшие тогда труды Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (СПб, 1869) и К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство» (М. 1876).

Тем временем, Победоносцев к 1873 г. стал уже членом Государственного совета и сенатором, приобрел заметный политический вес и реальное влияние на нового наследника, равно как и сторонников в высших придворных кругах. К концу 1870-х гг. он уже активно и почти откровенно не любил царствующего императора. Перед своими единомышленниками — сестрами Тютчевыми он демонстрировал обиду за либерализм императора, профанацию им благословенной Господом Богом идеи единовластия. «О самом владыке и говорить нечего, — писал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой 29 января 1879 г., — он жалкий и несчастный человек, и нет ему возвращения вспять: у него нет силы встать и управлять своими движениями, хотя воображает себя и живым и деятельным и властным... Бог рассудит виноват ли он или нет, только в руках у него опозорилась и рассыпалась власть... и царство его, может быть и не по вине его, было царством лжи и мамоны, а не правды». После женитьбы царя на Долгоруковой Победоносцев в письме той же Е. Ф. Тютчевой замечает: «Теперь ничего и не отличишь в нем, кроме Сарданапала»¹¹.

Победоносцев восстанавливал наследника против отца и проводимых им преобразований, против самых слабых ростков столь пугающего его народовластия. Он готовил флегматичного, застенчивого наследника к царствованию на сугубо единодержавных началах. Он пел гимны самодержавию и единовластия, внушал своему воспитаннику понятие о его ответственности перед Богом и подданными за дар царственной власти, легитимной и освященной волей Всевышнего: «О, какое великое бремя власти и как счастлив, кого миновал этот тяжкий жребий, но с другой стороны, какое высокое и великое это дело, когда власть сознает свою силу и знает, чего хочет и понимает, куда вести и как править... Вся тайна русского порядка и преуспевание наверху, в лице верховной власти... Где вы себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех поставит на дело. Ваше послабление и роскошь зальет всех всех послаблением и роскошью» — писал К. П. Победоносцев 12 октября 1876 года наследнику престола

В другом письме цесаревичу — от 2 апреля 1879 г. — он писал: «Необходимо взяться за дело тотчас же твердою рукою... Надобно объединить власть, вооружить ее средствами для быстрой и решительной кары. ...А, главное всего, надо собрать людей и не мешать им действовать... людей крепкой воли, развязать им руки... Зло уже так усилилось, что его надобно лечить железом и кровью». 14 декабря 1879 г. он писал ему же, явно возбуждая недобрые чувства к отцу: «народ глубоко убежден, что правительство состоит из изменников, которые держат слабого царя в своей власти. Все надежды возлагают в будущем на Вас»¹².

23 апреля 1880 г. по настоянию наследника Победоносцев получил назначение обер-прокурором Святейшего Синода, затем стал членом Комитета министров. Кажется, он с нетерпением ждал смерти Александра II, коему все еще готовили либеральные проекты глава кабинета М. Т. Лорис-Меликов и министр финансов А. А. Абаза, в том числе и о введении государственного института, отдаленно напоминающего представительное собрание. Самое время напомнить здесь меткое наблюдение В. В. Розанова, встречавшегося с Победоносцевым много позже и обратившего внимание на то, что Константин Петрович был по характеру своему склонен к невротии, истерикам, к тому, чтобы преувеличивать опасности: «Победоносцев был человек впечатлительный, волнующийся, раздражавшийся больше той причины, которая вызывала раздражение...»¹³.

Идея закономерности, необходимости, органичности абсолютной монархической власти для России, ее благотворности для отечества защищалась Победоносцевым не только в письмах и разговорах, в записках наследнику, а потом и государю и в Комитет министров. Она одушевляла и его научные и публицистические труды, в том числе и по историко-экономической и политической проблематике. В 1876 г. была издана его книга «Исторические исследования и статьи». Главное место в ней заняли исторические очерки российского крепостного права. Последнее рассматривалось им, как явление этапное, необходимое и естественное на определенном витке отечественной истории. Царская же власть представлена была как разумный, единственно возможный авторитетный регулятор этого общественно-экономического института. Исследуя эту проблему, Победоносцев вышел за ее рамки и высказал ряд интереснейших мыслей, перекликающихся с воззрениями таких государственников, как С. М. Соловьев и К. Н. Леонтьев (впрочем без многословности первого в эпатазирующих вкусовых крайностей второго). Постановка вопроса Победоносцевым отличалась завидным лаконизмом, четкостью и внутренней логикой. Он был обстоятельно знаком не только с гегельянством, фульеризмом, работами Г. Спенсера, Дж. С. Милля и А. де Токвиля, но хорошо знал и основные произведения К. Маркса.

В своих исторических исследованиях Победоносцев исходит из собственного определения истории как науки, позже он обратится к ней еще и как к инструменту и важнейшему компоненту воспитания государственного человека. Победоносцев в исследованиях 1876 г. поставил и по-своему ответил на вопрос о роли личности в истории. Любопытны его соображения о роли исторических закономерностей. По его словам, «историю перестали считать хронологическим сборником фактов политических, с тех пор как она приняла вид самостоятельного исследования жизни народной и учреждений общественных». Но при этом, замечает Победоносцев, исторические изменения очень сильно зависят от политических и партийных интересов и грешат субъективностью. «Когда анализ коснулся сущности учреждения, в течение двух веков бывшего недоступным анализу, строгое изыскание истины «без гнева и пристрастия» стало вдвое затруднительнее посреди борьбы интересов и партий». В данном случае автор ратовал за то, чтобы отделить историю от политики. Он не хочет «приписывать личности исключительное и решительное влияние на ход исторических событий и направление целой жизни народной». Он придерживается закона «исторической и политической необходимости».

Обращаясь к конкретной истории крепостного права в России, Победоносцев утверждает: «У нас политическое начало крепостного права никогда вполне не сливалось с началом юридическим и потому строгое последовательное развитие идей о рабстве, как совершенном в безусловном уничтожении личности, было невозможно... на Руси в XVII веке человек... представлен прежде всего не гражданином, а членом того или иного государственного разряда»¹⁴. Итак, в России живут верноподданные государя, размещенные по соответствующим разрядам и корпорациям, но не граждане и в то же время не рабы.

Тогда же (12 октября 1876 г.) в письме цесаревичу эта же мысль выражена с прямо-таки подкупающей простотой: «Нет, нигде, а особенно у нас в России, ничто само собою не делается, без правящей руки, без надзирающего глазу, без хозяина»¹⁵. Невольно вспоминается мысль, высказанная П. Я. Чаадаевым, произведения которого, хотя бы через Зубкова, Победоносцев, конечно, знал. Речь идет об одной из важных сентенций в «Апологии сумасшедшего»: «Должно сказать, что наши государи... почти всегда вели нас за руку, почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны...»¹⁶. Мысль эта развивалась и под пером любимого Константином Петровичем и по-своему им толкуемого Пушкина хотя бы в его рассуждениях об эпохе Петра Великого.

В 1895 г., выступая в связи с годовщиной смерти Александра III в заседании Русского исторического общества, Победоносцев говорил:

«Человек делает историю; но столь же верно и еще более значительно, что история образует человека... И отдельный человек, и народ — представляемый властью, познает себя в своей истории. И для отдельного человека, и для народа, и для общества — всю цену истории составляет самосознание»¹⁷. И снова вспоминается Чаадаев: «Историю создает не историк, а сила вещей. Историк приходит, находит ее готовую и рассказывает ее, но придет он или нет, она все равно существует...»¹⁸.

В исторических работах Победоносцева нет и тени религиозной чаадаевской мистики, нет и утешительной мифологии славянофильства. Для него, как для ученого, характерны, во-первых, тяготение к детерминированности и настойчивые попытки отождествить устремления народа и власти. Со славянофилами Победоносцева сближали патриотическая идея, резкое неприятие западной цивилизации, парламентаризма, либерализма, демократизма. Воинствующий «византизм», изоляционизм и апология власти, присущие Леонтьеву, были ему ближе мечтательного, либеральничающего славянолюбия Н. Я. Данилевского, И. С. Аксакова и А. А. Киреева.

8 декабря 1881 г. раздраженный заявлениями Аксакова, Победоносцев писал Е. Ф. Тютчевой: «Я не буду больше и пытаться уговаривать его: вижу, что он совсем ушел в себя и уверовал догматически в свою правду... Он и сам не понимает, куда тащит его нерязучее слово»¹⁹. После смерти Ивана Сергеевича, Победоносцев с благодарностью поминал деятельность его единомышленников: «Они нередко обманывались, увлекались в своих сообщениях, принимали мнимое за действительное, смешивали существенное с несущественным, но слово это было необходимо ввиду надвигавшейся с Запада тучи космополитизма и либерализма... То было критическое время, когда прививались передовым умам России навеянные с Запада идеи, разъедавшие органическое чувство любви к родному краю, чувство патриотизма во имя отвлеченных либеральных начал»²⁰.

Достоевский 25 июля 1880 г. писал Победоносцеву, ум и взгляды которого ставил весьма высоко: «Не надо слишком себя утомлять. Ведь главное сообщить направление! А направление организуется лишь долголетним воздействием. Слишком помню Ваши слова весной»²¹. И Победоносцев методично, упорно, одержимо, много лет, год за годом бил в одну точку. Он не только создал и возглавил «государственное направление», но реализовал его принципы и идею в политической и духовной жизни России в течение более чем 25 лет.

В соответствии со своими идеями Победоносцев пытался сформировать отношение будущего императора — Александра III к реформации, парламентаризму, либеральным свободам и революции. 14 декабря 1879 г. он пишет будущему царю: «Повсюду в народе зреет такая мысль: «Лучше уж революция, русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле, последняя есть яд для всего организма»²².

Один из клеветников Победоносцева, председатель Комитета по делам печати Е. М. Феоктистов, вспоминал: «Он указывал, что никакая страна в мире не способна избежать революционного переворота, что вероятно и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу... Однажды кто-то весьма основательно заметил ему на это, что если все государства подвергнутся революционным потрясениям, то не было еще примера, чтобы правительство, так сказать, включало революцию в свою программу, считая ее таким неизбежным явлением, с которым бесполезно и бороться»²³.

Фатализм, вера в историческую predeterminedность и закономерности, соответствующие ей ненависть к реформам и конституции, либерализму и либералам, даже большая чем в отношении революции, крайним радикалам, мятежникам — здесь воззрения Победоносцева совпадают со взглядами Леонтьева. Подобно последнему, сильнейшим и опаснейшим элементом социального брожения, Победоносцев считал политический национализм, угадывая в нем угрозу распада империи. К этому видению он пришел уже окончательно в 1890-х гг.: «Мы видим теперь, что каждым отдельным

племенем, принадлежащим к составу разноплеменного государства, овладевает страстное чувство нетерпимости к государственным учреждениям и желание иметь свое самостоятельное управление со своею нередко мнимой культурой. ...Начало национальности,— уверял он,— выступило вперед и стало движущей и раздражающей силой в ходе событий именно с того времени, как пришло в соприкосновение с новейшими формами демократии». Он, конечно, имел в виду и славянское освободительно движение, и войну за независимость в Северной Америке. Однако его прогнозы носили глобальный характер. «Национализм — великая сила, которая еще покажет себя в истории и неведомо к какому приведет концу»,— прорицал он на закате прошлого столетия²⁴.

Проблема «инородцев», способствующих развалу страны, начиналась для Победоносцева с еврейского вопроса. Развитие капитализма, послабления еврейской диаспоре в пореформенной России, развитие предпринимательства, технический прогресс изменили в определенной степени де-факто роль и положение евреев. И Победоносцев (впрочем не он один) видел в этом зловещее предзнаменование. И, когда в соответствующих главах «Дневника писателя» Достоевского появились крайние обвинительные сентенции против еврейства, граничащие с фантазмагориями больного воображения, Победоносцев — глава государственной церкви 19 августа 1879 г. с благодарностью обращался к писателю: «А что вы пишете о жидах, то совершенно справедливо. Они все запленили, все подточили, однако за них — дух века сего. Они в корню революционного движения и царубийства. Они владеют периодической печатью, у них в руках денежный рынок... Они управляют и началами нынешней науки, стремящейся стать вне христианства и за всем тем — чуть поднимается вопрос об них, подымается хор голосов за евреев во имя якобы цивилизации и терпимости, т. е. равнодушия к вере»²⁵.

Юдофобское «направление» вызревало у Победоносцева долгие годы. Еще 2 февраля 1873 г. в письме к цесаревичу он высказал свою позицию в этом вопросе. Певцов эмоционального, сенсуального антисемитизма было всегда немало, но первым идеологом государственного антисемитизма, внушившим это же отношение Александру III, оказался Победоносцев. Увы, реальная жизнь никогда не обходится без парадоксов! Однажды, в Севастополе, всходя на пароход, могучий духом, но хилый и тщедушный физически, глава теневого кабинета оступись и упал в воду. Его спас незнакомый пассажир. Не поблагодарив, высокая особа в мокрых одеждах сухо и жестко спросила незнакомца: «Фамилия? Вероисповедание? Фельдман,— ответил тот,— иудейское. Креститесь! — было сурово велено иудею». После помянутого эпизода, Константин Петрович воспылал к еврейству еще более горячей ненавистью²⁶.

Впрочем, немногим более Константин Петрович был расположен к отечественной интеллигенции, даже великорусского происхождения. Она ему представлялась «гнилой» «фальшивой» и «так называемой». Вместе с журнальным диктатором, реакционным публицистом Катковым, вдохновителем политического «охотнорядчества», Победоносцев открыл зеленую улицу для воспитания ненависти у интеллигенции в массовом сознании.

Естественно, что самые робкие либеральные поползновения передовых представителей российского общества, призывы к ограничению самодержавия, введению элементов представительной власти вызывали суровейшую отповедь профессора-законоведа: «Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия,— заявлял он в зрелые годы,— та, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции, и проникла, к несчастью, в русские безумные головы»²⁷. От анархии, считал Победоносцев, «общество спасется одной лишь диктатурой, т. е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении»²⁸.

Просвещение и религия, по Победоносцеву, должны быть поставлены на службу государственного мышления. Биограф обер-прокурора Н. Н. Фирсов в свое время заметил: «Верным историческим чутьем он понял, что самодержавие и благодержавие — неразрывно сросшиеся близнецы, при искусственном отделении которых друг от друга, последует смерть того и другого»²⁹. Действительно, все тоталитарные, авторитарные, самодержавные системы или режимы глубоко идеологичны по своей сути. Идеология или господствующая мистическая философия, согласно Леонтьеву, служит им «как собака», она — сердцевина их; без нее эти режимы теряют жизнеспособность. Победоносцев, конечно, это осознавал. Однако, когда он прочитал «Легенду о великом Инквизиторе» в «братьях Карамазовых», то испытал некоторое неудобство. «Ваш Великий Инквизитор, — писал он Достоевскому, — произвел на меня сильное впечатление. Мало что я читал столь сильное. Только я ждал — откуда будет отпор, возражение и разъяснение — но еще не дождался»³⁰.

Устраивающий его ответ на этот вопрос Победоносцев мог бы скорее найти у Леонтьева, чем у автора «Братьев Карамазовых». В неопубликованном письме к одной своей знакомой Леонтьев писал: «Нахожу, что в сфере практической воли гораздо приятнее и полезнее повиноваться о[тцу] Амвросию, Дм[итрию] А[ндреевичу] Толстому, К. П. Победоносцеву и даже здешнему исправнику, чем своей будто бы воле, подчиненной все-таки мнению большинства или общественному мнению... Если мне иногда неприятно повиноваться о. Амвросию, Государю и даже исправнику, то я могу утешить себя тем, что даже и на очень хамоватом исправнике, есть частичка мистической эманации от Высшей церковно-помазанной власти»³¹.

Если «Великий инквизитор» Достоевского, дружески настроенного к Победоносцеву, заставил последнего испытывать неловкость, недоумение, неудовольствие, то преследуемый им Л. Н. Толстой в письме царю морально уничтожил все жизненное кредо главного церковника, его неистовое миссионерство во имя власти и несвободы. «Из всех этих преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека, это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, злодеем, имя которого, как образцового злодея перейдет в историю — Победоносцевым» — заявляет Николаю II отлучаемый от церкви и ждавший предания анафеме великий писатель³².

В 1880 г. в правительственных кругах обсуждали записку председателя кабинета министров П. А. Валюева. В ней говорилось о привлечении представителей духовенства и провинциального земства в Государственный совет, т. е. по сути о придании последнему статуса такого эмбрионального парламента. Однако цесаревич определил этот замысел как «столичные бредни» и выдвинул контрпредложение — создать Верховную следственную комиссию с чрезвычайными полномочиями. Министр внутренних дел Лорис-Меликов предлагал программу умеренно либеральных экономических и административных мер, смыкающихся с осторожными и постепенными политическими преобразованиями. После обсуждения этих мер в кабинете министров, Победоносцев, остававшийся на первых порах в изоляции, так писал 3 марта 1880 г. Е. Ф. Тютчевой: «Бедная, бедная Россия, недаром упал московский большой колокол при восшествии на престол Александра II-го»³³.

Став обер-прокурором Святейшего Синода, Победоносцев вместе со своей креатурой-градоначальником Санкт-Петербурга Н. М. Барановым, пытался дискредитировать в глазах Александра Александровича не только его отца, но и брата царя, великого князя Константина Николаевича, слывшего «конституционалистом» и либералом. Главные виновники ненависти к Константину Николаевичу, записал в своем дневнике секретарь Государственного совета Е. А. Перетц: «Победоносцев и Баранов, постоянно чернящие великого князя»³⁴.

После событий 1 марта 1881 г., Победоносцев не пал духом, не сломался, не выглядел растерянным, напротив, он воспарил — «простер совиные

крыла» (А. Блок), прорицал, проповедовал, требовал. 6 марта 1881 г. он писал своему бывшему воспитаннику, а теперь государю: «...и ни за что не поймут, чтоб можно было теперь оставить прежних людей на местах. И нельзя их оставить. Ваше Величество, простите мне мою правду. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник... Он приведет Россию к гибели. Он умел проводить только либеральные проекты, а вел игру внутренней интриги... и он не патриот русский! Берегитесь, ради Бога, чтоб он не завладел Вашей волей и не упускайте времени... Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь все разговоры о свободе печати, о своеволии сходов, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного»³⁵. Разумеется, риторические ссылки на «народ» были явной демагогией.

8 марта 1881 г. Константин Петрович выступил на заседании Государственного совета. В своем дневнике Перетц записал: «Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев (бледный как полотно и, очевидно, взволнованный): Ваше Величество, по долгу присяги и совести, я обязан высказать Вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили

«Finis Poloniae», так теперь едва ли не приходится сказать и нам: «Finis Russiae» ... Что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг... И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят к нашему несчастью к нашей гибели, ввести и у нас.

Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем... Так называемые представители земства только разобщают царя с народом... предлагают устроить нам говорильню вроде французских *états généralité*. Мы и без того страдаем от говорилен, которые под влиянием негодных ничего не стоящих журналов только разжигают народные страсти... К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян? К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей... И когда, государь, предлагают Вам учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси... Все мы должны каяться!.. В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой бы произносились новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!».

Этот реакционный пафос Победоносцева оказался чисто декларативным, никакой конкретной программы обер-прокурор не предлагал. Да ее у него и не было. Государственный контролер Д. М. Сольский так высказался о речи Победоносцева: «Он раскритиковал все, но сам не предложил ничего».

29 апреля 1881 г. был распространен манифест о твердом намерении Александра III сохранить самодержавие. Манифест этот, как это видно из писем к царю, опубликованных в середине 20-х гг., был написан Победоносцевым. «Государственных талантов он не выказал,— записывал секретарь Государственного совета,— манифест дышит отчасти вызовом, угрозой, а в то же время не содержит в себе ничего утешительного ни для образованных классов, ни для простого народа. В обществе он произвел удручающее впечатление»³⁶. В своем послании Александру III от 23 апреля 1881 г. Победоносцев предлагает императору и стиль и текст манифеста и источники для подражания — «прекрасные манифесты императора Николая 19 декабря 1825 года и 13 июля 1826 года»³⁷.

Известный юрист Б. Н. Чичерин направил Победоносцеву программную записку для государя, содержащую предложения о дальнейшем углублении умеренно-либерального курса Александра II, об отказе от полумер и необходимости большей решительности. Ему, несмотря на личную дружбу, Победоносцевым 16 мая 1881 г. было сухо отвечено: «Скажу вам только одно: манифест был необходим; в противном случае люди, обезумевшие от власти, вскоре привели бы нас к гибели... Радоваться надобно, что нет уже ни Л. Меликова, ни Абазы..., что будет дальше, ведает Господь, но во всяком случае о том, что произошло, жалеть нечего. Вы сами, думаю, согласились бы со мной, когда бы знали подробности дела»³⁸.

Немногим более года потребовалось самодержавию для перехода к открыто реакционному курсу. Для осуществления этого перехода был избран граф Н. П. Игнатьев, возглавлявший доселе Министерство иностранных дел. Новый глава кабинета был подвержен некоторому влиянию старого славянофильства, идее «соборности». Когда он предложил созыв Земского собора, Победоносцев — жесткий реалист, начисто лишенный розовых политических иллюзий, не замедлил дать беспощадную отповедь этому игнатьевскому прекраснодушию. 6 мая 1882 г. он написал царю: «Древняя Русь имела цельный состав в простоте понятий, обычаев и государственных потребностей, не путалась в заимствованных из чуждой иноземной жизни формах и учреждениях, не имела газет и журналов, не имела спорных вопросов и потребностей. А теперь нам предлагается из современной России, содержащей в себе вселенную двух частей света, скликать пестрое, разношерстное собрание. Тут и Кавказ, и Сибирь, и Сре-

дня Азия, и балтийские немцы, и Польша, и Финляндия! И этому-то смешению языков предлагается разрешить вопрос о том, что делать в настоящую минуту. В моих мыслях — это верх государственной бессмыслицы. Да избавит нас Господь от такого бедствия! А если воля и распоряжение перейдут от правительства на какое бы то ни было народное собрание, — это будет революция, гибель правительства и гибель России»³⁹.

Игнатъев на посту главы кабинета был заменен откровенным реакционером графом Д. А. Толстым. От общих заявлений и позиций правительство переходило к практике откровенных контрреформ. Победоносцев 30 октября 1885 г. набросал подробный, как всегда обстоятельный «Доклад о необходимости судебных реформ». Предлагалось отказаться от принятого еще недавно закона о несменяемости судей: «в нашей истории не могло образоваться донныне особое судебное сословие, крепкое знанием, преданием, опытом и связанное чувством и сознанием корпоративной чести»⁴⁰. Предлагалось отказаться от публичности многих судебных заседаний, излагались «решительные и крутые» меры против «адвокатского сословия», представлявшего, по мнению Победоносцева, «опасность для государственного порядка». И, конечно же, самым недвусмысленным образом отрицался «суд присяжных». По словам Победоносцева, этот институт служит только «к губельной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия». «Отделаться» (и при том немедленно) от этого учреждения предлагал главный советчик царя. Кассационное производство тоже, согласно ему, следовало отменить, а «мировой суд» подвергнуть «полной реорганизации». Зато применение исполнительной властью широких «превентивных» мер до суда и без суда поощрялось.

Предложения победоносцевского доклада отдавали явным средневековьем. Если отдельные его, ранее приведенные инвективы и lamentации выглядят достаточно пронизательными, то доклад 1885 г. отдает концентрированной полициейщиной. Это была кульминация победоносцевского консерватизма. Недаром Леонтьев, во многом единомышленник Победоносцева, о сути деяний Константина Петровича удрученно заметил: «Он не только не творец, но даже не реакционер... Мороз, я говорю, сторож; безвоздушная гробница; старая «невинная» девушка и больше ничего»⁴¹.

Победоносцев неоднократно заверял монархов (Александра III, потом Николая II), что служит идее самодержавия исключительно во имя процветания великой империи, заверял, что лишен личных видов и стимулов, руководим мыслью о сильной и единой российской государственности, что его рекомендации — результаты глубоких, многолетних наблюдений, раздумий, анализа самобытного отечественного и всемирного политического опыта.

В 1880—1890-х гг. он чувствовал себя абсолютно уверенным в собственной правоте и непогрешимости своих взглядов. Все то, что им противоречило, он трактовал как плод исторической безответственности, легкомыслия, заведомых заблуждений и пристрастий, личной, мелкой выгоды, а главное — отсутствия подлинного патриотизма. «Ваше величество! — писал он царю 23 ноября 1882 г. — Вы знаете, что никакие личные цели никогда не бывали на уме у меня, когда я обращался к Вам со своим словом. Но в нынешнюю тяжкую годину меня снедает скорбь о делах и людях моего Отечества и забота о Вас и о Вашей безопасности. Верьте моему прямому слову!» — восклицал он, призывая царя к «решительным мерам»⁴².

Но одно, на первый взгляд — чисто семейное дело придало особую раздраженность и остроту докладу Победоносцева о судебных контрреформах. Тесть Победоносцева, Александр Андреевич Энгельгардт, человек, по всей видимости, легкомысленный, жизнелюбивый, сангвиник был уличен в подлоге, после того как поставил подпись под какими-то мошенническими документами. Возникла угроза суда присяжных. И 29 апреля 1883 г. Константин Петрович униженно просил бывшего своего воспитанника: «Все мои недоброжелатели, которых так много, ждут этого суда, чтобы сделать мне зло из-за этого дела. Из-за меня будет страдать несчастный человек,

из-за меня будут на суде публично позорить его имя, да и мое не оставят в покое... Все газеты из-за меня поднимут неистовый лай... Этому суда он не вынесет, не вынесет его и жена моя, которая нежно любит отца своего»⁴³. Император принял прошение Энгельгардта и 27 мая 1883 г. Победоносцев благодарил царя за милость. Энгельгардт был выведен из-под удара. Институты же правосудия вскоре по проекту Победоносцева предложено было лишить и тени независимости, публичности, кассационности, адвокатуры.

В середине 1880 гг. деятельность Победоносцева по отношению к отечественной мысли, культуре, просвещению, печати, даже общественным библиотекам приняла характер планомерного преследования. «Он все читал, за всем следил, все знал», — отмечал биограф Константина Петровича Б. Б. Глинский⁴⁴. «Так сознавать нужду движения и так все остановить, так быть просвещенным и так теснить, вообще не любить и не уважать просвещения!» — восклицал по этому поводу В. В. Розанов⁴⁵.

Один из тогдашних писателей назвал Победоносцева «экспроприатором заплесневелых библиотек». Константин Петрович призывал контролировать формуляры читателей, их состав, фонды книжных собраний с целью выявления крамолы. Даже верноподданный «Русский Архив», издаваемый стопроцентным монархистом П. И. Бартеневым, журнал, где с подчеркнутым удовольствием печатались литературные опыты царского советника и друга, не избежал его претензий. Победоносцев пришел в ужас от издания в России марксова «Капитала».

1 декабря 1890-го он писал председателю Комитета по делам печати Е. М. Феокистову: «Что это еще Вл. Соловьев блядословит в новой книжке «Вестника Европы?» Когда будет возможно, пришлите мне взглянуть»⁴⁶. К Владимиру Соловьеву Победоносцев относился столь же отрицательно, как и ко Льву Толстому, хотя и не придавал молодому философу того значения, какое, по его мнению, имел в нравственной истории страны, да и всего мира его гениальный ровесник. Но и сочинения В. Соловьева по наущению Победоносцева запрещали, рассыпали набор, преследовали. Последний 18 января 1892 г. обратился к обер-прокурору с личным письмом, в котором содержались страстные призывы: «Одумайтесь, обратитесь в себя и помыслите об ответе перед Богом... еще вы можете перемениться для блага России и для собственной славы. Еще от Вас самих зависит то имя, которое Вы оставите в нашей истории... Словесного ответа мое письмо не требует»⁴⁷. Можно представить, с каким убийственным сарказмом читал Константин Петрович это импульсивно-наивное послание.

Великий инквизитор, созданный гением Достоевского, презирал людей с высокомерием, цинично, недоверчиво относился к разуму человека. Эти черты были свойственны и обер-прокурору, они отразились и в мировосприятии и в политической практике. Победоносцев свысока смотрел на своих современников, весьма скептически оценивал ординарный ум и слабование воспитанника-государя, приверженного к тому же тайному пороку — алкоголизму. Константин Петрович третировал в лучшие свои годы министров, иронизировал над многими писателями, не уважал собственный народ. Достойным соперником себе он ощущал, пожалуй, лишь Льва Толстого, боялся его широкой известности, влияния его свободной проповеди на общество. И начав с восстановления против Льва Николаевича императорской семьи, с запрета публикации его сочинений, он кончил инсценировкой отлучения его от церкви, но именно тогда же и потерял магическое влияние на венценосных властителей России.

1 ноября 1891 г. Победоносцев писал Александру III: «Нельзя скрывать от себя, что в последние годы крайне усилилось умственное возбуждение под влиянием сочинений графа Толстого и угрожает распространением страшных извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе, направление вполне отрицательное, отчужденное не только от церкви, но и от национальности. К Толстому примкнул совершенно обезумевший Соловьев, выставляя себя каким-то пророком и, несмотря на явную нелепость того, что он проповедует, его слушают, читают, ему рукоплещут»⁴⁸.

Победоносцев, с трудом переносивший громадную славу и общественный авторитет Л. Н. Толстого, настаивал на «слабости, бледности, невыработанности» романа «Анна Каренина»⁴⁹. Его могли раздражать сами собой напрашивающиеся аналогии между старым Карениным и им самим, его супругой и Анной, графом Н. М. Барановым и Алексеем Вронским. В свете передавались слухи об увлечении жены Победоносцева бравым военным, градоначальником Санкт-Петербурга, который не без вмешательства обер-прокурора в конце 1881 г. был переведен в одну из западных губерний. Победоносцев уверял в частной переписке (с П. П. Вяземским), что «граф Толстой в последнее время совсем сбился с толку и принял роль безумного и юродивого пророка»⁵⁰.

У тщедушного, стареющего обер-прокурора были тоже почитательницы его ума, таланта, стиля жизни, избранной им роли прорицателя нелицеприятных истин при самодержавном властелине. Одна из них — фрейлина Е. Ф. Тютчева писала 31 марта 1881 г.: «Глуп Л. Толстой, глуп Соловьев — точно дети играют с огнем. Все это люди, не понимающие того, о чем так дерзостно, так безмозгло толкуют»⁵¹. Монарху-воспитаннику Победоносцев доносил о вредности пьесы «Власть тьмы», «об отрицании идеала» Толстым, об унижении им нравственного чувства, об «оскорблении вкуса читателей»⁵².

Венцом антитолстовских деяний стало созданное Победоносцевым дело от отлучения от православной церкви великого писателя. В православные храмы разослан был текст «определения Святейшего Синода от 20—22 февраля 1901 г. № 557 с посланием верным чадам Православных греко-российских церкви о графе Льве Толстом»⁵³. Текст этот был подготовлен самим обер-прокурором и стал, увы, началом падения его влияния на политику Российской империи.

Спустя 4 дня обер-прокурору пришлось в приватном письме объясняться с Николаем II. 26 февраля 1901 г: он рассказывал о себе, искал участия, жаловался, что раздаются крики толп о том, «что во имя свободы надобно меня уничтожить». «И мне ставится в вину,— писал он Николаю II,— дело, которое я считаю в нынешнее время самым важным и нужным для России делом, ибо в народе — вся сила государства и уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений — можно только посредством церкви и школы, связанной с церковью»⁵⁴.

В наиболее полном виде Победоносцев развертывал свою концепцию «государственной идеи» в «Московском сборнике». Он вновь повторял, что «единодержавие» в России легитимно, наследственно, освящено богодержавием: православная церковь служит монархии, государству. Цель народного просвещения состоит в том, чтобы привить знание Бога, любовь к нему и страх перед ним, любовь к отечеству и почитание родителей. Отрешенные от жизни, «мнимые» знания, утверждал он, народу не нужны. Строгое подчинение традиционному, иерархическому и патриархальному порядку общественной жизни — суть и цель воспитания. Народные массы не надо искушать сомнениями; философствовать они не могут; в противном случае, поняв, как свое право, идеи равенства, свободы, братства, они восстанут против установленного порядка.

Парламент, по мнению обер-прокурора, был бы бедствием для России, даже при конституционной монархии. «Больно и горько узнать, что в земле Русской есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас». Обращаясь к политическому опыту Европы, Победоносцев называл избирателей «стадом для играющих страстями и инстинктами массы»⁵⁵ вождей. Либерализацию он объявлял прямой дорогой к анархии; спасение же от беспорядков и хаоса видел в восстановлении единой воли и единого правления. Он высоко ценил для России значение силы инерции, преодоление которой означало бы, по его мнению, утрату обществом устойчивости.

В годовщину кончины своего воспитанника Александра III, 6 апреля 1895 г. Победоносцев выступил в Москве перед членами Русского исторического общества. Космополитическим западным идеям он попытался

противопоставить российского самодержца как носителя отечественной самобытности, как истинного русского патриота, выразителя народной мысли, как «народного государя». Победоносцев особенно подчеркивал интерес Александра III к прошлому, к историческим особенностям русского быта, нравов, веры, местным общественным установлениям. По его мнению, только ориентация государя — «миротворца» на истоки, традицию, «русскую идею» и могла обеспечить благополучие и процветание народа и общества, стабильность власти в огромной — «единой и неделимой» — империи.

Победоносцев не случайно упоминал, что в детстве любимым чтением его воспитанника были исторические романы М. Н. Загоскина и И. И. Лажечникова. С. М. Соловьев открыл цесаревичу историческую значимость собирания русских земель и борьбы за единую государственность. Сам молодой Александр Александрович тяготел к поздним московским славянофилам и почвенникам, которые «первые сознательно выяснили перед всеми нераздельную связь Русской народности с верой и с Православной церковью. Независимо от крайностей учения слово это было необходимо ввиду надвигавшейся с Запада тучи космополитизма и либерального доктринерства... Молодой наследник цесаревич рано ознакомился с этим направлением через А. Ф. Тютчеву, не мог не сочувствовать ему чутким Русским сердцем...» Победоносцев подчеркивал, что «заодно с народом» Александр III веровал «в непоколебимое значение власти самодержавия в России». Он не желал допускать порочный «призрак свободы, губительное смешение языков и мнений»⁵⁶. В русле изоляционизма, консерватизма, охраны православной старины, устоев патриархальности и предлагалось дальнейшее бытие Отечества.

Победоносцев потерпел поражение (и это он, пожалуй, ощущал горше всего) от взбунтовавшихся против обер-прокурора Святейшего Синода иерархов православной церкви. Этот своеобразный бунт вспыхнул уже под занавес служебной деятельности Константина Петровича и ускорил его отставку. В начале января 1905 г. комитет министров под председательством известного противника обер-прокурора — С. Ю. Витте слушал вопрос о веротерпимости. В ходе обсуждения петербургский митрополит Антоний (Вадковский) высказал недовольство «слишком бдительным контролем светской власти» и говорил о необходимости участия духовенства в работе Государственного совета и Комитета министров, о возрождении роли прихода, о свободном приобретении церковью имущества. Ставился вопрос и о необходимости созыва собора церковников и мирян. Церковники подали записку царю, содержащую пожелание о принятии ряда мер, способных повысить авторитет и политическую независимость церкви.

В своем докладе императору — «О современном положении Православной церкви» — Витте указывал на то, что духовенство оторвано от общества, заражено бюрократизмом и интеллектуально неподготовлено к «борьбе с неблагоприятными церковными умственными и нравственными течениями современной культуры», Витте указывал на рутинность религиозной политики, проводимой престарелым обер-прокурором, и подчеркивал, что «государству... нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов». Победоносцев, ознакомленный с записками петербургского митрополита и председателя Комитета министров, высокомерно отверг соображения оппонентов. Записку Витте он назвал «угрожающей великой опасностью церкви и государству»⁵⁷.

17 марта 1905 г. орган Петербургской Духовной академии «Церковный вестник» опубликовал заявление «группы 32-х» иерархов о необходимости перемен в церковном управлении. Епархиальные епископы писали о желательности восстановления института патриаршества, о необходимости соборности и возрождении истинного авторитета церкви в народе, неформального влияния православия. Церковное «обновленчество», естественно, оказалось абсолютно неприемлемым для старого чиновника, возглавлявшего Синод более четверти века. Рушился его последний оплот.

К тому же в обществе муссировалась тема Кровавого воскресенья. Некоторые утверждали, что Победоносцев должен был послать к народу,

собравшемся у Зимнего, митрополита, сетовали на бездействие Синода. У Победоносцева нашлись и защитники: «Неужели взаправду митрополит обязан в облачении идти навстречу рабочим... И где это видели митрополитов, умиротворяющих народ, вместо полиции в нашей истории. Я этого не знаю. Думаю, что это было бы очень глупо. Впрочем, декабристам послали было митрополита, в растерянности. В здравомыслии этого никто не сделает. Петр подчинил духовенство чиновникам и церковь обратилась в чиновничью. Тут не К[онстантин] Петр[ович] виноват... Я этого не думаю. Моя мысль: во всем черт виноват, да российская глупость. Мы очень глупы, а вы очень умны», — писал А. С. Суворин, газетно-журнальный предприниматель, издатель газеты «Новое время» своему сотруднику — В. В. Розанову⁵⁸.

Далекий от политического радикализма. Розанов рассказывал: «когда разгорелась у нас революция, я не мог удержаться, чтобы не написать ему... что происхождением своим никому эта революция так не обязана, как ему и его политике в царствование императора Александра III»⁵⁹. Один из министров Николая II наблюдательный и умный А. А. Половцев 13 июня 1906 г. так записывал в «Дневнике» о том, кто же виноват в «наших теперешних политических несчастьях: «Я категорически отвечаю: Александр III, который по вступлении на престол, вследствие назиданий Победоносцева, Каткова и К^о отверг утвержденное отцом его и им самим предложение созвать представителей земства для сотрудничества с Государственным советом и, будучи человеком ограниченного ума и упрямого характера, стал коверкать законодательство Александра II, не понимая, что делает. Сына своего воспитал так, что он, вступив на престол, под влиянием отцовских креатур продолжал действовать в их смысле, что не могло не привести нас к теперешнему ужасному положению»⁶⁰.

О негативном отношении столпов отечественного либерализма к обер-прокурорской внутренней политике и говорить нечего. В свое время Чичерин заклинал Победоносцева и молодого императора продолжать курс на либерализацию сверху продуманно и искусно наращивая его темпы. «Россия должна получить конституцию..., которая включала бы представительство земств, чтобы контролировать финансы и внести порядок в управление» — считал И. С. Тургенев⁶¹. Симпатии к реальным возможностям и постепенному развитию мирного упрочения нового «без насилия, боя и крови» тогда же на рубеже 1870—1880-х гг. и позднее высказывал и И. А. Гончаров.

Можно привести и другие, достаточно авторитетные примеры. Конечно, России уже в силу географических и исторических особенностей, многонациональности и пестроты конфессий, наконец, по причине евроазиатской ментальности, требовались особенно долготерпеливые, не всегда популярные усилия и виртуозное политическое искусство правителей — просвещенных монархов и их ближайших советников. Легче было держаться традиционного пути и избегать каких-либо нововведений. С XVII века перед Россией стояла проблема выбора и приверженность традиционной, хорошо организованной несвободе неизменно выходила победительницей.

Но в начале XX века, вполне сохранивший, по свидетельству многих современников и биографов, силу и остроту своего язвительного ума, блестящую память, редкую эрудицию, Победоносцев выглядел безнадежно отставшим от времени. Если в зените своей карьеры он был одержимо красноречив и настойчив перед правящими монархами, то к старости вовсе лишился политической гибкости, коей и раньше ему недоставало; настойчивость и непоколебимая уверенность в собственной правоте и проницательности превратилась в упрямство, которое выглядело подчас смешным, а временами просто жалким. Впрочем, в широкой публике по инерции сохранялся еще гипноз, исходивший от самого его имени.

В дневнике А. А. Половцова, человека, который был весьма осведомленным и очень остро чувствующим конъюнктуру, есть запись от 20 февраля 1901 г.: «Заезжал к Победоносцеву, который все так же хнычет, всем недоволен, на все жалуется и никакого пособия, улучшения, исхода не видит и предложить не имеет; политически бездарная, многотомная

и многотомительная библиотека». 12 июня 1901 г. Половцов отметил в дневнике, что обер-прокурору отвели в Царском Селе комнаты в Старом дворце. Старик, как обычно, пребывает за письменным столом, «покрытом разными книгами, а более брошюрами. Во время разговора он ходит из угла в угол, хныкает, восклицает, вздыхает. За завтраком у их величеств 13 июля 1902 г. Победоносцев покорно выслушал капризное требование молодой императрицы: она прочитала «Житие Серафима Саровского» и безапелляционно заявила, чтобы через 5 дней (19 июня в день смерти) Серафима, последний был объявлен святым. Императрица трижды повторила свое требование»⁶².

Генерал А. Н. Куропаткин перед отъездом на Дальний Восток записал в дневнике 25 февраля 1904 г.: «Сидел долго у Победоносцева. Он очень недоволен ходом дел. Говорил, что государь его уже не слушает 9 лет. Что даже в Японии есть Совет стариков, а у нас советчики часто уличные негодяи... Все ломают, ничего не строят. Сломали старую школу, не создали новой»⁶³.

19 октября 1905 г. в день объявления царского манифеста о свободах Победоносцев был уволен от должности обер-прокурора. Мимо его дома на Литейном проспекте двигались потоки манифестантов: «Улица всячески тешилась над больным стариком и сводила с ним былые счеты,— писал современник,— на которые он совершенно не считал нужным отвечать... Холодеющие уста его шептали молитвы, а навстречу ему неслись раскаты непогоды и буйные крики русской революции, болезненно вонзавшейся в его сердце»⁶⁴.

А неумолимое время уже отсчитывало часы его жизни. 10 марта 1907 г. в возрасте 80 лет Победоносцев скончался.

Между тем у некоторых наблюдателей проявлялась известная аберрация в восприятии этого деятеля. В. И. Ленину Победоносцев еще 28 июня 1906 г. видится всесильным «умным членом камарильи». 8 сентября 1906 г. он пишет, что именно «Победоносцев и К^о готовят полную отмену всяческой конституции». А в 1913 г. Ленин еще раз вспоминал этого деятеля, представлявшего себя «стоящим над классами» и «охраняющим интересы широкой массы крестьян»⁶⁵.

А. А. Блок 7 мая 1911 г. занес в «Записные книжки», что Победоносцев «бросал камень в возможно большее количество ценностей: 1) в науку; 2) в свободолюбие... 3) в молодую Россию». «Еще очень жив в самом обществе... дух старого дьявола» — считал поэт⁶⁶.

Будучи цельной и крупной фигурой в политической истории России, Победоносцев до конца выразил себя в служении идее самодержавия. Словно «Великий инквизитор» Победоносцев был непоколебимо убежден в том, что «счастлив и могуч будет... тот народ, у которого вера и привычка к повиновению будут сильнее, чем у других»⁶⁷.

Примечания

1. Археографический ежегодник на 1972 г. М. 1974, с. 316.
2. См. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР. № 309. М. 1969, с. 170—171.
3. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 230, к. 439, ед. хр. 3, л. 1.
4. Русский Архив. Кн. I, 1907, с. 639.
5. ПОБЕДНОСЦЕВ К. П. Московские воспоминания. М. 1904, с. 10—12.
6. ГЕРЦЕН А. И. Собр. соч. в 30 томах. Т. 8. М. 1956, с. 170—171.
7. Дневник В. П. Шереметевой, М. 1916, с. 181.
8. ЗУБКОВ В. П. Записки. СПб. 1906, с. 52.
9. ОР РГБ, ф. 230, к. М., 9804, ед. хр. I. Письмо из Могилева (копия).
10. ОР РГБ, ф. 230, к. 5273, ед. хр. 3.
11. См.: ГОТЬЕ Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865—1881.— Сборник Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М. 1928, с. 111, 118, 119.
12. ПОБЕДНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. 1. М.—Л. 1925, с. 54, 194, 249.

13. Начала. 1991, № 1, с. 49.
14. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Исторические исследования и статьи, СПб, 1876, с. 1, 21, 88, 89.
15. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. 1, с. 52.
16. ЧААДАЕВ П. Я. Статьи и письма. М. 1989, с. 149.
17. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Вечная память. М. 1896, с. 105, 110.
18. ЧААДАЕВ П. Я. Ук. соч., с. 151.
19. Цит. по: ЭВЕНЧИК С. Л. Победоносцев и дворянское-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России.— Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. № 309, с. 115.
20. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Вечная память, с. 166—167.
21. Красный Архив. 1922, т. 2, с. 250—251.
22. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. 1, с. 249.
23. ФЕОКТИСТОВ Е. М. За кулисами политики и литературы. М.—Л., 1929, с. 220.
24. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Московский сборник. М. 1896, с. 46—47, 41.
25. Литературное наследство. Т. 15. М. 1934, с. 142.
26. АМФИТЕАТРОВ А., АНИЧКОВ С. Победоносцев. СПб. 1907, с. 37 и далее.
27. Цит. по: ТВАРДОВСКАЯ В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М. 1978, с. 176—177, 199.
28. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Московский сборник, с. 31, 49.
29. Былое, 1925. № 25—26, с. 256.
30. ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Собр. соч. в 30 томах. Т. 15. Л. 1976, с. 191.
31. ОР РГБ, ф. 126, к. 3323, ед. хр. 21/1—10. Письмо О. А. Новиковой от 30 мая 1889 г. Оптина Пустынь.
32. ТОЛСТОЙ Л. Н. Собр. соч. в 90 томах. Т. 54. М. 1935, с. 503.
33. См. ЭВЕНЧИК С. Л. Ук. соч., с. 170.
34. ПЕРЕТЦ Е. А. Дневник. М.—Л. 1925, с. 5.
35. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. 1, с. 315—317.
36. ПЕРЕТЦ Е. А. Ук. соч., с. 38—40, 42.
37. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. 1, с. 328.
38. ОР РГБ, ф. 334 (Чичерин), к. 4, ед. хр. 4.
39. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. 1, с. 381.
40. ОР РГБ, ф. 230, к. 4394, ед. хр. 3.
41. Цит. по: БЕРДЯЕВ Н. А. К. Н. Леонтьев. Жизнь и творчество. Париж. 1926, с. 141—142.
42. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. 1, с. 395.
43. Там же. Т. II. М. 1926, с. 31.
44. Исторический вестник, 1907, № 4, с. 273.
45. Новое время, 1907, № 11148.
46. Литературное наследство. Т. 15, с. 544.
47. СОЛОВЬЕВ В. С. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М. 1989, с. 249.
48. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. II., с. 253.
49. ОР РГБ, ф. 230, к. 4408, ед. хр. 11, л. 7.
50. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 195, оп. 1, к. 4462, л. 7.
51. Там же, ф. 230, к. 4407, ед. хр. 2.
52. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма Александру III. Т. 1, с. 648.
53. ТОЛСТОЙ Л. Н. Собр. соч. Т. 54, с. 457.
54. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Письма к Александру III, Т. II, с. 334, 335.
55. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Московский сборник, с. 42, 39.
56. Русский Архив, 1906, № 4, с. 621—623.
57. Русское православие. Вехи истории. М. 1984, с. 394, 395.
58. ОР РГБ, ф. 249 (В. В. Розанов), к. М 3822, ед. хр. 2, лл. 44, 49об.
59. Цит. по ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И. В. К. П. Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. СПб. 1912, с. 62.
60. Красный Архив, 1923. Т. 3, с. 115.
61. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. М. 1983, с. 303—304.
62. Красный Архив, 1923. Т. 3, с. 78, 94, 157.
63. Красный Архив. 1924, № 5, с. 88.
64. Исторический вестник. 1907, № 4, с. 248, 274.
65. В. И. ЛЕНИН. Полн. собр. соч. Т. 13, с. 257, 386; изд. 4-е, т. 16, с. 449.
66. БЛОК А. А. Записные книжки. М. 1965, с. 180, 181.
67. К. И. Леонтьев — В. В. Розанову. Из писем 1891 г.— Русский вестник, 1903, № 5, с. 163.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Оборона СССР после Великой Отечественной...

Теперь хочу продиктовать свои воспоминания о работе, направленной на обеспечение неприступности нашей страны. Это для СССР вопрос вопросов. Мы говорим, и правильно говорим, что сейчас разорвано кольцо капиталистического окружения. Уже существует не одна социалистическая страна, а несколько. На социалистический лагерь приходится 1/3 мирового производства. Это радует и вдохновляет тех, кто искренне борется за социализм. Но капитализм еще силен, не дает нам возможности почивать на лаврах и забывать об угрозе, еще может показать свой империалистический оскал. Поэтому нельзя ослаблять внимание к делу обороны. Это справедливо и сейчас, а особенно относилось это к тому времени, когда умер Сталин.

Он с большим вниманием следил за состоянием обороны СССР. Считаю, что он даже преувеличивал силы противника и его намерение развязать войну. А сам он пытался прощупать капиталистический мир штыком. В первую голову я имею в виду блокаду Западного Берлина, которая заставила нас убедиться в том, что не приходится рассчитывать добиться успеха подобными средствами. Сталин вынужден был уступить, пойти на переговоры. Когда он попробовал блокаду, то сделал это без учета наших реальных возможностей. Плохо продумал проблему. Не знаю, кто был у него советником по ней. Я уже входил в Политбюро, но мы ее не обсуждали. С кем Сталин ее обсуждал, мне неизвестно, но думаю, что только с Молотовым. Больше ни с кем. Ворошилов в это время никакой политической роли не играл.

Потом — война в Корее. Ее начали северокорейцы по инициативе Ким Ир Сена, а Сталин его поддержал, как поддержал и Мао Цзэдун. То была согласованная акция. В данном деле, если говорить о собственной персоне, я тоже согласился бы с Ким Ир Сеном. Но последний переоценил свои возможности, считая, что надо только поджечь фитиль, дать толчок, и внутренние силы Южной Кореи сделают дальнейшее. Конечно, южнокорейская армия оказалась слабее и была разбита, но вмешавшиеся в войну американцы вынудили отступить северян, а значит, и Сталина, который струсил и не решился оказать решающую помощь Северной Корее, сказав: «Ну, и что? Мы своих войск туда не вводили, так что теперь американцы станут нашими соседями на Дальнем Востоке, только и всего». Лишь вмешатель-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—10; 1994, №№ 1—8, 10—12.

ство Китая спасло тогда Северную Корею. Это была вторая наша крупная военная неудача после Великой Отечественной войны.

Вот такое мы получили наследство. Имели, правда, атомную бомбу. Сталин тогда нос повесил и стал бояться Америки. Помню, однажды, как всегда, ночью, сидели мы у Сталина на даче. Он под влиянием донесений, неизвестных членам ЦК партии, вдруг проявил тревогу: сгущаются военные тучи над Болгарией, американцы через посредство турок готовят на нее нападение. И сейчас же продиктовал указание болгарским руководителям приехать в Москву. Приехали Червенков, министр обороны Луканов, старый коммунист, прошедший антифранкистскую войну в Испании, закаленный боец. Сталин лично давал им указания, как укрепить болгарские границы. Они сводились к тому, что надо рыть противотанковые траншеи, возводить земляные укрепления. Надиктовал элементарные мероприятия, которые болгары могли сделать и без указаний. Сталин считал обстановку предвоенной и создавал соответствующий политический накал.

Наоборот, февральские события 1948 года в Чехословакии, когда там к власти пришел рабочий класс, припугнули Англию, Францию и США. Западная Германия тогда еще не влияла на международную политику, будучи оккупированной и подчиняясь диктату оккупантов, которые проводили политику агрессивную. Почти непрерывно над Восточной Германией и Чехословакией летали их разведывательные самолеты, особенно в пограничной зоне. Такие полеты продолжались и после смерти Сталина. Затем стали облетывать территорию Болгарии и Советского Союза, нарушали нашу границу на Балтийском море и других морях, укрепили свои позиции в Турции, потому что с Турцией СССР испортил отношения, предъявляя ей при Сталине претензии. Эта линия толкнула турок в объятия США. Американские разведчики вплотную действовали возле советского Закавказья. Какая-то их псевдонаучная экспедиция, якобы искавшая следы Ноева ковчега, изучала подступы к Армении у горы Арарат.

Кроме того, США вели за собой еще и Иран. Там тоже располагались их базы. Иран опасался нас не меньше, чем Турция, поскольку Сталин принял меры по дестабилизации иранского Азербайджана (там проживает больше азербайджанцев, чем в советском Азербайджане), чтобы Южный Азербайджан, нам не принадлежавший, как-нибудь присоединить к Северному, советскому. С иранских аэродромов американская авиация всегда могла нанести удар по СССР. США внедрялись также в Афганистан и Пакистан. На океанах они преобладали своим флотом, подводным и надводным. По тому времени самыми мощными кораблями были авианосцы. Именно авианосцами янки разбили японцев на Тихом океане. Кроме того, пытались терроризировать нас на суше, море и в воздухе, США давили на СССР еще и экономически: требовали уплаты за услуги по ленд-лизу, не торговали с нами сами и не позволяли другим.

Все это еще больше пугало Сталина. И я считаю правильным, что он форсировал усилия к созданию нашей атомной бомбы. И мы ее создали. Этим вопросом занимался от Политбюро Берия, а непосредственно делом руководил Ванников. Его министерство ведало проблемами атомной энергии. Наши ученые успешно справились с изготовлением атомных бомб. К тому же некоторую помощь мы получили через своих разведчиков за границей, вышедших на тех зарубежных ученых, которые сочувствовали нам и решили оказать нам содействие во имя противостояния США как мировому жандарму. Однако, даже имея атомную бомбу, мы не стали наравне с США. Нам не доставало бомбоносителей. Советская бомбардировочная авиация была тогда значительно слабее, чем у американцев с их «воздушными крепостями», которые летали на дальние расстояния и могли бомбить и ночью, и днем. Свою атомную бомбу мы взорвали на земле как модель. Других таких бомб имели сначала лишь несколько штук. А США уже накопили их десятки. Поэтому прямой военный конфликт с их применением не сулил СССР ничего хорошего. Пока мы не могли достать США с воздуха, следовало шире использовать моря. И Сталин поставил задачу строительства большого количества крейсеров.

Мы мечтали и об авианосцах, но они оставались нам пока технически недоступными. Крейсера должны были дополняться большим количеством эсминцев и подводных лодок.

Была намечена широкая программа подготовки кадров. Призывали в ряды ВМФ студентов старших курсов, также лиц, окончивших вузы, и посылали их в военно-морские академии и училища. Готовили специалистов всех категорий, нужных для флота. Наши военные руководители той поры доказывали, что без сильного флота противостоять в будущей войне США мы не сумеем. Флот СССР мог решать не столько наступательные, сколько оборонительные задачи, не позволяя вражеским войскам десантироваться на советской территории и не допуская его корабли вглубь нашей акватории. К сожалению, строительство могучего ВМФ требовало особенно больших затрат и истощало страну. Каких-то конкретных сведений о мероприятиях этого рода я в ту пору не имел. И, хотя являлся членом Политбюро, даже не рисковал задавать соответствующие вопросы. Такие проблемы Сталин замыкал на себя лично и не позволял большинству лиц из своего непосредственного окружения интересоваться состоянием Вооруженных Сил. Он считал все это своей привилегией, и любой интерес, проявленный кем-либо из нас к тому или иному виду вооружения, вызывал у него подозрение: Сталин свободно мог посчитать каждого из нас за вражеского агента и заявить, что ты вот завербован империалистами.

Вспоминая сегодня, 1 июня 1971 года, те дни, вынужден честно заявить, что мы получили после смерти Сталина тяжелое наследство. Страна была разорена. Руководство ею, сложившееся при Сталине, было, если так можно выразиться, нехорошим. Собрались в кучу разношерстные люди. Тут и неспособный к новациям Молотов, и опасный для всех Берия, и перекаати-поле Маленков, и слепой исполнитель сталинской воли Каганович. В лагерях сидело 10 миллионов человек. Тюрьмы были переполнены. Имелась даже особая тюрьма для партийного актива, которую создал по специальному заданию Сталина Маленков. В международной обстановке не виделось просвета, шла всюю холодная война. Нагрузка на советский народ от примата военного производства была невероятной. А снижать ее не приходилось, ибо уже появилась дополнительно проблема отставания военной авиации.

Американцы имели Б-29, лучший самолет второй мировой войны. Мы почти скопировали его, создав ТУ-14. Но это была уже устаревшая марка, а американцы ушли вперед. Правда, мы запустили в производство реактивные самолеты МИГ-9, МИГ-15 и ЛА-15, легкий фронтовой бомбардировщик ИЛ-28. Однако они являлись средствами защиты, а средств дальнего авиационного нападения у нас не было. По-настоящему мы не могли тогда угрожать даже чужим базам, которые расположились вокруг Советского Союза. Корейская война показала, что МИГ-15 по скорости отстает от американского истребителя. Наш народ, уставший от войны и изголодавшийся, нуждался в том, чтобы его накормили, одели и удовлетворили другие бытовые потребности. К сожалению, промышленный потенциал СССР уступал американскому, а ведь он главное в войне. Современная война — война моторов, электронной техники, умов ученых. Кто лучше и быстрее создаст новые виды вооружения? Мы пока уступали потенциальному противнику. Не всё, как надо, понимали и те наши руководящие военные кадры, которые подобрались вокруг тогдашнего министра вооруженных сил Булганина, практически невоенного человека, которому Сталин присвоил маршальское звание, не знаю, за что. Мне, например, Булганин не внушал уверенности в этом качестве. А Сталин прочил его в дальнейшем на должность главы правительства. Это уже несколько иной аспект работы. Помню, как Сталин при нас рассуждал на этот счет: «Кого после меня назначим Председателем Совета Министров СССР? Берия? Нет, он не русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умеет только ходить на чужом поводке. Кагановича? Нет, он не русский, а еврей. Молотова? Нет, уже устарел, не потянет. Ворошилова? Нет, по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти

годятся на вторые роли. Остается один Булганин». Естественно, никто не вмешивался в его размышления вслух. Все молчали.

Между тем СССР был доведен до предела беспрестанными капиталовложениями в оборону страны. Военная промышленность развивалась и вширь, и вглубь. Многочисленная армия давила на бюджет. Она стояла огромных материальных средств. Отвлекались бесчисленные людские ресурсы, которые могли быть использованы для развития мирной экономики. На Западе это видели и еще интенсивнее разворачивали гонку вооружений, чтобы лошадь советской экономики не выдержала этой гонки и сдохла сама по себе. Запад надеялся также вызвать недовольство наших людей, которое приведет к внутреннему ослаблению социалистического строя. Получалось нагнетание сложностей с обеих сторон. Советская Армия вынужденно продолжала расти. Только в ГДР, на этом социалистическом аванпосту мы имели около миллиона наших военнослужащих. Потом мы, сокращая наши Вооруженные Силы, довели их в ГДР до полумиллиона. На большее не рискнули, учитывая наличие американских, английских и французских войск в Западной Германии. Вообще же поначалу мы после смерти Сталина по-настоящему к военным делам не подступались.

Не до того было. Имели забот полон рот в связи с внутренним положением СССР. В первую очередь нас беспокоило состояние сельского хозяйства. Хлеба и мяса не хватало, масла просто не было. Да и развитие промышленности нельзя было сбрасывать со счетов. Ведь без дальнейшей индустриализации страны мы обрекали себя на отсталость и в экономическом, и в военном отношении. К счастью, советский народ-труженик понимал обстановку и поддерживал внешнюю и внутреннюю политику КПСС. Свое первое настоящее вмешательство в военные дела я датирую 1954 годом, когда, возвращаясь из поездки в Китай, наша делегация прибыла во Владивосток. Там мы хотели ознакомиться с состоянием Тихоокеанского флота и заслушать его командующего о готовности к обороне Владивостока, если там вспыхнут военные действия. Позвонили в Москву, чтобы во Владивосток прибыл Кузнецов, замещавший министра обороны СССР. Его мы вернули из опалы. Он был наказан Сталиным и понижен в звании. Мы считали это несправедливым, поскольку Кузнецов пострадал по сталинскому произволу.

Теперь он предложил нам программу осмотра и подготовил небольшое учение на море. А мы на крейсере, выйдя в определенный район, станем наблюдать ход морского боя с участием подводных лодок и торпедных катеров, а также сил береговой охраны. Далеко в океан мы не заплывали, шли вдоль берега. Там я впервые конкретно увидел, что такое морской бой. «Синие» (противная сторона) нападали на наш крейсер. Сначала нас атаковали подводные лодки, и предполагалось, что мы не знаем их месторасположения. Видимо, командир крейсера действительно этого не знал. Кузнецов же знал, потому что сам утверждал план боя. Подводные лодки выпустили торпеды. Они прошли мимо цели кроме одной, которая «попала» в крейсер и «потопила» нас. Потом нас атаковали торпедные катера. Они на меня произвели удручающее впечатление: много шума, много дыма, но ни одна из торпед не поразила цель, хотя атака велась с близкого расстояния. В натуральном бою катера понесли бы большие потери. Зато моряки были в восторге от учения. Наконец, мы проплыли мимо корабля, лежавшего на боку (остаток войны либо шторма), и сами стреляли по нему. Лучше прошли учения в Порт-Артуре, где нам тоже продемонстрировали стрельбы. Я не сомневался в принципе, что моряки имели хорошую квалификацию и владели своим оружием. Главное, чтобы оно отвечало современному уровню.

Но в целом от всего этого веяло стариной. Я уже видел к тому времени ракетноносцы: ракеты с самолета неслись на корабли Черноморского флота, попадания были точнейшие и произвели на нас очень сильное впечатление, особенно мощь взрыва. С первой же ракеты цель была «потоплена». А когда теперь стреляли из пушек и пускали торпеды, я, отдавая должное старому оружию, понимал и все его недостатки. Иное дело — самолеты-

ракетоносцы, которые могут действовать и на море, и для охраны берегов лучше артиллерии. Свои выводы сделали и из осмотра стоянок военных кораблей в бухте Золотой Рог и в Порт-Артуре. Последняя все еще соответствовала новейшим требованиям, и я не мог понять, каким же должно было оказаться ротозейство в 1904 г., когда там была беспрепятственно атакowana японцами 1-я Дальневосточная эскадра России. Да и от Владивостока сложилось такое впечатление, что это идеальная бухта, хорошо защищающая от штормов и обеспечивающая спокойную стоянку кораблей.

Но я тут же сказал военным: «Совершенно недопустимо держать сейчас военные корабли в этой бухте, пригодной для мирного времени. Прежде военно-морской флот не имел такого опасного противника, как авиация, и эту бухту легко было защищать от врага. Теперь она с воздуха беззащитна и, наоборот, превращается в ловушку для кораблей, которых может тут ожидать судьба Пёрл-Харбора. Надо срочно вывести отсюда корабли и найти им стоянку где-нибудь в бухтах на островах, чтобы корабли имели маневр, потому что здесь они заперты и не смогут отсюда выйти, если внезапно начнется война».

Поехали на Курильские острова. Посмотрели и там военные учения и береговые стрельбы. Очень нам понравились люди. Молодежь знала свое дело и стреляла хорошо. Что касается базы во Владивостоке, то предстояло ее расположить в другом месте. Выбор поручили Кузнецову. Начали готовиться к переезду. Это требовало больших работ для обеспечения причалов, стоянок, оборудования жилья, а также крупных затрат, но они были необходимы. Защищать Владивосток по старинке казалось невыполнимым. Тут впервые начал утрачивать в моих глазах свой авторитет адмирал Кузнецов, как-то не схватывавший требований новой эпохи, хотя он был человеком еще не старым.

Из Владивостока мы поехали в Николаевск, расположенный у впадения Амура в Охотское море. Там предполагалось возвести военно-судостроительный завод. У меня зародилось сомнение. В Николаевске? В столь необжитом районе возводить завод, который легко выведут из строя во время войны? Его трудно защищать. Кроме того требуются крупные капиталовложения, надо будет провести туда железную дорогу. В Николаевск уже завезли материалы и металл для конструкций. Это Сталин принимал решение о новом заводе. Обсудив детали замысла, мы решили, что лучше заложить необходимые нам корабли в обжитом месте.

Оттуда на эсминце отправились на Южный Сахалин по очень бурному морю. Штормило, качало, одного матроса волною смыло с нашего корабля. Я качку переношу хорошо и на проделки морского царя реагировал спокойно. Город Южно-Сахалинск понравился мне своим ласковым солнцем, хотя нам объясняли, что произошло совпадение. Мы осмотрели рыбную базу. Она находилась в плачевном состоянии. СССР не имел плавающих мощностей для переработки улова. Все перевозилось на берег, разгружалось и отправлялось на переработку. Рыба за это время портилась, ее выбрасывали в море или скармливали свиньям. Потом такая свинина резко пахла рыбой. Все дороги и подъезды к пристаням были ужасными. Мы еле-еле карабкались там на машинах. Оборудования не хватало. Но кого винить? До Южно-Сахалинска руки не доходили, у страны оставались более глубокие раны, нанесенные войной.

Показали нам и войска Дальневосточного военного округа. Мы остановились у начальника Управления боевой и физической подготовки генерала Труфанова, хорошо знакомого мне по Сталинградской битве. А оттуда поехали в районный центр на сельскохозяйственную научную станцию. Нас интересовало, как организовать получше производство продуктов, которые посылались в Южно-Сахалинск, особенно выращивание картофеля. Картофель и овощи завозили туда с материка, хотя природные условия там прекрасные. Мне Южно-Сахалинск показался чем-то похожим на Украину: яркое солнце, щедрая земля, богатая дикая растительность. Тут только приложить руки, завезти людей и заинтересовать их в деле, а потом станет там житье не хуже, чем во многих районах Советского Союза. Во Владиво-

сток мы возвращались самолетом, но Микоян остался в Южно-Сахалинске. Он занимался тогда проблемами торговли и сказал: «Хочу тут еще разобраться, как и что нужно сделать, чтобы обеспечить население продуктами питания». В целом пребывание на Дальнем Востоке натолкнуло на мысль, что оборона страны находится не совсем в таком положении, как хотелось бы. Следовательно подумать, как повысить обороноспособность СССР. Резко изменилась степень доверия руководства к адмиралу Кузнецову. Выходило, что мы его переоценивали. Хотя мы поступили правильно, отменив дискриминацию, которой подверг его Сталин, но тогда Кузнецов пострадал за другое. А сейчас у меня возникли опасения, которые спустя некоторое время разрослись и окончательно подорвали наше доверие к адмиралу, поскольку встал вопрос о создании системы обороны на принципиально новом уровне.

Кузнецов внес в ЦК партии записку с конкретными предложениями о дальнейшем строительстве военно-морского флота. Затребованная сумма составляла 110—130 млрд руб. на 10 лет. По тому времени она представлялась колоссальной. Нам надо было хорошенько подумать, чтобы решить вопрос безошибочно. Записку разослали, кому положено, и мы поставили вопрос на Президиуме ЦК. Пригласили туда Кузнецова и других военных. Предусматривалось дальнейшее строительство крейсеров, эсминцев и подводных лодок. Главную линию составляли крейсера, а вообще отдавалось предпочтение надводному флоту. Кое-кто засомневался, и я предложил: «Давайте этот вопрос сегодня не решать, перенесем его на следующее заседание (мы заседали еженедельно), чтобы члены Президиума могли глубже ознакомиться с предложением». Так как этот вопрос был очень крупным, то другие вопросы мы отодвинули еще дальше. Выйдя из своего кабинета в Кремле, я шел по коридору, желая встретиться с теми, кто приходил на заседание. Приглашенные обычно собирались в другом конце здания. Туда из зала вышел Кузнецов, и мы пошли с ним рядом. Я тогда к Кузнецову относился с большим доверием, по моей инициативе его реабилитировали.

Он повел себя очень нервно и обратился с довольно грубой фразой: «До каких пор сохранится такое отношение к военно-морскому флоту?» Я ему: «Не понял. Отношение считаю хорошим». «Почему же не решается вопрос?» «Но мы же не отказали, а только перенесли его рассмотрение. Хотим получше изучить предложение, чтобы принять правильное решение». Он возбужденно стал подавать резкие реплики. Потом мы разошлись и каждый, сев в свою машину, направился в нужном направлении. Меня успокоили его нервное состояние и такой, я бы сказал, диктаторский подход к делу. Разве то, что он считает, заранее истина и обсуждать тут нечего? То есть, руководству остается только утвердить предлагаемое? Это совершенно недопустимо. Здесь видно посягательство на права правительства и Президиума ЦК. Но я перед тем, как сесть в машину, сказал все же: «Потерпите неделю, мы еще раз подробно обсудим вопрос, вникнем в суть дела и разберемся с ним».

Спустя неделю на очередном заседании мы вернулись к данному вопросу. Его постановка Кузнецовым представлялась мне неправильной: не решались новые задачи обороны страны, зато требовались затраты колоссальных средств. И я обратился к адмиралу: «Товарищ Кузнецов, давайте отвлечемся от сегодняшних условий. Если бы мы вам сейчас могли бы выложить все те корабли, какие вы просите, то какое бы место по ним занял СССР среди наиболее вероятных противников? В сравнении, например, с США и Англией? Мы смогли бы противостоять на море их объединенным силам?» «Нет,— отвечает,— мы бы им значительно уступали». Он ответил честно. «Но тогда какой же смысл тратить эти средства? Мы через 10 лет получим заказанные вами корабли, однако даже сейчас они оказались бы слабее. А через 10 лет станем, значит, еще слабее. Ведь США и Англия развивают свой флот и вместе имеют больше возможностей, и материальных, и денежных. В результате мы и средства затратим, и не решим задачи обороны СССР».

Все начали поочередно высказываться. Когда пришла пора сделать заключение, руководство в результате сочло предложенное направление развития вооружения неправильным. Нам требовалось в кратчайший срок преодолеть отставание. СССР был обложен базами США и полностью накрывался его бомбардировщиками. Противник превосходил нас и в численности, и в качестве боевой техники. А ВМФ для нас не был решающим, не то что для Англии. Она — островное государство, без ВМФ не может ни наступать, ни обороняться, полностью зависит от подвоза сырья с континента, ей требуется обеспечивать морские коммуникации. США без надводного флота не могут держать свои войска на европейском континенте. Им нужно перебрасывать живую силу, боепитание и прочее.

Я предложил: «Давайте отложим решение о немедленном строительстве нового военного-морского флота и еще раз подумаем. Видимо, в первую очередь нам следует решить проблемы авиации, создавая такие же самолеты, какие имеет наш вероятный противник». На ракеты мы тогда еще не могли по-настоящему опереться и поэтому называли военно-воздушный флот главным оружием. Все согласились. Но Кузнецов буквально кипел и после этого заседания стал вести пропаганду против такого решения, дискредитируя новое руководство СССР. Он, невзирая ни на что, поддерживал линию Сталина насчет первоочередного строительства ВМФ, хотя Сталин принял эту программу без Кузнецова, когда тот был уже отстранен от командования. Стало быть, отраслевая принадлежность затуманила адмиралу глаза и мешала правильно видеть дело. Потом выяснилось, что программа Сталину была навеяна Кузнецовым в ту пору, когда он еще пользовался большим доверием у Сталина. Человека тогда сместили, а его линия продолжала свой путь.

У нас сложилось впечатление, что Кузнецов решил, что, раз Сталина нет, то с существующим руководством можно всерьез не считаться. Это нас возмутило. Мы вынуждены были принять решение об освобождении его от обязанностей главнокомандующего ВМФ и лишения его высшего воинского звания. Потом Малиновский говорил мне, что военные переживали за Кузнецова, потому что звание он получил давно и был активным участником войны против гитлеровской Германии и Японии. Лично мне Кузнецов нравился, я уважал его за смелость при докладах Сталину и реалистичность. Но, когда жизнь нас столкнула вплотную, пришлось интересы дела поставить выше приязни. Даже сейчас, после того как прошло немало лет, полагаю, что наше решение тогда было неизбежным, как по существу (во имя интересов страны), так и по форме (чтобы дать почувствовать некоторым строптивым военным недопустимость бонапартовских настроений).

Позднее Кузнецов написал воспоминания о войне. Они у меня лежали, но я их не стал читать, потому что после ознакомления со множеством подобных мемуаров пришел к выводу, что с большинством военных мемуаров надо спорить, а на меня это производит тяжелое впечатление, и я сильно переживаю свое несогласие, если встречаю вранье и не имею возможности оспорить его. Особенно в случаях, когда военные подхалимничают перед сталинскими штанами.

Отказавшись от программы Кузнецова, мы все больше внимания обращали на ВВС, особенно бомбардировщики. Ильюшин сконструировал реактивный двухмоторный бомбардировщик. Не стратегический, а фронтовой. Артем Микоян и Гуревич создали реактивный МИГ-15. Он использовался как наш лучший послевоенный истребитель и в Корейской войне показал на первых порах свое превосходство над истребителями американских марок, но продержался недолго. Американцы быстро запустили в строй самолеты с большей скоростью и стали бить наши истребители, безнаказанно врывались в воздушное пространство Северной Кореи. Позднее появились МИГ-17, МИГ-19 и сверхзвуковой МИГ-21. Туполев сконструировал бомбардировщик ТУ-14, потом дальний бомбардировщик ТУ-16. Однако у него имелся также ТУ-95. Мы обсуждали этот вопрос с Андреем Николаевичем, я к нему относился с доверием и глубоким уважением. Он сказал, что самолет, какой нам требуется, сейчас не сможет создать, поскольку

самолетостроительная наука этого пока не позволяет. Добавлю, что, когда Сталин потребовал от Туполева в свое время построить бомбардировщик, отвечавший задаче бомбежки территории США, Туполев прямо отказался: «Я такого самолета не могу построить», — сказал он. Это делает ему честь, хотя он сидел в заключении за свою смелость. Тем не менее, не брался за невозможное.

Сталин привлек к самостоятельной работе Мясищева, одного из учеников Туполева, очень деятельного инженера. Он создавал разные модели, но желательная тоже оказалась не отвечающей своему назначению, ибо долетала до США, а вернуться еще не могла. Тут Мясищев выдвинул идею: сбросив бомбы на США, сесть в Мексике. Мы ответили шуткой: «Мексика — не наша теща, сесть там означает в лучшем случае лишиться самолета». Идея была подмоченной, не давала уверенности в успехе и требовала больших затрат на реализацию. Начались испытания его модели. Проходили неудачно, несколько летчиков погибло, и у летного состава возникло недоверие к его самолету. Требовалось искать другое решение. Но какое?

Правда, уже тогда началось строительство ракет. Занимался этим знаменитый Королев. Я постоянно вспоминаю Сергея Павловича как человека, который вывел нашу страну в космос. Когда стало очевидно, что бомбардировщик Мясищева не обеспечивает контрудара по США, осталась надежда только на ракеты. Я с большим уважением относился к Мясищеву. Но и он не смог осуществить невозможное. Откликнулся с предложением именно насчет боевой дальней ракеты талантливый Лавочкин. Истребители Лавочкина летчики полюбили во время войны. Вскоре после нее он взялся за создание ракеты. Она получилась сложной: самолет поднимался ракетой-носителем на определенную высоту, потом отделялся и летел дальше на реактивном двигателе. Идея получила шифр «Буря». Довести ее до полного ума не удалось.

Чтобы достать Англию, мы имели ракету Королева Р-5. А как добратся до Америки? Зенитные ракеты Лавочкина были установлены на московском кольце противовоздушной обороны. Но это ведь совсем другое. Мой сын Сергей пошел работать к Челомею, но его ракеты появились позднее. Очень большие средства, замечу попутно, затратили на то, чтобы защитить Москву ракетным поясом, чтобы противник не прорвался к столице. Позднее вместо стационарных ракет, требующих большого времени на подготовку к запуску, мы создали подвижные комплексы, которые легче рассредоточить, так что вражеским разведчикам труднее установить, где они находятся. Строительство кольца ПВО сразу же всем открылось. Иностранцы, пролетая на пассажирских самолетах, видели все с воздуха, хотя мы и маскировали его, как только могли. Я и сам, когда летал, многократно видел с воздуха и установки, и дороги к ним.

Потом приняли решение о создании такой же обороны вокруг Ленинграда. Когда появились подвижные установки зенитных ракет, мы отказались от строительства ленинградского кольца ПВО. Но как все же нам быть? При жизни Сталина я Королева лично не знал. Познакомились мы с ним, когда его ракета находилась на выходе. Тогда Устинов доложил мне, что конструктор Королев приглашает посмотреть на его баллистическую ракету. Мы решили поехать туда всем составом Президиума ЦК партии. На заводе нам показали эту ракету. Честно говоря, руководство страны смотрело тогда на нее, как баран на новые ворота. В нашем сознании еще не сложилось понимание того, что вот эта сигарообразная огромная труба может куда-то полететь и кого-то поразить взрывным ударом. Королев нам объяснял, как она летает, чего может достичь. А мы ходили вокруг нее, как крестьяне на базаре при покупке ситца: щупали, дергали на крепость, чуть ли не лизали. Могут сказать, вот какие собрались невежды в техническом отношении. Увы, в те месяцы подобными невеждами оказывались не только мы, но и все люди, впервые сталкивавшиеся с ракетной техникой.

Руководство прониклось доверием к Королеву. Он сказал, что дальность полета той его ракеты составляла примерно 7 тыс. километров. Это нас устраивало, потому что значительная часть территории США

накрывалась ею. Конечно, мы не собирались, получив такую ракету, начать войну. Мы только хотели пригрозить своей ракетой в ответ, если США задумают напасть на нас. Они проводили тогда крайне агрессивную политику. Королев запустил свою ракету. Он назвал ее «семеркой». Она взлетела удачно, хотя первый экземпляр взорвался. В дальнейшем аварии случались нередко, и на земле, и при взлете, но обходилось без жертв. Без аварий новая техника редко пробивается в жизнь. Приходится даже сознательно идти иной раз на неизбежные жертвы. Наконец, Королев очень хорошо справился со своей задачей. Ракета стала летать надежно, и мы в 1957 г. запустили в космос искусственный спутник Земли. Весь мир восторженно встретил эти полеты радостно и с восхищением, а кто ужаснулся, что мы вышли на такой технический уровень. Наши ракеты привели США в трепет. Теперь СССР стал способен перебросить через океан ядерную бомбу ракетой, в то время неуязвимой. Некогда я, выступая, говорил на публику, что мы создали противоракетную ракету, которая может попасть в муху. Ну, это просто красивая фраза. Я ею воспользовался в ходе полемики, чтобы отрезвить наших противников и продемонстрировать, что мы вооружены ракетами и как средствами нападения, и как средствами защиты. Теоретически перехват ракет возможен. Происходит ведь в космосе стыковка ракет, следовательно, и ракета ракету может поразить, если поставить заряд. Но это трудная задача. А в те годы еще не имелось ракет дальнего действия, и о средствах их истребления пока не думали.

У правительства СССР запуск ракеты Сергея Павловича Королева вызвал вздох облегчения. Правда, сразу же проблема обороны нашей страны не была решена. У нас имелось слишком мало ракет, и они были чересчур дорогими. Мы изготавливали их лабораторным способом, в мастерских. Серийное производство не было налажено. Кроме того, подготовка ракеты к пуску в боевых условиях требовала много времени. Поэтому «семерка» и не стала в дальнейшем боевой ракетой. Ее запуск осложнялся тем, что перед стартом требовалось установить устройство, которое направило бы ее на цель. А чтобы обеспечить точность попадания, требовались установки наведения на расстояние в 500 км от стартовой позиции.

«Семерка» запускалась со столообразного старта. Я поставил задачу перед Сергеем Павловичем: «Если наступит кризисный момент, когда нам придется использовать ракеты, то противник не оставит нам времени на подготовку. Нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы ракета заранее находилась в подготовленном состоянии?» «Нет, пока мы это сделать не можем», — ответил он. Секрет заключался и в том, на каком горючем действуют ракеты. Мы запускали их на керосине и кислороде, американцы — на водороде и кислороде. К водороду специалисты относятся по-разному, но все же у него теплотворная способность выше и поэтому, казалось бы, он лучше. Однако у нас техника еще не была подготовлена к выработке водорода нужных кондиций. Свою мысль о необходимости держать ракеты в готовности я высказал и другим лицам. Они дошли через Устинова до Янгеля. Янгель тогда еще не находился на большой высоте. Но спустя какое-то время Устинов доложил, что Янгель берется сделать ракету моментального действия на кислоте, которая будет стоять на боевом взводе.

Я ухватился за это предложение. Вот как раз то, без чего мы не сможем обеспечить оборону СССР! Правда, кислота разъедает баки, и ракета долго не простоит заполненной. На заправку тоже нужно время, а его нам противник мог и не дать. «Мы пойдем на расходы по замене баков», — сказал я. — Сколько времени простоит ракета, пока кислота не разъест металл? Станем выбрасывать баки и ставить новые, это все равно оправдает себя». Когда Янгель сообщил о том, как он считает возможным решить задачу постановки ракеты на боевой взвод, Королев вскоре узнал об этом. Он считал себя ведущим в ракетостроении. И вдруг за решение проблемы, от которой он отказался, берется еще не признанный конструктор? И Королев встретился со мной: «Прошу отдать эту ракету мне», — сказал он, —

я сделаю ее на кислоте, и она будет стоять на боевом взводе даже без дополнительных направляющих устройств, которые выносятся за 500 километров от ракеты». «Очень хорошо, делайте,— ответил я,— но только кислородную, то есть вашу же улучшенную ракету. А передать Вам ракету на кислоте, которую предложил Янгель, ему будет в обиду. Вы отказались, Янгель взялся за дело, а теперь Вы хотите все забрать в свои руки. Это невозможно. Ведь идея родилась в его бюро, пусть он и решает свою проблему. Начнется соревнование: Вы станете готовить на кислороде ракету моментального действия, а он — на кислоте».

Королев был человеком волевым, по выражению его лица было видно, что мои слова ему очень не понравились. Но он умный человек, понимал, что я говорю правильно, и согласился. Так начала решаться проблема создания боевых ракет дальнего действия, межконтинентальных. Но пока что имелись ракеты только у Королева, а у Янгеля — одни идеи. Зато сдвинулись дела у Лавочкина. Он вскоре доложил, что его сложная ракета готова к испытаниям. Потом мы узнали, что подобным же путем шли и США. Очевидно, общая мысль выработалась из научных данных, которыми пользовались все конструкторы и ученые. Не думаю, что тут был результат шпионажа. К сожалению, ракета Лавочкина уступала по боевым качествам королевской. Затем предложил соответствующие услуги и Мясищев. Его ракета называлась «Буран». Правда, он выступил со своим предложением, когда мы уже поверили в ракету Королева и считали именно ее нашим будущим оружием межконтинентального действия. Тем самым мы отказывались от создания дальних бомбардировщиков и предложили закрыть работу над ними, остановившись на том их количестве, которое уже имелось. Эти несколько штук участвовали в нашем воздушном параде. На Западе их окрестили «Бизон». Увы, нас «Бизон» не удовлетворял.

И было отдано предпочтение тому, чтобы решать проблему создания межконтинентальной ракеты четырьмя конструкторскими бюро сразу: у одного не удастся, так у другого получится, а мы возымеем возможность выбора наиболее удачного решения, чтобы затем организовать массовое производство межконтинентальных ракет. Когда же Королев доказал преимущества своей ракеты, мы закрыли ради сокращения расходов все другие идентичные работы, находившиеся еще в начальной стадии. Ведь конструкторские бюро очень прожорливы и потребляют огромное количество народных средств. Иной эксперимент стоит миллиарды. Пришлось, в частности, прикрыть и разработку «Бурана». Мясищев сильно переживал. У него получилась неудача с дальним бомбардировщиком, а теперь ему закрывают ракету. Возможно, он изготовил бы ее, но нам не было смысла тратить время и средства, когда мы уже получили ракету Королева. Увы, мы теряли порой не только средства, а и гораздо более дорогое достояние: скончался безвременно Лавочкин, гениальный конструктор, чьи заслуги перед Родиной еще не обрели в литературе полного освещения.

Расскажу и о следующем примере поиска обеспечения обороны СССР. Сталин в свое время принял решение о создании подземного завода для производства атомных бомб. Потом предложили переделать его в завод по сборке ракет, которых, собственно говоря, пока не существовало, если не считать Р-5. Строительство велось в Сибири, наполовину завод был сооружен. И я попросил в Президиуме ЦК разрешения слетать в Сибирь, чтобы на месте познакомиться с ходом работ. Во время войны я был большим сторонником подземных заводов и, работая на Украине, написал соответствующую докладную Сталину, предложив предусмотреть в проектах новых угольных шахт там, где есть мощные пласты, побочно решать, вынимая уголь, задачу создания подземных заводов. Особенно на шахтах, подобных Светлице, заложенной в Подмосковном бассейне. В ней, как мне казалось, имелись идеальные условия для подземного завода. Да и в других местах, извлекая полезные ископаемые, можно закрепить выработки бетоном и превратить это место в военные мастерские.

Гитлер тоже использовал подземные заводы, причем довольно широко. Его опыт наложил отпечаток на нас. Приехав в Сибирь, я с местными

руководителями осмотрел подземное сооружение из гранита, прочное и хорошее. Но оно оказалось мало для современного производства. Да иначе и быть не могло: в граните вырезать целый завод! Но самое главное, я увидел, что он не решит проблемы. Как мыслилось его использование? Производить во время войны ракеты? «Эта идея совершенно несостоятельна,— сказал я.— Если начнется ракетно-ядерная война, то она будет войной моментального действия. Зачем нам рассчитывать на длительное время, которое требуется для производства ракет? У нас будут разрушены все заводы, поставляющие комплектующие детали. Здесь-то предусмотрена только сборка. Нам нужны агрегаты, приборы, их тысячи. А транспорт выйдет из строя, и вы будете обречены. Можно проиграть будущую войну буквально за несколько дней. Даже если продолжать ее в виде партизанских действий, то завод все равно выйдет из строя. Идея подземного завода несостоятельна, она работает на истощение средств, но не решает задачу. Мы ухлопаем зря деньги, однако не будем иметь уверенность, что обеспечили оборону страны. А сколько может такой завод изготовить ракет за год?» Мне назвали цифру. Тут я продолжил. «Нам надо гораздо больше. Даже сотни ракет не решают задачи. Проблема становится неразрешимой. Придется искать другое решение».

Строительством этого завода занимался Ванников по линии Министерства среднего машиностроения. Уже была затрачена половина отпущенных средств, примерно три миллиарда рублей из шести (в старых ценах). «Это брошенные на ветер деньги,— сказал я,— а как Вы считаете, товарищ Ванников?». Ванников был умным человеком. Он улыбнулся и согласился. Я даже опешил: «Так зачем же...». «Мы,— говорит,— не лезли в это дело, то была идея Сталина». И тогда я предложил: «Давайте используем несколько заводов, которые делают истребители (а они стоят ближе всего по изготовлению к корпусу ракеты) и переведем их на изготовление ракет. Под изготовление приборов для них тоже выделим заводы и сделаем это срочно, оборона не терпит отлагательств, нельзя повторять наше ротозейство перед Великой Отечественной войной».

Обсудили вопрос в ЦК партии, никто не возражал. После этого поручили разработать конкретные предложения. Были определены под новое дело авиазаводы истребителей и бомбардировщиков, крупнейшие предприятия. Теперь изготовление ракет и их запуск, в первую очередь королёвских, все более совершенствовались. Крепла уверенность, что ракеты — единственно верный путь к надежной обороне СССР. Конечно, вместе с водородными бомбами, которые накапливались. Экспериментальные взрывы давали нам возможность с каждым новым взрывом удешевлять стоимость заряда, что в свою очередь позволяло из того же количества материала делать больше зарядов. Ученые же добивались достижения большей силы взрыва. А мы сумели создать заряды разных мощностей. Я очень много внимания, времени и энергии уделял тогда совершенствованию вооруженных сил. Конечно, как организатор, а не как специалист. Руководству важно своевременно прислушаться, услышать нужное, поддержать здоровую мысль и правильно нацелить людей.

В качестве примера приведу такой случай. Боевые ракеты сначала стояли, как свечи, ожидая момента, когда придет им время действовать. Но противник мог нанести удар первым. Один заряд, попавший в район расположения ракетных войск (а ракеты располагались группами), мог взрывной волной всех завалить, вывести из строя и лишить нас возможности ответного удара. Я реально представлял себе условия запуска. Еще при Сталине не раз видел снимки результатов испытаний атомного оружия и все ужасы, которые они приносят. Конечно, поражали животных — собак, овец, которых располагали в траншеях на различных расстояниях от места взрыва. Страшная картина! Больно было потом смотреть на этих животных. Я уже не говорю о материальных разрушениях. Там ставили и танки, и самолеты, и различные сооружения, проверяя, на какой дистанции действует взрыв. Как рабочий шахт и участник строительства метро я конкретно знал горные работы. И у меня зародилась мысль поставить ракету

в шахту. Если мы прокопаем колодцы, потом эти шахтные стволы оборудуем и поставим ракеты в бетон, то они находились бы в закрытых помещениях с крышкой. Это улучшает хранение их при любой погоде. Если на такой район нападет противник, то для разрушения ракеты понадобится только прямое попадание, что маловероятно.

Я попросил конструкторов подумать над данной схемой. Потом они мне доложили, что такое невозможно. Я удивился. Мне-то казалось, что идея не только реализуема, но и должна их заинтересовать. И я не был до конца уверен, что они решили правильно. Когда Янгель заявил, что может создать ракету, в которой окислителем будет не кислород, а кислота, я отдыхал на юге. Мы встретились с ним на берегу Черного моря. Там я ему и высказал свои соображения: «Товарищ Янгель, специалисты считают ракету в шахте нереализуемой. Но я попрошу Вас как конструктора подумать. Пусть специалисты Вашего конструкторского бюро ответят, можно ли в шахту поставить металлическую гильзу определенного диаметра и с зазором, чтобы в эту гильзу поместить ракету. Между гильзой и стенкой останется зазор, чтобы газ после запуска ракеты, ударившись в дно шахты, вышел через зазор и, обтекая гильзу, вытек наружу».

Я полагал, что шахта поспособствует выталкиванию ракеты. «Смотрите,— показывал я, взяв два стакана разного диаметра.— Мы закладываем один в другой с расчетным зазором, который требуется для того, чтобы газы не разрушали ракету и имели выход наружу, обтекая рубашку». Янгель тут же сказал: «Не понимаю, почему мои коллеги отказались от этой мысли. Она мне нравится».

Правда, тут была не его область техники. Данное направление возглавлял Бармин. Он доныне продолжает свою полезную деятельность. Но тогда Бармин отказался от моей идеи. Однажды мой сын Сергей, инженер, имевший отношение к ракетам и по роду работы бывавший на их испытаниях, узнал от меня о моей идее. Мы с ним часто обсуждали этот вопрос. Следя за американской литературой, он рассказывал мне, что в одном из журналов США описано устройство шахт для запуска баллистических ракет. Я обрадовался такому совпадению мыслей, но и огорчился. Мы зря потеряли много времени. Я внес верное предложение, а специалисты его не уловили. Тут я вызвал, кого следует, и сказал: «Вот что получается. Мне сказали, что реализовать мою идею невозможно. Между тем американцы уже встали на этот путь и будут строить шахты». И потребовал немедленно начать разработку вопроса. А горнякам предложил изготовить подходящий бур для высверливания в почве шахтных стволов.

Они толково потрудились. О применении примерно подобных же машин в районе Мушкетово мне докладывал прежде Засядько. И я сослался на его доклад: «Возьмите такие машины, приспособьте их для бурения стволов нужного диаметра и глубины». Когда я работал на 21-й шахте в Донбассе, то там глубина шахтного ствола достигала 250 саженей. Так что я конкретно представлял себе предмет разговора. Тут инженеры признали, наконец, мою правоту. К сожалению, признали лишь на американском опыте. Уже после моей отставки на строительстве шахт работали сверлами, высверливая ствол, а потом опуская крепление. Меня обрадовало, что мы сможем расположить в большей безопасности ракетно-ядерные средства вооружения, находящиеся на боевом взводе и в любой момент готовые к действию. Даже после нападения на нас какое-то их количество сохранится, и мы окажемся способными на ответный удар.

В ракеты вложил много сил и знаний наш замечательный маршал Неделин, безвременно погибший. Опытный артиллерист, он работал над ядерным оружием от самой закладки идеи и из числа артиллеристов лучше всех знал новое вооружение. Некоторые военные, честные люди и хорошие коммунисты, относились к ракетам без энтузиазма. Когда мы бывали на испытаниях, они смотрели на запуски ракет, морщились и судачили между собой: «Какофония, а не музыка. Артиллерия — вот симфония. Когда ведет огонь ствольная артиллерия, приятно слушать. А тут — черт его знает что: пыль, гам, шум, а что толку?» Не все тогда верно оценивали новый вид

оружия. На иных производили отрицательное впечатление несуразные мелочи. Когда запускали ракеты, поднималась масса пыли. Эти люди опасались, что тем самым обнаруживается место старта. Но при запуске из шахты никакой пыли нет, потому что все в бетоне и в металле. Во-вторых, пыль второстепенна. Пушка по выстрелу дает возможность засечь себя на поле боя. А для баллистической ракеты это не имеет особого значения, она запускается на тысячи километров. Конечно, сейчас летают над землей спутники, они все фотографируют и засекают любое проявление деятельности. Техника позволяет наблюдать за всей территорией врага. Ну, и что же? Ракеты-то уже вылетят.

К нашей радости, и Янгель изготовил потом свою ракету, довольно мощную. Это сразу превратило нас в ракетно-ядерную державу. Мы почувствовали, что готовы к ответному удару по любому агрессору. Теперь мы стали политически обыгрывать тот факт, что первыми создали такие ракеты и запустили в космос спутники, стараясь оказывать давление на иностранных милитаристов. У американцев к той поре главным оружием считался дальний бомбардировщик как носитель ядерной бомбы. И они прежде опасались только за базы, где располагались их самолеты, вокруг СССР. Территория же США оставалась неуязвимой. Создав ядерно-ракетное оружие, мы уравнились в возможностях. Еще не по количеству, но по одинаковым возможностям. Сделав упор на форсированное проектирование ракет, проводя успешные их испытания и развернув их производство на бывших авиационных заводах, мы теперь ни в чем морально не уступали США. К тому же сократили затраты на авиацию. Продолжали делать и истребители, и бомбардировщики, но приоритет перешел к ракетам.

Правда, на низких высотах истребительно-бомбардировочная фронтовая авиация может прорваться через ракетные заслоны. Война во Вьетнаме и войны между Израилем и Египтом подтвердили это. Пока техника зенитных средств казалась недостаточно совершенной, от нее отмахнулись. На низких высотах и при больших скоростях локаторы слепы, а когда они обнаруживают цель, остается слишком мало времени для приведения в действие зенитных средств. Потом решили и эту проблему, и армии разных стран вернулись к использованию зенитных скорострельных пушек. В будущем появятся ракетные средства, которые смогут стрелять по самолетам на бреющем полете и на небольших высотах. Но наилучшее решение дела — достичь договоренности между всеми странами о разоружении и всего достигать путем переговоров. Пусть не станет войн! Вот извечная мечта людей.

(Продолжение следует)

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки

Глава III. Заселение и освоение Нового Света

I. Открытие человеком Америки, Австралии и Океании. Давно появившиеся в литературе понятия «Старый Свет» и «Новый Свет» в своем первоначальном смысле означали соответственно мир, давно известный европейцам (сама Европа, Азия и Африка), и мир, открытый ими сравнительно недавно (Америка и Австралия вместе с Океанией)¹. Однако оказалось, что эти термины содержат и более глубокий смысл. Если в Африке, Азии и Европе человек живет уже по меньшей мере 2—3 млн. лет, то Америка, Австралия и Океания были заселены людьми, по-видимому, менее 100 тыс. лет назад.

О времени появления первого человека в Америке дискуссия ведется уже в течение многих десятилетий. В ходе нее хронологический возраст первых людей в Америке то удревняется, то омолаживается. Дополнительные сложности возникают в связи с тем, что датировки палеоантропологов, с одной стороны, и генетиков и одонтологов, с другой, нередко существенно различаются.

Генетики датой начала заселения Северной Америки называют 20 тыс. лет до нашего времени, Южной Америки — 15 тыс. лет. Еще позже датируют начало заселения человеком Америки специалисты по одонтологии — 13 тыс. лет до нашего времени². Палеоантропологи и археологи в большинстве своем указывают более ранние даты заселения Америки — до 40—50 тыс. (а отдельные исследователи — даже 70 и 100 тыс. лет), однако такие датировки предлагаются на основе в первую очередь археологических данных. Что же касается палеоантропологического материала, то возраст самых древних находок остатков человека в Америке не превышает 30 тыс. лет³. Российский антрополог А. А. Зубов считает, что заселение Америки скорее всего произошло 50—40 тыс. лет назад, а может быть, и ранее. Он полагает, что поздние датировки, полученные генетическими методами, связаны с тем, что генетики имеют дело с современным населением, не отражающим совокупного генофонда всех волн заселения Северной Америки, и могут оценивать только дошедшую до нашего времени часть этого генофонда⁴.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, № 1.

Южная Америка, как и следовало предполагать, была заселена несколько позже Северной. Возраст наиболее древних южноамериканских местонахождений — 33—32 тыс. лет (стоянки Монте-Верде в центральной части Чили и в верховьях реки Пиауи на северо-востоке Бразилии).

Помимо дискуссий о времени начала заселения Америки ведутся также споры о прародине мигрантов в Америку, конкретных путях их переселения, расовом типе переселенцев и числе миграционных волн. Что касается прародины коренного населения Америки, то существует несколько гипотез, хотя широкое признание получила только одна из них. Сравнительно небольшое число сторонников имела гипотеза о преимущественно европейских истоках американских аборигенов. В ней подчеркивалось наличие европеоидных черт у индейского населения Америки (сильно выступающий нос с высоким переносьем, отсутствие эпикантуса)⁵, сходство древнего изобразительного искусства коренных жителей Америки с искусством верхнепалеолитического населения Европы. Позже, однако, было показано, что изобразительное искусство американских аборигенов имеет больше общего с искусством Северной Азии, а не Европы. Наличие же у аборигенов некоторых специфических черт, характерных для европеоидов, может быть объяснено либо конвергентным их возникновением, либо европеоидной примесью, которую получили предки американских индейцев от населения Центральной Азии.

Еще менее правдоподобна гипотеза переселения коренных жителей Америки из Африки или стран средиземноморского бассейна. Гипотезу эту пытались обосновать ссылаясь на то, что у некоторых групп населения Южной и Центральной Америки сравнительно темная кожа (сходство с негроидами) и волнистые волосы. Делались также попытки выискивать параллели между отдельными элементами культуры Америки и Африки. Наконец, высказывалось предположение о наличии в отдаленном прошлом сухопутного моста между Африкой и Америкой, остатком которого являются современные Канарские острова.

Однако все эти аргументы и предположения не выдерживают строгой критической проверки. Темнокожесть и волнистоволосость американских аборигенов могли быть вызваны примесью не негроидного, а австралоидного элемента, либо смещением с привезенными в Америку уже в послеколумбово время неграми. Культурные параллели между Америкой и Африкой носят достаточно поверхностный характер и также не могут служить серьезным доводом в пользу упомянутой гипотезы. Наконец, представление о существовании в сравнительно недалеком прошлом сухопутного моста между Африкой и Америкой (иногда ассоциируемого с так наз. Атлантидой) имеет уж совсем легендарный характер и не подтверждается данными исторической геологии.

Еще одной, тоже отвергнутой к настоящему времени гипотезой начального заселения Америки является предположение, что человек попал в Америку из Юго-Восточной Азии, переселившись туда через Тихий океан и использовав в качестве временных «остановок» на своем пути архипелаги и острова Океании. Примесь австралоидного (точнее меланезоидного) элемента действительно как будто бы прослеживается в некоторых изолированных районах Южной Америки, однако появление ее было вызвано не прямой миграцией предков американских индейцев из Юго-Восточной Азии, а иной причиной. Кроме того, огромное расстояние между наиболее восточными архипелагами и островами Полинезии, с одной стороны, и западным побережьем Америки — с другой, делает эту миграцию маловероятной.

В настоящее время подавляющее большинство исследователей придерживается точки зрения, что Америка была заселена человеком из Северной Азии через так называемую Берингийскую сушу, существовавшую в ледниковый период на месте Берингова пролива. Главным аргументом в пользу этой гипотезы являются антропологические данные: близость американоидных антропологических типов по многим морфологическим характеристикам к монголоидному населению Азии (черные прямые и жест-

кие волосы, слабо развитый третичный волосяной покров⁶, желтоватый оттенок кожи, карие глаза, крупное широкое лицо с сильно выступающими скулами, часто встречающаяся лопатообразная форма резцов).

Некоторые различия между расовыми типами американоидов и монголоидов (наличие у первых сильно выступающего носа с высоким переносьем, почти полное отсутствие эпикантуса и др.) могут быть объяснены тем, что переселение в Америку произошло еще в ту эпоху, когда ряд особенностей монголоидной расы не успел сформироваться. В пользу гипотезы о заселении Америки из Северной Азии говорят также территориальная близость окраинных регионов обеих частей света и наличие в соответствующую геологическую эпоху Берингийского сухопутного моста.

Путь, по которому двигались переселенцы из Азии в Америку, мог пролегать как через этот сухопутный мост, существовавший на месте нынешних мыса Дежнева, островов Ратманова (Большого Диомида) и Крузенштерна (Малого Диомида) и мыса Принца Уэльского, так и через образовавшийся в ту эпоху перешеек между юго-восточной Чукоткой, островом Святого Лаврентия и междуречьем Юкона и Кускоквима на Аляске. Есть основания полагать, что второй маршрут оказался более предпочтительным.

Нет согласия между исследователями и о том, сколько было волн миграций в Америку и каков был их состав. Раньше говорили о двух основных волнах миграции (с первой пришли индейцы, с более поздней — предки эскимосов и алеутов — эскалеуты). В современном виде гипотеза двух волн несколько отличается от прежнего представления. Ко второй волне относят не только эскалеутов, но и индейцев языковой семьи на-дене, причем предполагают, что разделение этих двух групп произошло уже на американской земле.

Большую популярность имеет гипотеза трех волн миграции коренного американского населения. В результате первой в Америку 40—16 тыс. лет назад (взгляды на начало ее заселения сильно расходятся) пришли палеоиндейцы, этноязыковая дивергенция которых привела к образованию всех существующих ныне индейских языковых семей, кроме семьи на-дене. Вторая волна миграции (14—12 тыс. лет назад) обусловила появление семьи на-дене, народы которой расселены сейчас в основном в северо-западных областях Северной Америки. Наконец, третья миграционная волна (9 тыс. лет назад) состояла из эскалеутов, потомки которых — эскимосы и алеуты — занимают в настоящее время крайние северные, периферийные районы Северной Америки.

Некоторые исследователи, в частности А. А. Зубов, не без оснований отмечают, что концепции двухволновой или трехволновой миграции не могут адекватно объяснить все особенности современной расовой структуры американских аборигенов, внести ясность в вопрос о происхождении австралоидной или южноазиатской примеси у части коренного населения Америки. Неясно также, почему среди палеоантропологических находок в Америке есть черепа меланезоидного типа (с низким лицом, тенденцией к прогнатизму). В связи с этим А. А. Зубов не исключает возможности, что трем волнам миграции предшествовала какая-то еще более древняя, почти не оставившая следа в генофонде современной американоидной расы. Эта волна, по-видимому, имела в своем генофонде сочетание монголоидного и австралоидного типов, по мнению ряда антропологов, на ранней стадии еще не четко дифференцированных.

В антропологической литературе можно встретить и точку зрения, что в заселении Америки на протяжении нескольких тысячелетий участвовали многие группы с разными культурными особенностями, что и обусловило множественность культурных и технологических традиций аборигенного населения Америки, а также его существенное антропологическое разнообразие.

⁴ Прямо противоположных взглядов придерживались американские антропологи Э. Хутон и Х. Уормингтон и независимо от них российский антрополог Г. Ф. Дебец. Выдвинутая ими в 50-х годах гипотеза базируется

на поразительном единообразии американских индейцев по концентрации групп крови системы АВО (резком преобладании людей с группой крови О и практически полном отсутствии группы крови В). Согласно этой гипотезе все американские индейцы происходят от очень маленькой группы людей (численностью в несколько десятков, в крайнем случае в несколько сот человек). К концепции малочисленности палеоиндейской группы (около 400 человек), от которой произошла основная часть аборигенов Америки, недавно вновь пришли американский одонтолог К. Тернер и генетики Р. И. Сукерник и М. Кроуфорд.

Австралия и Океания были заселены из Юго-Восточной Азии. В Австралии первые люди появились, по-видимому, около 50 тыс. лет назад (самая древняя археологическая находка, обнаруженная около городка Пенрит, расположенного к западу от Сиднея, имеет возраст 47—44 тыс. лет). У оз. Мунго в новом Южном Уэльсе найдены остатки человека, хронологический возраст которых 26 тыс. лет. Ранние насельники Австралии были очень близки по расовому типу к современным австралийским аборигенам. Довольно рано какая-то группа переселенцев попала и на о. Тасманию (свыше 30 тыс. лет назад). Каменные орудия у австралийцев имели верхнепалеолитический облик, однако позже приобрели мезолитические и даже раннеолитические черты. Каменный инвентарь тасманийцев выделялся гораздо большей архаичностью. Главными занятиями австралийцев и тасманийцев были охота и собирательство.

На Новую Гвинею человек проник не позже 30 тыс. лет назад. В антропологическом отношении мигранты, по-видимому, принадлежали к папуасскому типу австралоидной расы. Орудиями ранних поселенцев были топоры или тесла, сделанные из каменных отщепов и имеющие двустороннее сужение. Не исключено, что главным занятием первопоселенцев был сбор дикорастущего пандануса — древовидного растения, плоды которого идут в пищу, а воздушные корни используются для плетения.

Одна из самых крупных миграций на Новую Гвинею произошла 10 тыс. лет назад. Переселенцы (также папуасы) занимались охотой и собирательством и использовали частично полированные топоры или тесла с линзовидным поперечным сечением. Более поздние переселенцы на Новую Гвинею, а также мигранты, заселившие острова Меланезии, Полинезии и Микронезии, стояли уже на неолитической стадии развития и принадлежали к южным монголоидам.

2. *Верхнепалеолитические и мезолитические культуры Америки.* Ранний период верхнего палеолита Северной Америки обычно называется стадией «до наконечников» (иногда стадией ударной ретуши), так как среди каменных орудий еще не было наконечников для метательных орудий. Палеоиндейцы в ту эпоху не знали широко распространенной в соответствующее время в Европе техники отжимной ретуши. Изготавливавшиеся с помощью техники ударной ретуши орудия имели весьма примитивный облик и походили на нижнепалеолитические орудия Европы и Африки. Это были изготовленные из галек чопперы и чоппинги, грубо обработанные скребки из кварцита и т. д. Вместе с тем изготавливались и более тонкие орудия — ножи, проколки.

Основным занятием населения на этой стадии была неспециализированная охота на диких лошадей, бизонов, оленей, медведей, еще не истребленных в то время в Америке верблюдов и мамонтов, а также на различных мелких животных (зайцев, крыс, черепах и т. д.). Немалым подспорьем служило и собирательство плодов, корней, моллюсков, птичьих яиц. Население вело бродячий образ жизни, следуя за стадами животных. Временными стоянками служили пещеры или открытые лагеря. Древнейшая из известных стоянок этой стадии имеет хронологический возраст 38 тыс. лет. Стадия «до наконечников» продолжалась более 10 тыс. лет.

Вторая стадия верхнего палеолита Америки называется стадией наконечников, поскольку наконечники копий и дротиков на длительное время становятся наиболее характерными каменными орудиями. Эту стадию обычно делят на три периода: сандиа, кловис, фолсом (по названиям наиболее

известных стоянок, расположенных в штате Нью-Мексико и представляющих эти периоды).

Для периода (или культуры) сандиа (26—18 тыс. лет назад) характерны наконечники листовидной формы с боковой выемкой, а также разного рода скребки. Для обработки наконечников преимущественно использовалась техника ударной ретуши, хотя иногда применялись и отжимная ретушь. Главным занятием населения продолжала оставаться охота (на мамонтов, бизонов, мастодонтов, верблюдов). Занималось оно и сбором зерен дикорастущих злаковых растений, съедобных корней, ягод, птичьих яиц и т. п. Население было еще более подвижным, чем на предыдущей стадии. На стоянках, по-видимому, сооружались легкие временные жилища, сходные с тили (конической формы палатками на каркасе из жердей, покрытых бизоньими или оленьими шкурами, с дымоходом в вершине конуса), характерными для индейцев прерий вплоть до XIX века. Продолжали использоваться и пещеры.

Для периода кловис (17—13 тыс. лет назад) наиболее типичны каменные наконечники, существенно отличавшиеся от наконечников предшествующего периода. Они более крупные и уплощенные, лишены боковой выемки, имеют параллельные стороны, а также желобки для стока крови (потеря крови скорее обессиливала раненого зверя) по обеим плоскостям и вогнутое основание. Эти наконечники обрабатывались с помощью отжимной ретуши. Из других орудий использовались резцы, проколки, скребла, чопперы. Главным занятием стала специализированная охота на мамонтов. В значительно меньшей мере объектами охоты служили бизоны и другие животные. Полагают, что охотники устраивали засады на крупных животных, поджидая их у водопоя. Собирачество играло лишь подсобную роль. В большинстве случаев стоянки охотников были недолговременными, так как подвижной образ жизни продолжал сохраняться. В то же время известны и отдельные сравнительно долговременные места обитания.

В период фолсом (12—10 тыс. лет назад) наконечники во многом сходны с наконечниками кловис, однако они более миниатюрны и изготовлены из тонких пластин. Отличались наконечники фолсом и ушкообразным концом основания. Техника отжимной ретуши в период фолсом достигла высокого совершенства. Хозяйственная деятельность палеоиндейцев претерпела в этот период заметные изменения. Особое развитие получила охота на бизонов, что было вызвано потеплением климата, в результате чего в степях постепенно исчезли мамонты, ушедшие на север. В некоторых засушливых регионах важным объектом охоты стали верблюды. Гораздо большую роль начинает играть собирачество, получает существенное развитие рыболовство, а в прибрежных районах — и морской зверобойный промысел. В период фолсом существовали как кратковременные стоянки, так и долговременные стойбища.

Крайний север Северной Америки существенно отличался от других областей как по хозяйству, так и по своей каменной индустрии. Главную роль здесь играл морской зверобойный промысел. На северо-западе сказывалось сильное влияние со стороны Азии. Орудия архаического типа сохранялись в северных периферийных районах гораздо дольше.

В мезолите в лесной зоне Северной Америки получили распространение каменные орудия так наз. архаической традиции. Это наконечники — ланцетовидные или с боковой бороздкой, скребки и т. п. В отличие от северных периферийных районов каменную индустрию лесной зоны связывают не с Азией, а с южнее расположенными внутренними областями Северной Америки.

На Алеутских островах в конце палеолита — начале мезолита (10—4 тыс. лет назад) главным занятием был зверобойный промысел, сочетавшийся с рыболовством и сбором морепродуктов. Охотились на морского зверя с помощью гарпунов, копий, стрел.

На востоке нынешней территории США 10—9 тыс. лет назад с постепенным исчезновением прежних объектов специализированного промысла

получили развитие охота на различных животных и собирательство (так наз. культура восточного вудленда, т. е. восточной лесной области).

В Мексике и Центральной Америке в мезолите охота стала постепенно терять свое прежнее значение. Широко распространенная здесь охота на крупных животных (мамонтов, лошадей) с VII тыс. до н. э. заменяется охотой на средних и мелких животных. Усиливается собирательство, которое со временем отодвигает охоту на второй план.

В Южной Америке в верхнем палеолите население занималось как охотой, так и собирательством. Из каменных орудий наиболее характерными были наконечники, скребки. Распространились и костяные орудия. Объектами охоты служили мастодонты, гигантские ленивцы, лошади, гуанако (животные рода лам семейства верблюдов). Охота и собирательство продолжали оставаться основными занятиями и мезолитического населения Южной Америки, однако в прибрежных районах главным источником пищи стали зверобойный промысел и рыболовство. Для забоя морских животных как и в Северной Америке использовались гарпуны и копья.

На крайнем юге Южной Америки — Огненной Земле сложившиеся в мезолите зверобойный промысел, рыболовство, собирательство сохранились у местных жителей — ямана и кавасвар (алакалуф) — вплоть до XIX века.

Примечания

1. Австралию и Океанию, открытые европейцами несколько позже Америки, иногда называют Новейшим Светом.
2. СУКЕРНИК Р. И., КРОУФОРД М. Г., ОСИПОВА Л. П., ВИБЕ В. П., ШЕНФИЛД М. С. Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики. — Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. М. 1988; TURNER CH. G. Dentochnronological Separation Estimates for Pacific Rim Populations. — Science, 1986, N 4754.
3. Американскими и английскими учеными была сделана попытка пересмотреть возраст ископаемых остатков человека в Америке с помощью новейшей техники (масс-спектрометрического ускорителя). В результате хронологический возраст всех североамериканских находок был сильно снижен — до 3—8 тыс. лет.
4. ЗУБОВ А. А. Древнейшее заселение Америки в свете данных физической антропологии. — Российский этнограф. Этнологический альманах. Вып. 20. М. 1993, с. 191.
5. Третичным волосатым покровом называются волосы на теле человека, появляющиеся в период полового созревания.
6. Эпикантус (от греч. «эпи» — над и «кантос» — внутренний угол глаза) — очень характерная для монголоидов кожная складка, частично или полностью закрывающая слезный бугорок во внутреннем углу глаза.

Глава IV. Неолит¹ и энеолит² в Азии

1. *Проблема возникновения земледелия и животноводства.* Относительно места возникновения земледелия и животноводства существуют две противоположные точки зрения. Согласно гипотезе моноцентризма, переход к этим отраслям хозяйства произошел в какой-то одной области, и лишь позже в результате диффузии земледельческие и скотоводческие навыки распространились в другие регионы Земного шара. В последние десятилетия этот взгляд поставлен под сомнение. Подавляющее большинство исследователей придерживаются гипотезы полицентризма, в соответствии с которой, первичными очагами земледелия и животноводства были Юго-Западная, Юго-Восточная и, вероятно, Восточная Азия, северо-восток африканского континента, Мезоамерика, область Анд в Южной Америке, а возможно, и некоторые другие районы.

Ранее всего, по-видимому, началась культивация таких растений, как эммер (один из видов пшеницы-двузернянки — полбы), ячмень, пшеница-однозернянка, чечевица, вика. Это произошло в Юго-Западной Азии в IX:

тыс. до н. э. Позже на юго-западе Азии и в других районах были окультурены многие сотни растений. Доместикация коз и овец, вероятно, произошла в этом же регионе в IX тыс. до н. э. Довольно рано (в VIII тыс. до н. э.) там же были одомашнены крупный рогатый скот и свиньи.

Число видов одомашненных животных было гораздо меньшим, чем окультуренных растений. К настоящему времени человеку удалось одомашнить из многих десятков тысяч в принципе пригодных для доместикации животных лишь немногим более 30 видов, что свидетельствует о сложности этого процесса. Наибольшее число одомашненных видов — 19 — дал класс млекопитающих. Из отряда парнокопытных было одомашнено девять видов: козы, овцы, свиньи, коровы, а также як, гаял (одомашненная форма гаура, животного из семейства полорогих, разводится как мясной и рабочий скот на востоке Индии и в Индонезии), бантенг (из семейства полорогих, разводится в Индонезии), буйвол, северный олень. Из отряда мозолоногих (они иногда рассматриваются как семейство парнокопытных) одомашнены три вида — верблюды, лама, альпака (животное рода лам); непарнокопытных — два вида: лошадь и осел; хищных — три вида: собака, кошка и фретт (одомашненный хорек); зайцеобразных — кролик, грызунов — морская свинка. Из класса птиц человек одомашнил 9 видов (курица, индейка, цесарка, утка, мускусная утка, выведенная инками, гусь, голубь, канарейка, японский перепел), класса костных рыб — 2 вида (карап и золотая рыбка), класса насекомых — 2 вида (шелкопряд и пчела).

Хотя первые земледельческие культуры и домашние животные появились еще в мезолите, в эту эпоху возникновение отраслей производящего хозяйства произошло лишь в одном-двух регионах Земного шара — в Юго-Западной Азии и, возможно, в Юго-Восточной Азии.

2. *Неолитические и энеолитические культуры Юго-Западной Азии.* На более ранней археологической культуре, в которой заметны признаки нарождающегося земледелия, является мезолитическая натуфийская культура, впервые обнаруженная в долине Вади-эн-Натуф в Палестине и получившая распространение в Палестине и Сирии. Главным занятием натуфийцев были охота и собирательство диких растений (эммера, ячменя, чечевицы), кое-где — и рыболовство. Постепенно возрастало значение сбора диких растений: натуфийцы пользовались при сборе и обработке растений жатвенными ножами, ступами, пестами, зернотерками и другими орудиями. На поздней стадии развития натуфийской культуры (в IX тыс. до н. э.), вероятно, возникло и раннее земледелие. Для натуфийцев была характерна относительная оседлость. Наряду с временными охотничьими стоянками, они создавали и поселки, состоявшие из полужемлянок, а также круглых или овальных в плане наземных каменных домов каркасно-столбовой конструкции.

Потомками натуфийцев были неолитические группы Палестины и Сирии (IX тыс. до н. э.). Основными выращиваемыми культурами продолжали оставаться эммер и ячмень. Зерно обычно хранили в специально вырытых ямах. Образ жизни становился все более оседлым. Дома стали сооружать не только из камня, но и из сырцового кирпича (иногда строились и глинобитные жилища). На самой ранней стадии неолита керамика еще не была известна («докерамический неолит»), но затем гончарное дело получило значительное развитие. Культуры раннего неолита обнаружены в Иерихоне (Палестина), Рас-Шамре, Мурейбите, Абу-Хурейре (Сирия), Хаджиларе, Чайоню-Тепези (юго-восток современной Турции), Джармо, Телль-Магазали (современный Ирак), Гандж-Дарехе (юго-запад Ирана) и в ряде других мест. В некоторых из этих поселений раннего неолита (например, в Абу-Хурейре, Чайоню-Тепези, Гандж-Дарехе) с VIII тыс. до н. э. начинают разводить коз и овец (возможно, что скотоводство возникло и несколько ранее — в IX тыс. до н. э.). В Чайоню-Тепези, кроме того, были обнаружены древнейшие (VIII тыс. до н. э.) изделия из самородной меди, обработанные холодной ковкой.

В VIII—VII тыс. до н. э. производящее хозяйство распространяется по всему региону Юго-Западной Азии. Бродячие группы переходят

к оседлости. Круглые дома в ряде районов уступают место прямоугольным жилищам. Построенные из сырцового кирпича или глинобитные дома покрываются штукатуркой и иногда окрашиваются. Появляется немало довольно крупных поселков, обнесенных каменными стенами. Широкое распространение получает гончарство. Каменные изделия (прежде всего топоры) подвергаются шлифовке.

Сильно расширяется видовой состав культивируемых растений. Выращиваются ячмень, пшеница, рожь, чечевица, горох, нут (т. наз. бараний горох), вика, лен. Наряду с козами и овцами с конца VIII тыс. до н. э. начинают разводить крупный рогатый скот.

В регионе шел оживленный обмен культурными достижениями. Растения, впервые окультуренные в Палестине, распространяются на север и северо-восток, а одомашненные в горах Загроса на северо-востоке региона козы и овцы интродуцируются в Анатолию, Сирию и Палестину. Чрезвычайно важное значение имело совершенствование техники земледельческого хозяйства, и прежде всего строительство ирригационных сооружений. Возможно, в Сирии и Анатолии такие сооружения существовали еще в VIII тыс. до н. э. Улучшаются и земледельческие орудия. Вместо прямых жатвенных ножей стали использоваться изогнутые серпы.

Особенно интенсивно земледелие развивается в Двуречье, природные условия которого были на данной стадии развития оптимальными для выращивания земледельческих культур. Наиболее известны здесь такие неолитические культуры, как хассунская и сменившая ее халафская — в Северной и самаррская в Средней Месопотамии. Для них характерна керамика с расписным орнаментом. Несколько позже, вероятно, в первой половине VI тыс. до н. э., началось освоение и Южной Месопотамии, где в низовьях Тигра и Евфрата получило большое развитие не только ирригационное земледелие, но и рыболовство.

Во внутренних районах Аравийского полуострова с его суровыми природными условиями производящее хозяйство появилось несколько позже — в V—IV тыс. до н. э. Важным занятием жителей Аравийского полуострова стало разведение крупного рогатого скота.

В Юго-Западной Азии довольно рано стал использоваться первый металл производственного назначения — медь. Вначале применяется холоднаяковка самородной меди, затем получает развитие горячая ее обработка. Возникает новая эпоха — энеолит. С IV тыс. до н. э. начинается литье медных изделий. III тыс. до н. э. ознаменовалось в Двуречье строительством больших общественных зданий, в том числе храмов. Стал применяться гончарный круг. Изобретение колеса совершает настоящую революцию в транспортных средствах. В Месопотамии складываются условия для возникновения ранних государственных образований.

По своему расовому облику население Юго-Западной Азии эпохи неолита и энеолита продолжало оставаться европеоидным.

3. Неолитические и энеолитические культуры Кавказа. Неолитические культуры Закавказья почти столь же древни, как и в Юго-Западной Азии. Среди наиболее известных неолитических стоянок — Кистрик в Абхазии, Одиши на западе Грузии, Шенгавит в Араратской долине Армении, Ханлар в Западном Азербайджане. Ряд неолитических стоянок обнаружен и на Северном Кавказе: Ахштырская пещера недалеко от Сочи, Агубеково в окрестностях Нальчика и др.

На ранней стадии кавказского неолита главными занятиями населения были охота и собирательство, однако с VIII—VII тыс. до н. э. в ряде районов уже стали появляться очаги производящего хозяйства. Выращивались преимущественно пшеница и ячмень. Началось разведение домашних животных (на первых порах мелкий рогатый скот). Жилища имели различную форму (прямоугольную, круглую, полукруглую) и сооружались из наиболее доступного материала (камня, плетня).

В VI—V тыс. до н. э. в Закавказье появляются энеолитические поселения. Ранее всего они возникли в Юго-Восточной Грузии и Западном Азербайджане, несколько позже — в Юго-Восточном Азербайджане, а также

в Араратской долине в Армении. Вначале медные изделия изготовлялись методом холоднойковки, затем была освоена техника выплавки и литья.

В энеолите земледелие и скотоводство становятся в Закавказье главными занятиями. Земледелие было мотыжным и преимущественно богарным (от персид. «бехар» — весна; богара — выращивание культурных растений без полива), хотя в отдельных местах уже появились примитивные ирригационные сооружения. Выращивались пшеница, ячмень, овес, просо, бобовые, виноград и другие культуры. Часть культурных растений была заимствована из Юго-Западной Азии, другие же были выведены в самом Закавказье. Из домашних животных разводили мелкий и крупный рогатый скот, а также свиней и собак, причем основную часть поголовья составляли овцы и козы (такой состав стада в кавказском скотоводстве сохранился и в последующие времена). Жилище энеолитического населения Закавказья имело весьма специфический характер. Это были сооруженные из сырцового кирпича и порой заглубленные в землю однокамерные круглые в плане помещения.

На Северном Кавказе энеолит наступил значительно позже — в IV тыс. до н. э. И здесь основными занятиями стали земледелие и скотоводство. Выращивались пшеница и ячмень. Состав стада был аналогичным закавказскому. Жилища часто сооружались из плетня, обмазанного глиной.

В расовом отношении население Кавказа было, по-видимому, как и прежде, европеоидным.

4. *Неолитические и энеолитические культуры Средней Азии (включая территорию современного Казахстана).* Неолит развился здесь под сильным влиянием Юго-Западной Азии, прежде всего Ирана. Яркий пример — джейтунская культура (VII — начало VI тыс. до н. э.), возникшая в предгорьях Копет-Дага, а затем распространившаяся и в других районах Туркменистана. Главным занятием джейтунцев было орошаемое земледелие (возделывались пшеница и ячмень). Разводили домашних животных (вначале мелкий, а затем и крупный рогатый скот). Джейтунцы сооружали прямоугольные в плане дома из «предшественников» сырцового кирпича — глиняных валиков. Возле жилых помещений возводились хозяйственные пристройки различного назначения. Для изготовленной способом налепа джейтунской керамики характерна красная и розовая роспись по светлому фону.

К более позднему времени (VI — первая половина V тыс. до н. э.) относится гиссарская культура на юге Таджикистана и Киргизии. Некоторые исследователи считают, что носители этой культуры также занимались преимущественно скотоводством и земледелием, хотя вопрос этот продолжает оставаться дискуссионным. Однако, если гиссарцы и занимались скотоводством и земледелием, они сочетали эти занятия с охотой и собирательством.

В северных районах Средней Азии (включая Казахстан) в эпоху неолита очень долго продолжали господствовать охота, собирательство, а в некоторых местах — и рыболовство. Там, где занятиями были лишь охота и собирательство, население вело бродячий образ жизни, в районах же, где большую роль играло рыболовство, население переходило к оседлости. Оседлое или полуседлое население жило в глинобитных домах прямоугольного или овального плана, иногда в пещерах.

Одной из неолитических культур, где долгое время преобладали охота и рыболовство, является кельтеминарская культура в северной части Узбекистана и прилегающих районах Западного Казахстана. Для кельтеминарской керамики характерен резной геометрический орнамент, покрывающий все тулово сосуда, причем поверхность его окрашивалась в красный или желтый цвет. На позднем этапе развития кельтеминарской культуры появляется скотоводство.

В III тыс. до н. э. в Средней Азии наступает эпоха энеолита. Наиболее известны энеолитические культуры Юго-Западного Туркменистана и Ферганской долины. Главными занятиями носителей этих культур были основанное на искусственном орошении земледелие и скотоводство.

Неолитическое и энеолитическое население Средней Азии и Казахстана по своему расовому типу было европеоидным.

5. *Неолитические и энеолитические культуры Южной Азии.* В последние годы высказываются предположения, что производящее хозяйство в Южной Азии возникло самостоятельно и по своей древности (X—IX тыс. до н. э.) не уступает Юго-Западной Азии. Тем не менее надежные свидетельства о наличии земледелия и животноводства в этом регионе относятся лишь к VII тыс. до н. э. Это неолит северных областей Белуджистана (Мехргарх и другие поселения). Наиболее древние слои данных культур относились к докерамическому неолиту, гончарные изделия появляются здесь с конца V тыс. до н. э. Население выращивало ячмень несколько сортов, пшеницу, финиковую пальму и дерево ююба, разводило коз, овец, зебу и, вероятно, буйволов. Интересно, что медные изделия (в виде бус) стали использоваться в некоторых местах Белуджистана еще в докерамический период. Позже, в V — начале IV тыс. до н. э. вводится в культуру также хлопчатник. Несмотря на развитие производящего хозяйства, значительную роль продолжали играть охота и рыболовство. Жилища сооружались из сырцового кирпича или глины. Постепенно неолит сменяется энеолитом.

Энеолитические группы из Белуджистана мигрировали в первой половине IV тыс. до н. э. в долину Инда, где, смешавшись с местными жителями, не знавшими производящего хозяйства, создали основу для возникновения в III тыс. до н. э. древнеиндийской цивилизации.

Весьма древней (VII—V тыс. до н. э.) была и неолитическая культура долины Ганга (поселения Махагара и Колдихва). Культурным растением здесь являлся рис, из домашних животных был известен крупный рогатый скот. В конце III тыс. до н. э. из долины Инда сюда проникли пшеница, ячмень, чечевица и другие растения. Население долины Ганга жило в плетневых домах, стены которых обмазывались глиной.

В других районах Южной Азии эпоха неолита наступила сравнительно поздно (в Кашмире и Центральном Декане не ранее III тыс. до н. э.), и население в течение еще нескольких тысячелетий продолжало заниматься рыболовством и охотой.

В антропологическом отношении население Южной Азии тех эпох было неоднородным. На северо-западе региона преобладали проникшие сюда в мезолите европеоиды, на северо-востоке — монголоиды, на юге — австралоиды. Однако уже тогда значительную часть населения составляли смешанные в расовом отношении группы, причем процесс метисации шел, по-видимому, достаточно интенсивно.

6. *Земледельческие мезолитические, а также неолитические и энеолитические культуры Юго-Восточной Азии.* В этом регионе земледелие возникло очень рано — в IX—VIII тыс. до н. э.³ Следы древнейшего земледелия были обнаружены в одной из горных долин Северного Таиланда, в так наз. пещере Духов. На территории Юго-Восточной Азии и в примыкающих районах Южного Китая в то время была распространена возникшая еще в верхнем палеолите и «перешедшая» в мезолит хоабиньская культура. Вначале хоабиньцы вели комплексное хозяйство, включавшее собирательство (сбор диких растений был их главным занятием), охоту, а несколько позднее и рыболовство. Предполагается, что некоторые из носителей хоабиньской культуры стали затем выращивать ряд растений, плоды которых до этого собирали. Однако значительная часть хоабиньцев, несмотря на появление отдельных очагов земледелия, а затем и скотоводства, продолжали еще вплоть до III—II и даже I тыс. до н. э. вести примитивное присваивающее хозяйство.

Основными земледельческими культурами Юго-Восточной Азии стали (и в значительной мере остаются до сих пор) рис, ямс, таро, один из видов банана. Все они, возможно, были окультурены в Юго-Восточной Азии, хотя рис, скорее всего, был все же введен в культуру в южногималайском очаге и уже оттуда широко распространился по многим регионам Земного шара. Из животных в Юго-Восточной Азии были domestцированы гаял, бантенг, буйвол, свинья, а также куры.

Часть хоабиньцев продолжала довольно долго использовать орудия мезолитического типа. Однако в результате миграции населения из более северных областей уже в конце VIII—VII тыс. до н. э. в некоторых местах Юго-Восточной Азии появились шлифованные каменные орудия, а также гончарные изделия.

Неолит Юго-Восточной Азии существенно отличался от соответствующей эпохи Юго-Западной Азии и некоторых других регионов тем, что многие группы местного населения сохранили почти в полной неприкосновенности прежний образ жизни, занимаясь в основном охотой, собирательством и в некоторых районах — рыболовством и живя в пещерах или на примитивных открытых стоянках. Правда, в неолите Юго-Восточной Азии уже не наблюдалось того культурного единообразия, как в предшествующие времена. Если прежде на огромной территории господствовала хоабиньская культура (или комплекс очень близких культур), то в неолите, наряду с перешедшей в новую эпоху хоабиньской культурой, существовали и новые культуры, например бакшонская культура в Северном Вьетнаме, носители которой продолжали заниматься охотой и собирательством, культуры банчиенг в Северо-Восточном Таиланде и фунгигуен в Северном Вьетнаме, для которых характерно выращивание риса.

Энеолит в Юго-Восточной Азии просуществовал очень недолго, так как появившееся здесь в ряде мест (Северный Таиланд, Вьетнам) производство медных изделий вскоре дополнилось изготовлением бронзовых изделий. В эту же эпоху возникает в Таиланде и шелководство.

В неолитическое время произошли определенные изменения в антропологическом составе населения Юго-Восточной Азии. Если в эпоху верхнего палеолита, мезолита и раннего неолита во всей островной части региона, а также в южной части Индокитая господствовал австралоидный элемент, а на севере полуострова преобладали смешанные (по мнению некоторых ученых — скорее переходные, то есть еще не дифференцировавшиеся в расовом отношении) монголоидно-австралоидные группы, то в позднем неолите началась интенсивная миграция с севера монголоидных групп, которая привела к тому, что австралоидный расовый тип был повсюду очень сильно потеснен, и в регионе стало преобладать смешанное монголоидно-австралоидное население, характеризовавшееся (кроме жителей крайних восточных районов Индонезии) явным преобладанием монголоидных черт.

7. *Неолитические и энеолитические культуры Восточной и Центральной Азии.* Юг Восточной Азии (Южный Китай) был в эпоху неолита и энеолита теснейшим образом связан с Юго-Восточной Азией, и его развитие в то время практически не отличалось от развития этого региона. В Северном Китае и Монголии неолит и энеолит весьма существенно отличались от соответствующих эпох других азиатских регионов. В Северном Китае ранне-неолитические культуры крашеной керамики (лаогуаньтай и др.) относятся к VII—V тыс. до н. э. Носители этих культур занимались земледелием, выращивая чумизу. Правда, для существовавших в это же время ранне-неолитических культур северо-восточной части современного Китая (Маньчжурии) и Монголии земледелие еще не было характерно, и население занималось собирательством, охотой, а в некоторых местах и рыболовством. Группы населения, занимавшиеся преимущественно охотой (Монголия), вели подвижный образ жизни, общины же, в которых значительную роль играло рыболовство (Маньчжурия, некоторые области Северного Китая), были более оседлы. Земледелие появилось в этих местах значительно позже — в III—II тыс. до н. э.

В Северном Китае ранне-неолитические культуры сменила поздне-неолитическая культура яншао (V—III тыс. до н. э.). Основным занятием яншаосцев было мотыжное земледелие (возделывание чумизы), подсобную роль играли охота, собирательство, рыболовство и животноводство (разведение свиней и собак, причем мясо последних также употреблялось в пищу). Для культуры яншао характерны два типа керамики: имевшая парадный характер расписная многокрасочная и повседневно использовавшаяся с оттиском рогожи или ткани. Наличие отпечатков тканей на сосудах,

а также находки пряслиц говорят о том, что яншаосцы были знакомы с ткачеством (ткань изготовлялась, по-видимому, из конопляного волокна). Яншаосцы жили в круглых или прямоугольных полуземлянках с конической крышей, которая поддерживалась столбами, стоявшими в центре жилища. В конце IV тыс. до н. э. яншаосцы научились обрабатывать медь и их культура трансформировалась из неолитической в энеолитическую.

Близка по времени культуре яншао другая позднеолитическая культура — цюйцзялин, ареал распространения которой был северо-восточнее яншао. Цюйцзялинцы занимались преимущественно рисосеянием.

В Восточном Китае в том же хронологическом периоде получила распространение культура цинляньган, носители которой выращивали рис, разводили свиней, занимались рыболовством и охотой. Культурные традиции цинляньган сильно отличались от яншаоских. В частности, цинляньганцы нередко сооружали жилища на сваях. Гончарные изделия были красного цвета, отличались довольно грубой выработкой.

В Северном Китае культуру яншао сменила культура луншань (середина III — начало II тыс. до н. э.). Для луншань характерно достаточно развитое мотыжное земледелие, внедрение новых для Северного Китая окультуренных растений (рис, пшеница, ячмень), интродукция новых домашних животных (крупный рогатый скот, козы, овцы, лошади). Больших успехов достигло керамическое производство. Если яншаосцы мало пользовались гончарным кругом, то луншаньцы применяли его постоянно и изготовляли прекрасную посуду преимущественно черного цвета.

В Тибете, начиная со второй половины IV тыс. до н. э., население занималось земледелием (выращиванием проса) и, возможно, скотоводством (разведением свиней). Примерно в то же время земледелие и скотоводство проникли в Восточную Монголию и Корею. Там возделывали просо, разводили свиней и собак. В Корее с середины III тыс. до н. э. стал также выращиваться интродуцированный с юга рис, постепенно превратившийся в главную культуру.

В Японии весьма своеобразный характер имела раннеолитическая культура дзёмон (VI—I тыс. до н. э.). Фактически это была не единая археологическая культура, а комплекс распространенных на территории Японии древнейших культурных памятников. Буквально дзёмон означает веревочный узор, но это лишь условное обозначение, так как помимо грубо выделанной керамики с веревочным орнаментом в виде зигзагов встречалась и керамика другого типа. Носители культуры дзёмон занимались на первых порах охотой, рыболовством, собирательством (растительной пищи и моллюсков). Что же касается земледелия (выращивания проса и риса), то о времени его появления в Японии ведется дискуссия. Наиболее вероятно, что оно появилось на поздней стадии развития культуры дзёмон (с III тыс. до н. э.), однако некоторые исследователи полагают, что этот вид хозяйственной деятельности возник на Японских островах значительно раньше — на средней или даже ранней стадии развития культуры дзёмон. Дзёмонцы имели только одно домашнее животное — собаку. Они жили в больших землянках трапециевидной или круглой формы. В отличие от последовавшей за дзёмон энеолитической культурой яёй, в культуре дзёмон земледелие было богарным.

Носители культуры яёй (VII-V вв. до н. э.—III-V вв. н. э.), проникшие в Японию с материка, стояли на гораздо более высоком уровне развития, чем племена культуры дзёмон. Занимаясь поливным земледелием, они также разводили крупный рогатый скот, свиней и лошадей.

Подавляющая часть населения Восточной Азии в эпохи неолита и энеолита относилась к монголоидной расе. Австралоидным было лишь население Японских островов в эпоху дзёмон, однако миграция в VII—V вв. до н. э. крупных монголоидных групп привела к тому, что и в их населении стал преобладать монголоидный антропологический тип (с небольшой примесью австралоидного элемента). Смешанное монголоидно-австралоидное население (с преобладанием монголоидных черт) характерно и для Южного Китая.

Примечания

1. От греч. «неос» — новый и «литос» — камень.
2. От лат. aeneus — медь.
3. Иногда называются и гораздо более ранние даты, например XII тыс. до н. э., но они вряд ли верны.

Глава V. «Поздний каменный век», неолит и энеолит в Африке

1. Неолитические и энеолитические культуры Северной Африки. Наиболее ранние североафриканские неолитические культуры обнаружены в Египте, в долине Нила, и относятся к IX—VIII тыс. до н. э. Достаточно хорошо изучены находящиеся в одном из оазисов Ливийской пустыни ранне-неолитические поселения Набта-Плайя (конец VIII тыс. до н. э.). Их жители занимались земледелием (выращивали ячмень, а позже также эммер, сорго), рыболовством, охотой. В VI тыс. до н. э. появилось скотоводство (разведение крупного рогатого скота, коз и овец, причем в отличие от Юго-Западной Азии крупный рогатый скот был одомашнен раньше, чем мелкий). Дома в Набта-Плайя имели столбовую конструкцию. Известна была керамика. Основными орудиями служили шлифованные каменные топоры и тесла.

К несколько более раннему времени (VI — начало V тыс. до н. э.) относятся открытые в долине Нила в Среднем Египте поселения тасийской ранне-неолитической культуры, носители которой выращивали пшеницу и ячмень, разводили коз, сочетая эти занятия с охотой и рыболовством. Тасийцы изготовляли чаши с острыми ребрами, ковши с ручками и колоколовидные кубки с резным орнаментом.

Широко представлен на территории Египта и развитый неолит. Одна из культур этой стадии — бадарийская культура в Верхнем Египте (середина VI — середина V тыс. до н. э.). Занятиями бадарийцев были мотыжное земледелие (выращивание полбы, ячменя, проса), скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота), охота и рыболовство. Жилища сооружались из обмазанных глиной прутьев, циновок или сырцового кирпича. Орудия делались из камня, дерева и кости. Известны были плетение, ткачество. Бадарийцы изготовляли тонкостенные глиняные сосуды красного или черного цвета, иногда орнаментировавшиеся нарезками, а также сосуды из камня. При изготовлении мелких сосудов, ложек, украшений использовалась слоновая кость. Со временем появляются отдельные изделия из самородной меди. В Нижнем Египте также обнаружены неолитические поселения. Это Меримде (VIII тыс. до н. э.) и другие древние населенные пункты, жители которых занимались земледелием (выращивали ячмень, эммер, бобовые), охотой, собирательством, рыболовством, а позже — и животноводством.

Неолитические культуры Северной Африки не были ограничены только территорией Египта, они обнаружены на огромном пространстве от Центральной Сахары до Нила. Жители поздне-неолитического поселения Кадеро, расположенного недалеко от Хартума, в первой половине IV тыс. до н. э. выращивали земледельческие культуры, не встречающиеся на других континентах, — дурру, дагуссу, фоню, тефф (дурра — растение рода сорго; дагусса, фоню, тефф — просовидные культуры), а также разводили собак. В этом же регионе (в Нубии) к началу III тыс. до н. э. был введен в культуру африканский вид хлопчатника (на первых порах он употреблялся в качестве корма скоту).

На средиземноморском побережье Северной Африки (от Алжира до Киренаики) встречаются археологические памятники, которые относят к так наз. неолиту капсийской традиции, возникшему на основе мезолитической капсийской культуры. Население, оставившее эти памятники, продолжало заниматься собирательством (моллюсков — на побережье, съедобных растений — во внутренних районах), охотой и рыболовством, хотя

освоило уже технику шлифования камня и изготовления гончарных изделий. С середины V тыс. до н. э. в некоторых поселениях появляются козы и овцы.

Бадарийскую культуру на территории Египта сменила энеолитическая амратская культура (вторая половина V — начало IV тыс. до н. э.). Основными занятиями ее носителей были мотыжное земледелие (выращивание пшеницы и ячменя), скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота), охота. Жилища сооружались из ветвей, углубленных в землю. Орудия изготавливались из кремня, дерева, кости. Гончарная посуда — красного цвета с белым или иным орнаментом. Найдены изделия из ковanej меди.

За амратской культурой последовала энеолитическая герзейская культура (IV тыс. до н. э.). Земледелие получает дальнейшее развитие, начинает применяться ирригация, в конце IV тыс. до н. э. появляется примитивный плуг. Развивается и скотоводство. Жилища сооружаются как из плетня, так и из сырцового кирпича. Наряду с гончарными изделиями амратского типа производятся сосуды из светлой глины с орнаментом красно-коричневых тонов. Многочисленны изделия из меди, однако наряду с ними (как и в других энеолитических культурах) широко применяются и каменные орудия.

Таким образом, в неолитическую и энеолитическую эпохи в Египте закладываются основы для возникновения крупнейшего очага цивилизации и государственности.

Создатели неолитических и энеолитических культур Северной Африки принадлежали в основном к европеоидной расе (средиземноморскому варианту), хотя на юге к европеоидам, по-видимому, примешивались и негроидные группы.

2. *Культуры «позднего каменного века» Центральной и Южной Африки.* В связи с тем, что последняя стадия каменного века в Африке к югу от Сахары существенно отличалась от евроазиатского неолита, соответствующий период в данном регионе было предложено называть не неолитом, а «поздним каменным веком». Мезолита в обычном понимании этой эпохи здесь не было. То же самое можно сказать и о неолите. Местный «поздний каменный век» начался в некоторых районах южнее Сахары довольно рано. В Западной Африке культурный комплекс Шум-Лака относится к VII—VI тыс. до н. э. Для этого комплекса были характерны шлифование камня (топоры) и производство гончарных изделий. Земледелие появилось там только в IV—III тыс. до н. э., когда начали культивировать черное фоньо, масличную пальму, африканские виды риса и некоторые другие растения.

Ученые спорят, можно ли считать западноафриканский земледельческий очаг самостоятельно возникшим. Подавляющая часть исследований ставит под сомнение независимое становление земледелия в Африке к югу от Сахары, считая, что на его возникновение повлияли какие-то импульсы, исходившие с севера. Доместикация животных в этом регионе также, по-видимому, произошла благодаря внешним влияниям.

В III—I тыс. до н. э. скотоводство и земледельческие культуры возникают также в Восточной и Южной Африке. Появившиеся в этих районах домашние животные (козы, овцы) и культурные растения (сорго, просо и др.) были, вероятно, интродуцированы в результате происходивших миграций с севера. От северных мигрантов была заимствована и техника производства гончарных изделий.

Носители культур «позднего каменного века» в Центральной и Южной Африке принадлежали к негроидной расе.

Регион к югу от Сахары принадлежал к числу тех областей Земного шара, где переход от каменного века к веку металла в большинстве случаев не привел к появлению государственных образований, и первобытные порядки еще долго продолжали там существовать.

Глава VI. Неолит в Америке

1. Неолитические культуры Северной Америки (без Мезоамерики). Хозяйство неолитического населения Северной Америки (неолит начался на ее территории с VIII тыс. до н. э.) долгое время имело присваивающий характер. На западе и юго-западе главными занятиями были собирательство и охота, на востоке — охота, рыболовство и собирательство, в прибрежных районах (с IV тыс. до н. э.) — рыболовство и охота на морского зверя. В зависимости от рода занятий подвижность неолитических общин заметно варьировалась. Собиратели и охотники вели бродячий образ жизни, причем жилищами им обычно служили шалаши или пещеры. Охотники, рыболовы и собиратели летом жили оседло, а с осени начинали бродить в поисках добычи. Жившие вдоль побережья рыболовы и охотники на морского зверя вели относительно оседлый образ жизни, сооружали постоянные жилища.

Земледелие возникло в Северной Америке (не считая Мезоамерики) сравнительно поздно — в IV тыс. до н. э., проникнув сюда с современной территории Мексики. Один из земледельческих очагов находился на востоке современной территории США, в долинах рек Миссисипи, Огайо и Иллинойс. Выращивались кукуруза и тыква. Позже начали возделываться и растения местного происхождения, прежде всего подсолнечник. Однако после своего появления земледелие долго не могло занять ведущего места в хозяйстве, и охота, собирательство, рыболовство продолжали оставаться основными отраслями хозяйственной деятельности.

На юго-западе современной территории США неолитическое население вначале в течение длительного времени выращивало только кукурузу, а затем стало также возделывать тыкву, подсолнечник, фасоль. В зависимости от природно-климатических условий земледелие было поливным или богарным. В остальной части современной территории США главными занятиями неолитического населения продолжали оставаться охота и собирательство, хотя большинство племен выращивало в небольшом количестве тыкву, кабачки, кукурузу, бобовые.

На большей части современной территории Канады, а также в Гренландии, на Аляске, в некоторых районах основной части США производящее хозяйство у неолитического населения так и не возникло, и вплоть до европейской колонизации оно продолжало заниматься охотой, рыболовством и морским зверобойным промыслом.

Медные изделия впервые стали использоваться в Северной Америке в IV тыс. до н. э. Они готовились из самородной меди, обработанной холодной ковкой и ареал их распространения был сравнительно невелик.

В антропологическом отношении тогдашнее население Северной Америки практически не отличалось от ее аборигенных жителей в момент появления первых европейцев. На крайнем севере жили представители арктической группы монголоидов, на остальной территории полностью господствовала американская раса.

2. Неолитические культуры Мезоамерики. В Мезоамерике земледелие возникло гораздо раньше, чем в собственно Северной Америке. Некоторые исследователи считают, что охотники и собиратели, жившие в долине Теуакана в Южной Мексике, уже в VIII—VII тыс. до н. э. начали выращивать тыкву, агаву, перец. Кукуруза, фасоль стали возделываться с VI—V тыс. до н. э. Однако на первых порах урожайность кукурузы была весьма низкой, и главными источниками существования оставались охота, собирательство, а в прибрежных районах — рыболовство и зверобойный промысел. Лишь после того, как около 2000 г. до н. э. путем селекции были получены сорта кукурузы с высокой урожайностью, земледелие стало основной отраслью хозяйства на большей части территории Мезоамерики. В первой половине III тыс. до н. э. в Мезоамерике повелись первые постоянные поселения земледельцев. С превращением же земледелия в главное занятие населения большая его часть переходит к оседлости. С первой половины II тыс. до н. э. в горных районах Мезоамерики стали применяться искусственное орошение и террасирование склонов. Кукуруза, тыква, бобо-

вые, различные овощи, хлопчатник постепенно распространяются среди всего земледельческого населения.

Жилища в неолитических поселениях Мезоамерики имели каркасно-столбовую конструкцию, сооружались из плетня, обмазанного глиной, были прямоугольными. С середины III тыс. до н. э. в регионе начинают изготавливаться гончарные изделия. В начале они были весьма примитивными, толстостенными, но затем совершенствуются и орнаментируются красочной росписью. В III—II тыс. до н. э. появляется ткачество.

Энеолит в Мезоамерике относится к довольно позднему времени. Первые кованные изделия из металла относятся к III в. до н. э., выплавка и литье металла возникли лишь в I тыс. н. э.

Население Мезоамерики в эпохи неолита и энеолита относилось, как и в более ранний период, к американоидной расе.

3. Неолитические культуры Южной Америки. В начале неолита в Южной Америке население занималось охотой и собирательством, однако уже во второй половине VII тыс. до н. э. стали выращиваться первые культурные растения — фасоль и перец, а затем и тыква. В IV—III тыс. до н. э. к числу возделываемых растений добавляются кукуруза, бобовые, хлопчатник, картофель, ока (кислица клубненосная), маниок и некоторые другие культуры. В V—III тыс. до н. э. в Андах началось разведение лам и морских свинок.

Земледелие и животноводство на первых порах имели вспомогательный характер, и главную роль в обеспечении населения пищей продолжали играть охота и собирательство. В III тыс. до н. э. в некоторых горных районах основным занятием становится земледелие. В начале II тыс. до н. э. в ряде мест уже существовали примитивные ирригационные сооружения. Ткачество в Южной Америке возникло впервые довольно рано — в VII тыс. до н. э., гончарное же производство появилось значительно позже — в IV—III тыс. до н. э.

На побережье Тихого океана с VII—V тыс. до н. э. начали складываться неолитические культуры, в которых основой существования служили рыболовство и собирательство моллюсков. Позже значительную роль стала играть и охота на морского зверя. Постепенно приморское неолитическое население переходит от подвижного образа жизни к оседлости, возникают постоянные поселения. Дома строились из камня, сырцового кирпича и обмазанного глиной плетня, были круглыми или прямоугольными. В IV—III тыс. до н. э. жители побережья заимствовали от населения внутренних горных районов ряд культурных растений (тыкву, бобовые, батат, кукурузу и др.), однако главной отраслью хозяйства земледелие в прибрежных районах стало лишь во второй половине III тыс. до н. э.

Энеолит в Южной Америке, несмотря на богатые месторождения медной руды, наступил поздно — выплавка и литье меди известны здесь лишь с I тыс. н. э.

В указанный период население Южной Америки состояло, как и ранее, из разных расовых групп американоидов.

Глава VII. Неолит в Австралии и Океании

1. Проблема детерминации каменной индустрии аборигенов Австралии. Предки австралийских аборигенов, придя на австралийский континент с каменными орудиями верхнепалеолитического облика, позже существенно их усовершенствовали. Однако неолитический период в культурной истории аборигенов Австралии очень трудно (а может быть, и невозможно) отграничить от предшествующих ему археологических эпох. Это обусловлено тем, что, начав частично шлифовать свои орудия еще 23 тыс. лет назад (то есть значительно раньше, чем любая другая этническая группа мира), аборигены Австралии вместе с тем продолжали (фактически вплоть до нашего времени) широко использовать орудия мезолитического и даже верхнепалеолитического типа.

На протяжении многих тысячелетий основными занятиями аборигенов Австралии оставались охота и собирательство. Подавляющее большинство коренных жителей (кроме населения полуострова Йорк) не были знакомы с луком и стрелами и обходились копьем и метательной палицей.

Рыболовство, из-за особенностей местной природной среды, в большинстве районов Австралии было развито слабо, земледелие же совершенно неизвестно. Из домашних животных разводилась (со II тыс. до н. э.) только полудикая нелаяющая собака динго, интродуцированная, по-видимому, из Юго-Восточной Азии. К моменту прихода европейцев австралийские аборигены не знали металла и гончарства.

2. *Неолит на островах Океании.* С одной из самых крупных миграций, (примерно 10 тыс. лет назад), на Нов. Гвинею пришла еще одна группа папуасов, — охотников и собирателей, применявших частично полированные топоры или тесла. Таким образом, уже в те отдаленные времена папуасам была известна раннеолитическая техника обработки камня. Папуасы расселились также и на архипелаге Бисмарка и некоторых других островах Меланезии.

О появлении земледелия на Новой Гвинее существуют две точки зрения. Согласно одной, в начале IV тыс. до н. э. или несколько ранее Новую Гвинею достигла еще одна волна мигрантов из Юго-Восточной Азии, которым были известны подсечно-огневое земледелие и разведение свиней. В антропологическом отношении они были южными монголоидами. Согласно другой, как будто бы подкрепляемой последними археологическими исследованиями, становление земледелия на Новой Гвинее связывается с обитавшими здесь десятки тысяч лет папуасами. Не исключаются и импульсы, исходившие из Юго-Восточной Азии.

Потомки австронезийских мигрантов, осев где-то на северо-восточном побережье Новой Гвинеи или одном из островов архипелага Бисмарка, через какое-то время расселились по островам и архипелагам Меланезии, растворившись в большинстве случаев среди ранее переселившихся сюда и значительно превосходивших их по численности папуасов. В результате этого сложились так наз. меланезийские народы, в расовом отношении принадлежащие, как и папуасы, к австралоидам. Основными занятиями меланезийцев стали земледелие и рыболовство. Из домашних животных они имели свиней, собак и кур.

Одна из групп австронезийцев, попавшая на центральные Новые Гебриды, по какой-то причине избежала при переселении значительного смещения с окружающим папуасским населением. Из нее образовалась так наз. восточноокеанийская этническая общность, приобретшая определенную культурную специфику. На рубеже III и II тыс. до н. э. эта общность раскололась и отдельные ее части расселились на некоторых островах Меланезии, в большинстве случаев смешавшись с местным темнокожим, австралоидным по своему расовому типу населением.

С Фиджи группа слабо смешавшихся с местным населением «восточных океанийцев» мигрировала в первой половине II тыс. до н. э. на незаселенные до этого острова Тонга, а с них через 200 с лишним лет были заселены острова Самоа. В результате продолжавшейся тысячу лет изоляции здесь сложилась полинезийская этническая общность со специфической, во многих чертах неповторимой рыболовческо-земледельческой культурой. С Самоа в течение I тыс. н. э. полинезийцами была заселена Вост. Полинезия (Маркизские, Гавайские и другие острова), а также Новая Зеландия.

«Восточные океанийцы» мигрировали и на северную периферию Океании, в Восточную Микронезию (заселив большую часть Каролинских островов, острова Маршалловы и Гилберта). Западная Микронезия (Марианские острова и западная часть Каролинских) была заселена из других мест — скорее всего, с Филиппин. Заселение обеих частей Микронезии произошло примерно в одно время — в начале II тыс. до н. э.

На большинстве островов Микронезии со времени их освоения главную роль в хозяйстве стало играть рыболовство. Оно в той или иной мере сочеталось с земледелием и в меньшей степени — с животноводством.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том пятый. Вооруженные силы Юга России

Глава XXV. *События в Закаспии и на Северном Кавказе.
Взаимоотношения Юга с Грузией и Азербайджаном
к началу 1920 г.*

Военно-политическое положение и операции на второстепенных театрах, не имея решающего значения в исходе противобольшевистской борьбы, оказывали на него, тем не менее, весьма существенное влияние.

С выходом на побережье Каспийского моря мы установили более тесные сношения с Закаспийским краем, вошедшим с ведома Верховного правителя в орбиту влияния власти Юга. Большое государственное значение этого края в российском масштабе — для нас, в условиях междоусобной гражданской войны и малого наличия наших сил, не могло быть использовано. С отходом Оренбургской армии (Восточн. фронта) в глубь Сибири, для советских войск и советской промышленности¹ открывался свободный путь в Туркестан. Развитие сколь-нибудь широких операций в Средней Азии было для нас непосильно, и поэтому закаспийским войскам приходилось выполнять более скромную задачу: сохранять занятую часть Закаспия и богатые еще его запасы сырья, поддерживать противобольшевистское движение среди туземных народов² и препятствовать наступлению большевиков к Красноводску, занятие которого открывало бы им новый важный транзитный путь (Средне-Аз. жел. дор.— Каспий — Волга) и укрепляло бы их положение на Каспийском море. Последнее было опасно в особенности, ввиду близости Баку и враждебного нам Азербайджана.

К лету 1918 г. весь Туркестанский округ, при содействии военнопленных мадьяр и немцев, в большом числе поселенных в крае, был захвачен большевиками. На почве неистовств советских властителей в двадцатых числах июня по линии Средне-Азиатской жел.-дор. вспыхнуло восстание: жел.-дор. рабочие, небольшое число фронтовиков и офицеров и 2—3 тысячи туркмен, образовав военные отряды, изгнали большевиков из Красноводска, Кизил-Арвата и Асхабада. Нестройное и плохо вооруженное ополчение это, под начальством полковника Ураз-Сердара (туркмен), встречая лишь незначительное сопротивление со стороны местных большевиков, дошло до самого Чарджуя³. Для управления освобожденной территорией образовался исполнительный комитет в составе представителей рабочих организаций и местной интеллигенции, преимущественно соц.-рев., под председательством машиниста Фунтикова⁴. Намерения комитета не были особенно дерзновенны: официально он ставил своею целью «восстановление чистых принципов советской власти и очищение ее от негодных элементов».

Под давлением усилившегося большевистского отряда, наступавшего со стороны Ташкента, подъем угас, ополчение покатило назад, растаяло и остановилось

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12, 1993, №№ 2, 4—12; 1994, №№ 1—12; 1995, № 1.

невдалеке от Асхабада. В составе его было уже только несколько десятков русских и совершенно необученные и недисциплинированные туркменские банды.

«Фронт» рушился, и потому исполнительный комитет обратился за помощью в Мешхед, где находился небольшой английский отряд ген. Маллесона. О масштабах военных действий того времени на Средне-Азиатской жел.-дор. можно судить по тому факту, что посланное Маллесоном небольшое количество оружия и 20 сипаев дали перевес асхабадскому ополчению, которое отбросило большевиков и укрепилось у Каахки, верстах в 120 впереди Асхабада.

Между ген. Маллесоном и представителем исполнительного комитета Доховым 19 августа 1918 г. был заключен договор от имени «британского и Закаспийского правительств». Комитет обязался «восстановить спокойствие и порядок в крае и оказать сопротивление турко-немецким планам военных захватов и политического господства в Закаспии и Туркестане». Маллесон обязался предоставить комитету помощь финансовую, оружием, боевыми припасами и войсками. В числе других пунктов договор заключал обязательство комитета предоставить англичанам в пользование порт Красноводск и суда Каспийского моря, воспретить вывоз хлопка, с целью «воспрепятствовать переходу его в руки неприятеля» и «в случае надобности» разрушить железную дорогу.

Политика Маллесона находилась в полном соответствии с общей закавказской политикой англичан и обуславливалась необходимостью прикрытия Баку (нефть) и Северной Персии (протекторат) и воспрепятствования связи советских войск с враждебным Англии и открывшим военные действия Афганистаном (Мерв, Кушка, Герат). Скорее по традиции, нежели исходя из реальной обстановки, деятельность англичан в Закаспии носила характер умаления там русского и утверждения английского влияния.

Закаспийские власти попали в полную зависимость от англичан. Генерал Маллесон третировал комитет и распоряжался назначением его личного состава⁵. Он поддерживал комитет, когда существованию последнего грозило очередное большевистское выступление, и одновременно поощрял самостоятельные устремления начальников туркменских и иомудских банд. Финансовая помощь англичан ограничилась предоставлением ссуды в 500 тыс. индийских рупий, в обмен на которые, по крайне невыгодному для закаспийского правительства расчету, последним было выдано 12 миллионов рублей асхабадскими бонами. Англичане отпустили закаспийцам несколько тысяч ружей, несколько миллионов патронов и небольшое количество снаряжения. Но самый факт участия английских войск оказал весьма большое и положительное влияние на ход событий: в первых числах октября при участии англичан большевикам нанесено было поражение у ст. Душак и в дальнейшем, преследуя противника уже самостоятельно, асхабадское ополчение продвинулось до линии Мерв — Кушка, заняв оба эти пункта. Английские войска стали у Мерва (около 2 тыс.) и небольшими гарнизонами в Асхабад и Красноводск.

Фронт держался исключительно англичанами — не столько боями, сколько обаянием английского могущества. Ополчение вновь начало таять. Местный русский элемент был и слишком малочислен, и мало пригоден для организации серьезной вооруженной силы. Объявленная мобилизация дала... 17 человек. Туркмены были ненадежны, и фронт понемногу разваливался. Между тем в половине ноября Маллесон заявил комитету, что английские войска в военных действиях дальше Мерва участвовать не будут. Это заявление стало известным на фронте и еще более понизило настроение.

Так дело шло до начала апреля 1919 г., когда ген. Маллесон и последние эшелоны британских войск покинули фронт: часть их перешла обратно в Мешхед, другая двинулась в Красноводск, откуда англичане продолжали осуществлять «морской контроль» и вести сепаратные сношения с туземными главарями.

Верховная власть Закаспия, совмещающая законодательные и исполнительные функции, претерпев ряд организационных и личных перемен, к весне представлена была «Комитетом общественного спасения»⁶, официальным лозунгом которого стали уже «Великая, Единая, Неделимая Россия и полномочное Учредительное Собрание». В качестве технического аппарата управления на территории в два уезда существовало восемь «министерств». Деятельность этого правительства, по докладу лица, обследовавшего положение в Закаспии⁷, сводилась, главным образом к удовлетворению потребностей сегодняшнего дня, путем выпуска бон и вывоза

и распродажи без всякой системы и учета богатых еще местных запасов, не исключая и продовольственных, «ничего за это не получая, кроме бакинских бон».

Еще осенью 1918 г. исполнительный комитет командировал в Добровольческую армию ген. Савицкого⁸ «для доклада о нуждах Закаспийской области и выяснения возможности их удовлетворения. Ген. Савицкий и прибывший ранее его в Екатеринодар Е. П. Джунковский⁹, расширив, по-видимому, свои полномочия, вошли с представлением о необходимости установления государственной связи Закаспия с властью Юга. В результате ген. Савицкий получил назначение командующим войсками Закаспия, но от объявления его главою гражданской власти я воздержался, вручив ему лишь соответствующее предписание, которое предстояло использовать с большой осмотрительностью и лишь в случае вполне благоприятной обстановки¹⁰. Предосторожность оказалась не лишней. Посетивший по моему поручению Асхабад в марте ген. Эрдели привез ходатайство Комитета общественного спасения о подчинении мне закаспийских войск «со всеми вытекающими из этого последствиями». Но опубликование этого факта, ввиду возможности «внутренних осложнений», откладывалось до «достаточного укрепления власти (комитета), финансовой и, если возможно, военной поддержки» со стороны главного командования Юга. Эрдели вынес впечатление, что объявление о включении Закаспия в состав территории Юга, ввиду позиции Азербайджана, Грузии и английского командования в Закавказье, может повести к полной изолированности области в финансовом, торговом и военном отношениях.

Ген. Савицкий прибыл в Асхабад в мае с переброшенным туда небольшим отрядом и несколькими миллионами денег — в качестве командующего войсками. Был встречен весьма торжественно; но ни по личным своим данным, ни по условиям обстановки не внес никакого изменения в положение дел.

После ухода с фронта англичан, 21 мая у Мерва большевики разбили закаспийское ополчение, причем находившиеся в его рядах сводные части бывш. бичераховского отряда сдались в плен, а туркмены разбежались по домам, захватив оружие. 19 июня в бою у Каахки ополчение снова потерпело серьезное поражение, результатом которого была потеря большого подвижного состава, артиллерии и боевых припасов, сдача Асхабада и дальнейшее отступление к Красноводску. В отряде оставалось не более 800 бойцов, преимущественно офицеров, с одной батареей. Мервский оазис — житница Закаспия — был утерян.

Эвакуации произведено не было, и весь богатый запас хлопка и хлопкового масла, скопившийся в Мервском районе, достался большевикам. Под влиянием всех этих обстоятельств Комитет спасения сложил с себя власть и передал ее 27 июня «совету министров». Так как к концу июля каспийский отряд подходил уже к Кизил-Арвату, и территория, прикрываемая им, ограничивалась одним Красноводским уездом, такое громоздкое построение управления стало излишним. Поэтому 23 июля власть была передана военному командованию, которому было предписано постепенно сократить администрацию до уездного масштаба. Общее руководство управлением и военными операциями было возложено на главноначальствующего Терско-Дагестанского края.

Власть Юга получила в наследие разоренный, пустынный уезд, пустую казну и клубок сложных взаимоотношений вконец перессорившихся местных деятелей. Словом — новые обязанности и нравственную ответственность, при отсутствии достаточных сил и средств не только для расширения операции в Закаспии, но и для прочной обороны важного в стратегическом отношении порта Красноводска. Численность войск там, несколько пополненных за счет Северного Кавказа и снабженных техникой, не превосходила 2 1/2—3 тыс.; за немногими исключениями состав их был не вполне удовлетворителен. Задачей им поставлено было прикрытие и удержание Красноводска. Сначала под начальством ген. Лазарева, временно замещавшего смененного Савицкого, потом, с конца ноября, под начальством ген. Казановича, Закаспийский отряд медленно отходил к морю. С оставлением Кизил-Арвата район, населенный туркменами, перешел в советскую зону, что повлекло за собою поголовное оставление ими рядов отряда и даже переход на сторону большевиков. Это обстоятельство ухудшило положение, и Закаспийский отряд к 19 января 1920 г. отошел на ближайшие к Красноводску позиции.

24 января большевики атаковали Красноводск, и наши войска под огнем неприятельской артиллерии, неся большие потери (ранен был и командующий

войсками ген. Казанович) и утратив дисциплину, при самых тяжелых условиях начали эвакуацию морем в Петровск.

Оставление Красноводска явилось тяжелым событием для русского противобольшевистского населения края и его защитников, но на стратегическое положение Вооруженных сил Юга уже особенно повлиять не могло.

Северный Кавказ по-прежнему представлял из себя кипящий котел. На юге Ставропольской губернии и в районе Кизляра бродили партии «камышан» (зеленых) и большевистские банды. На Тереке шли кровавые пограничные споры с чеченцами и ингушами, и временами поднимали голову местные городские большевики, осмелевшие после вывода терских гарнизонов на фронт. В Осетии и Кабарде нападения керманистов, балкарцев и просто разбойничьих шаек оставались явлением обычным, бытовым. В июне подняла восстание Ингушетия; оно было подавлено в течение недели. Но усмирение загнало лишь «болезнь» внутрь. Комиссия, объезжавшая край с целью исследования его хозяйственно-экономического положения, как на одну из причин волнений указывала на бедственное положение нагорной Ингушетии, потерявшей пастбища и пахотные земли, которые снимались раньше в аренду у терских казаков, и отрезанной враждебными станицами от рынка — Владикавказа. Спор старый, кровавый, который нельзя было разрешить скоро и безболезненно.

Но если в указанных районах внутренняя борьба носила характер локальный и велась «местными средствами», иначе обстояло дело в Чечне и Дагестане. Области эти становились новыми театрами войны, отвлекая на себя крупные по нашему масштабу силы. Это было тем более опасно, что Чеченско-Дагестанский театр находился в клещах под возможными ударами — с севера, от Астрахани большевиков, с юга — сохранявшего вооруженный нейтралитет Азербайджана.

Во второй половине июня в нагорном Дагестане вспыхнуло восстание, поднятое Али-Хаджи. В течение месяца шли бои. Войска петровского отряда взяли штурмом непокорные аулы, и 11 июля в Темир-Хан-Шуру прибыла делегация Али-Хаджи с просьбой о мире и с заявлением, что вождь их «введен был в заблуждение». Некоторое время он действительно оставался лояльным, но затем, под влиянием бакинских субсидий, начал враждебные действия опять, разделяя влияние с другим вождем — турецким эмиссаром Киазим-беем.

В середине августа более серьезное восстание поднято было в горной Чечне шейхом Узун-Хаджи. Он подымал народ, разжигая национально-религиозную вражду, в то время как его сообщники — Шерипов и выходец из Грузии Гикало — вели большевистскую пропаганду, направляемую из Астрахани. Силы Узун-Хаджи вскоре возросли до 1 1/2 тыс. при 4 оруд., а первые успехи, одержанные над мелкими нашими отрядами, окрылили надеждами и усилили авторитет шейха. Основной состав шаек Узун-Хаджи вербовался из бездомного и преступного местного элемента, беглецов из Ингушетии, Дагестана, красноармейцев — остатков разбитых некогда 11, 12 сов. армий. Дальнейшее увеличение сил достигалось при помощи насильственной мобилизации, временами доводившей численность повстанцев до 4—5 тысяч. Методы, применявшиеся для поднятия аулов, были суровы и элементарны: Узун-Хаджи убивал отступников, брал их добро и жег их сакли. Такой участи подвергались иногда целые непокорные аулы. В темном крае, где личные влияния враждебных обыкновенно друг другу шейхов, имамов и мулл подменяли подлинно народные движения, авторитет Узун-Хаджи был неодинаков: в плоскостной Чечне к нему отнеслись враждебно, в нагорной — одни видели в нем святого, действующего по воле Аллаха, другие смотрели на предприятие шейха, как на возможность хорошо пограбить.

Началась настоящая война, в которой на нашей стороне было вооруженное ополчение почти всей плоскостной Чечни, поднятое председателем чеченского национального совета, Ибрагимом Чуликовым.

В течение августа Узун-Хаджи, укрепившись в Ведено и действуя с большой энергией, одержал ряд серьезных успехов и спустился с гор, угрожая Грозному. Эти успехи отозвались и в Дагестане, который к началу сентября снова почти весь был объят восстанием. Вооруженные шайки держали под постоянной угрозой Темир-Хан-Шуру — административный центр области, Петровск — базу нашего Каспийского флота и весь тыл нашей астраханской группы; повстанцы овладели Дербентом, из-за которого три недели шли бои — не раз на улицах города, подвергавшегося к тому же обстрелу с моря судовой артиллерией.

Борьба на Северном Кавказе была явно бессмысленна и губительна для обеих сторон, и является поэтому вопрос, какие же условия питали ее.

Почва для народного недовольства была подготовлена многообразными причинами: тяжелое экономическое положение, темнота масс, бытовые навыки, острая вражда между горцами и терцами, несправедливость и поборы местной туземной администрации, в Дагестане — насилия, чинимые войсками и чинами флота и т. д. и т. д.

Перманентное волнение, в свою очередь, не давало возможности перейти к мирным методам сожительства и устранить опасное и тяжелое вмешательство регулярных войск в жизнь Чечни и Дагестана, как это было достигнуто в лояльных к нам Осетии и Кабарде.

Но никогда на почве внутренних неурядиц это движение не могло бы разрастись в настоящую войну без внешних побудительных факторов, при отсутствии которых мы в худшем случае имели бы с Чечней и Дагестаном «худой мир», хотя бы такой, как с Ингушетией.

После крушения «горского правительства» и «парламента» (май 1919 г.), бежавшие из Дагестана горские главари нашли приют в Азербайджане и Грузии. Там они образовали три «полномочных» горских представительства: 1) Джабагиева и 2) Ахмед хан Матушева — в Баку, 3) Ахмеда Цаликова — в Тифлисе. Осенью 1919 г. к ним присоединился еще «Совет обороны Северного Кавказа» в с. Леваша, председатель которого Али-Хаджи в своем воззвании хулил бывший парламент и правительство, которые «не выполнили своих обязанностей перед народом и позорно оставили страну без защиты».

Более шумно, чем другие, проявлял свою деятельность тифлисский комитет Цаликова, именовавший себя «меджлисом горской республики», вступавший в «дипломатические» сношения с Закавказскими новообразованиями, с Турцией и иностранными представителями, которых комитет засыпал нотами протеста против «тирании Добровольческой армии». Этим же целям служила издававшаяся им газета «Вольный Горец».

Влияние меджлиса замечалось исключительно в Чечне и Дагестане. Ингушетия охотно приобретала через меджлис оружие и боевые припасы, но от выполнения активных поручений его уклонялась. Осетия, Кабарда и другие округа, числившиеся в составе «Горской республики», ни ее ни меджлиса не признавали.

Горские организации получали средства с трех сторон — от Турции, Азербайджана и Грузии, являясь одновременно орудием политики трех различных направлений. Неясны отношения их к четвертой стороне — советской власти, но личность главарей — Цаликова (чеченец), Джабагиева (ингуш) и др., насаждавших в свое время (конец 1918 г.) советскую власть в горских округах, не исключает и этой возможности.

Положение «меджлисов» было поистине трудным. Эрзерум (правительство Кемаль-паши), при помощи посещавшего часто Баку и оказывавшего сильное влияние на азербайджанское правительство Нури-паши, проводил идею панисламизма и пантюркизма. Азербайджан, поддерживая первую идею, не с таким уж пылом относился ко второй, предпочитая союз — вассальной зависимости и открыто ставя ближайшей своей целью «присоединение родственного Дагестана».

Грузия питала большой страх перед планами Нури-паши, грозившими в ближайшем будущем окружить и залить ее волною мусульманского фанатизма. Поэтому она наиболее прямолинейно поддерживала идею образования «независимой горской республики», стремясь создать из нее буфер против России. Наконец, советская власть разжигала ненависть против «Добровольцев», не оглашая своих и без того ясных политических целей.

В этом последнем чувстве сошлись все потентаты. Содействие их восстанию было широко, почти открыто и заключалось в пропаганде, деньгах, оружии и в подкупе влиятельных людей. Азербайджан посылал своих и турецких офицеров в качестве инструкторов и командного состава преимущественно в Дагестане. Грузия отправляла партизанские отряды из пленных красноармейцев, грузинский «легион», десятки офицеров-инструкторов, под общим начальством ген. Кереселидзе, главным образом, в Чечню¹¹. Меджлис назначил Кереселидзе «верховным главнокомандующим войск горской республики». Али-Хаджи и Узун-Хаджи были признаны закавказскими правительствами в качестве полномочных начальников Чечни и Дагестана.

И Грузия, и Азербайджан обратились к иностранным миссиям, прося их поддержать «национальное движение народов горской республики». По этому поводу Гегечкори писал лицемерно: «Правительство Грузии с тревогою следит за этими событиями и не может оставаться к ним безучастным, так как разрастающаяся по соседству анархия явится угрозой государственному порядку и общественному спокойствию Грузинской республики»¹².

На нашей стороне оказалась всецело английская военная миссия ген. Хольмана. Командированный ею в Дагестан полк. Роулинсон обратился к горским народам с призывом подчиниться власти Вооруженных сил Юга. Он говорил, что «восстание горцев не есть национальное движение» и что «противодействие ген. Деникину будет рассматриваться как акт недоброжелательства к союзникам». Это его воззвание произвело большое впечатление на Кавказе, но не надолго: вскоре было опубликовано в газетах письмо верховного комиссара Англии в Закавказье Уордропа на имя министра иностр. дел Грузии Гегечкори, в котором указывалось, что мысли Роулинсона совершенно не выражают воззрений британского правительства. Гегечкори на съезде народной гвардии заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России».

Две руки...

Я не буду останавливаться на ходе военных операций, имевших характер «малой войны» — затяжной, изнурительной и неизбежно жестокой. В конечном результате в течение октября главные банды повстанцев были разгромлены, руководители их перессорились между собой, и движение явно пошло на убыль, претворившись в хроническое состояние брожения, проявлявшегося неорганизованными и несерьезными выступлениями. Тем не менее, военно-политическая обстановка на Кавказе имела своими ближайшими последствиями срыв нашей операции против Астрахани и удержание на Северном Кавказе от 10 до 15 тыс. бойцов.

Под влиянием противоположных идей, брошенных в гущу темных племен — национализма, большевизма, панисламизма и пантюркизма — поднятое ими движение потеряло определенные формы и всякий подъем. Только на верхах установилось прочное тяготение, притом довольно неожиданное: глава наиболее широкого и опасного движения Узун-Хаджи обратился к кумыкам с воззванием, в котором, именуя себя «членом комиссии Всероссийского центрального исполнительного комитета», говорил:

«Находя, что для блага мусульман всего мира необходимо работать совместно с советской Россией, имам Узун-Хаджи, совместно с представителями советской России имел совещание и пришел к соглашению, что Узун-Хаджи будет исполнять временно обязанности Верховного Правителя Северного Кавказа и всех мусульманских вооруженных сил, и остатки 11 и 12 красных армий временно подчиняются имаму Узун-Хаджи. На этих основаниях Узун-Хаджи уже давно принялся за работу и уже победа, можно считать, на его стороне, ибо всюду мусульмане поднялись на своих вековых угнетателей — монархистов Кавказа».

Советское золото оказалось полновеснее...

Все усилия моего представителя в Закавказье ген. Баратова — сдвинуть вопрос о примирении с мертвой точки — не увенчались успехом. По-прежнему грузинская и азербайджанская печать, не исключая официальной, с исключительной злобой и сквернословием обрушивалась на «Добровольческую армию»¹³; безвозбранно и открыто велась пропаганда борьбы с «Деникинской опасностью», и видные большевики, бежавшие с Северного Кавказа, пользовались гостеприимством и свободой действий в Тифлисе.

31 августа, проезжая по улице столицы в автомобиле, ген. Баратов подвергся нападению злоумышленников. Взрывом двух бомб он был тяжело ранен в ногу, которую пришлось ампутировать¹⁴. Достоинно внимания, что глава этой шайки, видный большевик Эльбакидзе состоял в Азербайджанской контрразведке, сплошь заполненной большевиками, организовавшими также неудавшееся покушение (адская машина) и на миссию нашу в Баку.

В сентябре 1919 г. я счел себя вынужденным вновь напомнить английской миссии ее обязательство, предложив «обеспечить мой тыл без кровопролития, проведя мирным путем все необходимые для меня меры». В противном случае я оставлял за собой свободу действий¹⁵.

Англичане не помогли.

Вследствие непрекращавшегося враждебного отношения Грузии и Азербайджана, в ноябре я отозвал официально миссию генерала Баратова из Тифлиса и нашего военного представителя из Баку ¹⁶. Вместе с тем мною приняты были решительные меры к действительному осуществлению закрытия наших южных границ и экономической блокады — меры, особенно чувствительные для Грузии, которую в том году постиг неурожай.

Обстановка складывалась вообще неблагоприятно для обоих новообразований. Направление, которое стало принимать восстание горцев, и пронесшаяся по Грузии волна большевистских выступлений, заставили грузинских правителей призадуматься. Полный разгром азербайджанской армии, нанесенный ей в начале ноября армянскими партизанами в Зангезуре, показал все ничтожество ее в боевом отношении и в то же время тщетность надежд на активное заступничество Турции ¹⁷.

Все эти обстоятельства, вместе с неудачей чеченско-дагестанского восстания, побудили и Грузию и Азербайджан изменить свою агрессивную политику, прежде всего в отношении Армении. Грузия заключила с Арменией два договора — об обязательном арбитраже и о беспошлинном транзите грузов. Зангезурский округ был отдан фактически в руки армян. Также изменилось несколько отношение к В. С. Ю. Р. Грузинское правительство отозвало из Чечни ген. Кереселидзе и своих офицеров; появилось официальное распоряжение Уссубекова ¹⁸ о прекращении дальнейшего отправления боевых припасов в Дагестан; наконец, к иностранным представителям поступила «нога» от меджилиса с жалобой на Грузию и Азербайджан за их «безучастие к восстанию горцев».

Мы плохо верили этим оказательствам миролюбия, усматривая в них только инсценировку.

В начале ноября вновь получено было сообщение из Тифлиса о предстоящей посылке в Таганрог грузинской миссии «для установления дружественных отношений». Предварительно прибыл в Ростов частным образом кн. Туманов «зондировать почву». Со слов Туманова грузины уверяли впоследствии англичан, что ему предъявлены были «четыре предварительных условия» для приема делегации. Повидимому, вышло недоразумение, так как к тому времени я ставил лишь одно условие — очистить Сочинский округ, отведя грузинские войска за р. Бзыбь.

В течение двух месяцев миссия не появлялась и, когда в начале января выяснилось недоразумение и для прибытия делегации не ставилось никаких условий, мы получили из Тифлиса доклад: «Теперь, в виду некоторой перемены политического положения в связи с успехами большевиков и признанием Закавказских правительств, вопрос о посылке (грузинами) делегации задерживается».

Около того же времени (декабрь) и Азербайджан впервые от начала своего существования сделал некоторые шаги к сближению со своим северным врагом: три члена нового кабинета Уссубекова, во главе с Ханом Хойским вступили в переговоры с председателем Русского нац. сов. в Баку М. Ф. Подшибякиным о возможности соглашения с Вооруженными силами Юга на почве «предоставления Добровольческому флоту бакинских доков, восстановления почтово-телеграфного сообщения, установления товаро-обмена и активного военного сотрудничества в борьбе с большевиками на стороне Добровольческой армии».

Неизвестно, какой оборот приняли бы эти запоздалые шаги, если бы к тому времени не последовало значительное ухудшение на фронте: армии наши в конце декабря отступили за Дон, и это обстоятельство, повергнув закавказские образования в большую тревогу, изменило вновь их политику.

С начала января возобновились усиленные переговоры бакинской и тифлисской радиостанций с Астраханью и Москвой. Что говорил Тифлис, нам не было тогда известно. Только впоследствии в книге Авалова ¹⁹ я прочел, что на предложение совместных действий против Добровольческой армии «Гегечкори ответил ссылкой на невозможность для Грузии принять участие в гражданской войне, раздирающей Россию». Бакинские же разговоры не были для нас тайной. Синтез их изложен в перехваченном 29 января радио нового министра иностранных дел Хана Хойского на имя Чичерина. «Хан Хойский, — доносил ставке штаб командующего Терско-Дагестанской области, — опровергает упреки, сделанные Чичериным Азербайджану в терпимости по отношению к Добровольческой армии, причем определенно заявляет, что правительство Азербайджана

всегда, всеми доступными ему средствами оказывало горцам поддержку и добивалось удаления сил Добровольческой армии из их территории. Министр выражает сожаление, что ни в одной телеграмме Чичерина нет признания независимости Азербайджана. Указывая на признание независимости Польши, Финляндии и Эстонии, Хан Хойский заявляет, что переговоры могут происходить лишь на основании безусловного признания независимости Азербайджана».

Советское правительство, не предрешая этой политической дилеммы, настаивало на своем плане, предложенном еще осенью: захват советскими армиями Царицына, Петровска, Красноводска, Дербента и — по овладении, таким образом, Каспийским морем — удар в тыл Вооруженным силам Юга совместно с армиями Грузии и Азербайджана. Азербайджанское правительство соглашалось на союз, товарообмен и помощь советской России живой силой, но при условии, что территория Азербайджана «останется запретной, как для военных сил Добровольческой армии, так и советской России»²⁰.

Ни Грузия, ни Азербайджан последнего шага, однако, не сделали.

В конце января грузинское правительство, как увидим ниже, посодействовало все же «зеленой армии» Вороновича в ее операции против главной нашей базы Новороссийска; по всей вероятности — с целью умиловить ту грозную силу, что надвигалась с севера и угрожала смести бытие Закавказских республик.

Ибо рушилась уже та единственная мощная преграда, которая обуславливала их непродолжительное самостоятельное существование, спасая от затопления красной волной.

Глава XXVI. События на Черноморском побережье (зеленые). Фронт Новороссии и разгром Петлюры.

Следующий из второстепенных театров — Черноморский.

Грузины оставались на Механдыри, не проявляя активности. Между нашими линиями установилось неопределенное положение «ни мира, ни войны», прерываемое временами частными пограничными столкновениями, вызванными взаимным недоверием и подозрительностью.

На Черноморском побережье с лета 1919 и до весны 1920 г. нам приходилось держать отряд силою разновременно от 2½ до 6½ тыс. Назначением его было обеспечение Черноморского побережья и нашей главной базы — Новороссийска не только от вторжения грузин, но и от «зеленых», с течением времени ставших бедствием для края и серьезной угрозой нашему тылу. Они состояли неизменно под особливим покровительством Грузии, предоставлявшей приют, помощь и свободу действий возглавлявшим их организациям.

Руководители и апологеты этого движения в Черноморье стараются его идеализировать и приписывают возникновение его всецело «недемократичности», грехам и беззакониям Добровольческой армии. Взгляд и узкий и несправедливый. К великому сожалению, окружная администрация Черноморской губ. оказалась в некоторых местах корыстной и преступной; войска злоупотребляли не раз реквизициями; контрразведка вносила своими действиями элемент произвола; карательные экспедиции были суровы. Все это правда. Но, с другой стороны, в Черноморье более, чем где-либо, по бытовым и историческим условиям власть встречала противодействие населения во всех законных и естественных требованиях. Кары и репрессии вызывались тяжелой необходимостью — тем обстоятельством, что население знало хорошо свои права, но решительно уклонялось от всяких тягот и повинностей государственных.

Родоначальником зеленых был элемент уголовный и беглые красноармейцы, скрывавшиеся от красных и от белых, боясь кары. С осени 1918 г. они населяли районы бывших боев — наиболее пересеченные, удобные для укрытия, засад и нападений. Безбрежные плавни Тамани, густые лесные заросли Черноморского побережья и предгорий южной Кубани, камыши Свято-Крестовского района (Ставропольской губ.) определяли расселение зеленых географически.

Знаменательно, что главными районами действий зеленых были как раз те, которые наименее испытали гнет советского режима. Трижды происходившие сме-

ны власти на Тамани и четырежды в Черноморье, широкая пропаганда кубанских самостийников и явное попустительство их дезертирству расширяли контингент вольных и случайных участников зеленого движения.

Наконец, Черноморская губ. по преимуществу служила издавна этапом или пристанищем для разного бездомного, вольного, бродячего люда, находившегося в постоянной коллизии с законом, властью и обществом.

Добывали зеленые оружие и патроны из числа припрятанного на местах ушедшими с фронта солдатами, путем нападения на мелкие воинские команды и регулярным порядком — от грузинских властей. Ходили они малыми группами или большими организованными партиями, жили грабежом и встречали отпор, не раз вооруженный, со стороны местного населения. Мало-помалу однако, воровской промысел становился все труднее и опаснее, а приток недовольного местного люда устанавливал связи с населением. И чисто бунтарское движение, не меняя своей внутренней сущности — уклонения от голодной трудовой жизни или от суда и наказания и прежде всего, больше всего от воинской повинности — принимало внешний облик борьбы за «попранные права народа», за «свободу» — свободу оставаться безучастным в происходящей междоусобной борьбе. Это уклонение оказалось невозможным.

Насколько далеко было от идеальных побуждений в своих стремлениях и целях зеленое движение, настолько же определена была его практика, в общем мало отличавшаяся от практики махновщины, атаманщины и просто бандитизма. Зеленые устраивали крушения поездов, грабили пассажиров, брали заложников; производили набеги на мирные деревни и поселки, угоняя скот, захватывая добро, производя насильственные мобилизации и убивая сопротивляющихся. «Свобода» получала однобокое толкование. И, ударяя одним концом по власти, другим зеленые больно били по населению, в особенности в Черноморье, которое жило подвозом, и без того до крайности затрудненным кубанскими рогатками, а теперь, в силу отсутствия элементарных условий безопасности, паралича сообщений и товарного оборота, было терроризировано и обречено на голод.

Нужно отметить, что чисто местные зеленые крестьянские отряды Черноморья были значительно человечнее, чем пришлые и чем их собратья на Украине и Тамани.

Движение это на Юге было использовано политическими группировками, ставшими привить ему, хотя бы внешне, свою идеологию, в двух направлениях. Кубанские зеленые ²¹ попали всецело под влияние и руководство «Екатеринодарского комитета российской коммунистической партии» и влились в общее большевистское русло. Это влияние с осени 1919 г. разделялось между большевиками и самостийными деятелями кубанской рады ²², вначале предполагавшими использовать зеленую армию для утверждения самостийности Кубани, потом мало-помалу склонившимися к приятию большевизма и мечтавшим послужить расположению советской власти.

Черноморские зеленые попали в руки социалистической демократии в лице «Социалистического блока Сочинской думы», «Черноморского крестьянского комитета», позднее «Комитета освобождения Черноморья». За этими учреждениями стояла реальная помощь Грузии и тайное влияние советской России. Оттого возглавление зеленых здесь, невзирая на преобладание соц.-рев., лишено было определенной политической физиономии, объединяясь лишь во враждебном чувстве к Добровольческой армии. В организации нашли место большевик Цвангер, известный «сенатор» Соколов, пребывавший в Тифлисе, члены «Комуча» соц.-рев. Филипповский и Сорокин, имевший уже за собою печальный опыт на Волге, грузин Джанашия, новоявленный народный печальник, ротмистр гвардии Воронович и другие представители русского социализма, грузинского шовинизма, московского большевизма и вненационального авантюризма. Поэтому «Комитет освобождения», устанавливая задним числом идеологию зеленых, страдал некоторым косоглазием.

Комитет «обращал свои взоры в сторону демократической Грузии», с которой его соединяла «общая опасность и общая верность революции», и «в творчестве демократической государственности» которой он видел «прообраз грядущей свободной жизни». И в то же время Комитет заглядывал в сторону Москвы, с которой Черноморье «объединено стремлением к одной и той же конечной цели — социализму, а в данный момент еще и общей борьбой против общего врага — Добровольчес-

кой армии». Они не хотят власти коммунистов, но... «мы с замиранием сердца следим за разыгрывающейся гигантской борьбой между советской армией и реакционными полчищами Деникина и радуемся каждому успеху советских войск. И с нетерпением ожидаем мы того великого исторического момента, когда под нашими ударами рухнет реакция и на всем пространстве России восторжествует власть трудового народа»²³.

Что обещали они — эти «черноморские крестьяне» Филипповский, Воронович, Сорокин и другие — крестьянам Черноморья? Изгнание Добровольцев и «образование Черноморской демократической республики» впредь до вхождения ее в свободный союз народов «Российской федеративной республики». В качестве союзников для осуществления этой цели они указывали на английское командование, которое должно было «нейтрализовать Сочинский округ»; на Грузию и Кубань; на «всю трудовую демократию России, Европы и Америки»; наконец, на совет народных комиссаров, которому предлагалось самоупраздниться и «образовать коалиционное социалистическое правительство».

При мощном содействии всех этих факторов, в благословенном природой Черноморье должно было возникнуть свободное государство, не знающее войны, мобилизаций, повинностей и налогов.

Романтика или нечто гораздо худшее?

Небезынтересно, что местные легальные социалистические организации Черноморья в Новороссийске временно устранились от политической борьбы и направили свою работу исключительно в сторону улучшения экономической жизни края.

Первая мобилизация послужила главным толчком к восстанию зеленых. В апреле 1919 г., одновременно с наступлением грузин, наш фронт был атакован и зелеными, группировавшимися главными силами в районе села Пластунского. Восстание было вскоре подавлено. Но повсеместные неорганизованные нападения зеленых не прекращались и в конце июля заставили нас принять более серьезные меры: вооруженные силы были увеличены за счет третьеочередных кубанских частей, общее командование войсками Черноморья и соседних кубанских отделов было объединено в руках ген. Добровольского, и начались правильные операции по окружению и очистке районов восстания. Эти операции увенчались успехом, и движение к октябрю пошло совсем на убыль, тем более что наступавшие холода сильно разрешили ряды зеленых, расходившихся по домам. Вместе с тем начала было налаживаться несколько хозяйственная жизнь края.

Такой оборот дела не входил в расчет революционной демократии. Усердием Черноморского «Крестьянского комитета» 5 ноября в Гаграх, в районе оккупации грузин и под их покровительством был собран «Делегатский съезд Черноморского крестьянства», на котором были избраны «Комитет освобождения» во главе с Самариным-Филипповским и «главный штаб» — во главе с Вороновичем, которому поручено было организовать «крестьянское ополчение». Комитет решил, что «единственный способ освободить Черноморье от тирании — это вооруженная борьба с Деникиным»²⁴. Предстояло лишь выбрать наиболее благоприятный момент для открытия военных действий и «изгнать Добровольцев». Дальнейший ход событий Комитету и, в частности, Вороновичу, представлялся в таком виде: «У нас будет тогда обширная территория (?), все население которой твердо решило бороться со всякими попытками насильственного подчинения края какой бы то ни было чуждой ему власти. А естественные, трудно доступные границы Черноморья позволят нам с незначительными силами обороняться от наступления врагов. Большевики не решатся на такую борьбу ибо у них в тылу останется Кубань, где к тому времени неизбежно вспыхнут антибольшевистские восстания казаков»²⁵.

И снова невольно напрашивается вопрос: романтика или нечто гораздо худшее?

Между тем к началу декабря ввиду тяжелого положения на нашем фронте, все силы, которые только можно было снять с второстепенных театров, были переброшены на север. Туда же была направлена 2-я дивизия, стоявшая издавна на Побережье. Ее заменил сводный полк 52-й пех. див., сформированный на Северном Кавказе, состоявший почти исключительно из пленных красноармейцев и имевший уже в своем прошлом (лето 1919 г.) мятеж с убийством офицеров и переходом к большевикам²⁶. Предполагалось, что на пассивном грузинском фронте эти части, приведенные в порядок, устоят.

15 января Ставкой получено было донесение, что на Сочинском фронте

г р у з и н ы перешли в наступление. В течение целой недели продолжали поступать неизменно донесения о боях с грузинами и о беспорядочном отступлении наших войск. Я приказал прервать всякие сношения с Грузией, выселить официальных представителей ее с территории Вооруженных сил Юга; Черноморскому флоту идти к берегам Грузии и открыть военные действия. Очередной угольный кризис задержал выполнение приказа, а тем временем грузинское правительство доказало непреложно, что грузинская армия стоит на месте и никаких военных действий не открывала.

«Недоразумение» явилось следствием растерянности местных ближайших военных начальников, но имело весьма серьезные основания. Наступали в действительности зеленые Вороновича, но накопились они в нейтральной полосе, местами под прикрытием грузинских аванпостов, и с фронта шел батальон грузинской народной гвардии, от которого официально отреклось грузинское командование²⁷. И хотя соучастие и помощь грузинского правительства были несомненны, внешне все обстояло лояльно, и я ввиду общего критического положения, вынужден был признать объяснения грузин удовлетворительными и возобновить с ними прерванные переговоры.

15 января ротмистр Воронович, собрав в нейтральной полосе около 600 зеленых, ударил с ними на нашу позицию в районе Адлера. Одновременно в тылу ее в нескольких местах шайки зеленых захватили переправы и преградили береговую дорогу. Сводные части 52-й див. не оказали почти никакого сопротивления: меньшая часть бежала, большая выкинула белый флаг и передалась на сторону зеленых. В трагическое положение попали офицерство и верная долгу артиллерия, брошенная своей пехотой и пробивавшаяся самостоятельно на север. Так катилась смешанная волна мятежников, дезертиров и зеленых на север по побережью и 11 февраля докатилась до Туапсе, где собравшиеся там остатки 52 пех. дивизии, кубанские пластуны и Черноморский полк местного формирования подняли мятеж, ознаменованный насилиями, грабежом населения и убийством многих офицеров. Большинство этих частей перешло к зеленым²⁸.

Принимая во внимание эти привходящие обстоятельства, военные заслуги «зеленой армии» и, в частности, сравнение себя с маршалом Неем, высказанное ротмистром Вороновичем, грешат некоторым преувеличением²⁹.

Между тем черноморские крестьяне, столь сознательно разделявшие идеи Комитета освобождения и столь самостоятельно решившие бороться до конца «за свободу», поголовно разошлись по домам, так как они «очень устали от непрерывных боев и походов» и кроме того близилось время полевых работ. На фронте осталась только армия дезертиров из состава наших войск. Числом до 3—4 тысяч, имея много пушек, оружия и боевых припасов, попавших в их руки, банды эти подступили к Геленджику, остановленные там подошедшими частями 2-й дивизии.

Новороссийск переживал дни большой тревоги, почти паники. Донесения о положении на новом фронте отличались большой неопределенностью и преувеличениями, нервируя Ставку. Английское дипломатическое представительство (ген. Киз), совершенно не разбиравшееся в наших внутренних делах, продолжало переговоры с Комитетом и Вороновичем о «примирении», дискредитируя только своим вмешательством главное командование³⁰. А банды, избрав «реввоенсовет», во главе с прибывшими представителями 9 советской армии, товарищами Соркиным и Цимбалистом, свергли власть Вороновича и Комитета, объявив себя «Черноморской красной советской армией». Эта армия, как оказалось в дальнейшем, не имела большого желания наступать на Новороссийск по узкому береговому пространству под огнем судовой артиллерии, предпочитая движение на север от Туапсе, в пределы мятущейся Кубани.

Между советским командованием и Комитетом освобождения, уверовавшим якобы в эволюцию большевизма, состоялось соглашение, в силу которого «реввоенсовету» предоставлено было «командование фронтом и власть в прифронтовой полосе», а за Комитетом остался Сочинский округ.

Революционная демократия, добросовестно выполнив свою задачу в пользу большевиков, затем за ненадобностью была сметена набежавшей красной волной: большинство членов «Комитета освобождения» и других деятелей зеленого движения были арестованы большевиками, многие из них расстреляны; Воронович бежал

в Гагры, под крыло грузин, и оттуда вскоре посыпались вновь воззвания ко «всей трудовой демократии России, Европы и Америки», рисовавшие подлинно страшные картины большевистского владычества в Черноморье.

Вполне удачно протекала операция на Петлюровском фронте.

В начале мая 1919 г. вся Украина находилась в руках советской власти, и правительство Петлюры перешло на территорию Галиции вместе с бывшим у него корпусом галичан и «надднепрянскими» войсками. К тому же времени (8 мая), воспользовавшись трудным положением галицийских войск, поставленных теперь между двумя противниками в тесном районе между Львовом и р. Збручем, поляки на всем галицком фронте перешли в общее наступление. Дважды галицийское командование уславливалось с поляками о приостановке военных действий, и дважды условие было нарушено. Польское наступление, встречая вначале сильное сопротивление, обратилось вскоре в преследование расстроенного совершенно противника, не имевшего тыла. 4 июля польская армия, очистив от украинских войск всю Галицию, достигла Збруча, т. е. той своей восточной границы, которая предначертана была Версальским Верховным советом.

Дальнейшая борьба с галицко-украинскими войсками, во главе которых стал Петлюра, не входила в польские расчеты. Не тревожимый более с запада, воспользовавшись крайним ослаблением 12-й сов. армии, раскинувшейся, ввиду наступления войск Юга, до Херсона, Петлюра вступил в Подольскую губ., медленно продвигаясь в направлении на Жмеринку и Бердичев. С поляками украинское командование вошло вновь в переговоры: 5 августа Петлюра «отказался» в пользу Польши от «Покутья»³¹, оккупированного до того румынами, а 19 августа, т. е. на третий день после занятия нами Киева, между Петлюрой и Пилсудским было заключено перемирие сроком на один месяц.

Между поляками и украинцами установлена была демаркационная линия по Збручу и далее на Волочиск-Мозырь.

Как известно, военные действия между поляками и украинцами более не возобновлялись; Петлюра, вступив затем в тесные договорные отношения с Польшей, «отдал» ей Галицию, Прикарпатскую Русь, Холмщину, большую часть Волыни и часть Подолии, играя с тех пор трагикомическую роль «союзника» — послушного орудия польской политики.

В связи с движением от Полтавы к Киеву и от Одессы к Бирзуле наших войск, разгромивших на своем пути 12-ю и 14-ю сов. армии, украинцы свободно продвинулись вперед до линии Киев — Умань — Бирзула, на которой 17—29 августа произошла встреча их с Добровольческими войсками. 17 августа одновременно вступили в Киев войска ген. Бредова и одного из галицких корпусов. 18-го между Бредовым и «Команд. киевской группой галицких войск» состоялось соглашение, в силу которого галичане «во избежание братского кровопролития» были отведены на переход к югу от Киева, где должны были ожидать результатов переговоров между главным командованием обеих армий. При этом в одном из пунктов письменного договора галицийский командующий заявлял, что «Галицийская армия действует независимо от войск Петлюры под собственным галицийским командованием, без всякой политической программы, с одной лишь целью борьбы с большевизмом».

29 августа и в Одесском направлении, на станции Затишье³² также произошла встреча с петлюровцами, причем делегация последних предложила войскам Добровольческой армии, «оказавшись по причине общей борьбы с большевиками на территории Украинской народной республики», отойти к Одессе на Раздельную, где и установить демаркационную линию. Начальник нашего отряда уклонился от ответа за неимением инструкций. Но через день петлюровцы напали врасплох на ст. Затишье, захватив и обезоружив находившиеся там два наших эскадрона.

Между тем 31 августа на пост Волынский³³ прибыла делегация уже от украинского главного командования³⁴, во главе с ген. Омеляновичем-Павленко, имея поручение установить демаркационную линию и соглашение относительно совместных военных действий против большевиков³⁵. Киевское командование, ознакомив делегацию с «лозунгами Добровольческой армии», уклонилось от прямых ответов, обещая запросить Ставку. Вследствие неисправности связи я получил доклад об этом эпизоде только 7 сентября, одновременно... с текстом прокламаций, разбрасываемых петлюровскими аэропланами, летавшими над Киевом:

«...После красной сотни — черная сотня завладела Киевом. Надо освободить Киев от грязных рук чужеземцев и передать его в чистые украинские руки»³⁶.

«...Приближается момент решительной борьбы с помещиками и офицерами»³⁷.

Украинские эмиссары, разбросанные по свету, вели весьма деятельную пропетлюровскую агитацию. Неумеренность в определении своих сил и значения («армия — почти 500 тыс.», «народ — ждет не дождется прихода своей (петлюровской) власти») и чрезвычайный оппортунизм (какие угодно территориальные компенсации, протектораты, концессии) производили известное впечатление на правительства Согласия, выражаясь наглядно в настойчивых предложениях их, обращенных ко мне. Так, Черчилль 10 августа телеграфировал, что «при настоящей критической конъюнктуре было бы благоразумно идти, насколько возможно, навстречу украинским сепаратистским тенденциям». Французское правительство, невзирая на официальный разрыв сношений с петлюровским правительством, происшедший незадолго до падения Одессы, не переставало вести с ним переговоры, держа при штабе Петлюры негласную военную миссию³⁸. Клемансо поручил военному агенту в Румынии, ген. Петену, «устроить сотрудничество Деникина и Петлюры». Наконец представитель американской миссии в Варшаве, ген. Джудвин, прибывший 6 сентября в Киев, настойчиво убеждал заключить с Петлюрой перемирие по типу существовавшего между ним и Польшей.

В сношениях своих с представителями держав Согласия украинское командование определяло «временную линию для разграничения действий против большевиков между армией Украинской и ген. Деникина»: Диспр от устья до Кременчуга и далее Кременчуг — Ромны — Конопот — Новгород-Северск³⁹.

В какой же форме мыслилось взаимодействие украинцев с Вооруженными силами Юга?

Хотя официальная пресса Директории и приказная литература украинского штаба в отношении «Добровольческой армии» проявляла всегда крайнюю нетерпимость, однако попытки соглашения делались и раньше. 2 июля украинский эмиссар полк. Стрижевский посетил в Бухаресте нашего военного представителя, ген. Геруа, и сделал ему предложение, сводившееся к следующему:

1. Во внешней политике украинское правительство «готово действовать с кем угодно, хотя бы с китайцами». Допускает союз и федерацию также «с кем угодно».

2. Отказ от самостоятельности немислим: «подобное признание явилось бы для нас (украинцев) самоотрицанием».

3. «Отлагая разрешение всех острых вопросов о будущем устройстве Русского государства и положения Украины» петлюровское правительство согласно «создать единый боевой фронт... под командованием ген. Деникина»

4. Общая перспектива: Добровольцы идут под флагом Единой, Неделимой России, петлюровцы — под «прапором» независимости Украины, а после победы над большевиками борьба между обоими «союзниками» возобновляется»⁴⁰.

Интересно, что в те же дни Стрижевский обратился к румынскому правительству с «меморандумом»⁴¹, в котором он противопоставлял Россию — «страну дикости и деспотизма, вся история которой построена на насилии и порабощении» — украинскому народу, с его «нежной романтической культурой и развитием эстетики». Указывал на одинаковую опасность для Румынии и со стороны большевиков, «угрожающих залить ее своим потоком», и со стороны антибольшевиков, «желающих ей такого же разрушения и ослабления, имеющих в виду отторжение от Румынии некоторых частей (Бессарабия) для Единой, Неделимой России». Ввиду этого Украина предлагала Румынии «подать друг другу руки», пойти в отношении Румынии на все территориальные «уступки и даже жертвы» и защитить ее от большевиков и антибольшевиков. Взамен за это Румыния должна была помочь Украине оружием и снаряжением (бывш. российским!) и обеспечить тыл украинских войск (от Вооруженных сил Юга?).

Оппортунизм украинской директории переходил границы не только национального самосознания, но и целесообразности. Мы видели, что эта Директория искала «дружбы и союза» с большевиками (декабрь 1918 года) и союза с нами (июль 1919 г.). Всемерно добиваясь признания и помощи держав Согласия, она поддерживала тесную связь с германским правительством, которое в меру своих ограниченных возможностей помогало Украине деньгами, воздухоплавательными аппаратами, военными специалистами и формированием в Германии украинских частей из военнопленных⁴².

В то же время Директория входила в соглашение с Польшей — врагом Германии и галичан — ценою земель «украинских» и галицких и оставления в руках польских помещиков всех их латифундий на Украине; с Румынией — ценою земель российских, с Махно — в силу общей враждебности против белых армий. Наконец Петлюра сумел снискать расположение и папского престола, открывая ему широкие перспективы насаждения католичества в полузависимой от Польши «украинской державе».

Этот оппортунизм не привел ни к чему. Можно сказать, что с начала 1919 г. Директория и Петлюра потеряли всякий престиж и значение самодовлеющего национального фактора, став игрушкой в международной политике, в водовороте противоположных течений и взаимно исключаящих друг друга интересов. Ценность такого «союзника» в отношении политическом была более чем проблематична.

Но, быть может, в военном отношении украинская армия представляла из себя крупный фактор?

Прежде всего, в структуре украинской кочевой государственности было две верховных власти — Директория Петлюры и галицкий «диктатор» Петрашевич, два правительства и две армии — украинская⁴³ и галицийская⁴⁴, объединенные под общим начальством «генералиссимуса» Петлюры. Численность этих армий была внушительна — 35—40 тыс., из которых большая половина (около 20 тыс.) галичан. Боевая годность армий была неодинакова. Украинская — представляла из себя разлагающиеся банды, митинговавшие и не желавшие драться вообще. Галицийская — сохраняла дисциплину и боеспособность, но с потерей своей территории и ясного стимула борьбы — освобождения своей родины от поляков, пала духом. Она сохраняла ненависть к полякам и не имела желания драться с русскими — безразлично — красными или белыми.

Если между украинским и галицийским правительствами всегда существовали натянутые отношения, то теперь, после перехода в Малороссию и заключения Петлюрой договора с Польшей, между ними легла глубокая трещина, вот-вот готовая вызвать полный разрыв. Такие же отношения были между командованиями. Еще ранее, в середине июня, на почве взаимных захватов запасов, доходило до того, что петлюровское военное министерство решило отказаться от снабжения галицийской армии, поставить на границе стражу и ничего не выпускать в Галичину.

Обе армии испытывали страшнейшую нужду в одежде, амуниции и в особенности в оружии и боевых припасах.

Таковы были предпосылки для установления отношения к движению Петлюры. Ко времени соприкосновения наших фронтов большая часть Малороссии и Новороссии были освобождены и заняты Добровольческими армиями. Какие же перспективы открывал нам союз с Петлюрой? Он повлек бы за собой передачу судьбы края и нашего тыла в руки правительства, глубоко и органически нам враждебного, ввергнувшего уже однажды (зимой 1918—1919 гг.) всю Украину в анархию; в руки армии, показавшей свою полную небоеспособность в борьбе с большевиками.

Не было сомнения, что никаких других задач, кроме овладения Украиной, петлюровское правительство не преследовало и что при первом удобном случае, а тем более при известных посулах со стороны советской власти украинские штыки будут повернуты против нас. Если только сама армия не разбилась бы раньше времени, как это имело место в начале года, на ряд крупных повстанческих банд, парализуя окончательно наш тыл. Предоставить огромные материальные и людские ресурсы правобережной Малороссии Петлюре (и Махно?), вооружать и снабжать его армию руками союзников представлялось по меньшей мере нелепым. Наконец, идти вместе с Петлюрой, стремящимся к отторжению от России Украины и Новороссии, значило бы порвать с идеей Единой, неделимой России — идеей, глубоко проникшей в сознание вождей и армии, и тем вселить в рядах ее опаснейшее смущение.

Трехцветное национальное знамя отталкивало одних и привлекало других. Но только под его сенью можно было собрать и двинуть на Москву те силы, которые служили оплотом русских белых армий. И потому, в согласии с командованием Добровольческим, киевским и новороссийским, я решил вопрос отрицательно. Представители Согласия заблаговременно, еще 3 августа были уведомлены о невозможности какого бы то ни было взаимодействия нашего с Петлюрой.

В конце концов английское и французское командование восприняли эту точку

зрения и, когда в начале сентября обнаружилось движение петлюровцев, угрожавшее Одессе, адм. Сеймур и ген. Франше д'Эспре отдали приказание союзным флотам принять участие в отражении его. Добровольческим войскам я дал указание: «Самостийной Украины не признаю. Петлюровцы могут быть или нейтральны, тогда они должны немедленно сдать оружие и разойтись по домам; или же — примкнуть к нам, признав наши лозунги, один из которых — широкая автономия окраин. Если петлюровцы не выполняют этих условий, то их надлежит считать таким же противником, как и большевиков»⁴⁵.

Вместе с тем указывалось на необходимость «дружелюбного отношения к галичанам, с целью извлечь их из подчинения Петлюре... Если же это достигнуто не будет, то считать и их враждебной стороной»⁴⁶.

Переговоры не привели ни к чему, и в начале сентября начались военные действия.

За время с августа по ноябрь на Петлюровском фронте из состава войск Новороссии, включая и 5-ю див. Добровольческой армии, участвовало 8-10 тыс. бойцов, преимущественно местного укомплектования, из которых часть, временами довольно значительная, отвлекалась для борьбы с Махно и другими повстанцами. На ген. Шиллинга возложена была задача: прочно заняв Николаев, Херсон и Одессу, наступать на фронт Казатин — Жмеринка — Могилев — Подольский. В дальнейшем большую часть войск Новороссии предполагалось перебросить на фронт Добровольческой армии.

Наступая в трех направлениях — с востока на Казатин, с юго-востока и юга на Вапнярку, войска ген. Шиллинга нанесли петлюровцам ряд поражений под Уманью, Гайсином и Бирзулой. 9 октября совместными действиями колонн ген. Слащева и Розеншильд-Паулина взята была Вапнярка и захвачено много трофеев. Петлюра, перебросив на южное направление шесть галицийских бригад, повел контрнаступление вдоль Южного Буга. В результате двухнедельных боев сопротивление петлюровцев было сломлено, и армии их в конце октября вынуждены были отступить на всем фронте, неся огромные потери.

На совещании 21 октября в Жмеринке украинских и галицийских старших начальников и представителей обществ. и проф. организаций, было выяснено, что крестьянство не даст ни мобилизованных, ни хлеба; армии разложились, боевые припасы истощились. Ставился вопрос о невозможности самостоятельного продолжения борьбы и необходимости примкнуть к одной из сторон: к Добровольцам, большевикам или полякам⁴⁷.

Между тем, обстановка на южном Днестре заставила меня перебросить туда, против Махно, почти половину сил Новороссии — сводный корпус генерала Слащева. Тем не менее, оставшиеся части продолжали преследование петлюровцев. 29 октября колонна ген. Розеншильд-Паулина взяла Жмеринку, и в дальнейшем обе колонны (Розеншильд-Паулина и Осовского), разбив остатки петлюровских войск, в начале ноября вышли на фронт Волочиск — Бердичев — Казатин.

Галицийская армия в полном составе перешла на нашу сторону. В силу заключенного 3 ноября договора эта армия, сохраняя свою организацию и внутренний распорядок, «поступила в полное распоряжение главнокомандующего Вооруженными силами Юга», причем она не могла быть направлена против петлюровской армии. Разрешение вопроса о политических взаимоотношениях откладывалось, но за «диктатором Галиции» (Петрашевич) сохранялось право руководства и контроля внутренней жизни армии.

Галицкая армия была отведена в тыл⁴⁸. Она сохранила до конца дисциплину и полную лояльность. Но, потрясенная морально, изможденная физически, страшно нуждающаяся, имевшая до 10 тыс. людей больных сыпным тифом, в тот краткий срок, который предоставлен был развертывавшимися событиями, армия не могла вернуть своей боеспособности.

Украинская армия частью взята была в плен, частью разбегалась. Ничтожная часть ее, штаб и правительство Петлюры бежали за линию польского фронта⁴⁹.

Выйдя на линию Волочиск — Казатин, войска Новороссии вступили в непосредственное сопротивление с фланга — с польской армией по линии Збруч, и с фронта — с 12-й советской армией. Положение этой последней, сжатой с трех сторон, становилось критическим, и открытие военных действий поляками давало объектив-

ную возможность изменить в корне всю стратегическую обстановку Киевского района, освободив войска его для удара в восточном направлении, что в свою очередь могло бы вызвать перелом в положении главного фронта.

Этого, как известно, не случилось.

Примечание автора

1. Хлопок, шерсть, кожи и т. д.
2. Хива, Бухара, туркмены, текинцы, иомуды и др.
3. Граница Закаспийской области на Аму-Дарье.
4. Расстрелян большевиками в 1926 году.
5. В январе 1919 г. под давлением англичан исполнительный комитет (40 человек) был заменен «Комитетом общественного спасения» из 6 лиц — трех русских, двух туркмен и агента английской контрразведки — еврея Дружкина.
6. В апреле, после переизбрания на съезде представителей городск. самоуправл., проф. союз. и сельск. общ., в состав комитета вошли Зимин (директор реального училища), Крутень (ген.), Акимов (учит., офиц. военного времени) и 2 туркмена — полковники Ураз-Сердар и Хаджи-Мурат.
7. Доклад начальника гос. контр.
8. Бывш. командир 2-го турк. корпуса.
9. Назвал себя представителем исполн. комитета и туркест. союза по борьбе с большевиками.
10. На должность своего помощника по гражд. части ген. Савицкий предназначал Джунковского.
11. Было установлено в отрядах повстанцев наличие и германских офицеров и унтер офицеров. Мне неясно — было ли это результатом германо-турецкого альянса и берлинской политики или мы имели дело просто с ландскнехтами.
12. Нота от 2 октября.
13. Как я уже говорил раньше, этот термин обнимал обыкновенно правление, командование, армию, вообще Южное движение.
14. При этом покушении был легко ранен и груз. генерал Одишелидзе.
15. Нота от 15 сентября.
16. Полк. Палицын состоял официально представителем при английской миссии в Баку. Неофициально чины миссии в Тифлисе оставались.
17. Азербайджан выручило только вмешательство англичан.
18. Азербайджанский премьер.
19. «Независимость Грузии».
20. Условия, выработанные Катабековым, предс. партии Иттихат.
21. Организация именовалась «Штаб Кубанско-Черноморской Зеленой Советской армии».
22. Некоторые члены Рады занимались гласно сбором денег и продуктов для зеленоармейцев. Наиболее активное участие принимали Шеховцев, Пиллюк, Крикун, братья Рябоволы и др.
23. Из «обращений» комитета: 1) к грузинскому народу и 2) к совету народных комиссаров. Декабрь 1919 года.
24. «Зеленая книга» Вороновича.
25. Воронович. Архив русской революции. Т. 7.
26. Ширванский полк — на Каспийском побережье. С тех пор сводки Сев.-Кавказск. штаба отмечали не раз «доблестное поведение» полка.
27. Нами были захвачены пленные грузины из этого батальона.
28. Сопrotивление оказывали почти исключительно офицерские отряды и артиллерия.
29. Из статьи Вороновича в «Архиве русской рев.»: «Я думаю, что во всей военной истории еще не было такого случая, чтобы командующий армией стоял часовым на переднем посту, лично прикрывая свою армию. Впрочем, я вспомнил: маршал Ней представлял собой однажды «арьергард Великой армии».
30. Киз на английском миноносце привозил Вороновича в Новороссийск, с целью устроить свидание его с представителями главного командования; в этом ему было категорически отказано.
31. Часть Прикарпатской Руси севернее Буковины, район Коломыи.
32. В 120 верстах севернее Одессы.
33. Станция возле Киева.

34. Документы подписаны были: «За Верховного главнокомандующего ген. Юнакив» (бывш. русский ген. Юнаков).
35. Павленко откровенно заявил, что к соглашению побуждают украинцев представители держав Согласия.
36. Подписали ген. Юнакив и Курманович.
37. Подписал мин.-предс. и вн. дел Мазепа.
38. На запрос по этому поводу таганрогской английской миссии франц. военный агент в Румынии уведомил, что «на Украине нет французских офицеров, аккредитованных при Петлюре». Есть только «контрразведывательный пункт в Каменец-Подольске» и «офицер ген. штаба для собирания сведений». Замечено также присутствие на Украине «французских торговцев в военной форме». Нота английской миссии от 21 сентября, № 2111.
39. Нота «Дипл. миссии Украинской респ. в Румынии» представителям держав Согласия. От 7 сентября н. ст., № 117.
40. Доклад ген. Геруа от 3 июля, № 526.
41. От 23 июня, № 37.
42. Маршал Фош в апреле 1919 г. запретил эти формирования.
43. Главнокомандующий — атаман Тютюнник.
44. Главнокомандующий — ген. Тарнавский.
45. 10 августа, № 11671.
46. 8 августа, 9 сентября и др.
47. По показаниям офицеров петлюровского штаба, бежавших к нам. За присоединение к Добров. армии высказалось, якобы, 37 голосов, к полякам — 22 голоса и к большевикам — 7.
48. По спискам едоков числилось 50 тысяч. Одна бригада должна была прикрывать сосредоточение армии, заняв Бердичев.
49. В апреле 1920 г. поляки совместно со вновь организованной армией Петлюры предприняли наступление на Киев (советский), окончившееся их поражением.

Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии

Г. П. Драгунов

О трагической судьбе советских военнопленных, находившихся в Германии и в ряде других стран Европы, в литературе сказано немало. Но к судьбе примерно 10 тыс. солдат и офицеров, которые оказались на территории Швейцарской Конфедерации исследователи практически не обращались. Это произошло, вероятно, главным образом, потому, что чисто психологически советские военнопленные и постоянно нейтральная с 1815 г. Швейцария, остававшаяся вне пожара второй мировой войны как-то не совмещались.

Уже с июня 1940 г. (с фактической капитуляции Франции) Швейцария была окружена почти со всех сторон либо государствами «оси», либо так или иначе захваченными ими странами: Германией, оккупированной зоной Франции, Италией, Австрией. Только на границе с вишистской неоккупированной зоной Франции не было видно солдат со свастикой или ликторским пучком. А с 11 ноября 1942 г., с занятием гитлеровцами этой зоны, альпийская республика была уже опоясана со всех сторон (если, конечно не считать 28-километровой границы с крохотным княжеством Лихтенштейн, за которым, впрочем, была Австрия).

Во время военных действий Германии против Франции (май-июнь 1940 г.) отдельные части отступавшей под давлением вермахта французской армии и действующий вместе с ней польский корпус перешли швейцарскую границу, сдали оружие и были направлены в наспех созданные властями лагеря для интернированных. Там оказалось примерно 42 тыс. солдат и офицеров (из них 12,5 тыс. поляков)¹. В 1943 г. после падения режима Муссолини, в Швейцарию перешло около 22 тыс. итальянцев, уклонившихся от включения в формирувавшиеся гитлеровцами в Италии части для отражения наступления с юга союзников. Они также были интернированы². В августе — сентябре 1944 г. франко-швейцарскую границу пересекло и было интернировано также свыше тысячи солдат вермахта, отступавших под натиском союзников и ударами французских партизан³.

Несмотря на нейтралитет, Швейцария страдала от военных действий. Американские и английские самолеты во время рейдов на Италию и Германию в 1943 г. и особенно в 1944—1945 гг. часто пролетали над Швейцарией; некоторые из них, подбитые огнем германской ПВО или же израсходовав горючее, совершали вынужденную посадку или разбивались на швейцарской территории. Было немало случаев и сбрасывания бомб с самолетов союзников, что Лондон и Вашингтон объясняли навигационными ошибками. Были сброшены бомбы в частности в предместье Цюриха, в кантонах Тичино, Граубюнден, Базель, Берн; имелись жертвы среди населения. 1 апреля 1944 г. американские «летающие крепости» бомбили

Драгунов Георгий Петрович — журналист и историк.

г. Шафхаузен, погибло 38 человек ⁴. (Швейцарско-германская граница очень извилиста, особенно в районе Шафхаузена, где она отходит от Рейна: ориентироваться летчикам было, конечно, сложно).

Швейцарская ПВО открывала огонь по английским и американским самолетам (так же как и по германским, но их было мало), вторгавшимся в воздушное пространство страны, и сбивала или вынудила совершить посадку около 200 самолетов союзников. Английские и американские летчики были интернированы до конца войны. Несколько раз на протяжении войны возникала опасность вторжения в Швейцарию войск «оси» (в меньшей степени, союзных армий). По разным данным в Берлине было выработано до 8 планов использования территории альпийской республики для военных действий против антигитлеровской коалиции ⁵.

В Швейцарии искали убежища, спасения от уничтожения в концлагерях и газовых камерах евреи и антифашисты разных национальностей из Германии и сопредельных стран, оккупированных Гитлером. Этот исход, начавшийся еще в 1933 г., принял значительные размеры в 1940 году. О том, как оценивать политику Федерального совета (правительства Швейцарии) в отношении этих беженцев, острый спор в Швейцарии не утихает до сих пор.

«Исключительно недоброжелательная политика в отношении гражданских лиц (беженцев.— Г. Д.) содействовала изоляции Швейцарии на международной арене в последние годы войны,— отмечают авторы «Новой истории Швейцарии и швейцарцев».— ...С момента начала войны эта политика принимала все более административный и антигуманный характер. Евреев не рассматривали как политических беженцев и, как правило, не впускали (в Швейцарию.— Г. Д.). В 1942 г. Федеральный совет даже приказал выставлять из страны тех беженцев, что сумели перейти границу и жизнь которых бесспорно была в опасности» ⁶. В капитальном исследовании профессора права Базельского университета К. Людвиг (так наз. «Доклад Людвиг») указывается, что ряд беженцев евреев и антифашистов, безрезультатно пытавшихся искать убежище в Швейцарии, «зачастую предпочитали покончить с собой на глазах швейцарской пограничной стражи, чем попасть в руки немцев» ⁷.

Хотя в 1942 г. (когда в Швейцарии было уже около 10 тыс. беженцев) глава департамента юстиции и полиции Э. фон Штейгер оправдывал политику в отношении беженцев тем, что «лодка уже полна», историки подчеркивают, что Швейцария вполне могла бы принять значительно больше беженцев ⁸ и что на самом деле причина была в другом: швейцарские власти того времени не хотели делать ничего, что могло бы вызвать недовольство Гитлера. Как считают швейцарские историки, глава внешнеполитического ведомства (и, одновременно, в 1940 г. президент Швейцарии) М. Пиле-Гола благосклонно относился не только к гитлеровскому «новому порядку в Европе» (речь по радио 25 июня 1940 г.), но и к лидерам швейцарских национал-социалистов. Три из семи членов тогдашнего Федерального совета прямо или косвенно симпатизировали Германии ⁹. Когда в 1943 г. страны антигитлеровской коалиции обратились к Швейцарии с призывом не предоставлять убежища фашистским военным преступникам, если они попытаются скрыться от возмездия, Берн отклонил этот призыв, усмотрев в нем вмешательство во внутренние дела страны.

В конце 1943 г., «когда Германия перестала уже одерживать победы» ¹⁰, то есть после Сталинграда, сражения на Курской дуге и высадки союзников в Италии, Федеральный совет счел нужным скорректировать свою политику: были пересмотрены (а в 1944 г. после высадки союзников в Нормандии — отменены) ограничения на допуск беженцев. В результате в конце войны, на 1 мая 1945 г. в Швейцарии оказалось 106,5 тыс. евреев и антифашистов из других стран ¹¹.

Как уже указывалось, первыми на территорию альпийских республик попали французы и поляки. Французы не рассматривались швейцарской стороной как бежавшие военнопленные и поэтому уже в начале 1941 г. были репатринрованы в неоккупированную зону Франции (их оружие и снаряжение были переданы Германии). В то же время швейцарские власти интернировали до конца войны в Европе всех солдат и офицеров поляков, сделав это под давлением Берлина, опасавшегося, что они так или иначе будут участвовать в борьбе с Германией ¹².

Осенью 1943 г., воспользовавшись всеобщим замешательством на севере Италии, вызванным высадкой союзников на юге страны и крахом фашистского режима, примерно 8 тыс. пленных разных национальностей — в большинстве англичан

и американцев — сумели найти убежище в соседней Швейцарии. Швейцарская исследовательница К. Э. Энгель, автор книги «История горных восхождений в Альпах», собрала много сведений (в частности, у командира гарнизона швейцарского города Фисп) о переходе этих беглецов через Альпы; многие погибли от истощения и голода, нашли смерть в пропастях. По ее данным, среди бежавших из Италии были и советские военнослужащие¹³. В Швейцарию бежали также военнопленные союзных армий из самой Германии через пограничный Рейн, и из захваченной гитлеровцами Франции.

На 1 августа 1944 г. число военнопленных, совершивших успешный побег в Швейцарию, составило 9.835 человек: из них 8 тыс. англичан, 300 югославов и греков, 900 русских. К этому числу следует прибавить уже упоминавшихся 12 тыс. поляков и свыше тысячи американских и английских летчиков со сбитых швейцарской ПВО или потерпевших катастрофу над территорией альпийской республики самолетов, а также 18.400 итальянцев из числа тех, о которых говорилось выше. Всего же в это время в лагерях для интернированных содержалось под охраной более 42 тыс. человек. Наконец, в 1945 г. во время продвижения французских войск под командованием де Латра де Тассиньи по югу Германии, оттуда в Швейцарию бежало около 11 тыс. человек, в том числе 8 тыс. советских военнопленных¹⁴.

На территорию Швейцарии в августе 1944 г. по соглашению между Берном и Берлином было вывезено из Франции для лечения 450 раненых германских солдат и офицеров. Также на лечении находилось в стране некоторое число финнов. Те и другие пользовались отличным от интернированных статусом¹⁵.

Первые официальные сведения о советских солдатах и офицерах, нашедших убежище в Швейцарии, относятся к сентябрю 1942 г.: 36 военнопленных, бежавших из Германии¹⁶. Однако, по утверждениям печати, еще в сентябре 1941 г. несколько советских военнопленных сумело бежать из шталага в Виллингене (Южная Германия) в альпийскую республику. В Швейцарии мне рассказывали, что в ночь на 13 мая 1942 г. группа военнопленных пыталась переплыть Рейн в районе Рейнфельдена, но истощенные, они не справились с сильным течением, тем более, под выстрелами с немецкого берега, и утонули. Тела четырех из них были найдены и похоронены на кладбище г. Базеля. На могиле установлен памятник с надписью: «Иван Симачев, 1919 г. рожд. и Григорий Титов, 1924 г. рожд.»; имена двух других остались неизвестными (впоследствии было еще несколько случаев гибели наших пленных при попытке переправиться через Рейн). Есть данные о том, что еще осенью 1942 г. СССР обращался к Федеральному совету с просьбой дать возможность бежавшим из Германии военнопленным перейти швейцарскую границу и пользоваться хорошим отношением в Швейцарии¹⁷.

В 1943—1944 гг. и особенно весной 1945 г. число наших соотечественников, бежавших в Швейцарию все возрастало (21 апреля 1945 г. у Рамзена, кантон Шафхаузен, границу перешли сразу 300 человек¹⁸) и на момент капитуляции Германии составило — как явствует из ответа швейцарских властей на запрос Верховного главнокомандующего вооруженными силами союзников в Западной Европе ген. Д. Эйзенхауэра — 11.468 человек¹⁹. Швейцарские авторы не всегда учитывают разницу между военнослужащими и гражданскими лицами, вывезенными гитлеровцами из временно оккупированных ими районов Советского Союза. В последующих печатных изданиях — официальных заявлениях, работах историков (Бонжура и др.) — эта цифра больше не фигурировала и общее число «интернированных русских» определялось примерно в 10,5 тыс. человек.

Под термином «русские» швейцарские авторы подразумевают всех вообще, родившихся в СССР, независимо от их национальности. Тот же термин «интернированные русские» в устах официального Берна и в различных печатных изданиях охватывает часто как военнослужащих Красной Армии, так и тех, кто сражался против нее на стороне Германии: власовцев и участников так наз. национальных формирований. Еще осенью 1944 г. в Швейцарию перешла группа казаков-власовцев, возможно из числа тех, что вели бои вместе с вермахтом против союзников у французского г. Понтарлье; около 20 из них было интернировано в Лозанне. (Несколько ранее швейцарским пограничникам был дан приказ не впускать в страну эсэсовцев, а также власовцев, «которые совершали акты насилия по отношению к гражданскому населению» и по официальным данным 70 власовцев были выдворены). Не исключено, как можно судить по материалам прессы, что были и другие

власовцы на швейцарской территории. В конце войны сюда перешла «целая воинская часть под командованием полк. Соболева, в составе которой было много эмигрантов (очевидно, это были русские послереволюционные эмигранты, — Г. Д.). Она была разоружена и интернирована»²⁰.

В апреле 1945 г. через итальянскую границу перебралось в Швейцарию 360 «кавказцев» (так по швейцарской терминологии именовались участники «национальных формирований») — в том числе, примерно 300 азербайджанцев. «Они были в 1942 г. взяты в плен под Севастополем, — пишет газета «24 heures», — либо добровольно, либо насильно включены в германскую армию и направлены в Италию на подавление партизан. В апреле 1945 г. часть этих солдат-«кавказцев» «решила сменить лагерь». Они стали под команду американского майора, сражавшегося во главе партизанского отряда с немцами, а затем и вообще ушли в Швейцарию у Кампоколоньо (кантон Граубюнден²¹). Солдаты с бело-сине-красной нашивкой на рукаве и на головном уборе содержались в Швейцарии вместе с солдатами Красной Армии, кроме «кавказцев», которые были отделены от них.

Для бывших военнопленных (частично для гражданских интернированных) были созданы специальные лагеря. Как правило, использовались барачного типа дома, где до войны проходили кратковременные сборы военнообязанные швейцарцы. Лагеря были под вооруженной охраной. Во главе швейцарской администрации лагеря стоял офицер. Советские солдаты и офицеры содержались отдельно.

Вот, возможно неполный, список лагерей для интернированных — бывших советских военнопленных²²: Андельфинген (Цюрих), Бель-Шасс (исправительная колония в Фрибуре), Больтин (Берн), Бюрен ан дер Ааре (Берн), Ваувилермоос (Люцерн), Вёшнау (Золотурн), Виллар-сюр-Оллон (Во), Винтертур (Цюрих), Дерстеттен (Берн), Ле Шалюе (Берн), Мещовико (Тичино), Нёввиль (Берн) — для советских офицеров, Рарон (Вале), Унтербах (Берн), Цвейзиммен (Берн), Шафхаузен (Шафхаузен). Существовали еще три лагеря: Церматт (Вале) — для интернированных женщин, Клостерс (Граубюнден) — для детей и Гурнигель-Бад (Базель) — карантинный лагерь, принимавший до 2 тыс. человек, откуда они через три недели распределялись по другим лагерям. Не исключено также, что советские пленные какое-то время содержались и в иных лагерях, вместе с интернированными из других стран.

Солдаты и сержантский состав подлежали привлечению к работам либо в коллективном порядке — на ремонте дорог, лесоповале, дренаже местности и т. п., либо в индивидуальном — в крестьянских хозяйствах. Во втором случае рабочий день интернированных составлял 9—11 часов за питание, жилье (если им разрешалось жить на ферме) и за плату до 60 швейцарских франков в месяц²³.

О бытовых условиях в лагерях сведений практически нет. Известно только, что приток в страну такой большой (в Швейцарии тогда было всего 5 млн жителей) массы беженцев и военнопленных застал ее власти врасплох и ряд лагерей был недостаточно хорошо оборудован. Но в Швейцарии издавна существует высокий уровень бытовой культуры и в городах и в сельской местности, и это дает возможность предполагать, что требования санитарии и гигиены в лагерях в общем-то соблюдались. Хотя есть данные и об обратном. В швейцарских изданиях опубликованы снимки помещений для советских интернированных в г. Лозанне где весной 1945 г. около месяца содержалось более 1.700 человек): люди лежат на полу на соломе, без тюфяков, простынь, подушек, одеял²⁴.

Принципиальное отношение швейцарских властей к интернированным «русским» и выходцам из других стран было, как можно судить, неодинаковым. «Некоторые военнопленные из стран Востока, — свидетельствует швейцарский журналист Р. де Дисбак, — ценились в Берне больше, чем советские. Генерал Гизан (главнокомандующий швейцарскими вооруженными силами в 1939—1945 гг. — Г. Д.) планировал даже включить интернированных поляков в швейцарскую армию в случае нападения Германии на Швейцарию»²⁵. Поскольку в боевых качествах русских солдат генералу сомневаться, вроде, не приходило (ему принадлежит мысль о том, что победа Красной Армии у Сталинграда сняла опасность вторжения Гитлера в Швейцарию), настроения Гизана рассматривались после войны швейцарской общественностью как опасение политического контакта русских со швейцарцами — будь они вместе в рядах вооруженных сил альпийской республики.

Если говорить о быте, то, как свидетельствуют очевидцы-швейцарцы, интерни-

рованные американцы и англичане (в том числе те летчики, что были сбиты над Швейцарией), содержались гораздо лучше. Взять хотя бы снимок английских летчиков в столовой: они сидят в просторном помещении на венских стульях, перед ними тарелки, приборы, одеты они либо в свою военную форму, либо в аккуратное гражданское платье, все хорошо подстрижены²⁶. Контраст с внешним видом советских интернированных в Лозанне, с охапками соломы на полу — красноречивый. В разных условиях находились не только бывшие военнопленные: в женском лагере для гражданских интернированных в Базеле, по некоторым свидетельствам, итальянкам предоставлялось право кратковременного выхода наружу, женщинам из СССР — нет; работавшим итальянкам платили 15 шв. франков в месяц, русским — 6.

О том, что режим содержания интернированных граждан СССР и других стран был неодинаков, свидетельствует и ряд органов швейцарской прессы. Газета Социал-демократической партии Швейцарии (СДПШ) «Volksrecht» 21 мая и 26 октября 1943 г., 26 июня 1944 г. подчеркивала необходимость равных прав для русских интернированных. Такое же мнение было и у газеты СДПШ «Berner Tagwacht», (хотя эта партия симпатиями к СССР на отличалась)²⁷.

В лагерях для русских имели место инциденты, некоторые с человеческими жертвами. Одни из них — убийство в лагере Ле Шалюе Назара Киселева 16 января 1944 г. или Василия Бурко 16 августа 1944 г. недалеко от Женевы — швейцарская сторона объясняла невыполнением требований охраны. 22 августа 1945 г. хозяин кафе близ лагеря Виллар-сюр-Оллон застрелил интернированных Владимира Пушкина и Михаила Стрельникова, заявив, что они хотели украсть бутылку ликера. Были и другие драматические случаи. Но наибольшую известность приобрели события в лагере Ваувилермоос 22 февраля 1944 года.

Комендант лагеря капитан Беген приказал спустить собак на находившихся в бараке советских военнопленных, а затем стрелять через дощатую стену барака. Один человек — Михаил Кондратьев — был убит, 8 ранено пулями или искусано собаками. На протяжении трех часов раненых не перевязывали. При официальном расследовании этого инцидента (в 1945 г.) выяснилось, что Беген, член крайне правой организации «Национальный союз», еще до войны был осужден за ношение фашистской формы. Будучи, тем не менее, назначен комендантом лагеря для интернированных русских, он грубо обращался с ними, а также присвоил крупную сумму денег из полагавшихся интернированным и оставил у себя 200 неотправленных писем, в частности, с жалобами властям на притеснения и на плохое питание²⁸.

Архивные расследования, произведенные журналистом О. Грива, позволили установить, что комендант другого лагеря — Ле Шалюе — первый лейтенант Зоодер дал приказ стрелять без предупреждения в русских, которые окажутся за пределами лагеря после 22.00 (так был убит один человек)²⁹.

Определенную роль сыграло то, что — как об этом сказал в апреле 1945 г. глава внешнеполитического ведомства Швейцарии М. Птипьер (немало сделавший в 1945—1946 гг. для решительного оздоровления швейцарско-советских отношений) — переводчиками в лагеря назначали «как правило, швейцарцев, вернувшихся из России». Эти люди были потенциально враждебно настроены к СССР и не случайно, что одним из требований во время волнений советских интернированных в лагере Андельфинген было смена переводчика³⁰.

Швейцарский историк Бонжур считает, что одной из причин волнений в лагерях для интернированных русских (и не только русских, но и югославских, итальянских), было «томительное однообразие жизни». Некоторые авторы полагают, что свою роль сыграл и алкоголь. Но если «томительное однообразие» действовало на психику и других интернированных, которые все-таки могли пойти в кино соседнего городка, просто пройтись по его улицам, получали через Красный Крест письма, вести из дома, то как должны были себя чувствовать интернированные из СССР, которые — это было призвано швейцарской стороной — всего этого были лишены³¹. Швейцарские авторы отмечают, что на моральном состоянии советских интернированных тяжело сказывалось то, что они прошли через ужасы германских концлагерей — отсюда бессонница, постоянное беспокойство, состояние аффекта³².

В Швейцарии 20-х — начала 40-х годов существовала атмосфера недоброжелательства к СССР, как к государству. Это невольно переносилось многими из ее жителей и на советских военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся

в Швейцарии в годы войны. На это жаловались впоследствии некоторые из тех, кто работал на крестьянских фермах. Рабочую силу в лице интернированных и беженцев посылали преимущественно в хозяйства зажиточных крестьян, которые — до призыва в армию нескольких сот тысяч швейцарцев регулярно нанимали сезонных рабочих. По своим политическим взглядам эти фермеры отнюдь не сочувствовали бывшим солдатам Красной Армии. На недружелюбное отношение и произвол жаловались и женщины, направляемые в услужение к богатым горожанам. Конечно были случаи и иного отношения — и в городах, и в деревнях — к нашим людям: сочувствие их нелегкой судьбе, гуманность. Швейцарская организация «Рабочая помощь» предоставила одному лагерю библиотечку русских книг, музыкальные инструменты, организовала показ советских фильмов³³. Члены Общества друзей СССР, в котором было немало представителей интеллигенции, помогали интернированным посылками, распространяли, обходя преграды, в некоторых лагерях сводки Совинформбюро.

Репатриация из Швейцарии интернированных обеих враждующих сторон началась уже в сентябре 1944 г., когда страну покинул первый контингент солдат и офицеров армий союзников. В январе 1945 г. уехали на родину греки, в феврале было достигнуто соглашение о репатриации всех американцев, англичан и немцев. В июне выехала группа солдат испанской «голубой дивизии», сражавшейся на Восточном фронте. В июле вернулись домой все итальянцы³⁴. Интернированные из Советского Союза продолжали оставаться в лагерях. В начале 1944 г. группа бывших советских солдат и офицеров хотела уехать во Францию, чтобы присоединиться к партизанам в Савойе, но, как свидетельствует женеvский профессор Мизирович, Берн не разрешил этого, «не желая усилить крайне левых в этом районе Франции»³⁵.

Лишь 17 октября 1944 г. около 800 советских граждан, в том числе гражданских лиц, выехали из Женевы во Францию, направляясь через Каир на родину. Затем последовал перерыв в репатриации до августа 1945 года. Это объяснялось состоянием швейцарско-советских политических отношений 1917—1944 гг., которые отрицательно сказывались и на содержании советских интернированных и на их репатриации.

После октябрьской революции 1917 г., как известно, была национализирована собственность швейцарцев в России (заводы, магазины и пр.). В 1918 г. в Швейцарии произошла широкая политико-экономическая забастовка. Берн, обвиняя советскую дипломатическую миссию в подстрекательстве к этой стачке и в ее субсидировании, выслал ее из страны под вооруженным конвоем. Хотя вскоре цюрихский суд установил непричастность миссии к забастовке, дипломатические отношения восстановлены не были. В 1923 г. швейцарец М. Конради застрелил представителя РСФСР на Лозанской конференции В. В. Воровского, суд оправдал убийцу. Москва реагировала объявлением политического и экономического бойкота Швейцарии, который был снят в 1927 г. (дипломатические отношения восстановлены лишь в 1946).

В 1934 г. руководитель внешнеполитического ведомства Швейцарии Дж. Мотта выступил против принятия СССР в Лигу наций, а в 1939 г. — был инициатором исключения из нее СССР. В 1943 г. швейцарские спецслужбы по наводке немцев раскрыли в Женеве и Лозанне советский разведцентр, возглавляемый Ш. Радо и — по утверждениям некоторых историков — использовали его шифр для дезинформации Москвы. В том же году президент Швейцарии М. Пиле-Гола в беседе с американским дипломатом предложил союзникам заключить с Гитлером мир в Европе с тем, чтобы дать ему возможность вести войну против СССР³⁶. Были и другие факторы, омрачавшие отношения двух стран.

«После Сталинграда, ставшего поворотом в ходе войны, — пишет швейцарский историк Х.-У. Йост, — нормализация отношений с СССР становилась настоятельной необходимостью». Тем более, что, как подчеркивает историк и публицист П. Беген, симпатии широких кругов общественности все более склонялись «на сторону русского народа в связи с его борьбой против гитлеровской агрессии»³⁷. Однако только осенью 1944 г., когда стал вырисовываться крах гитлеровской Германии, Пиле-Гола предложил восстановить дипломатические отношения с СССР. Москва отклонила 1 ноября это предложение, сославшись на то, что швейцарское правительство «ни в какой форме не отмежеввалось от своей прежней,

враждебной Советскому Союзу политики». Этот отказ так подорвал и без того ослабленные позиции Пиле-Гола, что через 10 дней он подал в отставку ³⁸.

С конца 1944 г. СССР присоединился к обвинениям Вашингтона и Лондона с адрес Швейцарии (поставки Германии в течение всей войны оружия, боеприпасов ³⁹, станков для военного производства; перевозки через швейцарскую территорию военных грузов между Германией и Италией, предоставление швейцарскими банками крупных займов; использование Берлином швейцарских фирм в качестве посредников с целью обойти экономическую блокаду, установленную союзниками; упрятывание в Швейцарии германских авуаров и золота).

15 апреля 1945 г. в «Известиях» была опубликована статья (воспроизведенная английской и американской прессой) о плохом обращении с интернированными советскими гражданами, где приводились конкретные факты. Швейцарская сторона назвала эти обвинения несостоятельными; об этом заявил 21 июня в парламенте новый глава внешнеполитического ведомства Птипьер ⁴⁰. Дальнейшие шаги СССР с требованием прекращения дискриминации советских интернированных, их скорейшего возвращения на родину, а также с протестом против проводившейся в некоторых лагерях агитации посторонних лиц за невозвращение в СССР имели следствием то, что Федеральное правительство предложило Москве направить делегацию для ознакомления с положением в лагерях и обсуждения вопросов репатриации. Немаловажную роль сыграло и то, что 18 июня советское правительство объявило, что приостанавливает репатриацию всех швейцарских граждан, оказавшихся на территориях, занятых Красной Армией до урегулирования вопроса об интернированных.

27 июля в Берн прибыла советская комиссия по репатриации во главе с генерал-майором А. И. Вихоревым. Швейцарскую делегацию на переговорах возглавил дивизионный полковник Г. Флюкигер ⁴¹. Комиссия Вихорева посетила лагерь для интернированных из СССР, ознакомилась с условиями их содержания, имела возможность оговорить с ними ⁴². К этому времени положение интернированных явно улучшилось: на фотоснимках июня — августа 1945 г. видно, что на них новая гражданская одежда — светлые рубашки, заправленные в брюки, приличная обувь. Изменился и досуг: на тех же снимках можно видеть комнаты отдыха с портретами Ленина и Сталина, стенгазетой, стендом «За учебу», с людьми, играющими на струнных инструментах или в настольные игры ⁴³. Интернированные получили возможность слушать московское радио. Когда военный департамент Швейцарии высказал предположение, что комиссии Вихорева могут не понравиться условия в лагерях для советских интернированных, руководитель Комиссариата по делам интернированных Р. Пробст заявил, что у Швейцарии «с е й ч а с (разрядка моя.— Г. Д.) чистая совесть в этом отношении» ⁴⁴.

В результате переговоров 10 сентября 1945 г. был подписан совместный заключительный протокол. Швейцарская сторона признала в этом документе, что имели место такие факты как лишение отпусков, ограничения в чтении, пропаганда против СССР в некоторых лагерях, содержание в тюрьмах, неоправданное использование охраной собак, а также огнестрельного оружия, что привело к гибели 4 интернированных. Швейцарская сторона выразила также сожаление по поводу тех случаев, когда «советские (военнопленные из германских лагерей.— Г. Д.), стремившиеся найти убежище в Швейцарии, были выдворены обратно в Германию».

Инциденты, произошедшие в некоторых лагерях, швейцарская сторона объясняла «как языковым барьером, так и недисциплинированностью интернированных и личными недостатками некоторых комендантов лагерей». Советская сторона выразила в этом документе сожаление по поводу недисциплинированности ряда интернированных (что повлекло гибель двух швейцарских граждан) ⁴⁵.

Репатриация интернированных советских военнопленных и гражданских лиц началась еще до подписания заключительного протокола. 11 августа с пограничной с Австрией станции Санкт-Маргреттен ушел первый поезд. Затем последовали до 30 августа еще 9 поездов (всего свыше 7 тыс. человек). После этого было отправлено несколько составов, в основном с гражданскими лицами. Всего в августе — сентябре репатрировалось из Швейцарии 9.603 советских гражданина ⁴⁶.

При отправке эшелонов присутствовали швейцарские военные и гражданские чины, представители военных миссий союзников в Берне. Уезжавшие получили белье и продовольствие на 5 суток. Комиссия Вихорева письменно выразила признательность швейцарским властям за хорошую организацию репатриации. Перед

отъездом более 200 русских сфотографировались перед домиком близ г. Гларуса, в котором в 1799 г. была ставка А. В. Суворова во время его Швейцарского похода (снимок хранится в швейцарском Красном Кресте). Репатрианты украсили вагоны красными флагами, лозунгами, «Домой!», «На Родину!» и т. п.

О судьбе вернувшихся в СССР военнопленных написано сейчас немало. Выдвинутый в Советском Союзе еще в 30-х годах и получивший в годы войны юридическое оформление тезис о попавшем в плен как, по меньшей мере, о не выполнившем свой воинский долг, если не как о потенциальном изменнике родины, тяжело — а для многих трагически — сказался и на тех, кто был репатрирован из альпийской республики. В связи с документами, опубликованными в нашей стране и за рубежом в последние годы, швейцарские историки и публицисты обсуждают такой вопрос: почему же интернированные в подавляющем большинстве (85—90% по разным исчислениям) согласились на репатриацию? Как расценивать политику швейцарского правительства, которое, де, позволило комиссии по репатриации вывезти из страны тех, кому угрожали репрессии; почему оно не предоставило им политического убежища?

Защитники позиции Федерального совета напоминают, что в условиях, когда антигитлеровская коалиция — особенно США и Англия — подвергали Швейцарию критике за политику в отношении беженцев, за то, что Берн чуть ли не до конца войны не поднял свой голос против массовых истреблений евреев и ужасов гитлеровских концлагерей вообще, а также за сотрудничество с Германией в финансово-экономической области, противодействовать реализации Ялтинских соглашений о скорейшей репатриации военнопленных и гражданских лиц было бы для Федерального совета крайне трудным делом, если не невозможным.

С точки зрения внутреннего положения в Швейцарии содержание значительного количества интернированных уже после окончания военных действий оборачивалось дополнительными расходами. На охране лагерей было занято немало солдат, а армию надлежало как можно скорее демобилизовать. Нужно было по возможности скорее освободить помещения, занятые лагерями, временно арендованную землю и пр. Берн, считают также некоторые авторы, стремился избавиться от советских граждан, так как полагал, что среди них есть люди, которые будут вести коммунистическую агитацию среди населения⁴⁷. С экономической точки зрения страна в 1945 г. не была так заинтересована в рабочей силе, как во время «экономического бума» (в конце 50-х — начале 60-х годов число иностранных рабочих в Швейцарии дошло почти до миллиона). Наконец, и на это обращают внимание многие — Федеральный совет по ряду причин был тогда заинтересован в скорейшей нормализации отношений с Советским Союзом, а без разрешения проблем интернированных об этом не могло быть речи⁴⁸.

Отвечая тем, кто упрекал правительство в «излишней уступчивости Советам», в принятии всего того, на чем настаивала Москва, швейцарские историки указывают, что Берн отказался, например, пойти на репатриацию всех граждан восточноевропейских стран (помимо граждан СССР), не согласился также на репатриацию уроженцев Эстонии, Латвии и Литвы. «Птипьер заявил как-то, что русские хотели, чтоб Швейцария извинилась за «дело Радо», но в заключительном протоколе 10 сентября об этом нет ни слова⁴⁹. Пресса того времени в целом встретила подписание заключительного протокола положительно: «как бы то ни было, — писала 1 октября 1945 г. влиятельная газета «*Journal de Genève*», — Швейцария поставила последнюю точку в своих переговорах с чистой совестью. Она пошла до предела возможных уступок. Она не могла действовать иначе, не изменив самой себе».

А как обстояло дело с волеизъявлением самих интернированных? Швейцарские официальные круги заявляли, что в общем каждый из них мог сам решить свою судьбу (хотя некоторые лица, утверждают, что комиссия по репатриации оказывала моральное давление в беседах с интернированными, когда рядом не было швейцарских офицеров, понимающих русский язык). На выбор интернированных оказывали влияние, можно думать, три фактора.

Первый: желание большинства интернированных, пострадавших в фашистском плену, годами оторванных от родины, вернуться к своим домам, семьям.

Второй: интернированные слышали, конечно, (сначала — в плену от немцев, затем в Швейцарии — от администрации некоторых лагерей и проникавших туда лиц, в частности русских эмигрантов) об отношении советских властей к тем, кто

попал в плен, о репрессиях. Однако, часть интернированных считала это или пропагандой, или во всяком случае преувеличением.

Третий: те, кто в полной мере опасались репрессий и, следовательно, возвращения в СССР, просто не имели выбора. Они осознавали, что в Швейцарии они никому не нужны, на натурализацию надежды слабые (в Швейцарии это крайне сложное дело), что если даже и удастся получить политическое убежище, то без знания языка и, как правило, без профессии вообще или без требуемого в Швейцарии высокого профессионального уровня они обречены на незавидное существование. Надеяться обосноваться в другом месте тоже особо не приходилось: США, Англия, Франция, ряд других стран не хотели тогда, летом 1945 г., связываться с «невозвращенцами» в СССР и тем самым иметь осложнения с Москвой; категория «перемещенных лиц» как карта в политическом противостоянии Запада и Востока в те месяцы еще не была сформулирована, это произойдет позже.

Часть интернированных все же не захотела вернуться в СССР. В подавляющем большинстве — это «кавказцы» из гитлеровских «национальных формирований», а также казаки и другие солдаты и офицеры из армии Власова, некоторое количество прибалтов. Как только стало известно о прибытии советской комиссии по репатриации, из среды «невозвращенцев» швейцарским властям начали поступать письма с просьбой предоставить политическое убежище (от капитана Зейнал-заде и др.). Некоторые швейцарские газеты повели кампанию в поддержку «невозвращенцев». В адрес правительства пришли также послания по этому вопросу от различных белоэмигрантских организаций (напр., из США). Берн несколько раз заявлял, что насильно в вагоны для репатриированных никого не сажают.

Буквально единицам «невозвращенцев» была обещана натурализация, а остальным 24 сентября было объявлено, что они «будут пользоваться правом убежища до тех пор, пока не смогут уехать в другую страну»⁵⁰. Комиссия Вихорева покинула Швейцарию 29 декабря, а в апреле 1946 г. прибыла другая советская военная миссия во главе с майором Березиным, которая, по утверждению швейцарской печати, ставила целью репатриацию 850 человек, еще оставшихся в Швейцарии, в том числе 376 «кавказцев» и 292 прибалтов, но переговоры кончились практически безрезультатно. В 1948 г. 242 «кавказца» уехали в Турцию. В июне 1949 г. по просьбе советской дипломатической миссии в Швейцарии для беседы были собраны в Берне 105 бывших интернированных советских граждан. Вернуться согласился лишь один. Вскоре и последние «кавказцы» и прибалты уехали в Северную и Южную Америку⁵¹.

Какие бы перипетии не пришлось пережить советским людям во время интернирования — одно ясно: Швейцария спасла им жизнь. Те, что смогли перебраться через Рейн или Альпы в Швейцарию увидели утро 9 мая 1945 года.

Примечания

1. BONJOUR E. La neutralité suisse. Neuchâtel. 1979, p. 182.
2. La Suisse en 1942—1944. Chronique et images. Vol. 2. Prilly. 1982, p. 272. (Далее: Chronique...); BONJOUR E. Op. cit., p. 184.
3. Chronique. Vol. 2, p. 241, 245, 247.
4. В общей сложности за войну на Швейцарию было сброшено 1200 бомб, погибло свыше 80 человек (Chronique. Vol. 2, p. 90, 144, 158, 202; Vol. 3, Prilly. S.d., p. 132).
5. См.: Военно-исторический журнал. 1968, № 7, с. 28—29; Нюрнбергский процесс. Т. 1. М. 1965, с. 567—579.
6. Nouvelle Histoire de la Suisse et des Suisses. Т. 3. Lausanne. 1983, p. 167 (Далее NHSS).
7. LUDWIG C. La politique pratiquée par la Suisse à l'égard des réfugiés au cours des années 1939—1945. Rapport adressé au Conseil fédéral. Berne. 1957.
8. BONJOUR E. Op. cit., p. 181.
9. NHSS. p. 162—163; MAYER A. Anpassung oder Widerstand. Frauenfeld. 1966, S. 147—172.
10. BONJOUR E. Op. cit., p. 181.
11. DÜRRENMATT P. Histoire illustrée de la Suisse. Lausanne. 1964, p. 384.
12. BONJOUR E. Op. cit., p. 183.
13. Ibid., p. 184.
14. Ibid., p. 184.

15. Chronique. Vol. 2. p. 240.
16. Ibid., p. 85.
17. Bundesarchiv E 2001 /D/ 3/470.
18. Chronique. Vol. 3, p. 61.
19. 24 heures. 17—18. II. 1990, p. 36.
20. Chronique. Vol. 2, p. 244; 24 heures. 26—27. V. 1984, p. 36.
21. Ibid. 17—18. II. 1990, p. 37.
22. Лагеря назывались по ближайшему населенному пункту. В скобках указывается название кантона, где находился лагерь.
23. 24 heures. 26—27. V. 1984, p. 36.
24. Chronique. Vol. 3, p. 105, 66, 115.
25. Tribune-Le Matin. 6.IX.1982, p. 3.
26. Chronique. Vol. 2, p. 77.
27. См. Известия. 15.IV.1945.
28. 24 heures. 26—27.V.1984, p. 36.
29. В Швейцарии существовал закон, по которому государственные архивы открывались для исследований только через 50 лет (исключения были сделаны лишь для Бонжура и Людвиг). Затем для большинства архивов срок был снижен до 35 лет, но несмотря на это до середины 80-х годов допуск к архивным материалам, касающимся интернированных, как указывают швейцарские авторы, был закрыт.
30. Tribune-Le Matin. 5.IX.1982, p. 27; Известия. 15.IV.1945.
31. BONJOUR E. Op. cit., p. 184; Tribune — Le Matin. 6.IX.1982, p. 3.
32. FURRER T., KALSER N. Sowjetische und russische militärinternierte in der Schweiz und in Liechtenstein während des Zweiten Weltkrieges In: «Zuflucht Schweiz». Der Umgang mit Asylproblemen im. 19. und 20. Jahrhundert. Zürich. 1994. S. 321.
33. Ibid. S. 317.
34. Chronique. Vol. 2, p. 255; vol. 3, p. 30, 41, 90, 106.
35. Tribune — Le Matin. 9.IX.1982.
36. NHSS. T. 3, p. 167; DREYER D. Schweizer Kreuz und Sowjetstern. Zürich. 1989.
37. NHSS. T. 3. p. 167; MARTIN W. Histoire de la Suisse. (avec une suite de Pierre Béguin — L'histoire réuente). Lausanne. 1966, p. 339.
38. DÜRRENMATT P. Op. cit., p. 386.
39. В частности, на Восточном фронте (особенно в Венгрии) гитлеровцы использовали орудия цюрихской фирмы «Эрликон».
40. Поскольку впоследствии Берн признал ряд ранее отвергнутых фактов, швейцарские историки и публицисты считают, что Птильер (в общем-то стремившийся к улучшению отношений с СССР) был неверно информирован.
41. В дальнейшем (с 1946 г.) — первый швейцарский посланник в СССР.
42. По сообщениям швейцарской печати в переговорах в какие-то моменты участвовали и представители военных миссий союзников в Берне.
43. Chronique. Vol. 3, p. 59; 24 heures. 26—27.V.1984, 17—18.II.1990.
44. Bundesarchiv E. 2001 /D/ 3/470.
45. Bundesarchiv E. 2001 /D/ 3/470; Tribune/— Le Matin. 6.IX.1982.
46. Внешняя политика Советского Союза (Док. и мат-лы). 1945. М. 1949, с. 73.
47. DREYER D. Op. cit. S. 193.
48. Neue Zürcher Zeitung. 11—12.VI.1989, S. 41; DREYER D. Op. cit., S. 191, 193.
49. Tribune — Le Matin. 6.IX.1982, p.6.
50. 24 heures. 26—27.V.1984, p. 37.
51. Tribune — Le Matin. 9.IX.1982, p. 6; 24 heures. 17—18.II.1990, p. 37; LUDWIG C. Op. cit.

Общественная психология в США и СССР 20—30-х годов в свете теории потребления¹

Р. Барнз

Существует масса работ о производственной деятельности советских трудящихся в 20—30-е годы. В них почти не затрагивается то, как шло потребление произведенной ими продукции. Западные специалисты обращают постоянное внимание на этот вопрос применительно к истории своих стран. Их подходы к данной теме любопытны, поскольку сопоставление норм потребления и их научных оценок на Западе и в СССР позволяет установить, что было порождено советской спецификой, а что — общим прогрессом. Так наз. вещизм является отличительным феноменом любого строя, а не только капиталистического. На Западе пишут в этой связи о культуре потребления. Попробуем приложить данную концепцию к фактам советской действительности.

Обычно о культуре потребления говорят применительно к социальным последствиям второй промышленной революции 1880—1930-х годов. Тогда в США складывалось общество, все более становившееся городским, с доступными для масс стандартизированными товарами широкого потребления. Одновременно, согласно той же концепции, это общество теряло индивидуальные черты и обезличивалось. Отдельные люди легко терялись в нем и смотрели на себя, как на винтик в какой-то огромной бюрократической машине. Бурный рост монополий приводил не только к материальному, но и к духовному отчуждению трудящегося от средств производства. Чтобы забыться и сохранить свою индивидуальность, люди обращались к вещизму как к одному из возможных путей, позволяющих, хотя бы для видимости, избежать такого отчуждения. И наоборот, в XIX в. чувство собственного достоинства и яркого индивидуализма было присуще многим американцам именно как самостоятельным мелким производителям. Потом их стали давить монополии. Массовое производство обращало бывших самостоятельных производителей в тружеников — рабочих, служащих, посредников и пр., оторванных от бывшего менталитета собственника. Они теряли прежнюю реальность.

Прежний ремесленник, теперь рабочий, уже не мог гордиться своим трудом: он стоял у конвейера, выполнял какую-то частную операцию и порой даже не видел конечного результата труда. Еще хуже в этом смысле было служащим, работавшим за канцелярским столом. Происходила массовая деморализация трудящихся, вынужденно утрачивавших идеологию производственного индивидуализма, ибо источник их прежнего самоудовлетворения исчез. А бурный рост городов с новыми учреждениями и атрибутами культуры (универмаги, кинематографы, общедоступная пресса, колоритная реклама и пр.) действовал в том же направлении. Это касалось не только рабочих, но и представителей средних слоев.

Барнз Рэнди — аспирантка университета Индианы (Блумингтон, США).

Сторонники концепции культуры потребления считают, что головокружительные перемены приводили к отмиранию форм былого мышления. Теперь только потребительское отношение к жизни спасало чувства прежнего индивидуума, гордившегося собой. В 20-е годы такой вещизм стал почти нормой жизни и превратился в одну из отличительных черт тогдашней американской культуры. Кино, литература, реклама все более утверждали эту новую психологию. Анонимное, обезличенное существование компенсировалось материальным благополучием, связанным с вещизмом, страстью к потреблению. Дж. Лирз, один из главных апологетов этой концепции, говорит о том, что последняя заменяла порой даже религию. Реклама кричала о «целебном духе потребительства» и облегчала гражданам их существование в этих условиях, смягчая боль утраты личных черт.

Согласно Лирзу, многие жалкие личности находили ободряющий для себя смысл в этом новом мире вещей. Публичные запросы сменялись сугубо частными, потребление превратилось в самоцель. Вещизм «лечил» социальные болезни или направлял мышление людей на иной путь. Мыло и зубная паста рекламировались не ради соблюдения гигиены и сохранения здоровья, а ради обретения лучшего внешнего вида и приятного дыхания, иначе девушке будет трудно найти мужа. Полощите рот листерином, и вы будете популярны и счастливы! Так вещизм начинал приносить не только материальный достаток, но и душевное благополучие².

Лирз и его единомышленники полагают, что присущий массовой культуре стандарт взглядов подавлял самостоятельное мышление, заменяя его постоянными образчиками самодовлеющих вещей. Реклама, определяя нормы и способы потребления, диктовала тем самым и нормы личного поведения. Культ вещей порождал зависимость человека от деятельности монополий. Если ты обладаешь произведенной ими вещью, то ты человек. Тем самым социально-экономический строй, при котором господствуют монополии, не подлежит критике, иначе она подорвет основу новой самоудовлетворенности. Как отмечал К. Лэш, к 70-м годам эта новая самоудовлетворенность перерастала у многих американцев в нарциссово самодовольство и своеобразную одержимость³.

Этой концепции присущи некоторые пережесты. Лирз и его единомышленники слишком доверились концепции культурной гегемонии, которую в свое время отстаивал А. Грамши. Ведь вовсе не обязательно люди должны понимать рекламу только в том аспекте, в каком ее подают. Э. Коэн полагает, что афро-американцы и иммигранты польского происхождения использовали своеобразное потребление для сохранения своих этнических общностей, чтобы не поддаться однородной массовой культуре. Точка зрения Лирза и Лэша, что вещизм — это одна из форм ложного сознания, есть упрощенчество. Даже если какие-то люди и были деморализованы новой ситуацией, то масса других считала качественное и надежное потребление заслуженной наградой за свой труд⁴.

Конечно, реклама претендовала на гегемонию. Но потребители не обязаны были буквально следовать за нею. Признаем поэтому, что цепочка «товар — реклама — потребитель» на деле сложнее, чем ее представляют сторонники концепции культуры потребления, и тогда мы сумеем использовать ее с некоторыми ограничениями. Тем более, что вещизм фактически имел место на протяжении всей истории человечества. Конечно, к 20-м годам массовое промышленное производство в США уже содействовало некоторому отделению производства от прямого потребления. И наличие во всех штатах страны одинакового ширпотреба стирало местные отличия. То есть, концепции культуры потребления просто фиксировала процесс усложнения цикла «производство — потребление».

В СССР не успели сложиться традиции индивидуализма в такой степени, как на Западе. Да и товаров ширпотреба на всех всегда недоставало. Можно ли в данной связи вообще говорить о наличии какой-то советской культуры потребления, если из-за нехватки товаров народ хватал все, что выбрасывали на прилавки? Тем не менее, и здесь без понятия массового потребления не обойтись. Иначе зачем вообще массовое производство? Другое дело, что в данном случае культура потребления в западном смысле не порождалась господством капиталистических монополий на рынке.

Если просто отождествлять американский вещизм с советским, то получится идеализация вещизма в принципе. Р. Уильямз утверждает, что культура потребле-

ния исходит не из наличия товаров, а из того факта, что сегодня потребление вообще стало центральной линией жизни ⁵. Именно так и было в СССР в 20—30-е годы, когда торговая реклама должна была как-то разделить желательную потребность в товарах и их реальное наличие. Тогда реклама играла воспитательную роль, продвигая трудящимся товары, созданные советским государством, и одновременно новые потребительские ценности даже при товарном голоде. Тем самым она имела рекомендательный характер. Это объединяло ее с американской рекламой, как и со всякой иной, ибо в этом состоит основная функция рекламы.

В годы нэпа на территории СССР действовало множество рекламных контор. Они подчинялись Центральному управлению промышленной пропаганды при ВСНХ. Согласно данным РабКрИн'а, в 1926 г. в одной только Москве было зарегистрировано 50 рекламных контор ⁶. Монопольное же право на рекламу государство предоставляло все же крупным конторам. «Транспечать» при НКПС вела всю рекламу на железнодорожном транспорте и на станциях. «Связь» при НКПиТ выполняла рекламу на почтах и по радио. В газетах существовали рекламные отделы, которые занимались рекламой и через газеты, и через рекламные плакаты. В 30-е годы численность рекламных контор уменьшилась.

В годы нэпа заведующие рекламными конторами постоянно говорили о рекламе как об «орудии борьбы с частным капиталом», ибо они пропагандировали государственные товары, а частную рекламу вскоре после Октябрьской революции ограничили. В 1926 г. председатель Совещания по рекламе при ВСНХ Дрюбин заявил, что реклама должна агитировать в пользу социалистической экономики, системы государственных магазинов, кооперативов и потребительских обществ, чтобы покупатели, лишенные информации, не обращались к частным торговцам. Он называл рекламу «определенной дисциплиной психотехники», которая имела целью внедрить социалистические формы потребления и позволить государству победить нэп в ходе конкуренции. В. В. Маяковский, участвовавший как поэт и художник в создании рекламы, говорил примерно о том же в 1923 г., когда утверждал, что советская реклама должна соединять в себе советскую идеологию с эффективностью западной рекламы, чтобы создать такие формы рекламы, которые будут содействовать коммунистической социально-экономической политике ⁷.

Все заведующие рекламными конторами понимали это, когда стремились целенаправленно формировать отношение покупателей к товарам и их использованию в быту. Но вектизм присутствовал и тут. Он вовлекал рабочих и крестьян в современный материальный мир. В апреле 1926 г. заведующий отделом рекламы Сельмашсиндиката Гаус, выступая на организационно-производственной секции Съезда Советов государственной промышленности и торговли СССР, говорил: «Если в капиталистических странах конечная цель рекламы — двигать торговлю, оживлять товарооборот, служить орудием конкуренции и т. д., то в наших условиях конечная цель рекламы — поднятие культурного уровня путем пробуждения, воспитания потребности в тех или иных товарах, изделиях и т. п., потребление которых обуславливает культурный подъем» ⁸.

Сюда относилась реклама гигиенических принадлежностей, сельскохозяйственных машин, радиоприемников, электролампочек, сберкасс, страхования и даже воздушного транспорта. Вот московская реклама первых лет нэпа: «Стыдно современному человеку признаться, что он никогда не испытал прекрасного чувства свободного полета на аэроплане» ⁹. Конечно, мало кто мог позволить себе тогда отдать от 40 до 100 руб. за билет на самолет. Впрочем, реклама обещала скидку красноармейцам, рабочим и государственным служащим. Главная же тут мысль — не факт продажи билета, а внедрение в сознание граждан связи новейшей технологии и современной жизни.

Съезд Советов на упомянутом заседании одобрил рекламирование даже таких товаров, где спрос и без того превышал предложение, если только рекламировался новый в принципе вид товара, или если отвлекалось внимание покупателей от частных, или если речь шла о пропаганде «улучшенных методов потребления», особенно среди крестьян ¹⁰. Хорошим примером может служить реклама такой недостающей продукции, как у Автопромторга ¹¹: рекламировались в течение всех лет нэпа отгрузка товаров, экскурсии, автобусное сообщение, личные автомобили и мотоциклы с принадлежностями к ним, ремонт в авторемонтных мастерских. В 1925 г. в СССР имелось лишь 7448 легковых автомобилей, 5500 грузовых и 263

автобуса¹². Это означало, что реклама сама по себе играла роль воспитателя культуры независимо от реальной возможности воспользоваться ею.

Уже с 1921 г. и вплоть до 1926 г. наблюдается непрерывное подчеркивание в рекламе политической роли общественного потребления товаров и связи его с осуществлением задач социалистического строительства. Широко использовались выразительные средства плаката, чтобы толкнуть покупателя в двери государственного магазина. Реклама пропагандировала индустриализацию, успехи техники, значение передовой городской культуры, механизацию сельского хозяйства. То есть здесь наблюдался не отрыв потребителя от производства, как в США, а утверждение их взаимосвязи. Плакатные изображения заводов, тракторов и т. п. создавали общую атмосферу борьбы за новую производственную технику и сами были ее символами.

Особенно заметно это там, где в торговле пропагандировалась «смычка». Возьмем саратовскую рекламу 1925 г.: в ней неясно, кто тут производит, а кто потребляет¹³. Одежда позволяет судить, что вот рабочий, а вот — крестьянин, то есть налицо производители. Но текст гласит именно о смычке в торговле: значит, они же одновременно и покупатели. Они производят товары не просто ради их выпуска, а чтобы позволить другим гражданам пользоваться ими. Тем самым производители и потребители сообщаются друг друга. Плакатный текст свидетельствует, что предприятия, купив сырье, потом продали товар. Значит, здесь нет какого-то самодовольного нарциссизма от потребления: последнее содействует социально-экономическому развитию страны. Недаром газетное объединение Отдела печати ЦК РКП(б) подчеркивало в 1925 г. ту роль, которую должна играть реклама в развитии смычки города и деревни¹⁴.

Но такое отношение к рекламе не сохранилось до конца нэпа. Когда в 1925—1926 гг. раздались призывы к режиму экономии, то потребовалась экономически более эффективная реклама. В бурных дебатах относительно характера рекламы участвовали РабКрИн, ВСНХ, Отдел печати ЦК ВКП(б), Комитет по делам печати при Наркомторге СССР и крупные рекламные конторы. Главное заключалось в том, как улучшить рекламу, чтобы увеличить объем продажи товаров госхозорганами. Были рассмотрены технология рекламы и подходы к организации рекламного дела.

На деле получалось так, что поиск лучшей рекламы для борьбы с частным капиталом приводил к американизации рекламного дела, особенно в конце 20-х годов. То же самое наблюдалось и в 30-е годы. В 1926 г. Съезд Советов госпромышленности и торговли, признав явную эффективность американской и немецкой рекламы, постановил считать «необходимым повышение техники рекламы с использованием наиболее рациональных путей и методов заграничной рекламы» и привлечение иностранных специалистов рекламы для преподавания рекламного дела в советских вузах¹⁵. Впрочем, нам неизвестно, было ли это реализовано.

Обращение к американской рекламе в СССР повлекло за собой постепенное отделение покупателя от производителя. Сначала сохранялся классовый принцип в рекламе (классовая иконография), но понятие личности, основывающейся на едином цикле производства и потребления, постепенно исчезало. С конца 1926 по 1930 г. на плакатах уже смазана классовая принадлежность: судя по одежде, нарисованы рабочие, но сами по себе, а не на фоне завода и не рядом со станком¹⁶. Неясно, что именно они производят. Речь идет только о потреблении.

В 30-е годы эта передвижка в рекламе к потреблению как некоей самоцели завершается. Лозунг 20-х годов «Торговля города с деревней смычкой крепка» сменяется как будто более аполитичным лозунгом «За культурную советскую торговлю!». Если в 1925 г. заведующий агентством «Двигатель» при Совете Труда и Обороне А. Гладун говорил о «политико-агитационных и культурно-воспитательных целях» рекламы, то в 1936 г. заместитель наркома внутренней торговли М. М. Хлопянкин советовал делать рекламу такой, чтобы она была «с достоинством и веселой, где это можно».

Символы производства исчезают с плакатов, классовая иконография сменяется модными городскими костюмами в стиле 1937 и 1938 годов¹⁷. Рекламируется майонезный соус; кто его изготавливает, не указан; а потребляют горожане. Социально-экономическая система, в рамках которой был изготовлен этот майонез, уже не отображена; важно теперь другое: что его потребление способствует хорошему

семейному вечеру. Или возьмем рекламу ТэЖэ (Треста жиров): вместо парфюмерного завода видим на плакате модно одетую женщину и маковый цветок. Вместо синтеза производства и потребления синтезируются экзотика Востока с запросами Запада. То есть из экономического цикла удален производитель, не в нем главное. Главное — что продукция существует для ее потребления. Желание иметь товар обуславливается не политическими соображениями, а его ролью в личной жизни. Это то же самое, что наблюдается в рекламе США.

Произошел сдвиг в сторону потребителя. А это есть продолжение все того же вещизма. И если Лирз и Лэш так боятся зависимости потребителя от капиталистической монополии, то чем она отличается в принципе от зависимости потребителя от государственной монополии? Зачем же тогда надо было перенимать американскую форму рекламы? Ряд историков (В. Данхэм, Ш. Фицпатрик, К. Кларк и др.) считают, что такой сдвиг в сторону вещизма содействовал стабилизации сталинского режима¹⁸.

Итак, американская концепция культуры потребления оказалась бесполезной, чтобы оценить функции советской торговой рекламы в их развитии. Сопоставление двух миров в этой узкой сфере общественной и частной жизни приоткрыло окно в ее познании. Выявилось, что идеализация потребления была присуща и капитализму, и социализму. У индустриализованных стран есть общие черты. Отличия же демонстрируют уникальность каждого общества. Изменения в советской рекламе свидетельствуют, что развитие культуры потребления и в США и в СССР есть результат экономической модернизации вообще.

Примечания

1. Выражаю признательность университету Индианы (США), Американскому совету преподавателей русского языка и литературы и Российской государственной библиотеке за содействие в разработке материалов этого сообщения.
2. WHYTE W. *The Organization Man*. Garden City. 1975; RIESMAN D. *The Lonely Crowd: a Study of the Changing American Character*. New Haven. 1961; CHANDLER A. *The Visible Hand: the Managerial Revolution in American Business*. Cambridge. 1977; LEARS T. J. J. *No Place of Grace: Antimodernism and the Transformation of American Culture, 1880—1920*. N. Y. 1981; ZUNZ O. *Making America Corporate, 1870—1920*. Chicago. 1990.
3. REIFF PH. *The Triumph of the Therapeutic*. Chicago. 1978; LASCH CH. *The Culture of Narcissism*. N. Y. 1980; WILLIAMS R. *Dream Worlds: Mass Consumption in Late Nineteenth Century France*. Berkeley. 1982; LEARS T. J. J. *From Salvation to Self-Realization*. In: *The Culture of Consumption: Critical Essays in American History, 1880—1980*. N. Y. 1983; MARCHAND R. *Advertising the American Dream: Making Way for Modernity 1920—1940*. Berkeley. 1985.
4. COHEN E. *Encountering Mass Culture at the Grassroots: the Experience of Chicago Workers in the 1920's*.— *American Quarterly*, 1989, vol. 41, March, p. 6—28.
5. WILLIAMS R. *Op cit.*, p. 12.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 2139, оп. 1, д. 106, л. 103—1.
7. Там же, л. 81—86; МАЯКОВСКИЙ В. В. Полн. собр. соч. Т. 12. М. 1961, с. 57—58.
8. РГАЭ, ф. 2139, оп. 1, д. 106, л. 86—87.
9. Российская государственная библиотека (РГБ), Отдел изобразительных материалов (ОИМ), Р2, XVII 4/2В.
10. РГАЭ, ф. 2139, оп. 1, д. 106, л. 88.
11. РГБ, ОИМ, Р3, XVII 3/1А, 1926.
12. NOVE A. *An Economic History of the USSR, 1917—1991*. Lnd. 1992, p. 85.
13. РГБ, ОИМ, Р2, IV 1/13, 1925.
14. РГАЭ, ф. 2139, оп. 1, д. 106, л. 4—5.
15. Там же, л. 80—89.
16. РГБ, ОИМ, Р3, II 9И/3П, 1927, 1929.
17. Там же, Р5, II 9/2С, 1937; РГБ, ОИМ, РБ, II 7/2К, 1938; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 374, оп. 12, д. 691, л. 141; РГАЭ, ф. 7971, оп. 1, д. 274, л. 8.
18. DUNHAM V. *In Stalin's Time: Middle Class Values in Soviet Fiction*. Cambridge. 1976; CLARK K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago. 1981; FITZPATRICK SH. *Middle Class Values' and Soviet Life in the 1930's*. In: *Soviet Society and Culture*. Boulder. 1988.

Архитектор денежной реформы 1922—1924 годов

В. Е. Юровский

В октябре 1930 г. в Международном аграрном институте (Москва) состоялась научная конференция «Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина (вредительство в сельском хозяйстве)». Вел заседание Е. Ярославский. Незадолго до того была «обезврежена контрреволюционная вредительская организация» под руководством профессоров Н. Д. Кондратьева, А. В. Чайнова, Н. П. Макарова и Л. Н. Юровского. Конференция должна была разоблачить «антинаучные взгляды» этих людей и показать, что они являлись агентами кулачества, а также зарубежных антисоветских сил.

Одним из ярких представителей этого «антинаучного течения» был Юровский; в докладе о кондратьевщине, в частности, говорилось: «Подробно развить теорию советского хозяйства Кондратьев предоставил профессору Юровскому»¹. Его имя было хорошо знакомо ученым, а его книги переведены на основные европейские языки. Наибольшую известность он получил как один из руководителей и теоретиков денежной реформы, проведенной в СССР в 1922—1924 гг. и позволившей стабилизировать финансовую систему страны, разрушенную сначала баннотами Временного правительства, а затем обесцененными совзнаками.

Жизненные коллизии, действительно, прочно связали Юровского и Кондратьева. Об этой связи подробно написал А. П. Ефимкин. Вообще же о Юровском вспомнили лишь в конце 80-х годов, когда оказалось, что его труды и научные идеи актуальны доныне. Его роль в экономической политике периода нэпа довольно полно отражена в исследованиях Ю. М. Голанда. Биография этого крупнейшего ученого-экономиста интересна тем, что в ней отразилась судьба того слоя российской интеллигенции, который формировался еще в прошлом веке и, полный надежд на обновление России, прошел через три революции, гражданскую войну и первое десятилетие советской власти, а исчезал в сталинскую эпоху².

Леонид Наумович Юровский родился 6 ноября 1884 г. в Одессе, в семье крупного, но впоследствии потерявшего состояние коммерсанта. В юные годы он получил отличное образование, свободно владел французским и немецким языками, в 1902 г. поступил в Петербургский Политехнический институт. Созданный по инициативе министра финансов С. Ю. Витте, он должен был готовить кадры высококвалифицированных инженеров и экономистов. Замысел встретил сопротивление в высших сферах: «Говорили, — вспоминал Витте, — разве мало у нас университетов, и с университетскими студентами мы не можем справиться, постоянные беспорядки, а тут Витте под носом желает устроить еще новый громаднейший университет, который будет новым источником всяких беспорядков»³. И последние не заставили долго себя ждать.

10 января 1905 г., на следующий день после Кровавого воскресенья, совет Политехнического института единогласно принял постановление с осуждением расстрела мирных граждан, а в похоронной процессии, следовавшей за гробом одного из убитых, вместе с множеством

Юровский Владимир Евгеньевич — кандидат технических наук.

студентов шла вся институтская профессура во главе с директором. Занятия в институте были прекращены. Юровский не принимал непосредственного участия в политических событиях. Однако, как следует из его писем, разделял сложившееся в окружавшей его среде убеждение, что государственный строй России следует изменить. В институте он сблизился со многими неординарными людьми, оказавшими большое влияние на его взгляды.

Среди преподавателей наиболее близки ему были проф. А. С. Посников, специалист по политэкономии, изгнанный ранее из Новороссийского университета за либеральные взгляды, и известный статистик-теоретик А. А. Чупров, а его друзьями были студенты-москвичи Н. В. Якушкин и С. И. Сахаров, которые познакомили его со своими родителями. И вскоре он стал «своим человеком» в семьях прогрессивного московского адвоката И. Н. Сахарова (дед акад. А. Д. Сахарова) и В. Е. Якушкина, внука декабриста, члена ЦК партии кадетов.

В 1907 г., окончив Политехнический институт, Юровский получил звание кандидата экономических наук. Ему как одному из лучших студентов была предоставлена стипендия на два года для продолжения научной работы, что позволило продолжить занятия наукой за границей. Он избрал Мюнхен, где в университете преподавали известные экономисты Л. фон Брентано и В. Лотц. Там жил тогда и создатель русской земской статистики А. И. Чупров. Юровский работал в Германии над диссертацией «Русский экспорт хлебов, его организация и развитие». Она увидела свет на немецком языке, и в 1910 г. Мюнхенский университет присвоил ему звание доктора политической экономии.

Наука была главным, но не единственным занятием Юровского. Его увлекала также журналистика, и в 1907 г. он стал корреспондентом «Русских ведомостей». В этой газете под влиянием оппозиционной атмосферы, царившей в редакции, сложилось его мировоззрение, его понимание общественных процессов. «Русские ведомости» были выразителями мнения либеральной части общества. Газету недаром называли профессорской: в ней сотрудничали в разное время выдающиеся ученые Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев, П. Н. Милюков, А. И. Чупров, М. М. Ковалевский, писатели М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, К. М. Станюкович, Д. Н. Мамин-Сибиряк, многие другие. В политическом отношении, по словам Короленко, «редакция была постоянно в линии огня, постоянно рисковала, ...никогда не позволяла себе из самосохранения ни одной фальшивой ноты»⁴. О том, насколько это было трудно, свидетельствуют санкции, примененные к газете правительственными органами (частое привлечение к судебной ответственности, неоднократная конфискация, приостановление издания, воспрещение розничной продажи, многократный штраф до 3000 руб.).

Из близких Юровскому людей редакторами «Русских ведомостей» в разное время были Посников, Якушкин, А. А. Чупров, а также Г. Б. Иоллос (член I Государственной думы, убитый в 1907 г. черносотенцами, двоюродный брат Юровского). Сам Юровский сотрудничал в этой газете вплоть до закрытия ее большевиками в 1918 году. За это время на ее страницах было опубликовано около полусотни его статей и корреспонденций. В 1911 г. он, будучи корреспондентом газеты, совершил поездку в Маньчжурию и Центральный Китай. Оттуда он посылал заметки в «Русские ведомости» и в «Вестник Европы», а позже издал их под псевдонимом⁵.

В 1912 г. Юровский возобновил занятия наукой, имея ближайшей целью преподавать политэкономии. Формально для этого недостаточно было обладать дипломами кандидата науки и доктора Мюнхенского университета, требовалось еще получить звание магистра. Сдав магистерские экзамены, он в 1913 г. начал читать лекции в Московском высшем коммерческом училище (впоследствии Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова), одновременно ведя курсы «Экономическая политика» и «Таможенная политика и международная торговля» в Народном университете А. Л. Шанявского.

Грянула первая мировая война. Юровского призвали в армию, и он в чине прапорщика стал командиром артиллерийской батареи. Находясь на Румынском фронте в Карпатах, Юровский не прерывал связи с «Русскими ведомостями», газета периодически печатала его корреспонденции. Деятельность его как журналиста достигла наибольшей интенсивности с лета 1917 г., когда он прибыл в командировку с фронта в Москву. То было время великих ожиданий, надежд на обновление России. Юровский, как и значительная часть интеллигенции, горячо приветствовал Февральскую революцию. Ему казалось, что сбылись мечты многих поколений демократов и либералов, всех, кто находился в оппозиции царизму.

Вскоре Юровского как специалиста пригласили занять должность начальника статистико-экономического отдела Министерства продовольствия. Там он впервые и встретился с Кондратьевым как одним из организаторов этого ведомства, потом товарищем (заместителем) министра. Кондратьев был тогда членом партии эсеров и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, человеком неиссякаемой энергии.

Главные интересы Юровского были тогда сосредоточены все же на работе в «Русских ведомостях» как печатном органе кадетов. Газета регулярно помещала его политические обзоры с оценкой происходящих в стране событий. Он выступал как убежденный противник крайне левых и крайне правых, враждебных Временному правительству течений. Призывы большевиков к прекращению войны он считал демагогией, имеющей целью захват власти: «Ленин хочет добиться власти через анархию», — писал Юровский. В равной степени осуждающе отнесся он и к Июльскому вооруженному восстанию большевиков в Петрограде, и к попытке Корнилова установить военную диктатуру. Однако постепенно Юровский разочаровывается в способности Временного правительства управлять страной. Не удовлетворяла его и работа в Министерстве продовольствия: в одной из статей того времени он высмеивал некомпетентность и бюрократизм спешно набранных туда чиновников.

Приход к власти большевиков Юровский воспринял как удар по демократическим завоеваниям России. В декабре 1917 — январе 1918 г. в «Русских ведомостях» появилось несколько его статей, в которых с предельной резкостью выразилось неприятие им Октябрьской революции: «В насилии, а не в воле большинства населения находится опора большевиков», — писал он. В то же время со свойственным ученому стремлением к объективному анализу он замечал, что «с властвованием большевиков связаны интересы больших групп населения»: солдат, бегущих из развалившейся армии («дезертирство перестало быть преступлением»); крестьян («большевики не дали народу земли. Не дали — потому что крестьяне сами захватили все то, что лежало близко. Они не имеют никакого основания видеть в аннексированных помещичьих землях дар Троцкого и Ленина... Однако большевики гарантируют в большей мере, чем какая-либо иная власть, полную безнаказанность за все совершенные преступления...», и потому интересы недавно поживившихся связаны с правительством народных комиссаров); в городах большевиков поддерживает пролетариат, которому обещали социалистический строй.

Юровский писал тогда в статье «Русское хозяйство»: «Самое характерное для экономики революций заключается именно в том, что господствовавшая, да и теперь еще наиболее многочисленная партия [эсеров] пропагандировала идею связи благосостояния не с производительностью труда, а с успешностью захвата... Надо взять богатство у имущих и распределить, и вся задача добывания хлеба насущного будет этим разрешена». «Что же будет дальше?» — ставил вопрос Юровский в статье «Крайний срок». И отвечал: «Власть народных комиссаров оказалась более длительной, чем многие полагали 2,5 месяца тому назад... Продовольственный кризис погубит их в близкое время, потому что с голодом невысказанно бороться при содействии Красной гвардии, и его нельзя уничтожить бумажными деньгами»⁶.

Он оказался неправ. Впрочем, давая политические оценки в ту пору, он увлекся общим настроением интеллигенции. А позже занимался лишь политэкономией, политика же интересовала его теперь в той степени, в которой она касалась экономических проблем. Еще осенью 1917 г. ему представилась возможность возвратиться к научной деятельности: его пригласили в Саратовский университет и назначили сначала профессором политэкономии и статистики, а позже ректором (основанного в 1918 г.) Саратовского института народного хозяйства. Тогда в Саратове работали и общались друг с другом многие ученые: Н. И. Вавилов, С. Л. Франк и др.; несмотря на голод и материальные лишения, все они с энтузиазмом отдавались научной и педагогической деятельности.

Четыре года жизни в Саратове были плодотворными и для Юровского. Он пишет основанное на архивных материалах исследование крупного землевладения и крепостного хозяйства Саратовской губ. в конце XVIII — начале XIX в., затем монографию по теории цен. Вместе с женой он перевел на русский язык книгу немецкого экономиста Г. Ф. Кнаппа «Государственная теория денег». Участвовал Юровский и в общественной жизни города. В 1921 г. он возглавил губернскую «Комиссию по организации общественных работ по борьбе с голодом»⁷.

Кончилась гражданская война. Необходимо было восстанавливать разрушенное хозяйство. Нэп потребовал привлечения к делу опытных специалистов, и Юровскому предложили стать заведующим отделом иностранной статистики Центрального статистического Управления РСФСР, после чего в конце 1921 г. он вместе с женой и годовалым сыном переехал в Москву. В мае 1922 г. его назначили начальником валютного отдела Наркомфина. К этому времени он уже смирился с политическими переменами, происшедшими в России, желание же приносить стране пользу осталось столь же сильным, как прежде: «Свершилась катастрофа, прервавшая цепь старых связей. Мы должны покинуть круг привычных представлений и вооружиться такими мерами, которые соответствовали бы новой, ныне данной действительности».

Многие представители дореволюционной интеллигенции искренне стремились тогда

оказаться полезными родине и в новой обстановке. Видные специалисты по экономике начали издавать журналы «Экономическое возрождение» и «Экономист». В них высказывались различные взгляды на ход дальнейшего развития страны. Ответная реакция партийных кругов была жесткой: В мае 1922 г. В. И. Ленин писал Ф. Э. Дзержинскому: «Вот... питерский журнал «Экономист»... Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 ...напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, ПОЧТИ ВСЕ — законнейшие кандидаты на высылку за границу. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов».

Кандидатом на высылку оказался и Юровский. Ведь в «Экономическом возрождении» он поместил статью с критикой государственного бюджета на 1922 г., указывая, что запланированный в нем дефицит приведет к дестабилизации народного хозяйства, а как одну из мер предлагал уменьшение расходов на армию. Вскоре армия была значительно сокращена, однако Юровскому статья не прошла даром: с разоблачением этого «пособника Антанты» выступил сотрудник «Правды» В. Сарабьянов, который писал: «Как, действительно, должны ненавидеть Советскую власть г. Юровские, требуя ликвидации — полной — нашей Красной Армии, без которой нам нельзя прожить, пока англо-французские Юровские — пожалуй, поумнее — не ликвидировали своего «военного хозяйства» во всех видах»⁸.

Тем временем предписание покинуть РСФСР получили многие выдающиеся представители интеллигенции, и среди них — близкие знакомые Юровского, философы Н. А. Бердяев и С. Л. Франк. Большинство не вполне понимало, за что их высылают, и не хотело уезжать. Разъяснение дал Л. Д. Троцкий: «В случае новых военных осложнений ...все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врагов, и мы будем вынуждены расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сами в спокойный период выслать их заблаговременно, и я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительность гуманной». В чем-то Троцкий оказался прав: большинство тех, кто избежал высылки, позже были расстреляны или погибли в сталинских лагерях.

Юровский избежал высылки: его отстоял нарком финансов Г. Я. Сокольников. Секретарь Сталина вспоминал: «Народный комиссар Сокольников... представляет на утверждение Политбюро назначение... начальником валютного управления профессора Юровского. Юровский — не коммунист, Политбюро его не знает. Кто-то из членов Политбюро спрашивает: «Надеюсь, он не марксист?» — «Что вы, что вы, — торопится ответить Сокольников, — валютное управление, там не надо языком болтать, а уметь дело делать». Политбюро утверждает Юровского без возражений». И с весны 1922 г. он участвовал в разработке планов денежной реформы.

Реформа была насущно необходима: рубль к концу существования совзнаков обесценился в 100 млрд раз. К 1922 г. совзнак не выполнял тех функций, которые возлагаются на деньги, уже будучи не в состоянии служить средством накопления, поскольку его покупательная способность ежедневно катастрофически падала. В этих условиях предприятия предпочитали накапливать запасы сырья, чем увеличивали товарный голод; а крестьяне воздерживались от продажи хлеба, считая, что лучше хранить зерно, чем совзнаки. Государственные расходы значительно превосходили доходы, и дефицит бюджета приходилось покрывать новой эмиссией совзнаков⁹.

Идея реформы заключалась во введении параллельной валюты в виде банковских билетов-червонцев, приравненных к 10-рублевой золотой монете (7,7 г золота). Хотя Госбанк не производил обмен червонцев на золото, имелся предусмотренный законом запас драгоценных металлов и валюты, достаточный для того, чтобы покрыть стоимость всех выпущенных банкнот. Ввод параллельной валюты встретил резкие возражения, но Наркомфин не отступил от принятого решения.

Чтобы вызвать доверие к червонцу, было разрешено продавать и покупать иностранную валюту и золотые монеты на вольном рынке по курсу, который отражал соотношение спроса и предложения. При этом Госбанк и Наркомфин активно использовали механизм валютной интервенции, в нужные моменты выбрасывая на продажу инвалюту и золотую монету, чтобы поддержать официальный курс червонца. Создание необходимых для этого запасов инвалюты облегчалось благодаря монополии внешней торговли: план внешнеторгового оборота обеспечивал постоянное превышение экспорта над импортом. В результате вольный курс червонца относительно инвалюты был устойчивым, несмотря на рост товарных цен. Доверие к червонцу росло, и он стал средством накопления, постепенно внедряясь в обращение.

Путь этот был не легким. Были моменты, когда успех казался сомнительным. Требовалось на каждом этапе реформы найти правильное соотношение между эмиссией червонцев и совзнаков, определить активность валютных интервенций, учесть экономическую конъюнк-

туру, состояние хлебного рынка и другие факторы. Нужен был специалист, способный провести реформу. Им-то и оказался Юровский, чьи возможности знающего экономиста использовал Сокольников. К весне 1924 г. поколение червонца окончательно утвердилось, оставшиеся в обращении обесценившиеся совзнаки были выкуплены, и страна вернулась к единой валюте.

Денежная реформа завершилась. Началась выработка стратегии экономического развития на предстоящие годы. По этому вопросу в 1924—1928 гг. развернулись острейшие дискуссии. Ведущие партийные теоретики, включая Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и Троцкого, все считали нэп временным явлением. Особенно последовательно развивал этот тезис Е. А. Преображенский, по мнению которого в социалистическом государстве плановое начало должно полностью вытеснить рыночные отношения. Юровский придерживался другой точки зрения. Он изложил ее в статье «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе». План, писал он, не может заменить рынок, ибо только рынок позволяет определить подлинную ценность любой продукции.

Юровский не отрицал роли государства, хорошо понимая преимущества, которые дает централизованное управление. Именно благодаря последнему была успешно проведена денежная реформа и к весне 1925 г. накоплены значительные валютные резервы. В то же время он указывал на серьезные недостатки жесткой централизованной плановой системы: ее негибкость, отсутствие механизма, способного сглаживать и устранять тяжелые последствия неправильных решений. «Плановое хозяйство современной советской хозяйственной системы,— писал Юровский,— проводится в обстановке рынка и присущих рынку закономерностей. Оно может в очень широких пределах властвовать над рынком, т. е. проводить на рынке и через рынок свои задания. Но это не значит проводить их мимо рынка, не считаясь с тем, какова будет реакция со стороны рынка и каковы будут ценностные последствия хозяйственного плана».

Юровский выступал против чрезмерного форсирования развития тяжелой промышленности и необходимых для того инвестиций, требующих дополнительной денежной эмиссии, считая, что они подорвут устойчивость только что введенной валюты и приведут к развалу народного хозяйства¹⁰. Его противниками в этом вопросе оказались руководители Госплана и ВСНХ. Не деньги определяют благосостояние страны, а произведенные народным хозяйством товары, утверждали они и настаивали на таких размерах эмиссии, которые обеспечивали бы кредитование, необходимое для быстрого развития промышленности.

С Юровским был солидарен еще один ученый, авторитет которого был очень высок,— Кондратьев, в то время заведующий Конъюнктурным институтом Наркомфина. Он писал: «Лишь тот более быстрый темп развития промышленности представляется целесообразным и возможным, который достаточно близко отвечает реальному накоплению... Всякая попытка перешагнуть эти объективные границы, искусственно форсировать рост индустрии приведет неизбежно, путем ли инфляционного процесса или иным, к разрыву индустрии и сельского хозяйства и в конечном счете к острому потрясению самой промышленности»¹¹.

В Политбюро более осторожную линию проведения финансовой политики поддерживали А. И. Рыков, Сокольников и отчасти председатель ВСНХ Дзержинский. Тем не менее, с 1926 г. руководство ВКП(б) все более склонялось к вытеснению рыночных отношений из экономики страны. Начали применяться жесткие ограничительные меры против нэпманов и зажиточных крестьян, стимулы к производству сельхозпродукции и товаров ширпотреба резко упали. Середняки опасались, что их зачислят в кулаки. Нэпманы свертывали свою деятельность. Увеличивались «ножницы» между ценами на продукцию города и деревни. Партийное руководство решило тогда преодолевать кризисные явления силовыми методами: сплошной коллективизацией и созданием тяжелой промышленности любой ценой. В стране установилась административно-командная система управления.

Юровский же не допускал использования в экономике средств внеэкономического принуждения и не считал возможным добиваться достижения целей за счет резкого снижения жизненного уровня народа. А у противников сбалансированного развития имелся веский аргумент: нельзя медлить, нужно быстро развивать тяжелую промышленность и вооружать армию, иначе грядущая война застанет нас врасплох. Определение реальных судеб страны шло в обстановке непрекращавшейся политической борьбы. В конце 1925 г. с поста наркома финансов сняли Сокольникова, который на XIV партсъезде выступил с резкой критикой Сталина. Вскоре был арестован непосредственный подчиненный Юровского, начальник отдела Л. Волин. От него потребовали показаний, компрометирующих Сокольникова, но он отказался оклеветать бывшего наркома и спустя несколько месяцев был расстрелян. Юровского пока не трогали, поскольку он пользовался доверием и поддержкой нового наркома финансов СССР Н. П. Брюханова.

В 1928 г. лишились влияния в Политбюро Рыков и его союзники, обвиненные в «правом

уклоне». Теперь уже без стеснения стали вскрывать «ошибки» Юровского и других сторонников рыночной экономики. В печати Юровского называли «присяжным экономистом буржуазии»¹². Научный подход к решению проблем экономики был отброшен и заменен травлей инакомыслящих. В феврале 1929 г. Юровского переместили на пост начальника планово-экономического управления Наркомфина. Менее чем через год он ушел оттуда, возмущенный увольнением с «волчьими билетами» многих сотрудников управления, хотя по настоянию Брюханова пока остался членом коллегии Наркомфина.

Окончательная развязка наступила в июне 1930 г.: Кондратьева, Юровского, Чайнова арестовали по обвинению в организации подпольной Трудовой крестьянской партии (ТКП). Были схвачены тысячи членов этой никогда не существовавшей организации. Профессоров, в частности, обвинили во вредительстве, в сговоре с одним из антисоветских лидеров за рубежом П. Н. Милюковым и в подготовке вооруженной интервенции. Все обвиняемые на допросах свою вину признали, потом, после осуждения, письменно отказались от прежних показаний, но это не повлияло на их судьбу.

Открытый процесс по делу ТКП не состоялся. Сталин удовлетворился процессами Промпартии и Союзного бюро РСДРП, на которые Юровский и Кондратьев были привлечены как свидетели. «Организаторов» ТКП судила коллегия ОГПУ. Она приговорила Кондратьева, Юровского и Макарова к 8 годам заключения, Чайнова — к 5 годам. Кондратьев и Юровский отбывали свой срок вместе, в одной из камер-келий Спас-Ефимьевского монастыря в Суздале. В 1934—1935 гг. осужденных по делу ТКП, кроме тяжело заболевшего Кондратьева, досрочно освободили, лишив права проживать в крупных городах. Юровский поселился в пос. Серда Ивановской обл., устроившись на хлопчатобумажный комбинат бухгалтером. В начале 1937 г. он получил разрешение вернуться в Москву, но здесь никто не решался взять «вредителя» на работу. Ему пришлось искать другой способ заработка: его друзья Н. В. Якушкин и Т. И. Сахарова брали на свое имя заказы на литературную работу и передавали их Юровскому; так он отредактировал перевод с немецкого переписки Гете и Шиллера, потом перевел с французского «Историю оперы в XVII веке» Р. Роллана, стал переводить на французский книгу В. В. Вересаева «Пушкин в жизни».

Осенью 1937 г. сыну Юровского Георгию, отлично сдавшему экзамены в Московский университет, было отказано в приеме под предлогом, что его отец нигде не работает. Выход был найден иной: помог О. Ю. Шмидт, срочно взявший Юровского экономистом-консультантом в руководимый им Главсевморпуть. Но Леонид Наумович был уже обречен. В декабре 1937 г. его вновь арестовали, а в 1938 г. так же, как Кондратьева и Чайнова, расстреляли.

Этот очень скромный в жизни человек жил все советские годы в коммунальной квартире в одном из арбатских переулков. Его единственный сын погиб в 1943 г. на Брянском фронте, жена умерла в 1969 г. в глубокой бедности. Его ставшие библиографической редкостью последние монографии¹³, посвященные динамике денежного обращения при переходных процессах в экономике, не утратили научной ценности доныне.

Примечания

1. Кондратьевщина, чайновщина и сухановщина. М. 1930, с. 29.
2. ЕФИМКИН А. П. Дважды реабилитированные. М. 1991; ГОЛАНД М. Ю. Кризисы, разрушившие нпз. М. 1991; его же. Валютное регулирование в период нпза. М. 1993.
3. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М.-Пг. 1923, с. 209.
4. Русские ведомости, 1863—1913. Сб. статей. М. 1913, с. 310, 45, 304.
5. ЛИГИН Юр. На Дальнем Востоке. М. 1913.
6. Русские ведомости, 18.VI (1.VII). 1917 и 3 (16). I, 26. I (8.II). 1918.
7. ЮРОВСКИЙ Л. Н. Саратовские вотчины. Саратов. 1923; его же. Очерки по теории цены. Саратов. 1919.
8. ЮРОВСКИЙ Л. Бюджет и народный доход в современной России.— Экономическое возрождение, 1922, № 1; ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 54, с. 266; САРАБЬЯНОВ В. Контрреволюционность и детская беспомощность.— Народное хозяйство, 1922, № 7.
9. Известия, 30.VIII. 1922; БАЖАНОВ Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Спб. 1992, с. 114; ЮРОВСКИЙ Л. Н. Современные проблемы денежной политики. М. 1926, с. 7.
10. Вестник финансов, 1926, № 12.
11. Социалистическое хозяйство, 1925, № 6.
12. КОЗЛОВ Г. Заметки о кулацкой денежной политике.— Проблемы экономики, 1930, № 7.
13. ЮРОВСКИЙ Л. Н. На путях к денежной реформе. М. 1924; его же. Денежная политика советской власти. М. 1928.

Русская княжна на византийском троне

И. П. Медведев

В Государственной Оружейной палате московского Кремля хранится «Большой» саккос митрополита Киевского и всея Руси Фотия (1408—1431), по сатину которого золотыми, серебряными и шелковыми нитями вышито более 100 изображений на всевозможные евангельские темы, воспроизводящих иконографическую программу какой-то константинопольской (возможно, дворцовой) церкви. На одном из этих изображений в прямоугольной рамке представлена византийская императорская чета со всеми подобающими ей атрибутами и царскими регалиями, в окружении нимбов и в сопровождении соответствующих греческих надписей, из которых явствует, что это «Иоанн Палеолог, во Христе Боге верный василевс» и его жена «Анна Палеологина, благочестивейшая Августа», то есть византийский император Иоанн VIII Палеолог и его первая жена, родители которой — великий князь Московский Василий Дмитриевич и княгиня Софья Витовтовна — изображены тут же, справа от Анны, но уже без нимбов и в сопровождении славянских надписей «Князь велики Василие Дмитриевичь» и «Княгиня велика София»¹.

Это изображение таит в себе некую загадку — в науке преобладает мнение, что Анна никогда не была византийской императрицей, так как умерла в 1417 г., задолго до того, как Иоанн Палеолог стал не только «единодержавным» императором (1425 г.), но и соправителем (1421 г.). «В августе месяце (1417 г.) умерла и государыня госпожа Анна, что из России, от чумы и была погребена в монастыре Лива», — указывает византийский хронист и современник Георгий Сфрандзи. Это сведение о погребении Анны в етоличном монастыре Липса, или Лива (усыпальнице императоров и членов императорской фамилии), подтверждается «Хождением» инока Зосимы, который в свое время сопровождал княжну на пути из Москвы в Константинополь: «Монастырь женский Липеси. — пишет он, — тутю лежить царицы руская Анна, дщи московского великого князя Василия Дмитриевича»².

Инициативу заключения этого матримониального союза русские источники приписывают великому князю Московскому. По свидетельству Никоновской летописи, в 1411 г. «совет сотвори князь велики Василий Дмитриевич со отцем своим Фотеем — митрополитом о дщери своей Анне, юже хотяще дати въ Греки в Константиныградъ за царевича Ивана, Мануилова сына; Фотей же митрополить благоволи ему тако быти и благослови его. Того же лета князь велики Василей Дмитриевичь отдале дщерь свою княжну Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича». Правда, Никоновская летопись датируется XVI веком. Но и Софийская первая летопись, которая является сводом первой половины XV в. и к которой в конечном счете восходят все прочие летописи в освещении этих событий, ничего не говоря об участии Фотия в переговорах о заключении брака, тоже констатирует, что «того же лета (т. е. 6919 г. — 1411 г.) князь великий Василей Дмитриевичь далъ дщерь свою, княжну Анну, в Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича». Это сообщение с незначительными стилистическими вариация-

---

Медведев Игорь Павлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

ми воспроизводят почти все русские летописи (лишь в Никаноровской и большинстве списков Вологодско-Пермской летописи статья о замужестве Анны помещена под 6917 (1409) г., но это, как убедительно показал Я. С. Лурье, ошибка, явившаяся результатом непонимания составителями редакции протографа³.

Однако существует мнение, что инициатива исходила с другой стороны. Так, Д. Оболенский считает, что митрополит Фотий, грек родом и выходец из Пелопоннеса (г. Монемиасии), уже в 1408 г. назначенный главой русской православной церкви, но еще в 1409 г. находившийся в Константинополе, был уполномочен византийским правительством вести переговоры о заключении брака между представителями царствующих домов Византии и Руси. «Для Василия I, — пишет Д. Оболенский, — перспектива стать тестем наследника византийского трона должна была казаться вдвойне заманчивой: положение «василеопатора» могло принести не только почести, но и власть в придворной иерархии Византии. Со своей стороны, имперское правительство в поисках союзников перед лицом турецкой угрозы (а турки захватили большую часть территории империи и совсем недавно сняли осаду Константинополя) рассматривало Русь как источник финансовой помощи и использовало с этой целью назначаемых Византией примасов московской церкви как своих агентов. Брак между Иоанном Палеологом и Анной Московской был, таким образом, выгоден обоим сторонам»⁴.

Предположение, что именно византийское правительство выступило инициатором бракосочетания Анны и Иоанна, находит подтверждение в «Истории» Михаила Дуки. Он пишет: «Император Мануил, воспользовавшись установившейся безопасностью и не имея на своем пути того, кто мешал (т. е. турецкого султана Мехмеда, с которым Мануил в 1413 г. заключил мир. — *И. М.*), пожелал устроить бракосочетание своему сыну Иоанну и, отправив посольство к королю России, увез в качестве невесты его дочь. Обручив ее и переименовав имя ее на Анну, не пожелал тогда же венчать на царство, ибо девушке было только одиннадцать лет (согласно римско-византийскому праву, брак до двенадцати лет не считался законным. — *И. М.*). По прошествии же трех лет, когда столица была поражена чумой и множество народу умерло, умерла и царица Анна, оставив по себе великую скорбь среди жителей»⁵.

Свидетельство Дуки порождает массу проблем. Во-первых, получается, что Анна до приезда в Византию называлась иначе, но ведь все русские летописи называют ее именно Анной! Во-вторых, поскольку, как утверждает Дука, Анна умерла (это случилось в 1417 г.) спустя три года после прибытия в Константинополь, дата ее прибытия — 1414 год. Этому соответствует и исторический контекст: посольство Мануила II стало возможным после заключения мира с турками в 1413 г. и могло состояться в 1414 году. Исходя из этого, американский исследователь Д. Баркер, считает, что решение великого князя Василия Дмитриевича «отдать руку Анны» Иоанну Палеологу приходится действительно на 1411 г., но что «непрерывные войны с турками в течение 1413 г. могли задержать ее приезд, и она прибыла в Константинополь, по всей вероятности, не раньше 1414 г., в возрасте около 11 лет». Такого же мнения придерживается Д. Оболенский (он, правда, полагает, что в это время Анне было 10 лет), и эта же дата (1414 г.) зафиксирована в существующих справочных изданиях как дата посольства Мануила II и приезда Анны в Константинополь⁶. Наконец, в третьих, согласно Дуке, княжна Анна, будучи обручена с Иоанном, так и не стала его женой, не говоря уже о том, чтобы быть коронованной в качестве императрицы (и это при том, что Дука называет Анну «царицей»!).

Вопрос только в том, можно ли целиком и безоговорочно положиться на сведения, которые сообщает нам Дука? Зная, что его сочинение было написано гораздо позже упоминаемых в нем событий и что автор отнюдь не отличается точностью в их изложении (так Дука рассматривает как хронологически близкие события смерть Анны — 17 августа 1417 г. — и смерть Дмитрия-Юсуфа, сына турецкого султана Баязида, хотя из хроники Сфрандзи известно, что Дмитрий-Юсуф умер до 1413 г.), можно было бы ответить на этот вопрос отрицательно и уж, во всяком случае, предпочесть данные русских летописей о выдаче великим князем Василием Дмитриевичем его дочери замуж за Иоанна Палеолога и (этого в летописях, собственно, нет, но подразумевается) о прибытии ее в 1411 г. в Константинополь⁷. Именно в 1411 г., а 1413 год с его внешнеполитическими неурядицами, которые якобы задержали приезд Анны, здесь ни при чем. И решение императора Мануила II повременить со свадьбой и с коронацией из-за малолетства Анны относилось, конечно же, к ее приезду в 1411 году.

Но откуда же все-таки у Дуки появилось выражение «по прошествии трех лет»? Невольно напрашивается мысль, не выпало ли из его рассказа какое-то событие, связанное с нашей историей, от которого Дука и ведет свое исчисление и которое приходится как раз на середину того отрезка времени, в течение которого Анна находилась при византийском дворе, т. е. на 1414 год? Источники хранят молчание на этот счет, но думается, что наши догадки будут не совсем беспочвенны, если учесть некоторые события, разыгравшиеся в этом году в Византии.

Дело в том, что именно в 1414 г. (а не в 1413 г., как полагали раньше, на основании чего П. Шрайнер сделал ошибочное заключение о дате — до июля 1413 г. — предполагаемого им бракосочетания Анны и Иоанна) император Мануил II Палеолог покинул столицу, чтобы совершить свой знаменитый объезд еще оставшихся византийских «жалких лохмотьев монархии Константина» (маршрут путешествия Мануила хорошо известен: 25 июля он отбывает из Константинополя, лето находится на о. Фасос, осенью отправляется в Фессалонику и там зимует, а 29 марта 1415 г. высаживается в Пелопоннесе, где пребывает целый год, имея резиденцией г. Мистру, в столицу возвращается в марте 1416 г.), на целые два года оставив в Константинополе в качестве регента империи своего сына Иоанна. Разумеется, начиная это предприятие, старый император просто обязан был позаботиться, наконец, о бракосочетании и приближении молодой четы к трону, и остается только пожалеть о том, что византийские хронисты не зафиксировали этот момент. Впрочем, некоторые русские источники, например, Хронограф западнорусской редакции, рассказывают даже подробности о свадебных торжествах, но все это обесценивается тем, что женихом Анны в них изображен не Иоанн, а сам император Мануил. Как считает Шрайнер, здесь бракосочетание Анны и Иоанна смешано с бракосочетанием Мануила II и сербской княжны Елены Драгаш⁸, но, может быть, само это смешение вызвано контаминацией двух реальных событий?

«Регентство — это еще не имперское достоинство», — пишет в другой связи немецкий историк Ф. Дэльгер, и спорить с этим не приходится, но кто не знает, насколько неясными и неопределенными были в Византии правила не только регентства и соправительства, но и престолонаследия! Ближайший пример — случай с племянником Мануила II Палеолога, тоже Иоанном, который, будучи оставлен во время знаменитого путешествия императора Мануила по Западной Европе (1399—1403 гг.) в качестве регента империи, сделался фактически императором (под именем Иоанна VII), издавая указы за своей подписью как «василевс ромеев». Что же касается Иоанна VIII, то он, родившись 16 декабря 1392 г., как будто с самого юного возраста был возведен в звание «императора». Так, на фронтисписе знаменитой греческой иллюминированной рукописи с сочинениями (Псевдо-) Дионисия Ареопагита, привезенной в Париж в 1408 г. послом Мануила II Мануилом Хрисолорой в дар библиотеке аббатства Сен-Дени и в напоминание о пребывании императора при дворе французского короля Карла VI в 1400—1401 гг., содержится роскошный портрет Мануила II с императрицей и тремя старшими сыновьями, среди которых — Иоанн, увенчанный нимбом, короной, изображенный в пурпурных императорских одеждах и удостоенный императорского титула «Иоанн, во Христе Боге верный василевс». Но, несмотря на то, что и надпись совпадает с надписью на саккосе Фотия и что другими источниками (они не приводятся здесь) засвидетельствовано, что Иоанна с самых юных лет именовали «василевсом» или «молодым василевсом» (в отличие от его отца — «великого василевса»), все же скорее можно согласиться с предположением того очевидного факта, что он был бесспорным наследником трона, чем допустить, что уже в эти ранние годы Иоанн имел официальный титул соправителя⁹.

Иное дело — год 1414 и далее. Правда, до нас не дошли (судя по «Регестам» Дэльгера) документы, исходившие от Иоанна VIII периода его двухлетнего регентства, поэтому неизвестно, подписывал ли он их как «василевс ромеев». В пользу этого как будто говорит одно из писем Иоанна Хортасмена императору Мануилу, находившемуся в Пелопоннесе. Хортасмен хвалит «наследника престола» за то, что он, «сидя на троне и занимаясь государственными делами, показал себя в высшей степени достойным императорского звания как простой, доступный, слушающий советников, проявляющий величайшее благоразумие... Таков у нас император: нам посчастливилось, что мы имеем столь прекрасного — о император! — наследника и преемника твоей империи и доблести»¹⁰.

Упомянув об Иоанне при описании событий 1416—1417 гг., Сфрандзи везде называет его «василевс кир Иоанн», в том же 1417 г. венецианский сенат в своих официальных документах стал именовать его «*imperator juvenis*», а русский монах Зосима оставил в этом отношении просто уникальное свидетельство. Рассказывая о том, что ему довелось увидеть в Константинополе, он добавляет: «яко же прежде бех, коли со княжною во царство благочестиваго царя греческого кир Мануил, и въ то время венча сына своего старейшего Калуяна на царство греческое, состарившись ему»¹¹. Поразительно, что исследователи не обратили внимания на концовку этой фразы, в то время как она недвусмысленно дает понять, что император Мануил сопричислил своего сына к трону еще при жизни Анны.

Но датой начала соправительства Иоанна VIII чаще называется 1421 год. Действительно, несмотря на некоторый разнобой в датировках, которые содержатся в больших и малых византийских хрониках, следует все же признать, что 19 января 1421 г. (в воскресенье блудного сына) в св. Софии действительно состоялось венчание патриархом Иосифом II Иоанна VIII

Палеолога на царство, по случаю заключения им второго брака с латинской принцессой Софьей Монферратской¹². Однако это не исключает возможности того, что в 1414 г. Иоанн и Анна были тоже коронованы, но не патриархом по праздничной форме (ибо о двойном помазании и коронации патриархом в поздневизантийское время сведений нет), а самим императором Мануилом (без патриарха), с возложением пилоса (головного убора, украшенного драгоценными камнями), т. е. так же, как был в первый раз коронован сам Мануил, а еще раньше — Иоанн VI Кантакузин (1341 г.) и его сын Матфей Кантакузин (1353 г.).

Как отмечает Оболенский, первая церемония была в сущности провозглашением и инвеститурой императора («анагоревсис», или «анарресис»), в то время как вторая, которая часто имела место несколькими месяцами или годами позднее и называлась «степсис», была торжественной и священной церемонией коронации. С конституционной точки зрения провозглашение — «анагоревсис» — было вполне достаточным, чтобы сделать человека императором или «соимператором»; церемониальное же коронование — «степсис» ранее провозглашенного лица «стеммой» просто дает ему церковную санкцию, так сказать, «ставит на нем священное клеймо»¹³. Возможно, что проходившее в спешке предполагаемое первое венчание и коронование Иоанна VIII Палеолога и Анны Васильевны было обставлено с гораздо меньшей пышностью, чем второе, и поэтому не привлекло к себе внимания хронистов.

Как бы то ни было, все сказанное дает право утверждать, что причастность русской княжны к византийскому трону в качестве императрицы весьма вероятна. Анна Васильевна не только провела ряд лет при византийском дворе, но и была хозяйкой священного Влахернского дворца. Как складывались ее отношения с царственным супругом и с византийским двором, сказать трудно при полном отсутствии источников на сей счет. Думается, тем не менее, что Анна Васильевна оставила по себе добрую память среди византийцев. По крайней мере, слова Дуки о «великой скорби», а также утешительная речь о ней, обращенная к императору и произнесенная в присутствии патриарха и высших сановников видным византийским писателем и философом Иосифом Вриеннием, вероятно, не обычная для византийцев дань риторике¹⁴. Уважительное и, я бы сказал, любовное отношение к русской принцессе, которое «сквозит» в этих словах, контрастирует, например, со скептическим отношением византийцев к преемнице Анны, второй жене Иоанна, к «латинянке» Софье Монферратской, о которой тот же Дука не нашел сказать ничего лучшего, кроме «спереди пост, сзади пасха».

Примечания

1. БАНК А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.-Л. 1967, с. 285—287;
2. МАЯСОВА Н. А. Средневековое лицевое шитье: Византия, Балканы. М. 1991, с. 44—51; MAJESKA G. P. Russian Travellers to Constantinople in Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington. 1984, p. 189.
3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), СПб, 1897, т. XI, с. 217; т. V, 1897, с. 258; LURIA J. S. The London and L'vov Manuscripts of the Vologda-Perm Chronicle.— Oxford Slavonic Papers. N. S., 1972, vol. 5, p. 94, 95.
4. OBOLENSKY D. Some Notes Concerning a Byzantine Portrait of John VIII Palaeologus.— Eastern Church Review, 1972, vol. 4, p. 142.
5. DUCAS. Istoria turcobizantina (1341—1462). Bucureşti. 1958 p. 133—135.
6. BARKER J. W. Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick-New Jersey. 1969, p. 345; OBOLENSKY D. Op cit., p. 141—142.
7. DÖLGER F. Register der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. 5. Teil. München-Berlin. 1965, № 3337; Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit (PLP). Wien. 1989, № 9150.
8. ПСРЛ, т. XXII. ч. 2, 1914, с. 196; SCHREINER P. Chronologische Untersuchung zur Familie Kaiser Manuels II.— Byzantinische Zeitschrift, 1970, Bd. 63, S. 294.
9. BELTING H. Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg. 1970, S. 48, 75—76; BARKER J. M. Manuel II Palaeologus, p. 350, n. 97.
10. CHORTASMENOS JOHANNES. Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Wien. 1969, S. 204—205.
11. MAJESKA G. P. Op. cit., p. 191o.
12. DÖLGER F. Die Krönung Johannes VIII.— Byzantinische Zeitschrift, 1936, Bd. 36, S. 318—319; SCHREINER P. Die byzantinischen Kienchroniken. 2. Teil. Wien. 1977, S. 410—411.
13. SCHREINER P. Hochzeit und Krönung Kaizer Manuels II.— Byzantinische Zeitschrift, 1967, Bd. 60, S. 74; OBOLENSKY D. Op. cit., p. 143—144.
14. PLP, 2. Fasz. Wien. 1977, S. 119—120, № 3257.

А. И. Клибанов — историк русской общественной мысли

В. И. Буганов

Труды Александра Ильича Клибанова (1910—1994), первый из которых появился более 60 лет назад¹, охватывают разнообразные аспекты истории отечественной общественной мысли, сектантских, еретических и реформационных движений в России, темы, касающиеся народной социальной утопии, и истории русской церкви. В ряде работ он рассматривал и некоторые конкретно-исторические сюжеты за пределами указанной тематики — от истории древних славян до событий XIX—XX вв., а также вопросы историографии, педагогики, методологии и методики научного исследования.

Специалистам Александр Ильич известен и в связи с публикацией и изучением ряда источников по отечественной истории. Он подготовил и издал некоторые памятники новгородско-московской еретической (реформационной) мысли конца XV — начала XVI вв., приписку Ивана Черного к Еллинскому летописцу, т. н. Пермские глоссы, одно из сочинений против монашества². Подвергнув анализу ряд памятников древнерусской литературы XIV—XVI вв., Клибанов выявил знакомство их авторов и составителей с произведениями античных мыслителей и патристическими сочинениями II—VII вв., в которых сохранились следы античной традиции — извлечения из сочинений Платона, Аристотеля, Демокрита, Гераклита, Ксенофонта, Фалеса, Пифагора и других.

Клибанов подчеркивал, что человек Древней Руси искал в произведениях отцов церкви ответы на вопросы, которые ставила перед ним повседневная общественная, нравственная и духовная жизнь. В этих сочинениях, отмечал Александр Ильич, присутствует не синтез понятий античной философии и христианского вероучения, а их «эkleктическое смешение», благодаря чему исследователю легче дается «разложение патристических учений на составные части, отделение одних элементов от других». Сочинения отцов церкви «становились в древнерусском обществе посредствующей связью с античным культурным миром»³.

Клибанов опубликовал и исследовал сибирские письма декабристов И. И. Пущина, Н. А. Бестужева и других. Эти письма позволяют судить о богатой духовной жизни сосланных декабристов, которых волновали события в России и Западной Европе, Крымская война, подготовка крестьянской реформы. Эти исследования и публикации⁴ Клибанова основаны на материалах, найденных им в архиве Красноярска, где он находился в ссылке в годы Великой Отечественной войны. Клибанов также обнаружил в Юдинской коллекции речь Багратиона, произнесенную перед Бородинским сражением⁵.

В одном из историко-литературных изданий Клибанов совместно с Н. В. Ельциной опубликовал письмо А. А. Блока к родственнице своей жены Р. С. Ельциной, посвященное известному поэту Н. А. Клюеву. На основе «краткого доклада» костромского крестьянина

Буганов Виктор Иванович — член-корреспондент РАН, руководитель Центра по изучению и изданию источников Института российской истории РАН.

Н. И. Дубенкова, хранящегося в фонде секретаря Л. Н. Толстого В. Г. Черткова, Клибанов совместно с Г. Лялиной написал статью о встрече 24 апреля 1919 г. крестьянского ходака с В. И. Лениным ⁶.

Ряд работ Клибанова посвящен военному устройству и боевым действиям славянских дружин, крещению Руси, Куликовской битве, мировоззрению Андрея Рублева, зарождению русско-испанских отношений в XV—XVI веках ⁷.

Особое место в трудах Александра Ильича занимает очерк о протопопе Аввакуме, который интересует автора прежде всего в культурно-историческом аспекте. Характеризуя мировоззрение «огнепального протопопы», Клибанов обратил внимание на то, что в его сочинениях помимо хорошего знания трудов канонически-православного толка, заметно «широкое обращение к апокрифической литературе», свидетельствующее о наличии «элементов старой дохристианской веры». По мнению Клибанова, его герою было свойственно конкретно-чувственное сознание, противостоявшее «абстракционизму и мизантропизму господствующей феодально-православной идеологии», однако «живое ядро в идейном наследии Аввакума с трудом улавливалось в окутывающих его теологических дефинициях».

Аввакумовское наследие принадлежит, считал Клибанов, к народной культуре. «В России, население которой преимущественно составляло патриархальное крестьянство, тем самым имелась широкая социальная основа, поддерживавшая, воспроизводившая и обновлявшая «аввакумово начало» в его мировоззренческом, социально-психологическом значении и особенно в его значении социального протеста. При этом нельзя не принимать во внимание как реалистические, так и утопические, как прогрессивные, так и реакционные стороны «аввакумова начала». Глубоко верна и значительна мысль Клибанова о теснейшей связи взглядов Аввакума с мировоззрением патриархального крестьянства России его времени. Известно, что и М. Горький усматривал «аввакумово начало» в сочинениях Л. Толстого ⁸.

Цикл исследований Клибанова связан с изучением русского реформационного движения и гуманистической мысли XIV — середины XVI вв. Этой теме посвящена (не говоря о статьях) его капитальная монография ⁹. В ней рассматриваются кардинальные проблемы русских реформационных движений указанного периода. Автор охарактеризовал Трифоновский сборник (80-е годы XIV в.), содержащий антицерковные сочинения рубежа XIII и XIV столетий, отражающие идеи вольнодумцев-стригольников. Столь же важны его наблюдения над глоссами известного переписчика рукописей Ивана Черного на полях Еплинского летописца (1485 г.), Лествицей Иоанна Лествичника и др. Проанализированы Клибановым и сочинение против монашества, и указания на библейские тексты, используемые еретиками в их борьбе с официальной церковью. Разбирает он и Лаодикийское послание Ф. В. Курицына, влиятельного дьяка великого князя московского, составленное «в духе реформационных идей» (в нем, в частности, обосновывается тезис о «самовластии души»). Курицыну же, по мнению Клибанова, вероятно, принадлежит «Написание о грамоте», в котором утверждается, что сила человека — в его разуме, а не в сумме книжных знаний.

Анализ реформационных движений Александр Ильич начинает не со стригольников второй половины XIV в., как это обычно делалось в историографии, но с зарождения антицерковного протеста еще в конце XIII и первой половине XIV столетий. Как показано в книге, в связи с расширением антицерковного движения, возглавленного низшим духовенством и направленного против симонии в церковной среде, и борьбой за «дешевую церковь» и ее демократизацию, ортодоксальные церковные верхи созывают соборы: Владимирский (1274 г.) и Переяславский (1312 г.). Первые критики официальной церкви выступают с сочинениями (напр., «Слово о пживых учителях»), в которых заявляют о своей несогласии с поведением духовенства, подвергают сомнению необходимость самой церкви. Появляются идеи религиозного рационализма, индивидуализма (например, понятие о «внутреннем человеке»).

Во второй половине XIV в., пишет Клибанов, эти идеи развивают новгородские и псковские стригольники, выступавшие против местных иерархов; они отрицают священство, как некое «таинство», и убеждены, что роль священника может исполнять причетник или даже мирской человек. Александр Ильич сумел установить, что свободолюбивые, «еретические» настроения появились тогда же и в Твери (полемика Федора Доброго, тверского епископа, с новгородским архиепископом Василием Каликой). Слепой, фанатичной вере паламитов и Калики Федор Добрый противопоставил попытки рационалистического осмысления одной из догм православия — о рае. По его мнению, существует только «мысленный рай», как духовное состояние человека. С критикой ортодоксальных постулатов выступил и другой тверской епископ — Евфимий Вислень, а в Ростове иконоборец и антитринитарий Маркиан, также «открытый» Клибановым.

Автор сумел показать, что в конце XV — начале XVI вв. движение еретиков-вольнодумцев распространилось довольно широко, захватив Новгород, Москву, Тверь. Среди прочих он отмечает и «вольномыслие» знаменитого тверского купца-путешественника Афанасия Никитина. Новгородско-московская ересь рубежа XV и XVI столетий, как и ересь стригольников, отражала, по мысли Клибанова, социальный протест посадских людей. Идеи «дешевой церкви», критика духовенства довольно широко проникли в среду ремесленников и купцов, а также крестьян. У них были приверженцы при дворе Ивана III — его невестка Елена Волошанка, внук Дмитрий, дьяк Курицын и др. Одно время им сочувствовал сам великий князь всея Руси. Но победили сторонники ортодоксального православия (Иосиф Волоцкий и др.) и, одновременно, сильной великокняжеской власти. На еретиков посыпались кары — костры, ссылки и прочее.

Подробно характеризует автор вольнодумцев середины XVI столетия. Наибольшее внимание уделяет он Феодосию Косому, «рабье учение» которого стало вершиной русской реформационной мысли. Оно представляло собой крестьянско-плебейскую ересь. Косой и его сторонники выступили против церкви и государства, феодальной эксплуатации и войн. Одновременно Косой подвергал критике ряд догматов православия и утверждал, что природа обладает «самобытным естеством».

В своей книге Клибанов выявил элементы гуманистического мировоззрения, присущие русским реформационным движениям: утверждение человеческой личности («самовластие души», «самовластие ума»), выступление против аскетизма, монашества, проповедь равенства народов и вер. По мнению Клибанова, если в России и не было Ренессанса и Реформации, как в Западной Европе, «это не снимает глубоко принципиального вопроса о таких явлениях в общественной жизни России XV—XVI вв., которые знаменовали ... поворот в сторону основных идей, провозглашенных Гуманизмом и Реформацией»¹⁰.

Цикл работ Клибанова посвящен русской общественно-политической мысли XV—XVII вв. и ее представителям, не связанным с реформационными или же прямо противостоящим им движениям. Очень интересная статья Александра Ильича посвящена византийскому сочинению «Слово о старце» и его влиянию на русскую публицистику XV века. Смысл русской редакции «Слова» — в прославлении человека-труженика и нестяжателя¹¹.

Изучая творчество русских публицистов XVI в., автор проанализировал шесть писем и два неизданных сочинения Максима Грека¹². Вместе с В. И. Корецким он опубликовал текст послания ученика Максима Грека Зиновия Отенского великокняжескому дьяку М. В. Шишкину (между 1531 и 1538 гг.)¹³.

В двух статьях Клибанова разбирается сочинение Ермолая-Еразма знаменитая «Повесть о Петре и Февронии», где описывается любовь князя и крестьянской девушки, рассказ о которой этот «заступник ратаев» записал со слов крестьян. В повести содержится проповедь равенства людей, «яко же бо вси человецы Богом создание единого естества»; осуждение сословного превосходства, обличение муромских бояр. Александр Ильич считает Ермолая-Еразма автором «Слова о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже», «Слова к верным, иже христиания словом нарицаются, Богови же супротивящеся коварствы и в сем на ся греха не возлагают», «Глав о увещании утешителнем царем, аще хочещи и велмож»¹⁴.

Социально-политические взгляды другого ученика Максима Грека, выдающегося публициста, мыслителя, дипломата первой половины XVI в. Ф. И. Карпова Клибанов анализирует по его «Посланию митрополиту Даниилу»¹⁵. Знакомый с «Этикой» и «Политикой» Аристотеля, опираясь на них, Карпов развивал мысли о том, что власть должна держаться на законе и правде, осуждал беззаконие, тиранию и произвол сильных, Его идеал — Государство Правды, монархия, которая управляется по закону общей пользы; монарх, правители, судьи, все «начальства» — на страже этого закона. Утопические идеи Карпова имели, по мнению Александра Ильича, гуманистический оттенок. Мысли и стремления Карпова лежат в русле античной культурной традиции и русского свободомыслия (он был лично знаком с Курицыным).

Интересовался Клибанов и воззрениями И. С. Пересветова, — также отстаивавшего принцип монархии, основанной на правде и упразднении всех видов неволи¹⁶. Эту «проекцию социальных реформ, предложенных замечательным публицистом», автор характеризует, как «идеальную».

Клибанов опубликовал две повести А. М. Курбского об Августине, епископе Гиппонском, знаменитом западнохристианском теологе второй половины IV — первой трети V века¹⁷.

Принципиальное значение имеет статья Александра Ильича «К характеристике новых

явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII вв.»¹⁸. Мобилизуя весь известный источниковый и историографический материал по истории России этого периода, он показывает, что тогда в общественном сознании произошли «сдвиги принципиального характера» — в направлении рационализма, секуляризации культуры, освобождения от провиденциалистских догм, других норм и форм средневекового мышления. Автор подчеркивал, что в XVII в. только начиналась постепенная замена старозаветных убеждений «мировоззрением», в основе которого лежало утверждение человека, свободы и достоинства человеческой личности».

Автор ссылается на критику ортодоксально-феодалного православия со стороны демократических кругов русского города. Эта среда на протяжении всего XVII в. выдвигала еретиков-иконоборцев. В начале следующего века выступал со своими проповедями еретик Дмитрий Тверитинов, И. Т. Посошков пишет трактат «О иконоборцах», направленный против русских последователей «люторства» из числа приказных и посадских людей. Раскольники-беспоповцы в своих нападках на никониан в некоторой степени смыкаются с теми же еретиками.

Сторонники раскола из числа крестьян придерживались разных форм религиозной оппозиции — христововерия, субботничества и др. В старообрядчестве и сектантстве, новых явлениях, порожденных XVII веком, «по-своему выразился,— пишет Клибанов,— глубокий сдвиг, происшедший в мировоззрении крестьянства». Это проявилось в отрицании института церкви, духовной иерархии, всего внешнеобрядового православия. В их религиозных общинах рядовые члены имели право проповедовать, толковать Писание, божественные пророчества; церковь, по их убеждению,— «не в бревнах, а в ребрах», в «чистой совести», добрых делах. Это была этика деятельного человека — люди сами должны быть строителями царства Божия на земле. Утверждались понятия суверенности, самостоятельности, самодеятельности человека, самоценности его личности, инициативы, здравого смысла.

В монографиях и статьях Клибанова, посвященных народным истокам социальной утопии в России, шла речь о непрерывности российской социально-утопической традиции, что получило отражение в существовавших еще во времена Киевской Руси народных представлениях о «правде» и «кривде», о добре и зле, в вере крестьян и горожан в «доброе», «хорошего» великого князя, царя, боярина, тоже весьма устойчивой в своем бытовании; в проповедях еретиков-вольнодумцев, сочинениях публицистов; в деятельности старообрядцев, сектантов и т. д.¹⁹. Труды этого цикла пронизывает идея о народе, как субъекте социально-утопического творчества. Уровень общественного сознания народных масс, их идеологических воззрений — это вопрос, теснейшим образом связанный с проблемой зрелости самосознания участников народных движений.

Клибанов прав, утверждая, что русские социально-утопические учения XIX века нельзя считать продуктом исключительно западно-европейского влияния и результатом деятельности только образованных людей. Он был убежден, что русская социально-утопическая мысль уходит своими корнями в далекое прошлое. Об этом свидетельствуют сочинения безымянных и известных авторов, различные легенды (о Беловодье, «земном рае» и т. д.), зачаточные формы социально-политической организации эпохи крестьянских войн, многочисленные «общежителства», устраивавшиеся на основах раннехристианских идеалов, и многое другое.

Клибанов считал указанную проблему перспективной областью «историко-философского исследования, восполняющего наше познание народа как творца истории». Вместе с тем Клибанов отдавал себе отчет и в том, что народная социальная утопия в России, есть и «фрагмент всеобщей истории социально-утопических движений и учений».

Прослеживая истоки утопии, Клибанов обратился к «отреченным» книгам, т. е. апокрифической, не признанной церковью литературе, пришедшей на Русь после принятия христианства, а также нехристианским сочинениям русских, болгарских и сербских авторов, отразивших языческие, народно-поэтические воззрения и представления. В «Беседе трех святителей» (памятнике V—VI вв., пришедшем на Русь в XI в.), которую исследователи называют народным эквивалентом Библии, в «Палее Толковой» (XIII в.), аналогичной распространенным в Западной Европе «библиям бедных», ряде других сочинений, в течение многих столетий имевших широкое хождение в народе, считал Александр Ильич, развивается мотив о правде, улетевшей на небо, и кривде, ходящей по земле. Эта антитеза получает дальнейшее развитие в «Голубиной книге».

Идеал правды (социальной, антифеодалной по своей сущности) пустил такие глубокие корни в народном сознании, что в многочисленных вариантах существовал вплоть до начала XX века. Он исходит из представлений об изначальном идеальном равенстве и братстве всех

людей на земле. Насильственно отнятое у народа это его достояние, подчеркивал Клибанов, должно быть возвращено ему.

Популярные в русском обществе проблемы и идеи «отреченной» литературы перешли впоследствии, пишет Клибанов, в русскую публицистику. В XVI в. она была представлена именами Ермолая-Еразма и Феодосия Косого. Первый, священник московского собора Спаса на Бору в Кремле, характеризуется Клибановым как идеолог и защитник интересов крестьянства, мечтавшего о справедливом распределении обязанностей между членами «единого общества». «Вельможа,— укоряет Ермолай богатых и знатных,— ничтоже имеюще от своего труда, по изъедающе и одеяния носяще людская труды»; и далее: «богатый же всяк несть чист пред Богом». В «Повести о Петре и Февронии» изображено идеальное правление, основанное на любви к людям, взаимопомощи и правде.

Более радикальный характер, утверждает Клибанов, имеют идеи Феодосия Косого — бывшего холопа, ставшего в России, Литве, Белоруссии и, возможно, в Польше знаменосцем взглядов и требований плебейских элементов города, его социальных низов. «Новое учение» Косого автор рассматривает как итог «достижений передовых идейных движений в России, начиная с еретических движений конца XV — начала XVI в.». Феодосий проповедовал «общность имущества», равенство народов и вер, выступал с отрицанием властей и социального неравенства. Эти взгляды роднят Феодосия Косого со многими представителями реформационной, гуманистической мысли Западной и Центральной Европы XV—XVI вв. (гуситы в Чехии, Томас Мюнцер в Германии). Свои идеи Косой пытался осуществить на деле. В общине его единомышленников по примеру апостольского христианства было введено совместное пользование имуществом. Клибанов считал, что «новое учение» Косого имело значение идеологического переворота, оказав большое влияние на развитие религиозного вольнодумства в последующее время.

Очень большое внимание Клибанов уделяет расколу, как массовому разрыву крестьянства с господствующей церковью. Идеологию староверческого движения он определяет как антифеодальную и ставит в один ряд с идеологией участников городских движений и крестьянских восстаний. В этом отношении особенно интересен анализ попыток старообрядцев воплотить свои идеалы в реальной жизни, например, при организации законодательной и исполнительной власти, военной и судебной администрации, в социальной и национальной политике во время восстания 1705—1706 гг. в Астрахани, где возникла своего рода федерация самоуправляющихся коммун, в которых решающее слово принадлежало трудовому народу. Автор сравнивает это восстание с движением городских коммун в Западной Европе.

В тесной связи с идеологией участников народных восстаний Клибанов рассматривает и антифеодальные религиозно-оппозиционные движения XVII—XVIII вв., выявляя в их идеологии социально-утопические тенденции (Квирин Кульман в конце XVII в., Евфимий, А. Еленский во второй половине XVIII в., трудовые сообщества староверов, Китежская и Беловодская легенды), в той или иной форме и мере направленные против крепостничества. Народная социально-утопическая мысль и социальная практика, пишет Александр Ильич, в отдельных случаях взрывали религиозную оболочку, как это было, скажем, в проповеди купца-старовера В. Каржавина в середине XVIII в. или в «Благовести свободы» Еленского конца того же столетия.

По мнению Клибанова, социально-утопические идеи оказали заметное влияние на творчество выдающихся деятелей русского Просвещения — А. Н. Радищева, Г. Сковороды, Я. П. Козельского и других.

Попытки воплотить в жизнь новые формы общежития свободных и равноправных людей, подчеркивает Клибанов в другой своей монографии, были особенно характерны для XIX в., ставшего «временем наибольшего распространения русской народной утопии и обогащения ее социального содержания» (Савелий Капустин с его молочноводской коммуной, крестьянские ассоциации Ивана Петрова в Пошехонье, Антипа Яковлева и Николая Попова в Костромской губ., Михаила Попова в ряде губерний, Ивана Григорьева в Самарской губ. и других). Возникновение подобных «организаций народной утопии» автор считал «устойчивым и постоянно возобновлявшимся социальным явлением».

Народная социальная утопия представлена в работах Клибанова и мыслителями-утопистами, выступившими с критикой крепостничества и его пережитков (Федор Подшивалов, Тимофей Бондарев). Первый, например, мечтал о переходе человечества от «Старого света» и «Новому свету» с его идеальным жизненным строем и счастьем всех людей. «Человек,— писал он,— ...единственно для того родился, дабы он украшал природу и землю». Второй призывал организовать жизнь согласно «первородному закону» — чтобы все люди жили «трудом рук своих»; весь мир он хотел бы видеть как «единодушную

и единосердечную артель». В то же время Александр Ильич отнюдь не закрывал глаза на неоднородность, сложность состава народных социальных утопистов, неоднозначный характер их деятельности.

Самый большой по объему цикл исследований Клибанова связан с изучением русского сектантства. Уже первые его работы посвящены критическому рассмотрению общих вопросов его истории и современного состояния. Вместе с тем в своих трудах он отдал неприменную по тем временам дань «воинствующему атеизму»²⁰.

Уже в 30-е годы появились работы Клибанова об отдельных толках сектантства. Адвентистов он характеризовал как реакцию на промышленный переворот ремесленных, мелкобуржуазных слоев населения Европы, возлагавших надежды на второе пришествие Христа. В России адвентизм распространяется в конце XIX — начале XX столетий. Автор обращал внимание на рост численности адвентистов (с 779 чел. в 1896 г. до 13,4 тыс. к 1928 г.) и их готовность приспособиться к советским условиям²¹.

Пристальный интерес Клибанов проявлял и к секте меннонитов. Он проследил судьбы этого движения и его идеологии со времен возникновения в Нидерландах на рубеже первой и второй четвертей XVI века. Меннонитство он называет «буржуазным изданием анабаптизма», определяя его как «воинствующее антидемократическое движение, выразившее в анабаптистской форме идеи умеренно-бюргерской реформации»²².

В послевоенные годы Клибанов продолжил исследование истории сектантства в России²³. В монографии на эту тему показано, что сектантство представляло собой реформационное движение со своей внутренней логикой развития, отличительными признаками, этапами эволюции, обусловленными тенденциями общественно-экономического развития России. Александр Ильич показал, что возникнув как форма социального протеста народных низов, прежде всего крестьянства, сектантство постепенно расслаивается — на демократические движения, которые выдвигают и пытаются радикальными методами воплотить в жизнь социально-утопические проекты, и соглашательские элементы.

Клибанов вскрыл буржуазное перерождение баптизма и других сект, одновременно признавая наличие в них демократических мотивов. По его классификации существовали различные формы религиозного сектантства — «демократического происхождения» и «буржуазное». Первая была связана с социальным протестом крестьянства против крепостничества (именно в ее рамках выдвигается и обосновывается идея «самоспасаемости» человека, обладающего, тем самым, внутренними нравственными потенциями для реформации всего общества). Вторая же отражала противоречия капиталистического общества (в ней получили хождение идеи «тварности», никчемности человека, предопределенности его судьбы, «избранности» ко спасению).

Следующую монографию по истории сектантства Клибанов посвятил советскому периоду²⁴. Изучение архивных материалов позволило ему раскрыть неоднозначное отношение рядовых сектантов к советской власти: с одной стороны, налицо было неприятие идеологии революционного переустройства общества; с другой, поддержка борьбы за мир и ряда социальных преобразований.

Интересен опыт Клибанова по части проведения научных экспедиций в местах проживания сектантов, организации обследований для изучения их взглядов, его наблюдения эволюции религиозного сознания, особенностей религиозного модернизма, сочетавшего мистицизм и рационализм. Привлекает внимание и попытка Клибанова выявить различные социально-психологические типы в среде сектантов. Получил отражение в его работах и опыт общения с верующими, основанный на уважении их религиозных чувств, исключительном такте, глубоком знании вероучений, присущих различным религиозным сектам, их обычаям, истории²⁵.

Клибанов всегда придавал большое значение проблемам методологии изучения религиозного сознания, церкви, антицерковных движений. В своих работах он поднимает ряд актуальных вопросов: о научной классификации уровня религиозности верующих, его критериях; на примере докапиталистических формаций он обосновывал принцип типологического подхода к изучению религиозного сознания, призывая к выявлению социальных типов «религиозной идеологии, организации, культа, психологии», социальных разновидностей религии «в единстве составляющих ее идеологических, организационных, культовых, психологических элементов»²⁶.

Две книги Клибанова о русском сектантстве со времен его зарождения до 70-х годов XX в. были адресованы широкому читателю²⁷. «Звездным часом» сектантства, считает автор, было средневековье — самая религиозная из всех исторических эпох. По мнению Клибанова, несмотря на относительно широкое распространение сектантства в современном мире, ныне все же налицо эпилог его истории.

Клибанов известен и как участник и редактор ряда коллективных трудов по русской истории, о русском православии. Здесь особо выделяется его участие в подготовке книги «Русское православие. Вехи истории», вышедшей в 1000-летию крещения Руси (М. 1988).

Рассмотрение научного творчества Клибанова, яркого и самобытного, убеждает в том, что это исследователь широкого масштаба, историк-мыслитель, внесший достойный вклад в изучение истории Отечества. Он не только значительно раздвинул рамки анализа гуманистических, реформационных движений, общественной мысли в России, но и открыл новые источники, имена и деяния русских вольнодумцев. Он продвинул вперед конкретно-историческое, источниковедческое изучение этих проблем, внес много нового в методологию и методику исследований в этих областях исторического знания. В этом великая заслуга Клибанова как ученого.

Примечания

1. КЛИБАНОВ А. И. Классовое лицо современного сектантства. Л. 1928.
2. См. приложения в кн.: КАЗАКОВА Н. А., ЛУРЬЕ Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М.-Л. 1955.
3. КЛИБАНОВ А. И. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности — Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. XIII. М.-Л. 1957.
4. КЛИБАНОВ А. Сибирские письма И. И. Пущина.— Енисей, 1945, кн. 2; е г о ж е. Неизвестные письма Н. А. Бестужева.— Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. 1981; е г о ж е. Из истории идейной жизни декабристов в сибирской ссылке (по письмам декабристов Я. Д. Казимирскому).— Проблемы истории общественной мысли и историографии. М. 1976; е г о ж е. Александр Иванович Якубович: действительность и легенда — Исторические записки (ИЗ). 1981, т. 106; Сибирские письма декабристов. 1838—1850. Красноярск. 1987.
5. КЛИБАНОВ А. И., НИКИТИНА П. А. Речь Багратиона перед вступлением в сражение (В порядке постановки вопроса).— Енисей, 1944, кн. 1.
6. ЕЛЬЦИНА Н. В., КЛИБАНОВ А. И. Письмо А. А. Блока и Р. С. Ельциной о Н. А. Клюеве.— Литературное наследство. Т. 92, кн. 2. М. 1980; см. также: КЛИБАНОВ А. И. К характеристике идейных исканий А. Блока.— Вопросы научного атеизма (ВНА), вып. 30, М. 1980; КЛИБАНОВ А., ЛЯЛИНА Г. Крестьянский делегат у В. И. Ленина — Политическое самообразование. 1965, № 6.
7. КЛИБАНОВ А. Боевой порядок у древних славян.— Исторический журнал. 1945, кн. 1—2; КЛИБАНОВ А. И., МИТРОХИН Л. Н. Крещение Руси; история и современность. М. 1988; КЛИБАНОВ А. И. «О, светло светлая и красно украшенная земля Русская!» — Новый мир, 1980, № 9; е г о ж е. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева.— Андрей Рублев и его эпоха. М. 1971; е г о ж е. У истоков русско-испанских взаимосвязей (XV—XVI вв.) — Россия и Испания. Историческая ретроспектива. М. 1987; е г о ж е. У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е годы XV—XVI в.) — Вопросы истории (ВИ), 1987, № 7.
8. КЛИБАНОВ А. И. Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление.— История СССР, 1973, № 1.
9. КЛИБАНОВ А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М. 1960.
10. Там же, с. 3—4.
11. КЛИБАНОВ А. И. Византийское «Слово о старце» и русская публицистика XV в.— Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М. 1972, с. 162—168.
12. КЛИБАНОВ А. И. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека.— Византийский временник. Т. XIV. М. 1958.
13. КЛИБАНОВ А. И., КОРЕЦКИЙ В. И. Послание Зиновия Отенского дьяку М. В. Шишкину.— ТОДРЛ. Т. XVII. 1961.
14. КЛИБАНОВ А. И. Повесть о Петре и Февронии, как памятник русской общественной мысли — ИЗ. Т. 65. 1959; е г о ж е. Сборник сочинений Ермолая-Еразма.— ТОДРЛ. Т. XVI. 1960.
15. КЛИБАНОВ А. И. «Правда» Федора Карпова.— Общество и государство феодальной России. М. 1975.
16. КЛИБАНОВ А. И. Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова.— ИЗ. Т. 99. 1977.
17. КЛИБАНОВ А. И. Повести А. М. Курбского об Августине Гиппонском — Археографический ежегодник (АЕ). 1962. М. 1963.
18. См.: История СССР, 1963, № 6.
19. КЛИБАНОВ А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М. 1977; е г о ж е. Народная социальная утопия в России. XIX век. М. 1978.
20. См., напр., КЛИБАНОВ А. И. Классовое лицо современного сектантства. Л. 1930 и др.
21. КЛИБАНОВ А. И. Адвентисты. Л. 1931.
22. КЛИБАНОВ А. И. Меннониты. М.-Л. 1931; е г о ж е. Меннонитская колонизация на юге России в XVIII—XIX вв. Тезисы (кандидатской) диссертации. Л. 1935.

23. КЛИБАНОВ А. И. История религиозного сектантства в России. 60-е гг. XIX в.— 1917 г. М. 1965. См. также его статьи в «Науке и религии», 1957, № 3; 1960, № 10; 1961, № 4.
24. КЛИБАНОВ А. И. Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). М. 1969.
25. КЛИБАНОВ А. И. Научно-организационный и методический опыт конкретных исследований религиозности (По материалам центральных областей РСФСР).— Конкретные исследования современных религиозных верований (методика, организация, результаты). М. 1967.
26. КЛИБАНОВ А. И. О методологии изучения религиозного сознания.— ВНА. Вып. 11. Психология и религия. М. 1971; См. также: КЛИБАНОВ А. И., МИТРОХИН Л. Н. Религия как предмет науки.— Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1987. М. 1989.
27. КЛИБАНОВ А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М. 1973; его же. Из мира религиозного сектантства. Встречи. Беседы. Наблюдения. М. 1974.

История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945—1990 гг. М. Высшая школа. 1993. 447 с.

Создание современного учебника по истории стран Европы и Америки второй половины XX столетия сопряжено с немалыми трудностями, и в первую очередь — мировоззренческими, теоретико-методологическими, методическими. Неблагополучное положение с учебной литературой по истории в значительной мере обусловлено кризисом отечественного обществоведения. Не случайно предметом научных и общественно-политических дискуссий стали такие важные для вузовского преподавания темы, как возможности и пределы применения формационного и цивилизационного подходов к всемирной и отечественной истории, проблемы периодизации новой и новейшей истории, оценка вклада Запада и России в мировую цивилизацию, переосмысление роли революции и реформ, содержания, форм и условий социального прогресса на исходе II тыс. и многое другое. По-новому переосмысливаются причинно-следственные связи в новейшее время, а также соотношение экономики — политики — идеологии, внутренней и внешней политики, значение экологических, демографических, геополитических факторов, научно-технического прогресса.

Труд авторского коллектива кафедры новой и новейшей истории МГУ заслуживает особого внимания, позволяя нести предметный разговор о содержательной стороне, структуре и характере учебника по одному из сложнейших периодов всемирной истории, когда все более явственно проступают — через хаос событий, фактов, противоречивых процессов — черты новой, еще труднопрогнозируемой исторической эпохи с принципиально новыми возможностями и опасностями для всего человечества.

Учебное пособие несет на себе заметную печать условий, в которых оно создавалось и было подготовлено к печати,— последних лет перестройки, когда переживала бум концепция нового политического мышления, сохранялись еще иллюзии о возможности реформирования социализма

и конвергенции двух систем, бытовали оптимистические представления о преодолении «холодной войны» на путях разрядки и диалога СССР—США, Запада — Востока при активном и равноправном участии в этом диалоге стран Юга. Отсюда известная противоречивость рецензируемого издания: наличие в нем серьезного новаторского потенциала при сохранении, если не по существу, то во внешней форме изложения, отборе материала и его структурировании, использовании категориального аппарата не преодоленных к тому времени конфронтационных представлений — наследия реально существовавшей до конца 80-х — начала 90-х годов биполярности мира. Отсюда оценки роли высокоразвитых стран Запада и происходивших в Западной Европе и Америке процессов с позиций признания настоятельной необходимости преодоления ими капиталистической сущности, повышенный интерес к истории рабочего движения, критика буржуазной идеологии.

Несмотря на отмеченное выше обстоятельство авторам пособия, и в этом его ценность, удалось, как с помощью страноведческих разделов, так и занимающих значительное место проблемных и тематических глав (посвященных экономическим, политическим и идеологическим процессам, а также международным отношениям и рабочему и демократическому движению), очертить в существенных аспектах контуры и особенности западной цивилизации, отнюдь не деградирующей, как это вытекало из концепции общего кризиса капитализма, но и далеко не беспроблемной, как представляется это многим современным апологетам западного опыта. При определенной целостности она сохраняет национальную и региональную вариативность, способна к трансформации, пройдя после второй мировой войны несколько фаз в своем развитии, оказывает серьезное воздействие на мировую экономику, политику и идеологию и вместе с тем сама испытывает давление внешних факторов и «вызовов» со стороны окружающего ее мира.

Подвергнув критике господствовавшие долгое время представления об общем кризисе капитализма, как своего рода ключе к пониманию природы современной западной цивилизации, авторы справедливо обратили внимание на присущую ей высокую степень жизнеспособности и возможность приспособления «к новой ситуации в мире и к условиям, созданным современной научно-технической революцией» (с. 5). Можно согласиться — в основном — и с предложенной авторами периодизацией послевоенной истории — первым послевоенным десятилетием, когда с разной мерой конфликтности происходил переход от войны к миру, преодолевались последствия господства фашизма и «нового мирового порядка», но вместе с тем закладывались основы «холодной войны»; 50-60-ми, а затем 70-80-ми годами, отмеченными быстрыми успехами НТР, растущей глобализацией и интернационализацией мира, эволюцией стратегии правящих кругов и крупного капитала, изменением условий и форм участия трудящихся в решении различных общественных проблемам, сдвигами в сферах производства и потребления, ценностных установках, соотношении общества — государства и роли в них отдельной личности.

В пособии традиционно много места уделено освещению социально-экономической проблематики, в особенности проблем научно-технического прогресса. Красной нитью через все разделы проходит анализ НТР, ее черт и фаз развития, влияния на характер производства, труда, социальную структуру общества, потребление, коммуникационно-информационную сферу, на вооружения и международные отношения, на глобальные проблемы и способы их решения на исходе XX столетия.

Точные характеристики, широкий объем фактического материала, показ особенностей хода НТР в развитых странах Запада и на его периферии, в частности, в странах Латинской Америки, выявление причин провала планов научно-технического обновления бывших социалистических стран,— все это является удачей авторского коллектива.

Однако в случае переиздания пособия следует отказаться от излишней объективизации НТР как фатально развивающегося процесса. Сравнительный анализ процесса НТР в различных странах и регионах свидетельствует о том, что масштабы и результативность применения научно-технических новшеств зависят от многих слагаемых: уровня индустриализации страны и степени развития промышленности, сельского хозяйства и других сфер производства, наличия развитой экономической и социальной инфраструктуры, удельного веса квалифицированного, высококвалифицированного и наукоемкого труда, объема капиталов, вкладываемых в экономику, образование, профессиональную подготовку, экономической эффективности современных технологий, цивилизованного использования рыночных механизмов и не

в последнюю очередь — от целенаправленных усилий государственных институтов и собственников средств производства в интересах структурной перестройки и научно-технического прогресса, от использования гибких систем управления экономикой на макро- и микроуровнях и т. п. Рассчитывать на эффект самонастройки национальных экономик на технические и научные инновации, значит упускать столь дорогое время и оказываться в заведомо неблагоприятных условиях перед лицом острейшей конкуренции на внутренних и мировых рынках и усиливающегося межгосударственного соперничества.

Нуждаются в дальнейшем изучении характерные особенности «технотронной цивилизации», к формированию которой быстрыми темпами идут высокоразвитые западные страны, равно как опыт использования достижений НТР в ряде стран Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона, показавших любопытный пример симбиоза унаследованных от традиционалистской экономики форм организации производства и трудовой и предпринимательской этики с новейшими технологиями и системами управления.

Большое внимание и место в пособии уделено весьма злободневной для реформируемой России теме методов государственного регулирования экономикой и социальным функциям государства в условиях западной демократии и господства частной собственности и рыночных отношений. На примере отдельных стран и целых регионов, а также в проблемных и тематических главах убедительно показано чередование и сложное взаимодействие методов социал-демократического и либерально-«буржуазного» реформирования в духе кейнсианства и «неоконсервативного» или неолыберального курса, восторжествовавшего в конце 70-х — 80-х годах с присущим ему приматом рыночной экономики, свободной от опеки государства и тягостных функций социального патернализма, с акцентом на экономическую и политическую эффективность, свободу рынков труда, капиталов и товаров.

Подобный анализ потребовал от авторов пересмотра ряда стереотипов и догматов «марксистской» интерпретации капитализма и государственно-монополистического капитализма. Налицо содержательный анализ социальных амортизаторов и методов сопряжения интересов капитала и труда, частных, общественных и государственных потребностей, оценки социал-демократии и ее реформаторских потенций, возможностей и пределов западной послевоенной демократии. В пособии убедительно показаны сильные и слабые стороны кейнсианского и некейнсианского курса, возобладавшего, при имевших место исключениях, в западных странах в первые три послевоенные десятилетия и обусловившего подлинную революцию в сфере потребления, материального благосостояния, в функционировании различных социальных

институтов и механизмов на уровне производства, по месту жительства, в регионах и на государственном уровне.

Более спорными являются оценки и раскрытие природы, последствий и итогов «неоконсервативной волны», характеризуемой по преимуществу негативно. Между тем, для понимания распространения неolibеральной идеологии и практики по всему миру, особенно в постсоциалистических странах, следовало бы более четко показать причины неудачи концепции «социального государства» в 70-х годах, как ввиду неспособности экономики выдержать объем резко возросших из-за неблагоприятной экономической ситуации социальных расходов, так и бюрократических и паразитических тенденций, присущих западной (и не только ей!) модели такого государства.

Неоконсерватизм как форма идеологии и политики является крайне неоднородным феноменом. В нем совместились воззрения «новых правых», выступающих с откровенно консервативных, элитарных позиций, потребности менеджмента и работников высокоприбыльных отраслей производства и высокотехнологического интернационального капитала, а также антибюрократические настроения «новых левых» и «новых социальных движений», пробивающих себе дорогу после критических для Запада событий 1968—1969 и 1981—1983 гг., и реакция трудящихся на НТР и крушение «реального социализма».

Представляется спорным суждение о том, что «неоконсервативная волна» исчерпала себя уже в конце 80-х годов, равно как противопоставление практики реформизма и неоконсерватизма. Подобно тому, как «неоконсерватизм» отнюдь не демонтировал полностью социальные амортизаторы, созданные в 40-х — 70-х годах, более того, не может не принимать в расчет проблем занятости, здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, так и современные концепции социал-демократии и различных течений «социального либерализма» и консерватизма — светского и религиозного, не могут не учитывать позитивный опыт «неоконсерватизма» в борьбе за экономическую эффективность, структурную перестройку, подавление инфляции и снижение государственной задолженности. Изучение опыта и тенденций 90-х годов создает новую перспективу и предполагает иные прогностические ориентиры и суждения.

Осмысление важнейших социальных процессов в странах Европы и Америки через призму ГМК и не комментируемых должным образом понятий «капитализм», «буржуазия», «монополии», «классы» значительно сужает возможности анализа, адекватного многосгранной и противоречивой реальности «Запада» отражения многих аспектов жизни западного общества и масштабов происшедшей в нем во второй половине XX столетия трансформации. Наибольшим пробелом пособия является недостаточно полное раскрытие содер-

жания и механизмов демократии и ее эволюции после разгрома фашизма, под влиянием НТР, крушения колониализма и рабочего и демократического движения, внедрения новых систем информации и коммуникации. Нуждаются в освещении многообразные формы гражданского общества, практика правовой регламентации различных аспектов жизни человека и общества, а также межгосударственных отношений, трудный поиск новых форм децентрализации, федерализма, показ реального соотношения различных ветвей власти, президентских и парламентских форм правления, тема прав человека, соотношение прямой и представительной демократии, хозяйственной демократии.

В современных дискуссиях о правомерности сохранения в обществоведении понятия «капитализм», равно как противопоставления ему хотя бы в общественных проектах в качестве альтернативы «социализма», было бы правомерно обратить внимание на относительность категориальных понятий, особенно на переломных кризисных стадиях развития, на вариантность разновидностей капитализма и меры его укоренения в различных странах и органах, на противоречивость своеобразного синтеза в них типичных форм капиталистического инструментария капитала-труда, роли рынка, денег, прибыли, частной собственности, влияния политической и экономической элиты и т. п. с новыми, посткапиталистическими формами социализации, индивидуализации, сопряжения интересов индивида, общества, государства. Самостоятельной темой является изучение различных моделей «периферийного», «зависимого» капитализма, которым посвящено в пособии немало места, особенно при характеристике латиноамериканских стран.

Специального разговора заслуживают страноведческие разделы, посвященные США, Англии, Франции, Италии, Западной и Восточной Германии, а также Венгрии, Румынии, Албании, Кубе, латиноамериканским странам. При всей однотипности структуры изложения (социально-экономическая проблематика, политическая история, история рабочего и демократического движений) авторам удалось показать как общие, так и специфические проблемы, встававшие перед различными странами и регионами по окончании второй мировой войны.

К сожалению, из-за чрезмерного увлечения общесоциологическими вопросами и повторов упущена возможность освещения истории ряда стран, опыт которых особенно поучителен для посткоммунистической России. История послевоенной Испании дает возможность познакомить студентов с проблемами перехода этой страны от франкизма к демократии, от изоляционизма и интеграционным процессам, от искусственно консервировавшихся режимом Франко и церковью традиционалистских укладов и норм жизни к модернизму и постмодернизму. Не меньший интерес представляет опыт Ав-

стрии, Швеции, Швейцарии и других стран, которые, встав на путь нейтралитета, неучастия в военных блоках и социального консенсуса, сумели в короткие исторические сроки добиться серьезных успехов в росте благосостояния населения, развитии своеобразных форм прямой и представительной демократии, внедрении цивилизованных способов разрешения конфликтных ситуаций.

Немало вопросов порождает знакомство с материалами, посвященными рабочему и демократическому движению. Очевидно, что крах коммунистических режимов и их дискредитация в общественном сознании заставляют кардинально переосмысливать истоки, природу и судьбу такого сложного социального феномена как коммунизм и его причудливую параболу в XX столетии. Политическая злободневность этой темы и различные политические предпочтения самих историков затрудняют его объективный анализ и адекватную оценку роли коммунистического движения. Реальная трудность исследования этого сложного социального объекта в немалой степени определяется рецидивами не учитывающей трагических уроков истории апологии коммунизма и соблазном сугубо нигилистических оценок коммунистического движения, и с также весьма распространенным сведением всего сложного опыта общественного развития нашей страны после 1917 г. к тоталитаризму.

Между тем и опыт социалистических и постсоциалистических стран и деятельность коммунистических партий в ряде стран Западной Европы в послевоенный период заставляют вновь обращаться к осмыслению роли труда и трудящихся масс в обществе, к выявлению степени и характера их воздействия в качестве автономной, самостоятельной в мировоззренческом, политическом и социальном отношении силы на судьбы демократии, мира, формы и условия социального консенсуса и партнерства, способности их сдержать либо стимулировать возрождающиеся на различных витках развития варианты и формы правого и левого экстремизма, опасные социальные последствия беспрепятственного и безудержного следования логике капиталистического развития и интересов капитала в ущерб силам труда.

Западные исследователи посткоммунистической эпохи и современных переходных процессов в государствах на территории бывшего СССР и стран Восточной Европы все чаще констатируют, что западная цивилизация сумела гораздо более эффективно воспользоваться конвергентными формами экономики и политики, чем замкнувшийся в своем мнимом абсолютном превосходстве «революционный марксизм», что нельзя при выборе трансформационной стратегии в постсоциалистических странах не принимать во внимание тех реальных социальных изменений, которые происходили в них при социализме.

В равной мере было бы неправомерно игнори-

ровать роль рабочего класса и его организаций, особенно в индустриальную фазу развития, в становлении более развитых, по сравнению с XIX — первой половиной XX столетия, форм социальной демократии и включения в понятие прав человека требования обеспечить всем достойные условия жизни и труда. Вряд ли историки будущих поколений будут игнорировать опыт и уроки массовых социальных движений после окончания второй мировой войны, особенно в таких странах, как Италия, Франция, Испания и многих других. Вместе с тем нуждается в осмыслении комплекс причин, позволивших немалому количеству западных стран демонстрировать высокий уровень социальной стабильности.

Не менее важно освещение деятельности предпринимательских организаций и их идеологии, претерпевшей заметную эволюцию, анализ таких новых категорий труда как самостоятельные работники, особенностей современного мелкого бизнеса и предпринимательства в рыночной экономике, их роли в условиях НТР.

Заслуживают дальнейшего развития правомерно получившие освещение в пособии темы глобализации и интернационализации современного мира, конкретный анализ интеграционных процессов в различных регионах, в том числе в Западной Европе, в Северной и Южной Америке и др. Достоинством пособия является широкое освещение сдвигов в мировой экономике и политике, эволюции межгосударственных институтов, судеб «холодной войны» и сопряженных с ней конфликтов и путей их разрешения. Это позволило авторам показать эволюцию западной цивилизации в ее трудных взаимоотношениях с той частью мира, которая пыталась найти некапиталистические пути решения общественных проблем, а также с бывшими колониями и полуколониями в лице «третьего мира». Такой подход позволяет избежать крайностей как европоцентризма или американизма, так и пресловутой темы самобытности России или оживших фундаменталистских (мусульманских и православных) концепций.

Думается, явно мало места в пособии отведено судьбам Европы на новом историческом этапе.

Нуждается в серьезном улучшении и методическая сторона изложения. Пособие явно перегружено социологическими схемами, историческими фактами и многочисленными темами. Это затрудняет усвоение главных событий. Сказывается и отсутствие ярких исторических портретов (определенным исключением является де Голль). До сих пор в вузовских учебниках не практикуются различные формы учебных заданий по отдельным темам и разделам, нацеливающие на более осмысленное их усвоение.

З. П. ЯХИМОВИЧ

Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени.

Всероссийская Ассоциация медиевистов и историков раннего нового времени была создана в мае 1992 года. В нее вошли вузовские преподаватели, работники научных центров, музеев, архивов и библиотек разных регионов Российской Федерации, а также Украины, Казахстана, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Киргизии, озабоченные усилением разобщенности ученых и бедственным состоянием издательского дела. Ассоциация, которая главную свою задачу видит в стимулировании фундаментальных исследований, поддержке историков, развитии связей с мировой наукой, оформилась как сообщество ученых, принадлежащих к разным школам и направлениям, объединенных на творческой основе. Новая организация стремится преодолеть во многом искусственный барьер, каким изображается в ряде сочинений век XVII.

К ее работе активно привлекаются филологи, философы, искусствоведы, правоведы и экономисты, специалисты по российской истории. В настоящее время Ассоциация насчитывает около 200 членов. Президентом избран проф. С. П. Карпов, вице-президентом — проф. А. А. Сванидзе, ученым секретарем — доцент О. В. Дмитриева. В рамках Ассоциации созданы научные группы по теме «Власть и общество» (под руководством Н. А. Хачатурян) и по проблемам культуры Возрождения (руководимая Л. М. Брагиной). Ассоциация ведет систематическую научно-организационную работу, проводит круглые столы, конференции, научные встречи.

Особое значение имеет издание с 1992 г. собственного бюллетеня. В нем содержится оперативная информация о деятельности различных центров и ученых, рецензии и аннотации, библиография, сообщения об исследовательских проектах, защищенных и готовящихся диссертациях и дипломных работах. Всего вышло четыре выпуска бюллетеня (№№ 1, 2, 3—4, 5)

Первый выпуск бюллетеня почти целиком посвящен материалам, связанным с учреждением Ассоциации. В докладе Карпова изложена ее программа и принципы организации.

Во втором номере опубликованы материалы круглого стола «Проблемы периодизации истории средних веков и раннего нового времени», в ходе которого были рассмотрены методологические, политико-экономические, историко-культурные аспекты этой темы. Было подчеркнуто значение научной периодизации исторического процесса, как од-

ной из наиболее важных форм его обобщения и осмысления, применительно к «преподаванию, созданию учебных пособий и сводных трудов общего характера».

В отношении критериев периодизации высказывались предостережения против абсолютизации культурологических феноменов и предложения о том, чтобы заново оценить значимость разных критериев.

Поднимался вопрос о том, что современная периодизация истории страдает европоцентризмом. Высказывалась мысль, что «слишком универсальные периодизации мало продуктивны», а также и что при опоре на традиции европейской культуры и при «евразийском векторе исторического развития» европоцентризма бояться не следует (№ 2, с. 14—15). Подчеркивалась важность более глубокого изучения переходного к новому времени периода, как самоценного и уникального.

В результате дискуссии возобладало мнение, что предпочтительнее всего было бы проводить границу между средними веками и ранним новым временем по рубежу XV—XVI веков. Также все были согласны с тем, чтобы три века — XV, XVI, XVII — были объединены в единый период раннего нового времени. Участники круглого стола ориентировались, однако, на плюрализм мнений при выборе рамок и критериев периодизации.

Сдвоенный выпуск (3—4) бюллетеня к традиционным рубрикам добавил обзор А. Г. Емельянова о медиевистике в Тюменском университете и информацию И. В. Белинского и И. В. Волкова о раскопках у стен венецианской Таны. Полезен и содержательный указатель литературы по истории средних веков и истории раннего нового времени, изданной в странах СНГ в 1992 году.

В пятом выпуске опубликована информация М. М. Фрейденберга о «Mediterranean Historical Review», издаваемом в Тель-Авиве, обзор исследований по истории средневековой педагогики в Российской академии образования; а также материал об археологических исследованиях средневековой Каффы. Большое место отведено в выпуске научным чтениям памяти Е. В. Гутновой.

«Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени» уже обрел свое место в российской исторической периодике, как компетентный источник информации о научной жизни.

И. И. ВАРЬЯШ

Р. САКВА *Российская политика и общество*.

Монография Ричарда Саквы, профессора Кентского университета в г. Кентербери (Великобритания), является на сегодня наиболее широким и детальным исследованием перемен, происшедших в нашей стране после 1985 года. Будучи одновременно политологом и историком, автор удачно сочетает проблемный и хронологический подходы. Он рассматривает основные сферы российской общественной жизни в развитии. Отдельные главы посвящены государственности, местному управлению, многопартийности, демократизации, национальным отношениям, внешней политике и другим вопросам. Все они в совокупности призваны дать ответ на вопросы о характере и масштабах трансформации того общества, которое именовалось советским.

Как и большинство современных наблюдателей в России и за ее пределами, Саква не решает-ся сколько-нибудь выверенно определить парадигму ее нынешнего развития. Как и многие его коллеги, он не находит в существующем теоретическом арсенале общественных наук той единственно верной модели общественной трансформации, под которую бы точно подпадала Россия. Пожалуй, ключевым понятием, призванным, по мысли автора, характеризовать сущность этого процесса перемен, является понятие либеральной модернизации, включающее в себя либерально-рыночные реформы в экономике, соответствующие им преобразования социальной структуры, становление новых взаимоотношений между государством и индивидом, законодательной и исполнительной властью, федеральным и местным уровнями власти. Впрочем автор не абсолютизирует ценность концепции модернизации и готов применить ее к изучению России лишь при условии исходного понимания, что существуют различные ее разновидности, определяемые национально-историческими особенностями той или иной страны. И в этом он конечно прав.

Вместе с тем ряд выводов сформулированы им с твердой уверенностью. Один из них относится к оценке попыток реформировать Россию с позиций скорректированного государственного социализма, предпринятых М. С. Горбачевым и его командой. «Горбачев верил в то, что старая система еще жизнеспособна, что ее мощный мотор требует лишь более тонкой настройки. Несмотря на революционную фразеологию его программа была в сущности реформистской. Трагичность его судьбы в том, что он явился разрушителем, а не созидателем. Чем больше он возился со старой системой, тем глубже становился кризис. Его усилия реформировать коммунизм только усугубили то кризисное состояние, в котором уже находилась система, и осложнили проблемы наследования, вста-

вшие перед посткоммунистическими правительствами» (с. 2—3).

Здесь возникают по крайней мере два существеннейших методологических вопроса, касающиеся судеб всех государств и обществ, которые оказались не «обновленными» и «улучшенными» в ходе радикальных реформ, а сметенными либо самими этими реформами, либо их более отдаленными последствиями: 1) где та грань самокоррекции, перейдя которую одна система уступает место другой? 2) является ли такая смена системы запрограммированной в силу ее неисправимой внутренней порочности, или ее переход из фазы реформ в фазу разрушения обуславливается неблагоприятным стечением обстоятельств? Уместность этих вопросов подчеркивается и самой историей «перестройки» в СССР, и ее интерпретациями в отечественной и зарубежной литературе на протяжении 1985—1991 годов. Если одни наблюдатели (Зб. Бжезинский, Х.-Ф. Ревель, А. С. Ципко, Ю. Н. Афанасьев) уже вскоре после начала «перестройки» заявили о невозможности рыночно-демократического обновления тоталитарной системы, то другие (С. Коэн, М. Левин, А. П. Бутенко, Г. А. Лисичкин) допускали возможность исправления и оживления деформированного социалистического строя в соответствии с постулатами «истинного» марксизма.

Трудно, однако, было отделаться от впечатления, что сторонники обеих альтернатив руководствовались преимущественно своими политическими пристрастиями. Во всяком случае в их работах отсутствовал анализ причинно-следственных связей событий конца 80-х — начала 90-х годов в СССР и Восточной Европе через призму столкновения системных альтернатив. Поэтому многие ученые не спешили с окончательными выводами и допускали различные варианты дальнейшего развития этих событий в зависимости от хода экономических реформ и борьбы политических сил. В своей предыдущей книге «Советская политика» (1989 г.) Саква предостерегал коллег против поверхностных прогнозов будущего развития советской системы, вступившей в стадию глубоких преобразований.

Сейчас можно с немалой долей уверенности констатировать правоту политологов, придерживавшихся традиционной правой ориентации, относительно коллапса той общественной модели, которая десятилетиями пестовалась в СССР и экспортировалась в союзные ему страны. Как бы ее ни называть (тоталитаризм или авторитаризм левого образца, парткратический режим, государственный социализм, казарменный коммунизм), в том виде, в котором она функционировала и с теми пространственными параметрами, внутри которых

она действовала, воссоздать ее уже невозможно. В то же время политологи традиционной левой ориентации по-прежнему в состоянии настаивать, что «подлинному», недеформированному социализму, основанному на реализации наиболее гуманистических идей XIX в., история все же еще не вынесла окончательного приговора и когда-нибудь в будущем он сможет состояться. Иными словами, в строго научном смысле проблема выбора пути общественного развития не может считаться полностью решенной в иных временных категориях, чем категории настоящего времени.

Это отнюдь не делает утопии более доказательными, но свидетельствует об относительности так наз. исторических истин и уроков. Да, копии прежнего всевластья КПСС как симбиотической партийно-государственной структуры в России уже не будет, но борьба автократического и демократического, централизованного и местнического, федеративного и унитарного, великодержавного и мультиэтнического начал в России и сопредельных государствах не завершена — скорее, она выступает как доминанта на протяжении всей истории России, еще со времен Киевской и Новгородской Руси.

Автор — один из тех исследователей, которые осознают релятивизм любой схематизации общественного развития. Именно этот релятивизм вкупе с пониманием конкретно-исторических дилемм России, ясностью событийной канвы и обоснованностью многих наблюдений частного, текущего характера придает его книге ценность, будоражит читательскую мысль.

Может быть, наиболее очевидно условность всех попыток политиков добиться жесткой заданности развития страны, как и условность всех теоретических рассуждений, призванных подкрепить эту заданность, видна на примере мучительного процесса демократизации России. Саква верно определяет растущий авторитаризм в «послепутчевой» России как реакцию правящей элиты на ослабление вертикали государственного управления в условиях недостаточности собственной социальной базы. Действительно, нарождающееся демократическое государство должно быть сильным, чтобы противостоять тенденциям анархии и распада, и в этом смысле авторитарная демократия (или демократический авторитаризм) рационально оправдана. Однако, как при этом не потерять доверие интеллигенции, мыслящей «чистыми» демократическими категориями, еще слабого слоя предпринимателей и иностранного капитала, требующих экономической свободы? «Слишком много авторитаризма — и это доверие будет утрачено; слишком много демократии — и старые структуры удержат свои позиции» (с. 35). Демократизация таким образом становится попыткой пройти из прошлого в будущее по лезвию бритвы, особенно в условиях, когда перед любыми носителями власти в России неумолимо встает еще одна сложней-

шая проблема — сохранение единого государства, предполагающее сложное взаимоотношение и взаимодействие принципов демократии и национализма.

Три года существования самостоятельной и независимой Российской Федерации и СНГ ясно показали национально-этническую и местническую ограниченность демократических политиков в новых государствах. Как отмечает автор, в большинстве посткоммунистических стран националистический импульс возник раньше демократического, но в России возрождение национализма стало возможным в результате демократической революции. Отсюда переход значительной части российских демократов, особенно занявших управленческие посты, с отчетливо антиимперских позиций на позиции реставраторов сильной централизованной власти, препятствующей этнорегионалистским и сепаратистским тенденциям. Нельзя не согласиться с автором в том, что термин «русский национализм» сам по себе неточен, если не указать, что за ним скрывается различие подходов к проблемам государственно-федеративного устройства, роли этносов и национальных культур (с. 131). Саква насчитывает четыре таких подхода, акцентирующих соответственно необходимость восстановления многонациональной империи, этнического единения русских, их культурного лидерства, строительства национального государства в России.

Можно сожалеть, что авторский анализ роста этнонационализма в Российской Федерации и других государствах постсоветского пространства оказался разведенным по разным, значительно удаленным друг от друга и мало связанным внутренней логикой главам (третьей и девятой). Комплексный анализ существенно отличающихся причин возникновения и природы русского и нерусского (титульных) национализмов в Российской Федерации и СНГ помог бы читателю, особенно мало знакомому с историей нашей страны, понять, почему Россия отвергла национально-этнический принцип государственного строительства демократического государства (о чем в книге говорится мельком на с. 385).

Проблема оптимального соотношения между необходимым объемом демократии и допустимой степенью авторитаризма — общая для всех стран, вышедших из лоно Советского Союза. Однако она не имеет общего решения в силу резких различий уровней экономического развития и культурно-политических традиций народов этих стран. Эти различия нивелировать невозможно, но парадоксальным образом их негативное влияние на жизненно важные процессы взаимодействия и сотрудничества в «евроазиатском пространстве» легче амортизируется средствами авторитарной власти, чем демократической. В текущей переходной стадии формирование новых политических элит во многом направляет

развитие государств СНГ и их отношения с Россией. Как политолог, Саква постоянно фокусирует на этом внимание.

Однако являются ли цели и стратегии политических элит определяющими для судеб нового евроазиатского сообщества, каковым предстает СНГ? Автор прав в том, что эти стратегии способствуют столкновению интересов и образованию трещин внутри СНГ, но вряд ли с ним можно согласиться в том, что при этом глубинные, базовые факторы, прежде всего экономические и культурные, отходят на задний план (с. 335). Интеграционные импульсы, отчетливо проявившиеся в 1994 г., т. е. после выхода книги в свет, особенно сильно идут не из России в соседние государства (что соответствовало бы опасениям многих западных политиков и аналитиков в отношении ее неоимперских амбиций), а из этих стран в Россию — и тем сильнее, чем в большей степени то или иное государство заинтересовано в развитии экономических связей с нею. Видимо, именно экономические интересы будут служить доминантой интеграционных процессов в СНГ в ближайшем будущем; в то же время контрасты традиционных культур и сейчас, и на обозримое будущее останутся потенциалом латентных и зримых конфликтов.

Тем российским обществоведам, которые ищут аналоги и рецепты развития России либо в развитых капиталистических странах, либо в современном Китае, будет полезно ознакомиться с доводами Саквы в пользу того, что наиболее близко сегодняшние российские реалии напоминают латиноамериканский вариант (или варианты) модернизации. Об этом, по мнению автора, свидетельствуют нестабильность политической системы; наличие массы государственных предприятий, многие из которых остаются монополистами в своих отраслях; возникновение псевдокапиталистической элиты; отсутствие крепкого среднего класса. Отличает же Россию от Латинской Америки неразвитость олигархий и олигархической собственности, менее активная роль военных в обществе, незаметное место иностранного капитала в экономике и политике (с. 401—404).

В то же время от Запада Россию, как точно

подмечается в том же разделе книги, отличает обратный порядок возникновения либерализма и демократии. В Западной Европе становление институтов частной собственности и экономической свободы предшествовало формированию демократических политических институтов; в России же именно демократизация открыла шлюзы либерально-рыночным отношениям. Можно было бы добавить, что это не единственный случай временной инверсии такого рода: закрепощение и раскрепощение крестьян, усиление и ослабление абсолютизма, развитие государственного и частного капитализма шли в России и на Западе не только в разное время, но и как разнонаправленные процессы.

Все содержание монографии свидетельствует, что Саква не питает иллюзий относительно быстрой и уверенной победы «либеральной революции» в России. Либеральная идеология, подчеркивает он, оказалась неспособной предотвратить рост социальной и политической апатии населения, экономический кризис и конфликты на этнонациональной почве. Наиболее существенным итогом первых лет реформ в России автор считает «восстановление автономии политики», иными словами, смену тоталитарного монизма открытым и соревновательным политическим процессом. Однако этого мало для уверенных футурологических выводов. «Характер нового порядка пока не вырисовывается» (с. 407).

Релятивизм исторической прогностики Саквы, его осторожность — не изъян, а скорее достоинство книги. Это авторское кредо проявляется не только в изучении России. Концовка монографии гласит: «Огромное достижение первого посткоммунистического руководства России заключалось в закладке фундамента нового политического строя, исходя из понимания, что Россия может влиться в мировую цивилизацию, только перестроив собственную. Но как быть, если мировой цивилизации не существует?» (с. 415). Эти сентенции дают обильную пищу для дальнейших размышлений.

Ю. И. ИГРИЦКИЙ

А. Ю. САЛОМАТИН, А. Н. АНДРЕЕВ. *Очерки истории и теории предпринимательской деятельности (экономическая история в цифрах и лицах)*. Пенза. Пензенская школа менеджеров. 1992. 129 с.

Доцент Пензенского пединститута А. Ю. Саломатин¹ и доцент Регионального центра высшей школы (Пенза) А. Н. Андреев написали свою книгу для студентов, изучающих историю экономики. Книга любопытна тем, что посвящена сюжету, слабо затронутому в нашей историографии. В СССР публиковались исследования и пособия

по экономической истории, по истории фабрик и заводов, но не по истории бизнеса, поскольку эта тема считалась как бы неприличной. За последние 30 лет дело ограничилось несколькими яркими работами В. С. Зорина. Между тем глупо лишать экономику всякой персонификации, подменяя живой труд ее ведущих организаторов рассказами

только об инженерах и рабочих или сплошной статистикой и перечнем строек, игнорируя индивидуальный вклад конкретных лидеров производства, торговли и финансов только по той причине, что они были буржуа.

Авторы описывают главные этапы развития западного и российского предпринимательства, начиная с позднего средневековья и доводя изложение до третьей четверти XX века. В центре повествования находятся те личности или компании, которые играли в осуществлявшихся мероприятиях руководящую роль: суперинтендант финансов Ж. Кольбер, Вест-Индская компания, купцы Т. и Дж. Хэнкок, Английский банк, банкирское семейство Ротшильдов, промышленники А. Крупп и Б. Г. Штроусберг, фирмы «Эдисон» и «Сименс», пароходчик К. Вандербильт, сахарозаводчики Г. и Т. Хевмейер, нефтяной магнат Дж. Рокфеллер, банкир Дж. П. Морган, семья фабрикантов Морозовых, министр финансов С. Ю. Витте, землевладельцы Турн-и-Таксис, железнодорожный «король» С. С. Поляков, финансисты Рябушинские, семейство издателей Херст, амери-

канский Стальной трест, автомобильный магнат Г. Форд, компания «Дженерал моторс», «Кока-кола» и «ИБМ», фирма «Линг электроникс», менеджер Л. Якокка, строитель Д. Трамп, клан Дюлонов, японские дзайбачу, масса других лиц и предпринимательских объединений.

Отдельно охарактеризованы сегодняшние успехи международного менеджмента и маркетинга. В книге содержатся полезные схемы, таблицы и цифровые данные, а изложение носит научно-популярный характер.

Я. И. МАНЕЕВ

Примечания

1. Его перу принадлежат также работы: Эндрю Карнеги — его жизнь и время. Пенза. 1993; Бизнесмены «позолоченного века». Пенза. 1993; Консервативная эра? (Америка накануне великих реформ). М.— Пенза. 1994.

M. WALDENBERG. *Kwestię narodowe w Europie Środkowo — Wschodniej*. PWN. Warszawa. 1992. 419 с.

M. ВАЛЬДЕНБЕРГ. *Национальные вопросы в Центральной и Восточной Европе*.

Проблема национальных конфликтов близка автору рецензируемой книги не только в научном, но и в личном плане. Он родился и вырос на Волыни, пережил ужас гитлеровской оккупации, но и был свидетелем добрососедских отношений между проживавшими там украинцами, евреями, поляками, русскими, немцами, чехами.

Вальденберг поставил перед собой задачу показать «динамику национального вопроса в Центральной и Восточной части Европы», дать сравнительное описание положения, национальных стремлений и движений отдельных народов и одновременно рассмотреть концепции решения национального вопроса, выработанные в рамках социалистического движения накануне и в период первой мировой войны. По мнению автора, только социалисты подошли к целостному теоретическому анализу и решению национального вопроса. Выделившееся в 1914—1918 гг. коммунистическое движение определило на долгие годы национальную политику в большевистском государстве и, позже — в странах народной демократии. В свой сравнительный анализ автор включил материал о распаде Российской империи, становлении национальных государств на ее территории после первой мировой войны, политике большевиков в национальном вопросе до создания Советского Союза и национальной политике в СССР вплоть до его распада.

В классической форме, утверждает автор,

национальный вопрос выступает в многонациональном государстве, где национальное меньшинство, подвергаясь дискриминации со стороны государства или другого национального меньшинства, стремится к изменению своего статуса или к отделению. Таким образом, господствующую в многонациональном государстве нацию автор отождествляет с самим государством. Что же касается определений понятия «нация», то, как справедливо замечает автор, из множества существующих, ни одно не является общепризнанным, служа либо определенным политическим целям, либо утверждению качеств, выгодных данному народу.

Автор предлагает использовать модель идеального народа, в основу которой, по его мнению, следует положить анализ классических европейских общностей, обладающих всеми чертами нации. Такую идеальную модель, по мнению автора, характеризуют следующие признаки: наличие общего языка, территории, культурного наследия, «символики» культуры, набора «чувств и мыслей». Необходимыми являются убеждение в общности этнического происхождения и чувство межклассовой общности, осознание себя единой нацией, традиции национальной государственности. Таким образом, в данном определении главное — это внутренняя убежденность в существовании национальной общности и «эмоциональная связь» с ней. Межнациональные конфликты возникают, по мне-

нию автора, из-за недооценки или игнорирования национальной самоидентификации.

Понятие «сила национальной связи» (с. 14—15) одно из самых существенных в тех определениях нации, которые используются в польской историографии. М. Хандельсман, например, назвал «коллективное осознание чувства общности» нации сутью национальной связи и ввел для его обозначения термин «народность», как субъективный эквивалент нации¹. Определение, предложенное Вальденбергом, соответствует сформулированному Хандельсманом, более сжато и компактно, с той лишь разницей, что тот не считал традиции государственности обязательным условием в развитии нации.

Особый интерес представляют и размышления автора о национализме. В настоящее время этот термин весьма многозначен, он может включать в себя и процесс формирования нации, и национальное движение, и определенное состояние национального самосознания, и идею национального государства, и стремление к его реализации и т. п. Автор предлагает свою модель национализма. Каждый народ, руководствуясь национальным эгоизмом и собственными интересами, отстаивает их в борьбе, основываясь на своей силе. Стремление к захвату чужих территорий является поэтому вполне естественным явлением, в силу комплекса своего превосходства и пренебрежения к другим. И, наконец, с национализмом связано формирование и муссирование образа «врага» («врагов») нации, что тесно связано с тезисом о социальном солидаризме. Существенным компонентом национализма автор называет антисемитизм, а в качестве синонимов национализма предлагает «шовинизм» и «ксенофобию». Национализму автор противопоставляет патриотизм, как универсальную идеологию, предполагающую уважение к своему народу, чувство связи с ним, заботу о его благе, жертвенность во имя его (с. 20—22).

Вальденберг сравнивает национальные движения народов Австро-Венгрии и европейской части Российской империи. 1848 год он именует «весной народов» Австрийской империи, когда национальные движения из культурных уже преобразовывались в политические. Для народов Российской империи «весной народов», по его мнению, стала революция 1905 года. Если австрийская модель многонационального государства предполагала (здесь автор присоединяется к мнению Ю. Хлебовчика) наибольшее в Европе уважение своеобразия и прав языково-этнических групп и народов, то в Российской империи даже после революции 1905 г. в основе национальной политики лежала русификация. В Австро-Венгрии уже в 1867 г. законодательство предусматривало широкий спектр прав и свобод, благоприятствующих развитию народов, в Российской же империи абсолютная монархия — тюрьма народов — просуществовала до 1905 года (с. 100).

Важным, с точки зрения автора, было и то, что в империи Габсбургов не было господствующей нации, поскольку австрийцы еще не оформились в нацию, будучи «немецкоязычным населением» (с. 33), а славянские народы составляли 60% ее жителей. В России же, где по переписи 1897 г. русских по языковой принадлежности насчитывалось 43,4% населения, государственная политика преследовала цель унификации всех областей жизни и формирования российского национального самосознания, денационализации национальных меньшинств.

Автор обращает внимание на недостаточную разработанность вопроса о национальной политике царизма как в российской, так и мировой историографии. Открытыми или слабо изученными остаются вопросы о русском национализме, его источниках и масштабах, о причинах отсутствия национальной мелкой и крупной буржуазии у украинцев, литовцев, белорусов, роли крестьянства в национальном движении. Недостаточно изучена важная проблема национальных конфликтов на почве противоречий меньшинств с государственной властью и господствующей нацией, как и между самими национальными меньшинствами (с. 156).

Сравнительный анализ национальных движений в двух империях до первой мировой войны приводит автора к следующим выводам. Ни в Австро-Венгрии, ни в России не было сепаратистских движений, национальные требования оставались скорее умеренными, а не радикальными (исключение составляют, пожалуй, хорваты Венгрии, требовавшие государственной независимости); в большинстве случаев выдвигалось требование автономии в рамках империи.

Поскольку масштабы национального движения можно оценивать по численности, активности, степени влияния партий, то, как полагает Вальденберг, применительно к России, где имелась ограниченная возможность легальной политической деятельности, для оценки национальных движений следует учитывать и деятельность экономических, культурных, кооперативных организаций. Следующий важный параметр — степень участия в этих движениях крестьянства. Важна также оценка деятельности интеллигенции и неоднозначной роли духовенства. Наиболее развитые в экономическом смысле народы были заинтересованы в сотрудничестве с господствующей нацией, поскольку это гарантировало им экономический рост.

Переходя к концепциям решения национального вопроса в социалистическом движении с середины XIX в. до 20-х годов XX в., автор обращает внимание на то, что К. Маркс и Ф. Энгельс касались проблем развития нации и национальных движений лишь постольку, поскольку они имели отношение к социализму и рабочему движению. Автор подчеркивает, что национальный вопрос долго недооценивался в социалистическом движении региона. Крупнейший вклад в разработку теории это-

го вопроса и программ его решения внесли К. Каутский, К. Реннер, О. Бауэр, которые были убеждены в необходимости сохранения крупного многонационального государства, как отвечающего интересам экономического развития всех слоев его населения.

Каутский, пишет Вальденберг, еще в 1907 г. определял нацию как один из важнейших факторов социального развития. Нация включает в себя, по его определению, вытекающие из общности исторического развития, общность культуры, характера, языка, территории, письменности, литературы. В период первой мировой войны Каутский развил мысль о национальном государстве как необходимом условии демократического развития при капитализме. Однако после Февральской революции в России, подчеркивал он, распад большого демократического государства на несколько мелких приводит к ослаблению демократии.

Несколько раньше он высказал также идею о Соединенных Штатах Европы.

Если Каутский развивал мысль об объединении народов Австрийской империи в единое государство по территориальному принципу, то Реннеру принадлежит идея культурной автономии, при которой каждый человек волен выбирать национальную принадлежность. Как показано в книге, под нацией Реннер понимал духовную и культурную общность, обладающую достойной внимания литературой и общим языком. Его проект решения национальной проблемы в Австро-Венгрии предполагал создание корпорации народов и народностей во главе с народным парламентом при сохранении многонационального государства. Тенденцию к созданию национального государства в интересах буржуазии Реннер считал важнейшей чертой XIX века. Интересы же пролетариата, будущей социалистической экономики требуют, утверждал Реннер, создания «государства государств».

Далее Вальденберг анализирует взгляды Бауэра. Ученик Реннера Бауэр «членом нации» считал лишь тех, кто участвует в общей культуре или имеет доступ к ней, а распространенной в социал-демократии точки зрения об исчезновении наций при социализме противопоставил мнение о том, что нации приобретут еще более самостоятельный характер. Бауэр оправдывал ассимиляцию национальных меньшинств, например, евреев, но одновременно поддерживал такие учреждения, которые способствуют сохранению национального языка.

В разработке национального вопроса В. И. Ленин автор выделил три этапа: 1903 г. — программа РСДРП; 1913—1914 гг.; период мировой войны. Ленин, по мнению автора, теоретическими аспектами этой проблемы не занимался, признавая в теории нации точку зрения Бауэра и Каутского. Нация не была для него самодовлеющей ценностью, а национальный вопрос он рассматривал лишь как подчиненный интересам классовой борь-

бы. В ходе разработки программы РСДРП Ленин признавал право наций на самоопределение, не имея, однако, в виду распад России. В 1913—1914 гг. национальный вопрос рассматривался Лениным в аспекте интернационального воспитания пролетариата. Признавая право наций на самоопределение, он подчеркивал специфику России и Восточной Европы, где еще не завершился процесс буржуазно-демократических преобразований, требующий сохранения крупного государства в интересах экономического развития. Вальденберг напоминает, что Ленин отрицательно относился к идее федерации, но признавал необходимость территориального самоуправления. Только победа социализма может, по мнению Ленина, положить конец национальным конфликтам. В полемике с Р. Люксембург Ленин пришел к мысли, что создание национального государства не только возможно, но и полезно для пролетариата. В годы первой мировой войны российские социал-демократы, пишет автор, выдвинули идею поражения отечества, что должно было ускорить мировую революцию, победа которой привела бы, по их мнению, к демократическому объединению народов.

Рассматривая взгляды И. В. Сталина, Вальденберг считает, что он исходил из тезиса — национальные интересы важны лишь постольку, поскольку могут продвинуть вперед классовое самосознание пролетариата. Его определение нации является компиляцией того, что предложили Каутский и Бауэр. Сталин исключил из определения Каутского чувство национальной связи и национального самосознания, он ввел в число признаков нации общность экономической жизни, что по такому определению не позволяло некоторым народам (например, евреям) считать себя нацией. Сталин ввел категорию «народность», однако не раскрыл ее содержание. Он был сторонником ассимиляции; признавал территориальную автономию, хотя и декларировал право наций на самоопределение.

В книге рассматриваются история формирования национальных независимых государств на территории Австро-Венгрии и России. Российская империя, подчеркивает автор, в отличие от империи Габсбургов, не распалась и после Октябрьской революции; СССР был ее продолжением (с. 284). Право наций на самоопределение приобрело значение пропагандистского лозунга. X съезд РКП(б) рассматривал проект Сталина о вхождении республик в РСФСР на правах автономии. И хотя ленинская точка зрения о федеративном устройстве советского государства была положена в основу решений съезда, на практике осуществлялась сталинская линия. Национальная концепция большевиков, по мнению Вальденберга, предполагала устранение существенных национальных различий, сближение наций, что на практике в регионах, где процесс национального развития был слабым или только начинался, вело к неизбежной, и даже

целенаправленной русификации. С 1934 г. в советской пропаганде появляется термин «советский патриотизм», а позднее — «советский народ».

После второй мировой войны и присоединения новых территорий СССР приобрел еще более многонациональный характер. Развернулась борьба «вождя народов» с так наз. буржуазным национализмом. После смерти Сталина суть национальной политики в СССР, несмотря на критику ее на XX съезде КПСС, не изменилась. На XXII съезде партии вновь подчеркивалось положение о двух тенденциях в национальном вопросе при социализме: быстрое и всестороннее развитие наций и их сближение. Л. И. Брежнев объявил о создании новой исторической общности людей — «советский народ» и решении национального вопроса. Автор справедливо замечает, что вопрос о развитии и формах сепаратистских тенденций в национальных регионах распавшегося СССР, практически не исследован.

Освещение состояния национального вопроса в регионе в послевоенный и современный периоды автор ограничил анализом причин современного

национального конфликта в Югославии. Главной причиной распада двух федеративных государств — СССР и Югославии он считает банкротство социализма как строя и идеологии. Справедливо и замечание о том, что Югославия была объединением народов различных по численности, культуре, экономическому и культурному развитию (добавим — и по вероисповеданию). Вавилоном, подобным Югославии, но еще более гигантских размеров, являлся, как нам представляется, и Советский Союз. И распад его был неизбежен прежде всего потому, что система тоталитарного государства не может обеспечить нормальных условий развития тех наций, которые уже пришли к необходимости создания собственных независимых государств или уже имели их в межвоенный период.

Т. М. СИМОНОВА

Примечания

1. HANDELSMAN M. *Historyka*. Warszawa. 1928, s. 3.

Новая история средневековой Франции. Т. 1. С. ЛЕБЕК Происхождение франков: V — IX века. 348 с.; Т. 2. Л. ТЕЙС Наследие Каролингов: IX — X века. 272 с. М. Скарabei. 1993.

Медиевисты моего поколения не очень-то избалованы своевременным изданием переводов книг своих зарубежных коллег. Лишь совсем недавно появились работы выдающихся основоположников школы «Анналов». Но труды П. Февра («Бои за историю») вышли на русском языке спустя полстолетия (в 1991 г.), а книга Ж. Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада», изданная в Париже в 1977 г., выпущена издательством «Прогресс» с авторским предисловием к русскому читателю спустя 15 лет. Теперь наши любители средневековой истории всего через три года имеют возможность познакомиться с первыми двумя томами новейшей серии монографий «Новая история средневековой Франции», которые вышли в Париже в 1990 году.

Их авторы мало известны в нашей стране: первый том написан доцентом Университета города Лилля Стефаном Лебеком, автор второго тома — Лоран Тейс преподает в Сорбонне. Его перу принадлежат книги: «Дагоберт — народный король» (1982 г.), «Пришествие Гуго Капета» (1984 г.).

Два тома, вместе взятые, охватывают период в пять столетий западноевропейской истории — с V по X век. Королевство франков занимает в мировой истории особое место — это не только история собственно Франции, но колыбель всей западноевропейской цивилизации, католической христианской традиции. Долгое время Италия, Германия и Франция находились под одним скипетром. Авторы прослеживают, как Франкия постепенно превра-

щается во Францию, характеризуют своеобразие собственно франкской монархии, показывают ее преемственную связь с античной культурой и древнегерманским общественным устройством.

Как известно, памятники Западной Европы эпохи раннего средневековья отнюдь не отличаются обилием, многообразием и богатством информации. Свидетельства, оставшиеся от той эпохи, как правило, лапидарны и однотипны. Как верно заметил Тейс в своем предисловии, «у нас, французов Карнак, Акрополь, Помпеи IX—X веков свелись всего-навсего к каким-то кускам какой-нибудь стены, склепам и ямкам от столбов. Одна могила Тутанхамона, без сомнения, хранила больше ценных предметов, нежели всё, что оставили нам Кароллинги Западной Европы» (т. 2, с. 5). То же самое мог бы, наверное, сказать и Лебек об эпохе Меровингов.

И тем не менее авторам удалось преодолеть неизбежный в связи с таким состоянием источниковой базы схематизм, казалось бы неизбежный при освещении этих «темных веков». Им удалось избежать односторонности во многом благодаря настойчивому стремлению к синтезу различных исторических материалов. Это поистине весь комплекс известных науке письменных источников — «История франков» Григория Турского и биография Карла Великого, написанная Эйнгардом, монастырские хроники и юридические документы, в частности, хорошо известные варварские правды,

прежде всего, конечно, «Салическая правда», описи земельных владений, литературные памятники, немногочисленное эпистолярное наследие эпохи, и вместе с тем новейшие данные археологических и антропологических изысканий.

Быт, костюм, организация церковной и королевской власти, ее материальная база, характер землевладения, происхождение средневековых обрядов, в частности, похоронный ритуал и его изменения, появление обряда королевского помазания, монастырские и государственные школы, их количество и качество преподавания в них, психология элиты и народных масс — все это и многое другое интересует авторов. В результате перед читателем разворачивается действительно широкая панорама прошлого.

Авторы склонны подчеркивать скорее преемственную связь истории франков в эпоху раннего средневековья с античными традициями, нежели выявлять в ней собственно германскую линию. Подводя итоги пройденного франкским обществом пути к 1000 г., Тейс прямо заявляет: «На исходе первого тысячелетия завершается эпоха античности, воспринятая и продленная франкской монархией» (т. 2, с. 247). В нашей исторической науке, как известно, до недавнего времени большее внимание уделялось напротив, германскому общинному быту, проблеме генезиса феодализма.

Отметим еще одну отличительную особенность книг французских ученых: они написаны

в редком для нашей историографии жанре, когда отсутствует громоздкий научный аппарат. Авторы стремятся к занимательности изложения, что, однако, отнюдь не снижает научной ценности самой исторической реконструкции. В нашей науке можно припомнить, пожалуй, один такой опыт — это четыре «Книги для чтения по истории средних веков», изданные в конце прошлого века под редакцией выдающегося русского историка П. Г. Виноградова.

Труды по истории западноевропейского средневековья, как бы популярно они не были написаны, неизбежно включают специальные термины, перемежаются цитатами на латинском языке — все это требует поистине скрупулезной работы редакторов и переводчиков. Поэтому отметим хороший профессиональный уровень данного издания. Оба тома снабжены хронологическим, именным и предметным указателями, генеалогическими таблицами, библиографией. Все это делает их хорошим подспорьем при изучении раннесредневековой истории Западной Европы и, конечно же, собственно Франции.

Предполагается, что в целом «Новая история средневековой Франции» будет состоять из шести томов. Будем надеяться, что последующие книги этой серии увидят свет в переводе на русский язык с такой же оперативностью, как и рецензируемые.

Т. Д. СЕРГЕЕВА

По страницам зарубежных журналов

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, УГНАННЫХ В ГОДЫ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИЮ

Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (Wiesbaden). 1993, N 4(41)

Заведующий кафедрой восточноевропейской истории Рурского университета в Бохуме Бернд Бонвеч, автор исследований по истории России, пишет в своей статье о судьбе советских гражданских лиц, угнанных на принудительные работы в Германию в период второй мировой войны. Это продолжение его предыдущей статьи «Советские военнопленные между Сталиным и Гитлером»¹.

Бонвеч отмечает, что, в годы войны дело не дошло ни до краха германской экономики, ни до упадка военной промышленности, а с 1942 г. она даже значительно выросла. Это стало возможно лишь благодаря массовому привлечению на принудительные работы иностранных граждан и военнопленных. В конце лета 1944 г., когда число такого рода лиц было максимальным, «иностранцев рабочих» насчитывалось 7,9 млн. человек; кроме того к работам привлекались 400 тыс. узников ко-

нцлагерей (с. 532). Это составляло более четверти всех работников, необходимых германской промышленности. В отношении евреев, использовавшихся на принудительных работах и рассматривавшихся в качестве самой низшей расы, проводился принцип «уничтожения посредством работы» (с. 533).

С осени 1941 г. начался массовый приток «русских», т. е. советских военнопленных и жителей оккупированных советских территорий. Наряду с поляками, это была «низшая категория», которую следовало использовать на принудительных и каторжных работах. Из зарегистрированных к концу лета 1944 г. иностранных рабочих подавляющее большинство составляли русские и поляки. Среди угнанных в Германию восточноевропейских рабочих около половины составляли женщины. За сексуальные контакты с представителями арийской расы советские граждане и поляки

подлежали смертной казни, а «виновные» немецкие жители заключались в концлагеря (с. 535).

За малейшие проступки русские подлежали суровейшим наказаниям. Русские, считает Бонвеч, «располагались в самом низу иерархии иностранных рабочих» (с. 536). Тяжелее всего приходилось занятым в горном деле или в производстве вооружений. Только в 1944 г. национал-социалисты поняли, что «повышение производительности труда у иностранных рабочих может быть достигнуто только при условии лучшего обращения с ними» (с. 537).

В октября 1944 г. в Москве было принято решение репатриировать всех советских граждан, находящихся вне СССР. Репатриация должна была проводиться в том числе и «вопреки воле самих репатрируемых» (с. 537). «Репатриантам,— пишет Бонвеч,— предстоял тернистый путь домой» (с. 540). Сначала они должны были пройти «проверочно-фильтрационные пункты и лагеря», причем попавшие в плен офицеры и коллаборанты получали, по сути дела, одинаковый статус. Какие-либо репрезентативные данные относительно последующей судьбы репатриантов все еще отсутствуют. Тем не менее очевидно, что многие из них подвергались в послевоенный период репрессиям.

Бонвеч обращает внимание на важную иници-

ативу общества «Мемориал», которое занялось сбором сведений о еще живых людях, бывших в фашистской неволе. К середине 1991 г. «Мемориал» получил около 400 тыс. писем, часть которых содержала описание судеб отдельных людей; к концу 1992 г. было получено еще 500 тыс. писем. Поток их вызывался желанием получить материальную компенсацию. В ФРГ были созданы для этого специальные фонды (по этому вопросу состоялся также обмен нотами между Россией и ФРГ в апреле 1993 г.). Письма людей, угнанных в Германию в годы войны могли бы стать хорошим источником для написания труда на указанную тему. Однако, как замечает Бонвеч, бывшие в неволе рабочие постепенно теряют охоту отвечать на анкеты. К тому же в России «упал общественный интерес как к судьбе восточноевропейских рабочих, так и к истории вообще», поскольку «люди целиком поглощены своими заботами по выживанию» (с. 546).

И. А. Дьяконова

Примечания

1. См. Вопросы истории, 1993, № 8, с. 182—183.

РОССИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

East European Politics and Society (Berkeley). 1993. N 2.

Ивер Неуман — сотрудник Норвежского института международных дел, в статье «Россия и ее значение в конституировании Центральной Европы» пишет о формировании и трансформации идентичности Центральной Европы. При этом он исходит из того, что современная политическая история во все большей степени определяется соотношением регионов, что предполагает растущую значимость региональной самоидентификации.

В последнее время, констатирует автор, возрастает политическая роль регионов. Об этом говорят в частности дебаты вокруг Центральной Европы и формирования ее миссии (с. 349). В культурно-историческом плане эту проблему поднял лауреат Нобелевской премии Ч. Милош еще в конце 50-х годов. Но лишь в 80-е годы начались поиски исторических, экономических и политических критериев региональной идентичности. К настоящему времени имеются разные ее трактовки применительно к Центральной Европе.

Одни исследователи утверждают, что проблема сводится к характеру отношений между национальными государствами региона, другие видят ее в некоторых текущих процессах в политике, для третьих региональная идентичность всего лишь плод дебатов. Так или иначе, но за этими дискуссиями

кроется политическая борьба вокруг приоритетов, определяющих самоидентификацию Центральной Европы: ее географическое положение, общекультурные и этнопсихологические черты, общность исторических судеб.

По мнению автора, в Центральную Европу входят Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, а в качестве субрегиона балканские страны. Они считают себя частью собственно Европы, но с конца 80-х годов к Европе тяготеет Россия и страны СНГ, которые, однако, в качестве региона отторгаются Восточной Европой как «значимый другой» регион. Это «отторжение» происходит на уровне политических программ и инициатив, а в 80-е годы шло в основном в рамках истории идей.

Венгерский историк Д. Киш утверждал, что Центральная Европа — региональное образование, которое хотя и не имеет единого центра, но связано общностью исторических судеб. Вехи его формирования: Венский конгресс, переговоры в Версале, Ялта и Потсдам, наконец, Хельсинки. Американский публицист Т. Аш полагает, что Центральная Европа — промежуточный пункт продвижения западного влияния на восток. З. Бжезинский в начале 90-х годов отмечал, что Восточная Европа опять стала принадлежать к Центральной Европе,

к каковой она фактически всегда относилась — в истории культуры и идеях философов (с. 351).

Все большую убедительность приобретает тезис, что Центральная Европа — это пояс государств между Россией и Германией, при том, что восточные границы данного региона отличаются чем-то большим нежели просто неопределенностью. Переосмысляются идеи о «Срединной Европе», об Австро-Венгрии как модели сосуществования разноязычных наций со своими религиозными и культурными традициями и т. п. Вместе с тем процесс самоидентификации предполагает и противопоставление конкретной региональной совокупности чему-то «другому» (с. 355). На роль этого «другого» и была выдвинута Россия.

В связи с этим новое звучание получают мифы о Польше, как «Христе среди наций», Чехии, как стране с «королями-философами», Венгрии с ее «гениями свободы». Эти суждения подкрепляются устремленностью указанных стран к либерально ориентированной модернизации по примеру Западной Европы. Лишь самые проницательные ученые (к примеру, чешский философ И. Свитак) считают, что протест против «советского» влияния не должен сводиться к некритическому восприятию американского образа жизни. Требуются такие концепции идентификации региона, в основе которых лежат идеи подлинного федерализма.

Примечательна в этом плане дискуссия между чешскими эмигрантами: писателем М. Кундерой и философом М. Шимечкой. Первый утверждает: Россия вовсе не враждебна Европе, просто это «инородное», «культурно-аморфное» и при этом «вечное» национально-историческое образование. Шимечка же напоминает, что начало конца центрально-европейской региональной традиции олицетворяет Гитлер, а не русские; если же брать европейскую традицию в полном ее объеме, то без русской культуры она вообще непредставима. Шимечку было предъявлено за такие мысли обвинение в панславизме.

В январе 1990 г. чешский президент В. Гавел говорил о потенциале идеи Центральной Европы как культурного целого, заключенного в некотором пространстве, охваченном политической кооперацией. После же распада СССР и на фоне развивающейся западноевропейской интеграции наблюдается какая-то растерянность в среде политических и духовных лидеров Центральной Европы, которым необходимо самоопределиться.

Региональная идентификация Центральной Европы, считает автор, всегда исходила из представления о России как о чем-то инородном в истории Европы, но это представление сейчас утрачивает свою силу.

Э. Г. Задорожнюк

ПРИЛЕТ Р. ГЕССА В АНГЛИЮ И ДЕЙСТВИЯ ЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte (München). 1994, N 1

В течение 50 лет британские документы о «миссии Гесса» хранились в строжайшем секрете; сообщалось, что это «табу» сохранится до 2018 года (!). Однако летом 1992 г. большинство текстов, связанных с прилетом 10 мая 1941 г. в Англию Р. Гесса, включая и отчеты А. Киркпатрика и Дж. О. Саймона о беседах с ним, стали доступны для исследователей. Это позволило немецкому историку, ассистенту Вюрцбургского университета Райнеру Шмидту подвести некоторые итоги разгадывания «тайны Гесса».

В центре его внимания — внешнеполитический курс и маневры английского правительства в мае — июне 1941 года. Положение Великобритании было тогда критическим. 2 мая премьер с горечью говорил А. Идену: «Мы полностью предоставлены своей судьбе» (с. 9). До «самой низкой точки, — по мнению Шмидта, — опустились отношения Лондона и Москвы». Неожиданное появление на Британских островах заместителя Гитлера по нацистской партии, по первоначальному суждению Черчилля и ряда его помощников, можно было бы использовать в пропагандистских целях как свидетельство разлада и неуверенности в Берлине. Ду-

мали побудить Гесса выступить по радио, чтобы повлиять на настроения немцев. Но в Форин офис считали, что прилет Гесса следует использовать иначе. Заместитель министра иностранных дел А. Дж. И. Кадоган, поддержанный Иденом и газетным магнатом У. М. Бивербруком, выступил против заявления, подготовлявшегося премьером. И в официальном коммюнике (12 мая), и в ответах на запросы в парламенте представители правительства нарочито затуманили суть дела, полагая, что если в Вашингтоне или Москве возникнет предположение, будто Гесс привез приемлемые предложения о мире, то тем лучше для британской политики.

Тем временем отправившийся на встречу с Гессом в Шотландию Киркпатрик должен был узнать у него о программе дальнейших действий Германии и ее замыслах в отношении СССР. Однако три встречи с Гессом ничего не дали. Гесс говорил об англо-германских отношениях, бесперспективности войны для Великобритании, о том, что хотя он и прилетел без вельфа фюрера, но готов заверить, что тот не покушается на Британскую империю — «Германская сфера интересов — в Европе». На вопрос, причисляет ли Гитлер Рос-

сию к Европе, Гесс отвечал, что к Азии, а затем пояснил, что Германия выдвинет ряд требований к СССР, которые будут удовлетворены «либо с помощью переговоров, либо в итоге войны» (с. 14). Киркпатрик пришел к выводу, что Гесс не располагает секретной информацией. Черчилль написал Ф. Д. Рузвельту: предложения Гесса сводятся к тому, чтобы англичане «отвернулись от всех наших друзей, дабы временно спасти большую часть своей шкуры» (с. 15—16).

Шмидт показывает, что Форин офис не желал правильно ориентировать свою и мировую общественность о подлинном значении миссии Гесса. Бивербрук утверждал, что нужно «как можно больше спекуляций и споров о Гессе» (с. 20). Английская и американская печать принялась публиковать «сведения», например, о предстоящей встрече Черчилля с Гессом. «The New York Times» писала, что Гесс достиг цели: Германия получает свободу рук против СССР. Был предпринят, подчеркивает Шмидт, ряд шагов, укрепивших мнения о возможном повороте в англо-германских отношениях. 22 мая последовала отставка заместителя Идена Р. Ванситтарта, известного своими антигерманскими настроениями (она была принята Иденом за 5 недель до этого!), 27 мая Иден заявил о «серьезности» миссии Гесса, а на следующий день Бивербрук уверял, что престиж Черчилля падает и «большинство» тори склоняются к «немедленному компромиссному миру» (с. 22). Эти провокационные действия дополнил отзыв посла в Москве С. Криппса (2 июня) и сообщения об отъезде сотрудников посольства и их семей из СССР и возможном разрыве англо-советских отношений (с. 24—25).

9 июня состоялся второй раунд переговоров с Гессом. Вместе с Киркпатриком их вел лорд-канцлер, а в прошлом министр иностранных дел Саймон, которого считали близким к «умиротворителям» и «мюнхенцам». Но и эта встреча ничего не дала: Гесс на вопросы о намерениях Германии отвечал невразумительно. Саймон понял, что фюрер не знал о полете Гесса, а тот вероятно решил на него потому, что надеялся укрепить свою роль в руководящих кругах Германии, пре-

поднеся им договор с Великобританией «на условиях Гитлера» (с. 28).

Дело Гесса, полагает автор, помогает понять позицию СССР в мае — июне 1941 года. Сталин исходил из того, что Гитлер не рискнет воевать на двух фронтах и попробует сначала поладить с Лондоном. Прилет Гесса в Англию и таинственность, окружавшая его пребывание там, равно как и донесения зарубежных агентов укрепили эти убеждения (или заблуждения?) Сталина. Р. Зорге 13 мая сообщал: попытка Гесса предпринята по указанию Гитлера. Майский полагал, что закулисная борьба в Великобритании продолжается и исход ее не ясен. В этих условиях, считает Шмидт, Сталин думал, что еще есть время и следует, ускоряя военные приготовления, действовать «крайне осторожно и сдержанно», чтобы до зимы не допустить столкновения с Германией. В статье указывается на ошибочность этой тактики (с. 37).

Шмидт считает разыгранный в Лондоне в связи с прилетом Гесса «сценарий» предназначенным для дезориентации Москвы и Вашингтона¹. Между тем этот спектакль был адресован Берлину. Ему давали понять, что в Британии имеются влиятельные силы, которые в случае германо-советской войны будут препятствовать эффективному сотрудничеству Англии и СССР. И это удалось. 22 июня, как заметил секретарь британского премьера Дж. Колвилл, Черчилль, Иден и американский посол Уайнант с удовлетворением встретили известие о нападении Германии на Советский Союз...

К. Б. Виноградов

Примечания

1. Бывший президент США Г. Гувер в конце мая 1941 г. приходил к выводу, что вожди британских консерваторов могут принудить Черчилля к переговорам с немцами. Рузвельт также полагал, что информация британского премьера не дает полного представления о том, что делается за кулисами, и предпринял срочные шаги, чтобы предотвратить выход Англии из войны.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСТОРИКОВ ЗА РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЕЕ МИФОВ

Open Society News (New York). Winter 1994.

Английский историк Эрик Хобсбаум в журнале, издаваемом фондом Сороса, опубликовал свою лекцию, прочитанную на открытии 1993/94 учебного года в Центральноевропейском университете в Будапеште.

Обращаясь прежде всего к студентам из стран Центральной и Восточной Европы, он отметил, что

все страны этой части континента подвергались опустошениям в результате войн, завоеваний, оккупаций. В 1917 г. было только 6 из 23 существующих ныне государств, расположенных сейчас между Триестом и Уралом (Россия, Румыния, Болгария, Албания, Греция и Турция). Несколько стран появилось после первой мировой войны, но

еще больше после 1989 года. В их числе — страны, никогда в прошлом не имевшие статуса независимых государств, или же обладавшие им очень непродолжительное время (год, два, десять или 20 лет). Некоторые из них лишь недавно вновь обрели этот статус (три балтийских государства, Беларусь, Украина, Словакия, Молдова, Словения, Хорватия, Македония и т. д.). Некоторые государства (Югославия и Чехословакия) возникли и распались в течение одной человеческой жизни.

Люди моего возраста, замечает автор, родившийся в 1917 г., например, жители Львова или Черновиц жили под властью четырех государств, не считая периодов военных оккупаций, а житель Мукачева даже при пяти режимах, если считать кратковременную автономию Подкарпатской Руси в 1938 году. Одно время, например в 1919 г., обитатели региона могли сами выбирать свое гражданство, но после второй мировой войны насильственно изгонялись или интегрировались в новые государственные образования. Поэтому, полагает Хобсбаум, для значительного числа людей, живущих в Центральной и Восточной Европе, вопрос об их происхождении или принадлежности, был и остается весьма актуальным. Почти во всех странах региона от его решения зависит правовой статус и жизненные возможности граждан, а в некоторых из них это вообще вопрос жизни и смерти.

Большую часть Центральной и Восточной Европы дипломаты и эксперты ООН относят к слабо развитым или развивающимся. По мнению Хобсбаума, люди весьма чувствительно относятся к подобным вещам. Население Любляны считает себя гораздо ближе к центру цивилизации, чем, скажем, жители Скопье.

Хобсбаум полагает, что история Центральной и Восточной Европы в XX в. это серия окончившихся неудачей попыток приспособить к своему национальному бытию ряд сменявших друг друга моделей. После 1918 г. для большинства стран региона такой моделью были западная демократия и экономический либерализм. Но она потерпела крах в 20—30-е годы. Ряд этих стран старались в той или иной степени следовать фашистской модели.

После 1945 г. ряд стран выбрал (или был вынужден сделать это) большевистскую модель, т. е. по существу модернизацию отсталой аграрной экономики посредством плановой промышленной революции. Данная модель не подходила для Чехии или ГДР, индустриально достаточно развитых, но оказалась уместной для большинства других стран региона.

Хобсбаум считает, что до определенного момента советская модель заботала лучше, чем все остальные, появившиеся после распада империй в 1918 году. Для граждан наиболее отсталых стран региона (Словакия, балканские государства) это был, вероятно, самый лучший период в их развитии. Однако их экономическая система становилась все

более негибкой, не соответствующей современным требованиям, она оказалась фактически неспособной к научно-технической революции, к тому же сказывалось подавление интеллектуальной самобытности. Стало невозможным скрывать от населения, что другие государства добились значительно большего материального прогресса, чем социалистические страны.

Теперь эти страны спешат следовать модели парламентской демократии в политике и крайним формам капитализма — в виде свободного рынка — в экономике. Но это, по мнению автора, не модель развития, а в основном реакция на то, что было прежде. Однако, в свете исторического опыта, накопленного после 1918 г., маловероятно, что данный регион (возможно с некоторыми исключениями) сумеет присоединиться к клубу передовых государств.

Народы Центральной и Восточной Европы продолжают испытывать разочарование в своем прошлом, а в значительной степени и настоящем, и неуверенность в своем будущем. Это крайне опасная ситуация, считает Хобсбаум. Этой ситуацией могут воспользоваться движения и идеологии, вдохновляемые ксенофобией, национализмом и нетерпимостью. Хобсбаум полагает, что прошлое питает, и при том весьма существенно, националистические, этнические или фундаменталистские идеологии. Если нет под рукой «подходящего» прошлого, его всегда можно выдумать.

В этой ситуации историки оказываются в неожиданной для них роли политических деятелей. «Я привык думать, — говорит Хобсбаум, — что история, как профессия, в отличие, скажем, от ядерной физики не может, по крайней мере, причинять вреда. Теперь же я знаю, что — может. Наши исследования могут превращаться в фабрики по изготовлению бомб или мин, подобно тем мастерским, в которых ИРА (Ирландская республиканская армия — А. С.) научилась превращать химические удобрения во взрывчатку». Такое положение делает историков ответственными за достоверность исторических фактов вообще и, особенно, за критику политико-идеологического извращения истории.

Некоторые из идеологий, проповедующих национальную нетерпимость, основываются на откровенной лжи, либо на вымысле. Хобсбаум подчеркивает, что этнические мифы, построенные на анахронизме или обмане, порождают идеологию, оскорбляющую историю. От греческого интеллектуала требуется сейчас немало мужества, чтобы заявить об абсурдности претензий к самоназванию нового государства — Македонии. Подобные претензии — нонсенс с точки зрения истории. Ведь не было никакого греческого государства или другого политического образования в IV в. до н. э., а империя Александра Македонского отнюдь не являлась греческим или каким другим национальным государством. Более того, современная Македония исторически представляет собою смешение различ-

ных этносов и всякая попытка идентифицировать ее по какой-то одной общности не корректна.

Эти и подобные им попытки заменить историю мифами или измышлениями, образуют существенные элементы определенной политики. История, по словам Хобсбаума, не сводится к родовой, наследственной памяти или коллективной традиции, к тому, что люди узнали от священников, учителей, авторов книг, статей и из телевизионных передач. Поэтому историкам очень важно помнить о своей ответственности, которая заключается прежде всего в том, чтобы стоять в стороне от страстей, связанных с такой политикой идентификации.

Позиция честных историков должна быть принципиальной. «Мы не можем ждать, пока сменятся поколения,— заключает Хобсбаум,— мы должны сопротивляться созданию национальных, этнических и других мифов. Это, конечно, не прибавит историкам популярности, но это не должно их пугать». В качестве примера он приводит Т. Масарика. Занявшись политикой, он не побоялся ущерба своей популярности, когда доказал, что средневековые рукописи, на которых основывались многие чешские мифы, являются подделками. Он сделал это во имя истины.

А. И. Сыч

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Стоит ли вновь возвращаться к М. Н. Покровскому?

Хотя М. Н. Покровскому посвящено множество статей, три монографии (О. Д. Соколова, А. А. Говоркова и А. А. Чернобаева) в них отсутствует характеристика психологического и нравственного облика этого историка.

Покровский был незаурядным организатором науки, прошел хорошую научную школу, будучи учеником В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова. Это был человек весьма эрудированный, блестящий оратор и полемист, что признавали его одноклассники и современники уже в дореволюционный период. Но собственно друзей у него среди соучеников и старших товарищей не было. Он был болезненно самолюбив и завистлив. Чужие успехи всегда вызывали у него чувство неудовольствия, хотя его знания и начитанность не подвергались сомнению. Его старший современник П. Н. Милюков писал о Покровском как о человеке «подающем надежды», но испытывающем вражду к «товарищам-историкам»¹. Другой современник А. А. Кизеветтер считал Покровского «человеком с эquivoками».

Во время магистерских экзаменов у него произошло столкновение с главным экзаменатором — Ключевским, после чего Покровский практически порвал с Московским университетом. Причина конфликта не выяснена, но не исключено, что она основывалась на нежелании Покровского работать в архивах². Нет ясности и со сдачей экзамена. Чернобаев и американский историк Теренс Эммонс пишут, что Покровский магистерского экзамена просто не выдержал и, как полагает Эммонс, этого-то своего провала он так никогда и не смог простить Ключевскому³.

После разрыва с университетом Покровский сосредоточился на работе в Московском Педагогическом обществе, Комиссии по организации

домашнего чтения, созданной при учебном отделе Общества распространения технических знаний (ОРТЗ) и чтении публичных лекций. Маленького роста, с пискливым голосом лектор не мог рассчитывать на свое внешнее обаяние, но этим недостаткам Покровский противопоставлял блестящий ораторский талант, великолепную форму изложения и особенно, чем он резко отличался от профессуры академической школы, своим сарказмом, «на смерть» разящим оппонентов. И не случайно он избрал себе несколько претенциозной псевдоним — «Учитель», под которым и выступал в печати.

Покровского отличал пристальный интерес к политической жизни России. Однако будучи человеком неустойчивых взглядов, он достаточно долго метался, прежде чем «прибился» к большевикам. Его позиция «отзовиста» дала основание Ленину назвать Покровского (Домова) «соглашателем». После революции 1905—1907 гг. он расходится с Лениным, примыкает к группе «Вперед», отходит от практической партийной работы, уделяя все время научной деятельности, а в 1913—1915 гг. сближается с Л. Д. Троцким. Таким образом, окончательно Покровский перешел к большевикам лишь в последние годы первой мировой войны.

Начал он свое историко-философское образование с позитивизма, а затем перешел на позиции революционного демократизма, после чего увлекся «экономическим материализмом», что подтолкнуло его к сближению с «легальными марксистами». Затем он совершил кульбит в сторону либералов, приняв участие в деятельности их печатного органа «Освобождение». И даже вступив в большевистскую партию, Покровский отдавал дань «впередовским» концепциям. Все это как-то можно было понять и попытаться объяснить, но

был ли он действительно «профессором с пикой», каким назвал его Н. И. Бухарин в «Правде» 25 октября 1928 г., в статье по случаю его юбилея? А если и «пика» эта и наличествовала, то против кого, кроме Троцкого и старой профессуры она была нацелена и насколько эффективно действовала в других областях?

Первым к бухаринскому определению за последние пять лет (1989—1994 гг.) обратился В. Н. Ильин, который положил в основу своей статьи материалы юбилейного заседания, посвященного 60-летию Покровского. «Покровский,— пишет Ильин,— позвоночный стоб всей системы, ее идеолог... Разоблачение всех и всяческих отклонений от пролетарской теории — его стихия». И прав Ильин, когда пишет, что только чувствуя за своей спиной поддержку безмолвной массы, «можно было решиться на открытую войну». То есть «пика» должна была особенно безжалостно разить тогда, когда противник был уже повержен и сломлен.

Есть все основания согласиться с мнением автора предисловия к статье Ильина К. Ф. Шаццлло, подчеркивающего значение личных качеств Покровского: «Самоуверенный человек, не желающий слушать и понимать других,... он внес в науку такую нетерпимость и такой стиль «критики на уничтожение», насаждал в ней такие нравы», что последующие судьбы советской исторической науки явились прямым следствием его деятельности. Впрочем с одним выводом Шаццлло трудно согласиться. Он утверждает, что «никто не испытывал столь крутых взлетов и столь крутых падений... как М. Н. Покровский»⁴. Между тем Покровский до конца своих дней продолжал занимать место большого сановника и блюстителя марксистского правоверия. Падение его авторитета и влияния произошло лишь после его смерти.

Судьба советских историков, выдвинувшихся в 20 — первую половину 30-х годов была неизмеримо трагичней. Практически все они, огулом причисленные к «школе Покровского», были репрессированы⁵. Само понятие «школа Покровского», появившееся в напечатанном в «Правде» официальном сообщении «В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)» от 27 января 1936 г., конечно, не было научной дефиницией. Это был броский, запоминающийся ярлык, удобный для очередной политической кампании и шельмования неугодных. К вредительской «школе» не возбранялось причислять любого, кто оказался «врагом народа», даже если он не имел никакого отношения к Покровскому.

С конца 20-х годов, опасаясь того, что его положение пошатнется, Покровский начинает менять тактику. Если раньше он более или менее, но все же достаточно сдержанно относился к историкам старшего поколения, оставшимся после установления советской власти на родине (единственное исключение, пожалуй, составляет Е. В. Тарле, которого Покровский сильно недолюбливал за его талант), то теперь его позиция меняется. И, видимо,

прав американский ученый Д. Энтин, что «двигало Покровским... желание получить от Сталина продление мандата»⁶. Он не забыл, что Сталин не очень поддерживал его назначение в Наркомпрос, а затем вообще не слишком жаловал, хотя и знал о полемике Покровского с Троцким. Чтобы показать свою преданность «вождю народов», Покровский клеймит «шахтинцев», разворачивает кампанию против «буржуазных историков в СССР», резко критикует аграрников и философов за «идеализм». Важной вехой в его эволюции были статьи «Классовая борьба на идеологическом фронте».

Энтин считает, что 1928 г. стал «переломным» для Покровского. Вряд ли это справедливо. Получив в свое время индульгенцию от Ленина, Покровский не хотел лишаться ее и при Сталине. В 1929 г. он выступает с призывом: «Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства с наукой буржуазной изжит до конца»⁷. Именно в это время происходит процесс «Промпартии» и «Академическое дело». Если в первом из них из историков упоминался лишь Тарле, то во второе было втянуто более 150 историков, архивистов, краеведов, библиотекарей и других лиц, как-то причастных к исторической науке⁸.

Покровский в это время был уже тяжело болен (рак мочевого пузыря), но продолжал пристально следить за ходом «дела» историков, начавшегося в 1929 году. На XVI съезде ВКП(б) (июль 1930 г.) Покровский, следуя сталинской установке, в своем выступлении, начав с изничтожения Троцкого, договорился до того, что появление Сталина на конференции аграрников-марксистов объявил «эпохой» в истории партии. «Исходя из того, что говорил т. Сталин,— заявил Покровский,— нам пришлось пересмотреть все свои планы и переставить их в том направлении, в каком говорил т. Сталин. Правда эта работа пока не окончена. Но выступление т. Сталина дало громадный толчок в нашей работе»⁹. «Толчок» этот весьма конкретно проявился в «Академическом деле».

Автор наиболее фундаментальной среди новых работ о Покровском А. А. Чернобаев, признавая, что в ряде случаев тот ошибался и что ему не всегда «хватало политической четкости и осторожности» по отношению к старым специалистам, а также, что ему не удалось избежать догматизма и начетничества, все же утверждает, что все это не лишало его права называться «советским Карамзиным»¹⁰ (кстати, само это выражение автор позаимствовал у историка-эмигранта И. В. Вишняка, который применял его конечно иронически¹¹). Не соответствуют истине и такие эпитеты и определения, данные Чернобаевым Покровскому, как — «такт», «принципиальность», «честность самого высокого порядка», «отсутствие нетерпимости к инакомыслию».

Чернобаев пишет: «Своим девизом Михаил Николаевич избрал формулу: *Primo lex historiae ne*

quid falsi dicat (первый закон истории — не говори ничего ложного — (лат.)¹². Но в действительности Покровский жил, особенно на последнем этапе, следуя совсем иным принципам. Люди, общавшиеся с ним, в большинстве своем его недолюбливали. Историк и краевед Н. П. Анциферов, взятый по «Академическому делу», и сидевший в 1930 г. в «Крестах», вспоминал, как С. В. Бахрушин рассказывал ему «много интересного о нашем деле. В основе его лежали разговоры в квартире С. Ф. Платонова, в которых высказывались суждения касательно политики партии и правительства, особенно доставалось проф. Покровскому, которого очень не любили и называли «гносом»¹³.

Находясь в очень близких (еще с дореволюционного времени) отношениях с председателем ОГПУ В. Р. Менжинским, Покровский знакомился со всеми материалами «дела» и был прекрасно в них ориентирован. Не приходится удивляться, что многие арестованные историки, не имевшие никакого отношения к обвинениям, им инкриминируемым, обращались за помощью именно к нему, как главе советской исторической науки. Среди них был и Тарле, сосланный в Алма-Ату, откуда он и обратился за содействием к Покровскому. В середине сентября 1931 г. от Покровского был получен ответ:

«Когда Вы писали Ваше письмо, Евгений Викторович, Вы, очевидно, не знали, что я читал Ваши показания (добытые хорошо известным теперь способом.— В.Д.) в оригинале и что передо мною, просто как перед историком, стоит такая дилемма: или Вы психически расстроены... или Ваше пребывание в Алма-Ате свидетельствует только о необыкновенной мягкости советской власти: если Вы были бы французским гражданином и спрашивали все, о чем Вы рассказываете в Ваших показаниях по отношению к Франции, Вы были бы теперь на Чертовом острове» (месте ссылки также по фальсифицированному процессу капитана французского генштаба А. Дрейфуса.— В.Д.). «Заклученные в Соловках — лицемерно продолжал Покровский, — занимаются научно-исследовательской работой и исследования их печатаются... Кроме того... не могу дать ответа, не посоветовавшись с кем следует» (!)

Несколько позднее, 29 сентября 1932 г. Покровский писал в секретный отдел ОГПУ (составительница публикации А. В. Есина нашедшая в архиве только первый экземпляр письма, не подписанный Покровским, считает, что, возможно,

письмо это не было отправлено, но сам факт его написания и содержание письма достаточно красноречивы). В письме этом говорится: «Время от времени ко мне поступают письма историков, интeрнированных в различных областях Союза. Так как эти письма могут представить интерес для ОГПУ, мне же они совершенно не нужны, пересылаю их Вам»¹⁴. Эти слова раскрывают нравственный облик человека, стоявшего в течение 15 лет у «руля» советской исторической науки.

В. А. Дунаевский

Примечания

1. МИЛЮКОВ П. Величие и падение М. Н. Покровского.— Современные записки (Париж), 1937, т. 65, с. 371. (Вопросы истории, 1993, № 4, с. 116)
2. КИЗЕВЕТТЕР А. А. На рубеже двух столетий. (Воспоминания. 1881—1914). Париж. 1929, с. 284, 285.
3. ЭММОНС Т. Ключевский и его ученики.— Вопросы истории, 1990, № 10, с. 56.
4. ИЛЬИН В. Н. Апофеоз профессора с пикой.— Народное образование. 1990, № 1.
5. АРТИЗОВ А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов).— Вопросы истории, 1994, № 7.
6. ЭНТИН Д. Спор о Покровском продолжается.— Вопросы истории, 1989, № 5, с. 159.
7. Цит. по «Последние новости» (Париж), 5.XII.1929.
8. См. Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб. 1993.
9. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М.-Л. 1930, с. 38, 248.
10. ЧЕРНОБАЕВ А. А. «Профессор с пикой» или Три жизни историка М. Н. Покровского. М. 1992, с. 149, 162.
11. ВИШНЯК М. /В/. Пятый год.— Современные записки (Париж). 1930. Т. 94, с. 367, 398.
12. ЧЕРНОБАЕВ А. А. «Профессор с пикой», с. 11.
13. АНЦИФЕРОВ Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М. 1992, с. 368.
14. «Мне они совершенно не нужны» (Семь писем из личного архива академика М. Н. Покровского).— Вестник РАН, 1992, № 6, с. 198—109. 111.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February—March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: M. A. Cheshkov. The World Integrity and Its History. E. A. Melnikova, V. Ja. Petrukhin. The Legend about «The Call for Varjags» and the Beginning of an Ancient Russian Historiography. Historical Profiles: N. A. Rabkina. Konstantin Petrovich Pobedonostsev. Reminiscences: Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. To the Help of History Teachers and Students: History and Culture of Peoples of Asia, Africa and Latin America. History and Fates: A. I. Denikin. The Essays of the Troubled Time in Russia. Communications: G. P. Dragunov. The Soviet Prisoners of War, Interned in Switzerland. R. Barns. The Social Psychology in the USA and the USSR During the 20s — 30s Years and the Theory of Consumption. People. Facts. Events. V. E. Jurovskij. The Architect of Currency Reform in 1922—1924. I. P. Medvedev. The Russian Princess on the Byzantine Throne. Historiography: Reviews on Books: V. J. Buganov. A. I. Klibanov, as a Historian of Russian Social Thinking. The History of Modern Time of the Countries in Europe and America. 1945—1990; R. Sakwa. Russian Politics and Society. Lnd. N. Y. A. Ju. Salomatin, A. N. Andreev. The Essays of History and Theory of Business (An Economic History in Figures and Persons); M. Waldenberg. Kwestie narodowe w Europie Środkomo—Wschodniej (Warszawa). The Modern History of Medieval France. Volumes 1—2. On the Pages of Foreign Journals. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 2, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 14.12.94. Подписано в печать 21.02.95. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,56. Тираж 13000. Заказ № 364. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.